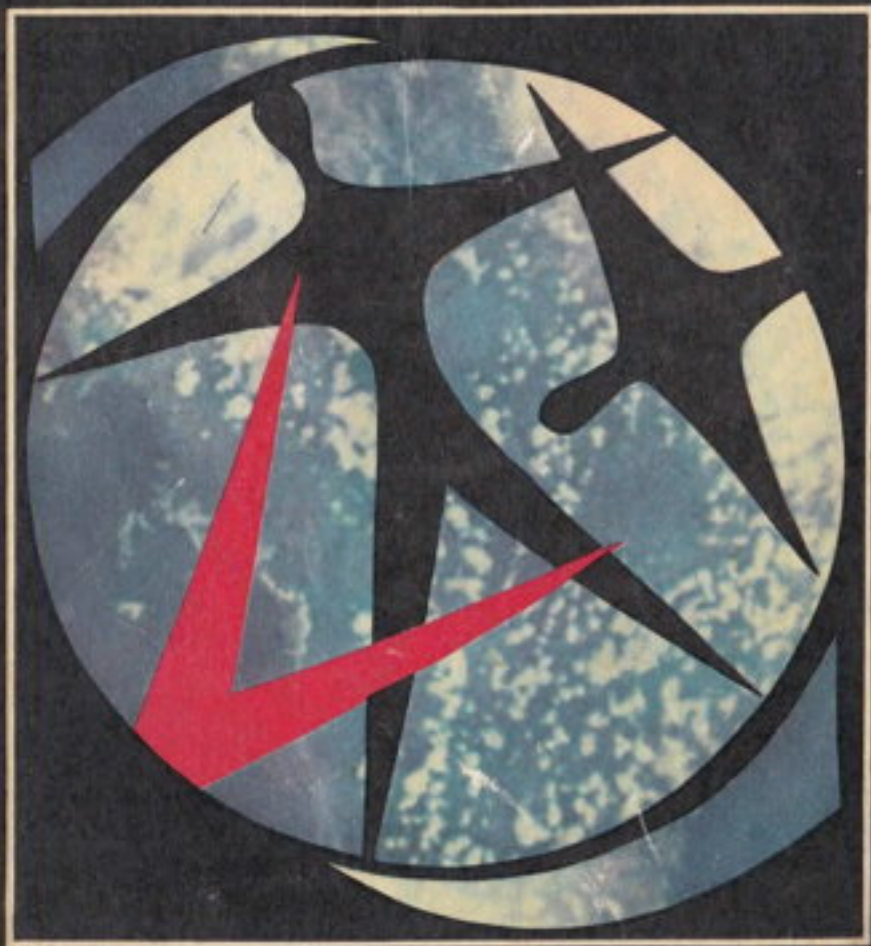

СВАНТАСТИКА

Издательство ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“ 1963

Сборник

СДАНА ТАКТІКА 1967

Составитель
Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Художник
А. ГАНГАЛЮКА

Редактор
Г. ЕРЕМИН

Альтов Генрих
Балабуха Андрей
Булычев Кирилл
Войсунский Евгений,
Лукодянов Исai
Гансовский Север
Горбовский Александр
Евдокимов Александр
Жемайтис Сергей
Зубков Борис,
Муслин Евгений
Клименко Михаил
Михановский Владимир
Немченко Лариса,
Немченко Михаил
Платонов Андрей
Пугов Михаил
Розанова Лилиана
Савченко Владимир
Сапожников Леонид
Скайлис Андрей
Сошинская Кира
Филановский Григорий
Фирсов Владимир
Щербаков Владимир
Яров Ромэн

Москва, Баку, Киев, Ленин-
град, Рига, Свердловск, Харь-
ков, Челябинск

Р2
Ф22
7—3—2

Только что мы отпраздновали пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Целых пятьдесят лет теперь за плечами и у большой советской литературы и у полноправной части ее — советской научной фантастики. Вполне отдавая себе отчет в том, что фантастика еще не сумела достичь высот, завоеванных другими жанрами большой советской литературы, мы, ее поклонники, гордимся, что во всем мире сегодня переводятся книги не только Горького, Шолохова, Паустовского, Леонова, но и Беляева, Ефремова, братьев Стругацких, Днепров и многих других.

Советская фантастика служит нашему общему делу — борьбе за построение коммунизма.

Важность фантастики сейчас вряд ли нужно доказывать.

И не зря Владимир Ильич Ленин предлагал тему научно-фантастического романа одному из первых русских фантастов, ученому и революционеру А. А. Богданову.

Марксизм-ленинизм вооружил советских фантастов своим методом познания действительности, он помогает им видеть возможные пути развития общества. Советская власть широко поддержала научную, социальную фантастику в первые же годы своего существования. О конкретных примерах этого легко судить по ошеломляющему

своей значимостью списку вышедших в то время рассказов, повестей, романов, стихов, фильмов (вы найдете этот список в конце сборника).

Последнее десятилетие стало временем нового расцвета советской научно-фантастической литературы. Не чураясь родства и соседства с другими жанрами, она все четче выделяется собственным «лицом не общим выраженьем».

Вы, наверное, заметили, что в фантастических произведениях последнего времени стало гораздо меньше шпионов. И одновременно среди героев советской фантастики становится все меньше людей с экзотически-иностранными именами и фамилиями. Все чаще основное действие произведений наших фантастов развивается теперь на родной земле, которую авторы наверняка знают несравненно лучше, чем землю чужую. А уж если писатели и обращаются к тому, что на языке редакторов называется иностранным материалом, то, как правило, для решения серьезных, а не надуманных проблем, не потому только, что за границей, мол, все возможно. В большинстве своем фантасты поняли, что их произведения могут и должны быть интересными и без помощи детектива или пышной экзотики далеких стран.

Зато все шире круг социальных и научных вопросов, занимающих наших фантастов, все серьезнее и новее проблемы, за разрешение которых они берутся.

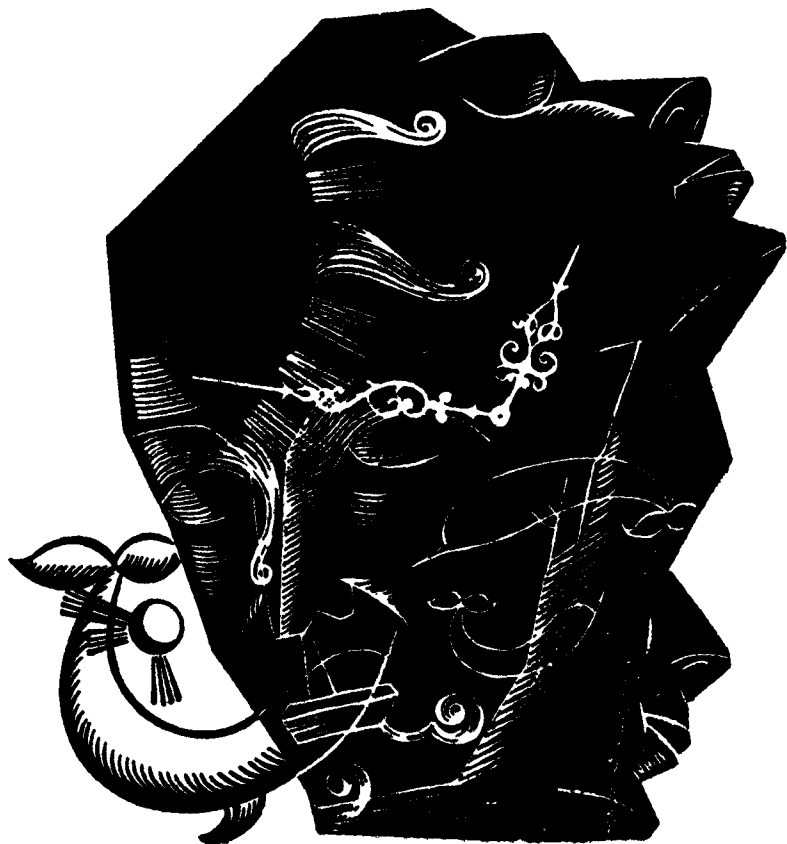
В какой-то мере, как нам кажется, эти тенденции отражает и содержание сборника, который сейчас лежит перед вами.

* * *

Из двадцати шести писателей, чье творчество представлено здесь, шестнадцать впервые печатаются на страницах нашего альманаха, а шестеро вообще впервые пробуют себя в жанре фантастики. А для четверых — ленинградца А. Балабухи, челябинца М. Клименко, москвича М. Пухова и киевлянина Л. Сапожникова — это первый дебют в литературе вообще.

Пусть
случится!

I

В произведениях, объединенных здесь, писатели говорят о великих возможностях человека нынешнего дня и показывают добрый и прекрасный мир будущего. Они воспевают власть человека над собой и планетой, славят прекрасное грядущее человечества. Но предупреждают: никогда не будет на земле ленивого покоя и сонной благодати, люди рождены, чтобы решать проблемы и бороться.

Г. Альтов — один из известных советских фантастов. Рассказ «Создан для бури» интересен не только фантастическими идеями, но и широтой охвата философских проблем.

Е. Войскунский и И. Лукодянов в печатающемся здесь отрывке из повести «Плеск звездных морей» выступают, пожалуй, как утописты. Перед нами проходят картины будущего — прекрасного не только благодаря высокой технике и научному могуществу человека, но прежде всего потому, что люди будущего близки друг другу. Одна мысль о том, что условия планеты Венеры могут делать ее поселенцев равнодушными, вызывает среди них панику. Равнодушные к другим — вот чего больше всего боятся эти люди XXI века!

Выбор между долголетием и делом жизни может стоять перед человеком и в будущем — утверждают в своем рассказе «Двери»

Л. и М. Немченко. Только решаться он будет совсем по-другому. Но лучшие будут, как и в наше время, выбирать дело жизни. Фантасты Л. и М. Немченко — из Свердловска, там же вышла первая их фантастическая книга. Писатель С. Жемайтис до сих пор выступал в основном в жанре приключенческой литературы. «Рассказ для детей» — отрывок из его первой научно-фантастической повести. Вот она, современная сказка!

Л. Розанова — кандидат биологических наук, автор хорошей книги вовсе не фантастических рассказов. В двух историях о Евгении Баранцеве остроумные фантастические идеи отнюдь не самоцель. Прошлое в человеке не выдерживает испытания при встрече даже с вещью, появившейся из будущего, — вот смысл рассказа «Весна — лето 2975 года». А прочитав рассказ «Предсказатель прошлого», поневоле задумаешься: сколько в твоей жизни было моментов, способных повернуть ее совсем по-другому? И правильно ли ты сделал, что миновал эти повороты? Фантастика Розановой прежде всего заставляет читателя внимательнее присмотреться к самому себе.

Несколько произведений В. Фирсова уже знакомо вам по альманахам и журналам. Наверное, всем окажется близка идея его рассказа «Только один час». Людям свойственно чувство благодарности. А будущее будет чувствовать себя в долгу перед теми, кто его создал, перед людьми настоящего и прошлого. Оно захочет отдать им свой долг. И — может быть! — окажется в состоянии это сделать.

Рассказ киевского педагога и писателя Г. Филиановского «Чистильщик» можно было бы, пожалуй, назвать и юмористическим. Но гораздо сильнее все же его лирический настрой. Не только человечество будущего сможет совершить многое — каждый отдельный человек получит от общества колоссальные творческие возможности. Светло и чисто в мире, созданном на страницах этого рассказа. В нем хотелось бы побывать...

И это же можно сказать о нелепом, но добром мире рассказа «Как начинаются наводнения» московского ученого, кандидата исторических наук Кир. Булычева. Пусть меняются местами река и небо, причины и следствия, но добро и зло никогда местами не поменяются — добро победит...

создан для бури

Генрих Альтов

Истинная цель человеческого прогресса — это чтобы люди вырвали у природы (и прежде всего у той части природы, которая управляет их собственным организмом) то, что им странным образом недоступно и от них скрыто. Победить свое незнание — вот, по моему мнению, единственное и истинное назначение людей, как существ одаренных способностью мыслить.

Веркор

— Э то и есть наш корабль, — сказал Осоргин-старший. — Мы тут посоветались и дали ему хорошее имя — «Гром и молния». Вот эта, нижняя, часть — «Гром», а планер — «Молния». Значит, в совокупности «Гром и молния». Если конечно, вы не возражаете. Как заказчик.

«Гром и молния», — подумал я, — гром и молния, пятнадцать человек на сундук мертвеца,

а также сто тысяч чертей» Похоже, это сооружение никогда не сдвинется с места. Корабль без двигателя. Овальная платформа, выкрашенная пронзительной желтой краской. На платформе — обыкновенный планер. Малиновый планер на желтом диске. И все».

Я ответил машинально:

— Не возражаю. Отчего же мне возражать...

«Горит мой эксперимент! — вот о чем я думал. — Горит самым натуральным образом».

— Очень удачное название, — подтвердил вежливый Каплинский. — Звучное. В таком... э... морском стиле.

Осоргин-старший одобрительно взглянул на него.

— Вы тоже со студии? — спросил он.

Я быстро ответил за Каплинского:

— Да, конечно. Михаил Семенович тоже работает для этого фильма.

Похоже, это полный крах. А ведь они внушали такое доверие: этот Осоргин-старший с его прекрасной адмиралмакаровской бородой и Осоргин-младший с такими интеллектуальными манерами.

— А вы все худеете, — благожелательно сказал Осоргин-старший. — Ну ничего, здесь отдохнете. Здесь у нас хорошо, спокойно. Вам бы с дороги искупаться. А потом соответственно закусить. Видите палатку? Там мы вас обоих и устроим. Поутру,

если трасса будет свободна, махнем на тот бережок. — Он вдруг рассмеялся. — Ребята думали, вы придете со всем хозяйством, ну, с аппаратами и, это... с кинозвездами. А вы вдвоем... Без кинозвезд, — вот что огорчительно... Так вы купайтесь.

Увязая в белом песке, мы бредем к заливчику, и Каплинский восторженно взмахивает руками.

— А ведь здесь и в самом деле хорошо, — говорит он. — Просто здорово, что вы меня сюда вытащили! Пять лет не был на Черном море.

— Это Каспийское море, Михаил Семенович, — терпеливо поясню я. — Каспийское. Понт Хазарский, как говорили в старину.

Сняв очки, Каплинский удивленно смотрит на волны.

— Никогда здесь не был, не приходилось, — говорит он. — Э, да все равно! Понт как понт. Давайте окунемся, а? Меня, кажется, опять немного искрит...

«Сумасшедший дом, такой небольшой, но хорошо организованный сумасшедший дом! Каплинского то и дело искрит. Все-таки хорошо, что я не оставил Каплинского в Москве!..»

Купаться мне совсем не хочется. Наскоро окунувшись, я выбираюсь на берег и валюсь в раскаленный песок.

Отсюда хорошо видна суeta вокруг «Грома и молнии». Шесть человек легко поднимают желтомалиновое сооружение. Даже на

воду «Гром и молния» спускается как-то несерьезно, на нелепой тележке. А если прямо спросить: почему нет двигателя? Планер в конце концов вместо кабины. Допустим, он еще нужен для управления. А двигаться должен диск. Но с какой стати он будет двигаться? С какой стати этот диск даст шестьсот километров в час?..

Нет, спрашивать нельзя. Это нарушит чистоту эксперимента. Если Осоргин захочет, он объяснит сам. А пока лучше думать о другом...

Воскресенье, полдень Что сейчас делает Васса? Васса, Васька...

Мы собирались на два дня в Батулин, полазить по развалинам, — это очередное ее увлечение. Июль, вон как припекает солнце... Наши квартиры — в одном подъезде. Когда-то я, степенный десятиклассник, водил Ваську в школу, в третий класс, и слушал ее рассуждения о жизни. Жить, говорила Васька, стоит только до двадцати трех лет, потом наступает старость, а она лично не собирается быть старухой. «Видишь ли, — снисходительно говорила Васька, — такая уж у меня программа». Теперь ей оставался год до старости. и, если бы мы поехали в Батулин, я поговорил бы о программе. «Послушай, Васька, — сказал бы я мужественно и грубовато, как принято у героев ее обожаемого журнала «Юность». — Послушай, Васька, приближается ста-

рость, такое вот дело. давай уж коротать век вдвоем...»

Сейчас «Гром и молния» упадет с тележки, ну что за порядки, черт побери!

Осоргин бегаёт, кричит, машет руками. В Москве Осоргин-старший выглядел чрезвычайно внушительно. Здесь же он похож на старого азартного рыбака: без рубашки, босой, в подвернутых до колен парусиновых штанах.

Шестьсот километров в час — и без двигателя. Мистика! Но ведь Осоргин на что-то рассчитывает!

Сзади слышен шум. Каплинский, пофыркивая, выбирается из воды.

— Как вы думаете, Михаил Семенович, — спрашиваю я, — почему на этом корабле нет двигателя?

— Все хорошо, — невпопад отвечает Каплинский. — Да, да, все так и должно быть.

Я оборачиваюсь и внимательно смотрю на него. Он стоит передо мной — кругленький, розовощекий, в мешковатых, чуть ли не до колен, трусах -- и виновато улыбается, щуря близорукие глаза. Бывший маменькин сынок.

— Все правильно, — говорит Каплинский. — Знаете, я могу не дышать под водой. Сколько угодно могу не дышать. Да. Непривычно все-таки. Хотите, я вам покажу?

* * *

Когда-то я тоже был маменькиным сыночком — таким тихим.

книжным мальчиком. Отца я видел не часто: он искал нефть в Сибири. Мать работала в библиотеке; я должен был приходить туда сразу же после уроков. Считалось, что там мне спокойнее заниматься. И вообще там со мной ничего не могло случиться.

Библиотека принадлежала учреждению, ведавшему делами нефти и химии. Время от времени учреждение делилось на два учреждения: отдельно — нефти и отдельно — химии. Тогда начиналось, как говорила мать, «движение». Библиотеку закрывали и тоже делили. Столы в читальном зале сдвигали к стенам, на полу раскладывали старые газеты и сооружали из книжных связок две горы. Вершины гор поднимались куда-то в невероятную высь, к самому потолку. По комнатам, жалобно поскрипывая, бродили опустевшие стеллажи. Только кадка со старым неинвентарным фикусом сохраняла величественное спокойствие. В периоды разделения кадка служила пограничным столбом между нефтью и химией. Впрочем, к границе относились несерьезно, поскольку все знали, что через год или два непременно произойдет очередное «движение».

Но вообще библиотека была тишайшим местом. Здесь со мной действительно ничего не могло случиться. И не случилось. Просто я стал читать раз в пять (а может, и в десять) больше, чем следовало бы.

Я ходил в библиотеку девять лет — со второго класса. Библиотека была научно-техническая, и в книгах я смотрел только картинки. Когда это надоело, я потихоньку удирал к дальним стеллажам и играл в восхождение на Эверест.

Не так легко было забраться на четырнадцатую, самую верхнюю, полку. Я штурмовал угрожающе раскачивающийся стеллаж, поднимался до восьмой и даже до девятой полки, и тут стеллаж начинал вытворять такое, что я едва успевал спрыгнуть.

В те годы мне часто снилась четырнадцатая полка: я лез к ней, падал и снова лез... Надо было добраться до нее, чтобы доказать себе, что я это могу. В конце концов я добрался и поверил в себя, просто несокрушимо поверил.

Восхождения вскоре пришлось прекратить: слишком уж подозрительно стали потрескивать подо мной полки. Но к этому времени я знал все книги в библиотеке — по внешнему виду, конечно. Если что-то упорно не отыскивалось, обращались ко мне.

Сейчас у меня первый разряд по альпинизму. Да и со штангой я неплохо работаю: пригодилась практика, полученная при «движениях», когда надо было перетаскивать книги и переставлять стеллажи.

Первую книгу я читал всю зиму. Это был внушительный том в коректном темно-сером пере-

плете, напоминавшем добротный старинный сюртук. Книга называлась многообещающе — «Чудеса техники». Надпись на титульном листе гласила: «Общедоступное изложение, поясняемое интересными примерами, описанными не техническим языком». И ниже: «Со многими рисунками в тексте и отдельными иллюстрациями, черными и раскрашенными». Вообще титульный лист был испещрен странными и даже таинственными надписями в таком примерно духе: «Одесса, 1909 год. Типография А. О. Левинтов-Шломана. Под фирмою «Вестник виноделия». Большая Арнаутская, 38». Подумать только — 1909 год! Этот А. О. Левинтов-Шломан представлялся мне отчасти похожим на Менделеева, отчасти на Льва Толстого (их портреты висели в библиотеке), и я огорчился, узнав впоследствии, что А. О. основывает акционерное общество.

В книге было много портретов — великолепных портретов благообразных стариков, сотворивших все чудеса техники. Старики имели прекрасные волнистые бороды и гордо смотрели вдаль. Черные и раскрашенные картинки изображали технические чудеса: воздушные шары, пароходы, керосинки, трамваи, электрические лампы, аэропланы.

Не знаю, возможно, книги по истории вообще должны быть старыми, с пожелтевшими от времени страницами. Пирамиды и гладиаторы в моем новеньком учеб-

нике выглядели как-то неубедительно, в них совсем не ощущалось возраста. Гладиаторы, например, походили на жизнерадостных парней с обложки журнала «Легкая атлетика». Совсем иначе было, когда я открывал «Чудеса техники» и, осторожно приподняв лист шуршащей папиросной бумаги, рассматривал, скажем, «На железодельном заводе. С картины Ад. Менцеля», или «Особой силы нефтяной фонтан Горного товарищества, имевший место в сентябре 1887 года. По фотографии».

Как-то при очередном «движении» «Чудеса техники» были списаны вместе с другими устаревшими книгами. Я взял «Чудеса» себе, потому что собирал марки, посвященные истории техники. А может быть, наоборот: книга и навела меня на мысль собирать эти марки.

— Умные люди, — сказала однажды мать, — подсчитали, что человек в течение жизни одолевает три тысячи книг. А ты за год прочитал тысячу. Ужас! Посмотри на себя в зеркало. Ты худеешь с каждым днем.

— Умные люди, — возразил я, — подсчитали также, что тот человек живет в среднем на восемь лет дольше толстого.

(С той поры прошло изрядно времени, но ни разу мне не сказали, что я поправился. Всегда говорят: «А вы что-то похудели». Загадка природы! Если наблюдения верны, у меня должен быть

уже солидный отрицательный вес.)

— Ты доиграешься.. — предупредила мать. — Нельзя так много читать.

Она была права. Я доигрался...

* * *

Есть испанское выражение «день судьбы». День, который определяет жизненный путь человека. Для меня этот день наступил, когда я добыл редкую швейцарскую марку с изображением старинного телескопа. Надпись на марке была непонятна, и, естественно, я обратился к «Чудесам техники». День судьбы: я вдруг совсем иначе увидел читанные-перчитанные страницы.

Очки и линзы применялись за триста лет до появления телескопа. А первый телескоп представлял собой, в сущности, простую комбинацию двух линз. Труба и две линзы — только и всего! Даже просто палка, элементарная палка с двумя приделанными к ней линзами.

Почему же за три столетия — за долгих триста лет! — никто не догадался взять двояковыпуклую линзу и посмотреть на нее через другую линзу, двояковогнутую?!

Открытия, сделанные благодаря телескопу, тысячами нитей связаны с развитием математики, физики, химии. От гелия, обнаруженного сначала на Солнце, гянется цепочка открытий к радиоактивности, атомной физике, ядерной энергии...

От этой мысли мне стало жарко.

«Спокойствие, сохраним спокойствие», — сказал я себе и пошел искать мороженое. Но не так-то просто было сохранить спокойствие; кто бы мог подумать, что величественные старцы из «Чудес техники» творили чудеса с опозданием на сотни лет! Вся история науки и техники выглядела бы иначе, появивсь телескоп на двести или триста лет раньше.

Да что там история науки и техники! Изменилась бы история человечества. Ведь именно телескоп открыл людям необъятную вселенную с ее бесчисленными мирами. В тот момент, когда кто-то впервые взял две линзы и посмотрел сквозь них на небо, был подписан приговор религии, началась новая эпоха человеческой мысли, колесо истории закрутилось быстрее, намного быстрее!

И тут я испугался.

Потрясающая идея держалась только на одном факте. Идея была подобна воздушному шару, привязанному к тонкой ниточке. Шар вот-вот улетит, это будет горе, потому что тяжело и даже страшно потерять такую изумительную вещь.

Я забыл о мороженом.

Вернувшись в библиотеку, я отобрал десятка полтора книг по астрономии. Да, день судьбы: в первой же книге я прочитал, что менисковый телескоп, изобретенный в двадцатом веке, тоже мог появиться на двести-триста

лет раньше. Астрономическая оптика, писал изобретатель менисковых телескопов Максудов, могла пойти по совершенно иному пути еще во времена Декарта и Ньютона...

Несколько дней я жил как во сне. Все предметы вокруг меня приобрели особый, загадочный смысл.

Подумать только: триста лет люди держали в руках обыкновенные линзы — и не понимали, не чувствовали, что это ключ к величайшим открытиям!

Сейчас на моем столе лампа, моток проволоки, пластмассовый шарик, транзисторный приемник, резинка. Обыкновенные вещи. Но кто знает: а вдруг из этого можно сделать нечто такое, что должно появиться лет через двести-триста?..

Так возникла идея опыта.

* * *

В моем случае довольно точно сработал «закон Блэккетта», по которому реализация любого проекта требует в 3,14 раза больше времени, чем предполагалось вначале. Когда-то я рассчитывал на три года: казалось, этот срок учитывает все непредвиденные трудности. Понадобилось, однако, девять лет, чтобы приступить к опыту; и теперь я знаю, что мне еще крупно повезло.

Было же такое идиллическое время, когда экспериментатор покупал кроликов на рынке. Завиду! Я собирался экспериментиро-

вать над наукой — это не кролик. Девять лет, конечно, не пропали: я до мельчайших деталей разработал тактику опыта.

Девять плюс семь на окончание школы и университета. Я думал об опыте еще в то время, когда слова «наука о науке», «научная организация науки» были пустым звуком. Мне даже казалось, что я первым понял необходимость науковедения. Тут я, конечно, ошибался: термин «наука о науке» появился в тридцатые годы. Не было только профессиональных науковедов. Всего-навсего. Но спрашивается: куда пойти после школы, если науковедческих институтов нет, а я твердо знаю, что науковедение мое призвание?.. Одно время я подумывал о психологическом факультете ЛГУ. Психология ученых — это уже близко к науковедению. Потом я решил, что основы психологии можно освоить за год, а специальные разделы пока не нужны.

Я окончил механико-математический факультет — и, кажется, не ошибся: математика облегчает понимание других наук. Худо было после университета. Науковедение еще не считалось специальностью, я переходил с места на место, что совсем не способствовало укреплению моей репутации. Временами я соглашался с Васькой: сложно жить после двадцати трех лет. Не мог же я каждому втолковывать, что возникает новая отрасль знания и мне просто необходимо покопаться в большом механизме

науки, самому увидеть — что и как.

Забавны были науковедческие конференции тех лет. Собирались мальчишки и несколько корифеев, оставшихся в душе мальчишками. Сolidные ученые среднего возраста отсутствовали. На кафедру поднимались мальчишки и читали ошеломляющие доклады. Корреспонденты неуверенно щелкали «блицами»: как быть, если человек, выступивший с докладом «Методология экспериментов над наукой», работает младшим научным сотрудником в каком-то второстепенном гидротехническом институте?..

Еще не было ни одной науковедческой лаборатории. Мы составляли, применяя термин Прайса, «незримый коллектив». Мы работали в разных городах, но поддерживали постоянные контакты и вели совместные исследования. Что ж, у «незримого коллектива» есть и свои преимущества. В нем не удерживаются дураки и карьеристы.

Так продолжалось почти шесть лет. У себя на службе я был рядовым сотрудником, но, когда кончался рабочий день, я шел в незримую лабораторию своего незримого института — и тут все было иначе...

Ну, а потом организовали первую науковедческую группу. Мы собрались в пяти пустых комнатах, из которых только что выехало какое-то учреждение, оставившее на стенах плакаты по технике

безопасности: «Сметай только щеткой» (стружку), «Отключи, затем меняй» (сверло) и «Осмотри, потом включай» (станок). Плакаты привели в умиление нашего шефа. Он распорядился не снимать их, в результате чего мобилизующие призывы прочно вошли в наш жаргон. Когда я впервые изложил шефу идею своего опыта, он фыркнул и коротко сказал: «Сметай щеткой!»

Это было азартное время. Чертовски интересно, когда на твоих глазах возникает новая наука! Кажется, что держишь в руках волшебную палочку. Новые методы на первых порах почти всемогущи. Взмахнул палочкой — и стали ясными связи между отдаленными явлениями. Взмахнул еще раз — и рассеялся словесный туман, прикрывающий незнание.

Мы работали как черти, потому что появилась еще одна науковедческая группа, а шеф прекрасно умел подогревать спортивные страсти. Он называл того шефа — «кардиналом», его сотрудников — «гвардейцами кардинала», нас — «мушкетерами». Клянусь, этот нехитрый прием повышал энтузиазм процентов на двадцать, не меньше!

Однажды я спросил: какие мы мушкетеры — из какого тома. Шеф мгновенно сообразил, в чем дело, и елейным голосом заверил, что мы, разумеется, из «Трех мушкетеров» — молодые и почти бескорыстные.

— Надобно различать два типа

молодых ученых, — наставительно сказал шеф. — Для одних идеалом является эдакий душка от науки: молодой и удачливый профессор, всеми признанный, доктор наук в двадцать шесть или двадцать восемь лет. А для других — тоже молодой, но непризнанный Циолковский. «Гвардейцы кардинала» все хотят быть молодыми профессорами. И будут. Он таких подобрал... благополучных.

Вероятно, это тоже входило в программу подогревания нашего энтузиазма.

— А как мой опыт? — спросил я.

— Со временем, — быстро ответил шеф. — Ибо сказано: «Осмотри, потом включай».

Я напомнил, что мушкетеры иногда обходились без разрешения начальства. Шеф пожал плечами.

— Между прочим, вы совсем не мушкетер. Вот Д. и Н. — мушкетеры. Азартные люди. — А потом спросил: — Вас я, признаться, не понимаю. Чего вы, собственно, добиваетесь? В чем ваша суть? Давайте начистоту.

Это в манере шефа: мгновенно перейти от шуточек к полному серьезу. И вопросы в упор тоже в его манере. Попробуй ответить, в чем твоя суть и чего ты хочешь...

Итак, чего же я хочу?

...В тот вечер, когда появилась мысль о линзах и телескопе, я вышел на улицу. Отправился искать мороженое, забыл о нем и долго стоял перед кассой Аэрофлота.

Не знаю, почему я остановился именно там. Где-то наверху вспыхивали, гасли и снова вспыхивали неоновые слова: «Летайте самолетами Аэрофлота!»

Двадцатый век, можно летать самолетами Аэрофлота! А ведь запоздай телескоп не на триста, а на четыреста или пятьсот лет, — и не было бы ни самолетов, ни Аэрофлота. Век бы остался двадцатым, но на уровне девятнадцатого. Или восемнадцатого. Да, не будь нескольких главных изобретений, в том числе телескопа, я бы жил в другой эпохе. Мимо меня проезжали бы сейчас не автомобили, а кареты. И сама улица была бы иной. Без асфальта. Без этих высотных домов. И без света, без люминесцентных ламп, без неоновой рекламы.

«Летайте самолетами Аэрофлота!» Надпись гаснет, потом наверху что-то щелкает, и вновь возникают слова: щелк — «Летайте», щелк — «самолетами», щелк — «Аэрофлота!».

А если бы телескоп появился раньше — совсем без всякого опоздания?

Потрясающая мысль! Только бы она не ускользнула.

«Летайте...»

«Летайте самолетами...»

Телескоп был создан с опозданием на триста лет — и вот я живу в двадцатом веке. Так. Очень хорошо! Ну, а если бы не было никакого опоздания? Если бы вообще все главные изобретения появились вовремя? Тогда

двадцатый век, оставаясь двадцатым по счету, стал бы по уровню двадцать первым или двадцать вторым.

Вот ведь что получается! Все-го-навсего «Летайте самолетами Аэрофлота!». А могло быть: «Летайте ракетами Космофлота!» Или «Нуль-транспортировка на спутники Сатурна — дешево, удобно, выгодно».

Я мог бы жить в двадцать втором веке. Мог бы загорать на Меркурии. Учиться в каком-нибудь марсианском интернате, ходить на лыжах по аммиачному снегу Титана...

Обидно...

«Летайте...»

«Летайте самолетами...»

«Летайте самолетами Аэрофлота!»

Не хочу летать самолетами. Я полечу на чем-нибудь другом — из двадцать второго века.

Только бы додумать эту мысль до конца! Только бы додумать!..

— Так вот: сегодня тоже что-то опаздывает. Как опаздывал когда-то телескоп. Значит, можно отыскать это «что-то». Отыскать, открыть, сделать...

— Понятно, — говорит шеф.

— Нет, я не объяснил главного. Да и вряд ли смогу объяснить. Знаете, бывает тяга к дальним странам, когда человек готов идти хоть на край света. И вот в тот вечер, на улице, перед вспыхивающей и гаснущей рекламой Аэрофлота я впервые ощутил нечто подобное... Что я говорю, нет, не

подобное, а в сотни раз более сильное. Увидеть будущее.. Увидеть эту самую далекую страну... Ладно, тут уже лирика, оставим. Я скажу иначе. Нельзя сделать «машину времени» на одного человека, это вздор. «Машина времени» должна быть рассчитана на все человечество — вот что я понял в тот вечер. Надо найти опаздывающие изобретения, они как горячее для этой «машины».

Шеф усмехается.

— В тогдашнем младенческом возрасте вы имели право не думать о социальных факторах. Но теперь-то вы, надеюсь, понимаете, что дело не в одних изобретениях?

— Считайте, что я остался в том же возрасте.

Не слишком гениальный ответ. Сегодня я уже ничего не добьюсь. Шеф уходит, победоносно улыбаясь. Надо было ответить иначе. Да, у «машины времени» несколько рычагов, а я в лучшем случае дотянусь только до одного из них. Пусть так! Ведь это опыт — самый первый опыт!

* * *

Беда в том, что я не мог пробивать опыт обычными путями. Нельзя было спорить, писать, кричать: чем меньше людей знали об опыте, тем больше было шансов на успех.

Здесь надо сказать, что это такое — мой опыт.

Телескоп появился на триста лет позже совсем не случайно.

Считалось, что линза искажает изображение рассматриваемого сквозь нее предмета. И было так логично, так естественно предположить, что две линзы тем более дадут искаженное изображение...

Элементарный психологический барьер: человек не решается перешагнуть через общепризнанное. Даже в голову не приходит усомниться в прописной истине — она такая привычная, такая надежная. А если и возникает еретическая искорка, ее тут же гасят опасения. Вдруг не выйдет? Вдруг будут смеяться коллеги? И вообще: зачем отвлекаться и возиться с какими-то сомнительными идеями, если существует множество дел, в отношении которых доподлинно известно, что они вполне научны, вполне солидны.

Как ни странно, в истории техники нет ни одного случая, когда работа велась бы в нормальных условиях. Всегда что-то мешало — и еще как! Величественные старцы с прекрасными волнистыми бородами и гордо устремленными вдаль взглядами существовали только на страницах «Чудес техники». На деле же были люди, издерганные непониманием окружающих, вечно спешащие, осаждаемые кредиторами. Пытаясь создать новое, они неизбежно вступали в конфликт с научными истинами своего времени. И надо было, преодолевая неудачи, ежедневно, ежечасно доказывать себе: нет, все ошибаются, а ты прав, ты должен быть прав... Тут не до гор-

дых взглядов вдаль. Взгляды появлялись позже — усилиями фотографов и ретушеров.

Итак, опыт.

Возьмем ученого, который не подозревает об опыте. Дадим неограниченные средства. Потратит он, кстати, не так уж много. Важен моральный фактор: пожалуйста, можешь тратить, сколько угодно. Далее. Обеспечим условия, при которых не придется бояться неудач и насмешек. Словом, последовательно снимем все барьеры — психологические, организационные, материальные. Пусть человек выложит все, на что способен!

Я говорю об идее эксперимента, о принципе. На практике это много сложнее: надо правильно выбрать человека и проблему. Точнее — человека с проблемой. В этом вся суть: надо найти человека, разрабатывающего идею, которая сегодня считается нереальной, неосуществимой. Кто знает, сколько пройдет времени, пока он получит возможность что-то сделать. А мы — в порядке эксперимента — дадим ему эту возможность, опережая время. Дадим и посмотрим: а вдруг выгодно верить в осуществимость того, что сегодня считается неосуществимым?

В конце концов я добился разрешения провести опыт, но мне ничего не пришлось выбирать. «Спокойно, не елозьте, — сказал шеф. — Музыку заказывает тот, кто платит».

И мне выдали три архитрудные проблемы.

* * *

Дебют был разыгран хитро.

Я получил кабинет на «Мосфильме» и с утра до вечера ходил по студии, прислушиваясь к разговорам, осваивая киноманеры и вообще входя в роль. Через неделю я вполне мог сойти за режиссера.

Это была хорошая неделя. Счастливое время перед началом эксперимента, когда кажется, что все впереди и можно выбрать любую из дорог. Я до поздней ночи засиживался над своей картотекой. Шесть тысяч карточек с краевой перфорацией, шесть тысяч «подающих надежды» — тут было над чем подумать. Я завел картотеку давно, еще в школьные годы, и постоянно пополнял ее новыми именами ученых, инженеров, изобретателей*.

Для первой задачи в картотеке были только две подходящие кандидатуры — отец и сын Осоргины, потомственные кораблестроители (в карточках значилось: «Осоргин Девятый» и «Осоргин Десятый»).

Я обратил на них внимание, обнаружив в «Судостроении» замет-

ку о шаровых кораблях. Вслед за заметкой появилась разносная статья. Потом идею шаровых кораблей ругали еще в четырех номерах журнала; и я без колебаний занес Осоргиных в свою картотеку. Если техническую идею ругают слишком долго и обстоятельно, это верный признак, что к ней стоит присмотреться.

За пять лет Осоргины трижды возмущали академическое спокойствие солидных журналов. Начиная обычно Осоргин-старший, выдававший очередную сногшибательную идею. Скажем, так, мол, и так, рыба — не дура, и если ее тело покрыто муциновой «смазкой», то в этом есть смысл: «смазка» уменьшает трение о воду. Неплохо бы, говорил Осоргин-старший, построить по этому принципу скользкий корабль. Ментально находились оппоненты: уж очень беззащитно выглядела идея — ни расчетов, ни доказательств. Оппоненты вдребезги разбивали идею. Они растирали ее в порошок, в пыль. И тогда появлялась заметка младшего Осоргина под скромным названием:

«Еще раз к вопросу о...» Безукоризненное математическое доказательство принципиальной осуществимости идеи, четкий анализ ошибок оппонентов, фотоснимки моделей скользких кораблей...

Я пригласил Осоргиных на «Мосфильм», и они застали меня на съемочной площадке, обсуж-

* Надежды далеко не всегда оправдывались, но меня интересовали и такие случаи: история болезни может сказать о многом. Впрочем, мои больные отличались завидным здоровьем, жили, работали, оступеньлись, продвигались по служебной лестнице и, конечно, не знали, что кто-то перестал считать их подающими надежды и пробил на карточках несколько лишних отверстий.

давшим что-то с оператором *. Все получилось как нельзя лучше: мы прошли ко мне в кабинет; и у Осоргина не возникло и тени сомнения, что с ними говорит режиссер, натуральный деятель звукового художественного кино.

В коридорах на Осоргина-старшего оглядывалась даже ко всему привычная студийная публика. Уж очень импозантно он выглядел. В шинарной кожаной куртке, монументальный, с прекрасной, расчесанной надвое, адмиралмакаровской бородой, он казался сошедшим со страниц «Чудес техники». На Осоргине-младшем были так называемые джинсы, продающиеся в ГУМе под тихим псевдонимом рабочих брюк, и модерный красно-белый свитер. Все это хорошо гармонировало с небритой, но высокоинтеллектуальной физиономией десятого представителя династии.

— Мы готовимся, — сказал я, — снимать картину о далеком будущем («Понимаете, такая величественная эпопея в двух сериях...»). И вот один из важнейших эпизодов, так уж это задумано по сценарию, должен разыгрываться на борту корабля, пересекающего Атлантику. Использовать комбинированные съемки не хочется, это совсем не тот эффект. — Тут я вскользь и, похоже, к месту упомянул об Антониони, французской «новой волне» и некоторых моих разногласиях с Михаилом Ром-

22

мом. — Словом, — продолжал я, — нужен принципиально новый корабль («Двадцать второй век, вы же понимаете, должно быть нечто совершенно неожиданное»). Я слышал о шаровых кораблях, великолепная идея, на экране это выглядело бы впечатляюще. Я прямо-таки вижу эти кадры: в бухту вкатывается сферический корабль, эдакий гигантский полупрозрачный шар. К сожалению, шаровые корабли не так уж быстроходны, не правда ли? А нам нужна большая скорость, поскольку натурные съемки являются...

— Что значит — большая? — перебил Осоргин-младший.

— Зачем же так сразу, Володенька? — успокаивающе произнес Осоргин-старший.

Я объяснил (не слишком подчеркивая), что скорость должна соответствовать двадцать второму веку. Километров шестьсот в час. Семьсот. Можно и больше.

— Вот видишь, Володенька, — быстро сказал Осоргин-старший. — Видишь, не так уж и много. Всего триста восемьдесят узлов, даже чуть меньше. Простите, на какой дистанции?

— Вот именно, — подхватил я. — Эпизод рассчитан на пятнадцать минут. Ну, подготовка и всякие там неувязки... Скажем, час. А еще лучше два-три часа, чтобы сразу отснять дубли. Теперь вы видите, что нам не годятся все эти рекордные машины с ракетными двигателями. Вообще корабль должен быть легкий,

* Он доказывал, что «Торпедо» возьмет кубок. Утопия..

изящный. Настоящий корабль будущего. А уж мы это обыграем, будьте спокойны, новая техника панорамной съемки позволяет...

Тут я стал объяснять особенно-сти новейшей киноаппаратуры.

В этот момент можно было говорить о чем угодно. Я наперед знал все извилины и повороты разговора: десятки раз за эти годы я представлял себе, как это будет. Сначала обыкновенное любопытство, не больше. Ну, кино, все-таки интересно. Но вот загорается маленькая искорка: а если воспользоваться этой возможностью? Так. Затем должны возникнуть опасения. Может быть, только показалось, что есть возможность? Искра вот-вот погаснет... И вдруг ярчайшая вспышка: да, да, да, есть шанс осуществить любые идеи! Вихрь мыслей — невысказанных, еще только зарождающихся. Так, все правильно. Теперь должен последовать вопрос о сроках и средствах. Ну!

— Как это будет выглядеть практически? — спрашивает Осоргин-младший.

— Ты, Володенька, опять так сразу, — укоризненно говорит Осоргин-старший.

Хитер старик! Выговорил своему Володеньке и сразу замолчал, вынуждая меня ответить.

Что ж, перейдем к делу. Нам не нужен большой корабль. Для съемок достаточна платформа длиной в двенадцать метров и шириной метров в пять или шесть. Времени хватит, съемки начнутся

через год, не раньше. В средствах мы не стеснены. Миллион. три миллиона, пять. Картину в первый же год посмотрят минимум сто миллионов зрителей, все легко окупится, простая арифметика...

Осоргин-старший машинально теревит бороду. Осоргин-младший внимательно разглядывает лампу на моем столе.

— Ну, решайтесь же!

— А если не удастся? — спрашивает Осоргин-младший.

Отлично, это критический вопрос. Теперь надо умененько ответить. Снять опасения, пусть не будет страха перед неудачей. И в то же время нельзя расхолаживать, надо заставить их всеми силами добиваться цели.

Я объясняю, что кино имеет свои особенности: неудачи учитываются заранее. Мы снимаем каждый эпизод по меньшей мере трижды — даже если в первый раз артисты сыграли великолепно («Запас прочности, ничего не подделаешь»). В сценарии предусмотрены три технические новинки («Тоже своего рода запас прочности. Нет, нет, морская только одна, остальные, как бы это сказать, другого профиля»). Мы рассчитываем так: удастся хотя бы одна новинка — уже хорошо. Публика увидит итог, никто не упрекнет нас в том, что мы пробовали разные возможности. Рекламирывать и обещать заранее ничего не будем, неудачные дубли — наше внутреннее дело.

Осоргины переглядываются («Уж мы-то не будем неудачным дублем!»). Я рассказываю о съемках «Человека-амфибии». Тогда потребовались цветные подводные факелы, поиски подходящего состава велась целый год. Зато какие прекрасные кадры получились в фильме!

— Пожалуй, мы попробуем, — спокойно, даже несколько небрежно говорит Осоргин-младший.

Слишком спокойно, милый Володенька, слишком небрежно! Теперь тебя лихорадит: только бы этот киношник не передумал...

— Попробуем, почему бы и не попробовать, — соглашается Осоргин-старший, оставив, наконец, в покое свою бороду.

— У вас есть какая-нибудь идея? — спрашиваю я.

— У нас есть головы, — поспешно отвечает Осоргин-младший.

* * *

От имени киностудии я послал три десятка запросов кораблестроителям — в институты и конструкторские бюро: не согласитесь ли взяться за решение нижеследующей задачи... Восемь ответов содержали корректное «нет». В остальных, кроме «нет», были еще и эмоции. В наиболее темпераментной бумаге прямо спрашивалось: а вечный двигатель вам по сценарию не нужен?..

Задача была каверзная. По общепринятым представлениям, даже неразрешимая. Корабль звуковых скоростей — об этом

и не мечтали. Конструкторы старались либо поднять судно над водой, либо опустить под воду и заставить двигаться в каверне, газовом «пузыре». Все это годилось только для небольших кораблей. Впрочем, скорости все равно были невелики — скажем, сто километров в час. Рожденный плавать — летать не может.

Я не кораблестроитель моих знаний тут явно не хватало. И лишь чутье науковеда подсказывало: если путь «вверх» и путь «вниз» исключаются — значит, надо оставаться на воде. Рожденный плавать — должен плавать!

Осоргины не звонили и не появлялись. Вопреки моим предположениям возникли осложнения и со второй задачей. Три попытки найти человека, который взялся бы за решение, ни к чему не привели. Мне говорили: безнадежно, нет смысла браться. Тогда я пригласил Михаила Семеновича Каплинского.

...Впервые я увидел Каплинского еще в университете, когда учился на втором курсе. Однажды появилось объявление, с эпическим спокойствием уведомлявшее, что на кафедре биохимии будет обсуждаться антиобщественное поведение аспиранта Каплинского М. С., поставившего опыт на себе. Ниже кто-то приписал карандашом: «Браво, аспирант!» И еще ниже: «Сбережем белых мышей родному факультету!»

Обсуждение было многолюдное и бурное, потому что все сразу

воспарили в теоретические выси и стали наперебой выяснять философские, исторические и психологические корни экспериментирования над собой. Каплинский добродушно поглядывал на выступающих и улыбался. Меня поразила эта улыбка; я понял, что Каплинский все время думает о чем-то своем и ничто происходящее вокруг не останавливает идущие своим чередом мысли.

Впоследствии я еще несколько раз встречал Каплинского в коридорах университета, в столовой, на улице. Он с кем-то говорил, что-то ел, куда-то шел, но за этим внешним, видимым угадывалась непрерывная и напряженнейшая работа мысли.

Года через три Каплинский снова поставил эксперимент над собой. Без долгих дискуссий ему предложили уйти из института бюioxимии Он вернулся в университет; и вскоре я услышал, что там состоялось новое обсуждение: Каплинский упорно продолжал свои опыты. Впрочем, в нашем добром старом университете обсуждение, как всегда, носило сугубо теоретический характер.

Я не был знаком с Каплинским, хотя иногда встречал его в филателистическом клубе. Насколько можно было судить со стороны, опыты не вредили Каплинскому. Выглядел он превосходно. Вообще за эти годы Михаил Семенович почти не изменился: такой кругленький, лысеющий, не совсем уже молодой мальчик, бла-

говоспитанно поглядывающий сквозь толстые стекла очков. Он собирал польские марки, но и в клубе, среди суетливых коллекционеров, не переставал думать о своем.

Однажды я увидел на макушке Каплинского металлические полоски вживленных электродов. Между прочим, на коллекционеров электроды не произвели никакого впечатления: в клубе интересовались только филателией. Но я отметил в картотеке, что Каплинский подает особые надежды.

Итак, я пригласил Каплинского на студию и произнес свой — уже хорошо заученный — монолог. Запланирована величественная эпопея в двух сериях. Далекое будущее — двадцать второй век. Один из важнейших эпизодов должен показать полет на индивидуальных крыльях. Так уж задумано по сценарию («Понимаете, небольшие крылья, которыми люди будут пользоваться вместо велосипедов...»).

— Очень интересно, — сказал Каплинский, приветливо улыбаясь. — Вместо велосипедов. Пожалуйста, продолжайте.

Он, как всегда, был занят своими мыслями, и я подумал, что будет худо, если задача не попадет в круг его интересов.

— Так вот, — продолжал я, — комбинированные съемки не годятся: современный зритель сразу заметит подделку. Нужен настоящий махолет, способный продер-

жаться в воздухе хотя бы одну-две минуты.

— В воздухе, — задумчиво повторил Каплинский. — Ага! Ну, конечно, в воздухе. Почему бы и нет? Вот что: вам надо обратиться к специалистам. Есть же люди, которые... Ну, которые знают эти махолеты.

Гениальный совет! Специалисты ничего не могут сделать. Такова уж конструкция человеческого организма: не хватает сил, чтобы поддерживать в полете вес тела и крыльев. Пусть крылья будут как угодно совершенны, пусть они даже будут невесомы: человек слишком тяжел, он не сможет поднять себя. Есть только один выход. Надо увеличить — хотя бы на короткое время — силу человека, развиваемую им мощност. Если бы человек был раз в десять сильнее, он легко полетел бы и на тех крыльях, которые уже построены.

— Забавная мысль, — одобрил Каплинский. — А почему бы и нет?

Тут он перестал улыбаться и внимательно посмотрел на меня.

— А ведь вы бываете в фил-
клубе, — сказал он. — Я не сразу узнал, вы что-то похудели...

Мы немного поговорили о мар-
ках. Потом я осторожно вернул
разговор в старое русло. Если он,
Каплинский, нам не поможет, при-
дется перекраивать сценарий, и
это будет очень прискорбно.

Каплинский встал, прошелся по
комнате, остановился у шка. Я по-

нял, что дело идет на лад, и на-
чал говорить о Феллини, кризисе
неореализма и теории спонтанного
самоанализа. Он ходил из угла
в угол, слушал эту болтовню, что-
то отвечал — и все время напря-
женно думал.

— Забавная мысль, — сказал
он неожиданно (мы говорили
о новой картине Бергмана). —
В самом деле, почему бы не сде-
лать человека сильнее, а? Стран-
но, что я раньше не подумал об
этом. Очень странно... Вам ведь
не нужно, чтобы человек подни-
мался слишком высоко? Метров
двести хватит? И вот что еще...
Нужно достать эту штуку. Ну,
которая с крыльями. Махолет.

Я заверил его, что будут десять
махолетов. На выбор. Вообще на-
ша фирма не скупится. Любые
затраты, пожалуйста! Миллион,
два миллиона, пять...

— Зачем же? — сказал он. —
Денег не нужно. Оборудование
у меня есть. Так что я уж на об-
щественных началах.

* * *

Конечно, я знал, что Каплин-
ский будет экспериментировать на
себе, но не придавал этому особо-
го значения. В конце концов тут
тоже важны навыки. С человеком,
который всю жизнь благополучно
ставит на себе опыты, ничего
страшного уже не случится. Да и
времени не было опекать Каплин-
ского: существовала еще и третья
задача. Как оказалось, самая ка-
верзная.

Осоргины свою задачу решат, в этом я не сомневался. С Каплинским, конечно, дело обстояло сложнее: во всяком случае, я считал, что шансы — пятьдесят на пятьдесят. Но третья задача была попросту безнадежной. Я не могу сейчас говорить об этой задаче. Не могу даже назвать имя человека, который взялся за ее решение. Скажу лишь, что хлопот и огорчений хватало с избытком.

Хлопот вообще было предостаточно, потому что однажды появился Осоргин-младший и заявил, что идея есть и теперь надо «навалиться».

Я едва успевал выполнять поручения Осоргиных, взявших прямо-таки бешеный темп. Сначала им понадобилось произвести расчеты, которые были под силу только первоклассному вычислительному центру. Шефу пришлось стучаться в высшие сферы, договариваться. Потом посыпались заказы на оборудование. Осоргин-младший приходил чуть ли не ежедневно, мельком говорил: «А вы что-то похудели», — и выкладывал на стол списки. Надо достать, надо заказать, надо купить...

Получив очередной список, в котором значились планер двухместный, акваланги, девять тонн аммонала, дакроновый парус для яхты класса «Летучий голландец» и еще масса всякой всячины, я спросил Осоргина, куда это доставить.

— Давайте выбирать место, —

сказал он. — Где вы думаете снимать фильм?

Снимать фильм. Ну-ну... Я ответил неопределенно: где-нибудь на юге, пока это не решено. Осоргин удивленно посмотрел на меня.

— А когда вы собираетесь решать? Три часа при скорости в триста восемьдесят узлов... Ведь вы говорили о трех часах, не так ли? Ну вот, это больше двух тысяч километров. Впрочем, ваше дело. Для испытаний нам достаточно и трехсот километров. Важно, чтобы трасса была свободной. И еще — подходящий рельеф берега у старта и, желательно, у финиша. Словом, надо лететь на юг, искать место. На Черном море толчея, поимем на Каспии. Что вы об этом думаете?

Я думал совсем не об этом. В этот момент я впервые со всей ясностью увидел: а ведь получается, в самом деле получается! Ах, если бы не эта, третья, задача!..

Мы вылетели в Махачкалу, оттуда на автобусе добрались до Дербента и пошли на юг, отыскивая место для базы. Пять дней мы шли по берегу, осматривая заливы, бухты и бухточки, переправлялись вплавь через дельты рек, вечерами сидели у костра, спорили о книгах.

Десятый представитель династии Осоргиных был чистым теоретиком, но знал о море изумительно много. Это была та высшая степень знания, когда человек не только хранит в памяти неисчислимое количество фактов, но и чув-

ствуется их глубинное движение, ощущает их очень сложную и тонкую взаимосвязь. Я люблю умных людей, меня раздражает малейшая вялость мысли, но Осоргин-младший был еще и просто хорошим парнем, несколько не обремененным своей родословной и своими знаниями.

Однажды разговор повернулся так, что я смог задать Осоргину вопросы, которые когда-то задал мне шеф: «Чего вы, собственно, добиваетесь? В чем ваша суть?»

— Ну, это очень просто, — сказал Осоргин. — Идет война с природой. Точнее, война с нашим незнанием природы. И в этой войне участвуют все люди, все человечество — из поколения в поколение. Подчеркиваю: участвуют все. Прямо или косвенно. Сознательно или неосознанно. В этой войне есть свои фронтовики и свои дезертиры. Есть победы и поражения. Война, конечно, особая, с очень глубоким тылом. Можно всю жизнь просидеть в этом тылу и даже не представлять, какие захватывающие сражения идут на переднем крае.

— А почему бы не заключить перемирие? — спросил я.

— Нет, на перемирие я не согласен. Это было бы... Ну, не знаю, как сказать... Это было бы неинтересно. Мне надо воевать. Вот я решаю какую-то задачу — думаете, это так просто? Идет бой, временами мне приходится гуго, и появляется даже мысль, что неплохо бы податься в кусты...

Вы понимаете, какой это бой? Ведь здесь не словчишь, не победишь по знакомству или из-за слабости противника. Здесь все по-настоящему. И вот я заставляю противника отступить, заставляю отдать мне какую-то часть вселенной, и она становится моей, нашей... А разве в искусстве не так?

Я не раз жалел, что играю роль режиссера. Интереснее всего было говорить с Осоргиным о науке, и тут мне приходилось постоянно быть начеку. Одна неосторожная фраза могла выдать, какой я режиссер.

Мы подыскали удачное место для базы: на пустынной каменной гряде близ мыса Аминя. Осоргин остался поджидать грузы, а я выбрался к железной дороге и через несколько часов был в Махачкале. В Москве, с аэровокзала, я позвонил человеку, решавшему третью задачу. «Хуже, чем было, — раздраженно сказал он. — Да, да, еще хуже...»

Потом я набрал номер телефона Михаила Семеновича. Слышно было плохо. Каплинский говорил о крыльях; я ничего не мог понять. В конце концов мы условились встретиться у входа в метро на Октябрьской площади; Каплинский жил неподалеку, в Бабыгородском переулке. Я успел заскочить домой, переоделся, наскоро побрился и, поймав такси, помчался к месту встречи. Михаил Семенович стоял у входа в метро; и я почувствовал огромное облегчение, увидев, что все благополучно,

и Каплинский по своему обыкновению о чем-то думает и рассеянно улыбается.

— У меня для вас сюрприз, — еще издала сказал он. — Французская марка, первый катер на подводных крыльях. Выменял совершенно случайно на польскую серию «Памятники Варшавы». Ведь вы собираете историю техники?

— Так вы об этих крыльях и говорили?

— Ну да! Я подумал, что марка вам пригодится, а «Памятники» можно купить в любом магазине.

Рассматривая марку, я невольно вспомнил об Осоргиных. Кораблестроение — древняя и устоявшаяся отрасль техники, здесь давно все придумано. Подводные крылья и воздушная подушка изобретены еще в девятнадцатом веке. В сущности, двадцатый век не дал в кораблестроении ничего принципиально нового. Да, Осоргиным досталась нелегкая задача.

— Ну как? — спросил Каплинский.

Марка и в самом деле была любопытная. Французы выпустили ее незадолго до второй мировой войны — в пик Муссолини. Дело в том, что по распоряжению дуче была отпечатана шикарная серия «Это наше»: радиоприемник Маркони, пулемет Крокко и еще десятков изобретений, считавшихся «национальными», в том числе и катер на подводных крыльях, построенный Энрико Форланини

в 1905 году. Французы решили выпустить «контрсерию», но помешала война. Удалось отпечатать только одну марку с рисунком катера, построенного Ламбертом на десять лет раньше Форланини.

Пожалуй, самое пикантное в том, что не постеснялись вспомнить Ламберта. Был он русским подданным, и заявку на свое изобретение сделал в России. Ему, конечно, отказали: еще бы, корабль — и с крыльями, придет же в голову такое... Ламберт уехал во Францию, построил катер, испытал его на Сене. Но и во Франции никто не поддерживал изобретателя. Он перебрался в Америку и умер там в неизвестности и нищете. А катер на подводных крыльях уже тогда мог бы найти множество применений.

Таких историй я собрал почти полторы тысячи; с их помощью мне и удалось добиться, чтобы опыт включили в план. Я взял шефа на измор, это была правильная стратегия. Я ничего не просил, не доказывал, но на моем рабочем столе всегда лежала красная папка, начиненная записями о запоздавших изобретениях. Шеф долго крепился и делал вид, что ничего не замечает. Он дрогнул, когда появилась вторая папка с надписью: «Цитаты и изречения».

— Вы начинаете играть на моих маленьких слабостях, — сказал шеф. — Бросьте эти психологические штучки. И вообще.. Уверен, что там, — он ткнул пальцем

в «Цитаты и изречения». — там нет ничего интересного. Дайте-ка наугад один листок.

Я извлек лист с выпиской из Эйнштейна: «История научных и технических открытий учит нас, что человечество не так уж блещет независимостью мысли и творческим воображением. Человек непременно нуждается в каком-то внешнем стимуле, чтоб идея, давно уже выношенная и нужная, претворилась в действительность. Человек должен столкнуться с явлением, что называется идеей».

— Ах, — сказал шеф, — в вашем юном возрасте каждое изречение кажется полным глубокого смысла! Вы думаете, инерция мысли — так уж плохо? В сущности, это память о порядке, о взаимосвязи явлений. А воображение, фантазия — это антипамять. Память говорит: сначала «а», потом «б». А антипамять нашептывает: а если сначала «б», потом «а»?.. Животному не нужна фантазия, она бы только мешала, путала бы информацию о реальном мире. Воображение, фантазия — чисто человеческие качества. Они самые молодые, они еще не окрепли, им приходится преодолевать сопротивление древней привычки к неизменному порядку вещей. Сложно устроен человек, сложно... А вам кажется, дай миллион рублей, дай оборудование, сними ответственность — и человек проявит всю мощь своего воображения... Внут-

ренняя инерция, исконная инерция мысли — вот наш главный враг.

Я сказал, что это очень интересная мысль: она, в частности, объясняет, почему я не могу включить в план свой опыт.

Шеф рассвирепел.

— А вы думали на такую тему: нужны ли сегодня изобретения, которым положено — по естественному порядку вещей — появиться в двадцать втором веке? Вот в чем вопрос!

Для меня тут не было вопроса. Появись пенициллин хотя бы на двадцать лет раньше (а это вполне возможно!), остались бы жить миллионы людей.

Шеф пожал плечами и удалился, насмившаяся «Мы все мушкетеры короля». Но лед тронулся, это чувствовалось...

— Красивая марка, не правда ли? — сказал Каплинский. — Этот человек — дантист, понимаете, он почему-то считал, что марка относится к спорту. А я, признаться, не стал переводить ему надпись. Не люблю дантистов.

Как все люди, лишённые так называемой житейской практичности, Каплинский был ужасно доволен своей маленькой хитростью. Я спросил, как подвигается дело с махолетом.

— Махолет? — удивился он. — Ну, махолет вы обещали достать. Мое дело — увеличить силу человека.

У входа в метро, в толчее, было неудобно разговаривать. Мы пошли к парку.

— Пусть студия достает махолет, — сказал по дороге Каплинский. — Надо потренироваться. Я же никогда раньше не летал.

Так и есть: он опять экспериментировал на себе.

— И вы... У вас будет такая сила? — спросил я.

Почему-то эта мысль пришла мне в голову только сейчас: Каплинский в роли Геракла. Ну-ну!..

— Уже есть, — ответил Каплинский таким обыденным тоном, словно речь шла о коробке спичек. — Наверное, я теперь самый сильный человек в мире.

* * *

— А почему бы и нет? — заносчиво сказал он. — Идемте, я покажу. Нет уж, пойдете в парк. Я хочу, чтобы вы убедились

Мы долго ходили по аллеям, отыскивая силомер. Каплинский думал о чем-то своем и вяло отвечал на мои вопросы. Наконец, силомер нашелся; полагалось бить молотом по наковальне, и тогда на шкале, похожей на огромный градусник, со скрипом подсккивал указатель. Силомером заведовал мрачный здоровяк.

— Именно такой прибор нам и нужен, — объявил Каплинский. — Ну, молодой человек, сколько вы покажете?

Особого доверия прибор не внушал. На самом верху шкалы значилось «400 кг», но это было, разумеется, так, с потолка.

— Замерьте свои показатели,

граждане, — сказал мрачный здоровяк, внимательно следивший за нами. — Физическая культура, популярно формулируя, помогает в труде и в личной жизни.

В личной жизни — это нужно. Ваську уже дважды провожала какая-то долговязая личность, удивительно похожая на полуположительный персонаж из обожаемого Васькой журнала «Юность». В последней главе эти полуположительные обязательно ощущают в себе благородные порывы и приобщаются к общественно полезному труду. Но долговязому, пожалуй, еще далеко до последней главы: слишком уж нахальная у него морда. Мы встретились на лестнице, он тускло посмотрел на меня, и я почувствовал, что вычеркнут им из списка объектов, достойных внимания. Черт его знает, что ему не понравилось! Может быть, мои брюки. Хотя почему? Послгода назад они были на уровне моды. Скорее всего у меня просто не тот вид; нюх у этих полуположительных неплохо развит. Дура Васька. Да и я хорош: кто может научно объяснить, почему я сегодня в парке не с Васькой, а с Михаилом Семеновичем?

— Давай, дядя, твою стуколку, — сказал я здоровяку.

Он оживился и вручил мне молот. Ударил я крепко, но проклятая стрелка не пошла дальше трех сотен.

— Подход требуется, — сочувственно пояснил здоровяк. —

Напор должен быть, популярно формулируя.

С третьей попытки я все же загнал стрелку к самому верху. Простуженно зазвенел звонок.

— Позвольте, — вежливо сказал Каплинский, отбирая у меня молот.

Начал подходить народ. Здоровяк популярно объяснял, что «физическая культура нужна рабочему классу, трудовому крестьянству и трудящей интеллигенции». «А также дамам», — галантно добавил он, оглядев публику.

Каплинский взмахнул молотом («Ну, трудящая интеллигенция, покажи класс», — сказал кто-то), мотнул головой, поправляя очки, и ударил.

Не знаю, как это описать. У меня все время вертится слово «сокрушил». Каплинский именно сокрушил этот молотобойный прибор. Впечатление было такое, что все разлетелось в абсолютной тишине. Нет, треск, конечно, был, но он не запомнился.

Двухметровая шкала беззвучно повалилась назад, в траву. А тумбу с наковальней удар сплющил, как пустую картонную коробку. Из-под осевшей наковальни вырвалась массивная спиральная пружина. Где-то в недрах тумбы коротко полыхнуло голубое пламя, звонок неуверенно тренькнул и сразу замолк.

Михаил Семенович сконфуженно улыбался.

— Что же это, а? — спросил чей-то растерянный голос.

Я почувствовал, что еще немного — и нас поведут в милицию выяснять отношения.

— Ненадежная конструкция, только и всего, — сказал я здоровяку. (Он скорбно рассматривал спираль.) — Придется ремонтировать.

— Популярно формулируя, требуется капитальный ремонт, — вздохнул здоровяк.

Я взял у Михаила Семеновича молот и осторожно поставил его на асфальт.

* * *

Тысячи раз, думая об опыте, я пытался хотя бы приблизительно представить, какого порядка открытия будут сделаны. Вдребезги разбитый силовой мер — это было сверх всяких ожиданий. Тут угадывалось нечто эпохальное, и я сразу же стал выпытывать у Каплинского, что и как.

Мы отыскиали глухой уголок парка, и Михаил Семенович начал царапать прутиком на песке формулы. Уже стемнело, я с трудом разбирал его каракули. Двадцатый век приучил нас не удивляться открытиям. Но я утверждаю: ничто — ни ракеты, ни вычислительные машины, ни квантовую оптику — нельзя сопоставить с тем, что сделал Каплинский. Такое значение имела бы, пожалуй, только третья задача, будь она решена.

— У него не будет неприятностей, как вы думаете? — спросил Каплинский.

— Не будет. Кто же мог предвидеть, что появится такой чудобогатырь. Отремонтируют — вот и все.

Каплинский вздохнул.

— Очень странное ощущение, когда бьешь. Знаете, как будто ударил по вате.

Я вспомнил стальную спираль, вспомнил, как она раскачивалась и дрожала после удара, и промолчал.

— Так вы следите за расчетом? Значит, человек плотно позавтракал. Тысяча калорий. Четыреста двадцать семь тысяч килограмметров. Выдай организм эту энергию за секунду, получилась бы мощность... да, почти в шесть тысяч лошадиных сил. Здорово, а? Пусть не за секунду — за час. Все равно неплохо: полторы лошадиные силы. Час можно летать, не так ли? Потом снова позавтракать — и снова летать... На деле все, к сожалению, иначе.

Он быстро выводил прутиком цифры. Картина и в самом деле получалась не слишком блестящая, разве что коэффициент полезного действия был хорош — свыше пятидесяти процентов.

Впервые я видел Михаила Семеновича таким оживленным. На-
34
цело исчезла его обычная медлительность, движения стали быстрыми и точными, даже говорил он

как-то по-другому — уверенно, азартно.

— Видите, половина энергии уходит на обогрев организма. А вторая половина используется постепенно: такая уж человек машина, не поддается резкому форсированию.

Это было не совсем справедливо, двигатели форсируются еще хуже. Каплинский отмахнулся:

— Э, с двигателями другой спрос: они не едят булок с маслом. Но вернемся к делу и посмотрим, в чем тут загвоздка. Прежде всего — пища слишком долго подготавливается к сгоранию. Медленный, многоступенчатый процесс, в результате которого энергия запасается в виде АТФ — аденозинтрифосфорной кислоты.

— Вы вводите АТФ в организм? — спросил я и тут же подумал, что для кинорежиссера это слишком резвый вопрос. Мне никак нельзя быть догадливым.

— Нет, это ничего не дало бы. Набейте печь до отказа дровами — они просто не будут гореть. Нужен кислород. Теперь мы подходим к самой сути дела. Смотрите, вот атом кислорода. Шесть электронов на внешней орбите. До насыщения недостает двух электронов. И кислород их захватывает; в этом, собственно, и состоит его работа. Окислять — значит отбирать электроны.

Он снова стал выводить прутиком формулы, но было уже совсем темно. Мы пошли куда-то наугад.

— Раньше я занимался только дыханием, — рассказывал Каплинский. — Форсирование мощности организма, в сущности, особая проблема. Да я и не придавал ей значения. Зачем человеку сверхсила? Сокрушать силомеры?.. К тому же тут много дополнительных трудностей. Возрастает выделение тепла, человек быстро перегревается. Пока я ничего не могу придумать. Впрочем, насчет махолета не беспокойтесь. Здесь все складывается удачно: большая скорость движения, поэтому улучшается теплоотдача. Можно летать минут двадцать, я прикидывал.

Мы выбрались на ярко освещенную аллею, к ресторану. На террасе сидели люди. Оркестр, умеренно фальшивя, играл блюз Гершвина.

Я сказал Каплинскому, что недурно бы загрызть что-нибудь калорий на восемьсот.

— «Загрызть»? — переспросил он. — В каком смысле?

Я пояснил: загрызть — в смысле съесть.

— А, съесть, — грустно произнес Каплинский. Он как-то сразу скис. — Знаете, я восьмой день ничего не ем. Очень уж удачно прошел опыт...

* * *

Было бы преувеличением утверждать, что в тот вечер я все понял. И тогда и в следующие дни я то вроде бы все понимал, то все переставал понимать.

Физическая конструкция чело-

века, пожалуй, самое незыблемое, самое постоянное в нашем меняющемся мире. Мы легко принимаем мысль о любых изменениях, но конструкция человека подразумевается при этом неизменной. Человек, живший пятьдесят тысяч лет назад, по конструкции не отличался от нас (я не говорю сейчас о мышлении, о мозге). Таким же — это подразумевается само собой — останется и человек будущего. Ну, будет выше ростом, красивее... Даже управление наследственностью не ставит целью принципиально изменить энергетику человеческого организма.

Эволюция, сказал однажды Каплинский, приспособила человеческий организм к окружающей среде. Если бы на нашей планете росли электрические деревья, эволюция пошла бы по другому пути и непременно привела бы к электропитанию. Сложные процессы переработки и усвоения пищи в человеческом организме — это вынужденный ход природы. Такая уж планета нам досталась, сказал Каплинский, у эволюции не было выбора. Эволюция старалась, старалась и изобрела живот — механизм по-своему удивительно эффективный. Ну, а человек уже сам пришел теперь к электропитанию...

Это было логично, и пока Каплинский говорил, все казалось бесспорным. Зато потом возникали сомнения, всплывали самые неожиданные «но» и «однако». Я звонил Михаилу Семеновичу

(бывало и поздней ночью): «Хорошо, допустим, получение энергии из пищи не единственно возможный способ. Но на протяжении сотен миллионов лет эволюция приспособлявала жизнь к этому способу. Только к этому!» — «Нет, — отвечал Каплинский, — вы забыли о растениях. Они едят солнечную энергию, электромагнитные колебания». — «Позвольте, — возражал я, — так то растения!» — «А знаете ли вы, — спрашивал Каплинский, — что хлорофилл и гемоглобин поразительно похожи; разница лишь в том, что в хлорофилле содержится магний, а в гемоглобине — железо? Поймите же, — втолковывал Каплинский, — сходство далеко не случайное. Хлорофилл и гем — комплексные порфириновые соединения металлов. Вы слышите? Я говорю, соединения металлов...»

От таких разговоров реальный мир начинал колебаться, и по ночам мне снились электрические сны. Я снова звонил Каплинскому: ведь растениям, кроме света, нужны вода, углекислый газ, минеральные вещества...

«Подумаешь! — отвечал Каплинский. — Мне тоже нужны минеральные вещества, и вода нужна, и кое-какие витамины. И немного белков тоже нужно».

«Немного...» Как же! Я знал, что Михаил Семенович иногда не выдерживает («Понимаете, просто пожевать хочется. Как вы говорите — загрызть»), ест нормально —

и тогда его искрит. Перестроившийся организм выделяет избыток электричества. Если взять лампочку от карманного фонарика, заземлить один провод, а второй приложить к Михаилу Семеновичу, волосок раскаляется и светит. Хотя и не в полный накал.

В детстве, когда я лазил по книжным полкам, мне иногда попадались удивительные находки. Комплект какого-нибудь журнала двадцатых годов: на пожелтевших страницах — пухлые дирижабли и угловатые, костистые автомобили. Или палеонтологический атлас с динозаврами и птеродактилями. Ожидание таких находок (это очень своеобразное чувство) сохранилось на всю жизнь. И вот теперь я нашел нечто совершенно исключительное.

РЭЧ — регулирование энергетики человека, так назвал это Каплинский. «Михаил Семенович, а вы могли бы поднять эту плиту?.. Михаил Семенович, а какую скорость вы можете развить на короткой дистанции?.. Михаил Семенович, а удастся ли вам допрыгнуть вон до того балкона?..» Иценячий восторг. Только через две недели я увидел громадную сложность проблемы. Завтра мне скажут: «Переходи на электропитание», — соглашусь я или нет? Хорошо, я соглашусь (недалеко ушел от Каплинского, люблю эксперименты). А остальные? Подавляющее большинство нормальных людей?

Я рассказал о своих сомнениях шефу; он пожал плечами, ушел к себе и вернулся через четверть часа с бумагой, исписанной каллиграфическим почерком. «Приобщите к своей коллекции цитаты изречений», — сказал шеф. Это была выписка из статьи Биноя Сена, генерального директора Совета ООН по вопросам продовольствия: «Голод — самый давний и безжалостный враг людей. Во многовековой истории человеческих страданий проблема голода с годами не только не ослабевает, но становится все более насущной и острой. Проведенные недавно обследования показали, что в настоящее время в целом большая чем когда-либо часть человечества ведет полуголодное существование... Перед нашим поколением стоит великая, возможно, решающая задача. Все будущее развитие человечества зависит от того, что предпримут сейчас люди...»

— Лично для вас, — сказал шеф, — мы будем выращивать коров. Надеюсь, вас не шокирует, если коров будут выращивать методом электропитания? И не галлетствуйте, вам неслыханно повезло. Вы закинули удочку на карася, а попался такой кит...

Может быть, в самом деле нет проблемы? Электропитание войдет в жизнь постепенно, не вызвав особых потрясений... Нет, тысячу раз нет! Мы меняем конструкцию человека. Как это отразится на человеке? На обществе? На всей

нашей цивилизации, построенной применительно к данной конструкции человека?

Не было времени разобраться во всем, потому что вдруг пришла телеграмма от Осоргина-старшего: корабль собран, можно испытывать.

Я взял билеты на самолет и заехал за Михаилом Семеновичем. Он не очень удивился. «А, к морю?.. Что ж, я свободен». Он снова думал о чем-то своем.

* * *

— Как вы считаете, Михаил Семенович, хорошо или плохо так менять человека?

Он сразу насторожился.

— В каком смысле?

— В прямом. Человек, который не ест, биологически уже не человек. Это другое разумное существо. Так вот, хорошо это или плохо для самого человека? Можно сформулировать иначе: счастливее ли будет такое существо сравнительно с обычным человеком?

— А почему бы и нет? Ничего вредного в электропитании нет. Наоборот. Должна раз и навсегда исчезнуть по крайней мере половина болезней. Продолжительность жизни увеличится лет на пятнадцать-двадцать. Человек станет крепче, выносливее. Уменьшится потребность в сне...

— Еда доставляет и удовольствие. Вот вы поставили столы и ждете, что стюардесса принесет обед...

— Привычка, — смущенно пробормотал Каплинский. — Только привычка. Я могу еще два дня не... ну, не заряжаться. Вообще еда доставляет удовольствие только в том случае, если мы хотим есть.

Он оглянулся по сторонам и тихо спросил:

— Послушайте, а что если все-таки... ну... немного закусить? Чтобы не привлекать излишнего внимания.

Как же, можно подумать, что электроды на лысине не привлекают внимание!

— А вы не будете искрить?

Он обиженно фыркнул.

— Ну! Конечно, нет. В случае чего я замкнусь на массу самолета, провод у меня в кармане... Вот и ваша очередь. Превосходно! Смотрите, какая привлекательная рыбка.

— Вы говорите, Михаил Семепович, что это привычка. Может быть, сказать иначе: человек приспособлен к такому образу жизни? Собственно, это второй вопрос. Не нарушается ли естественный образ жизни человека? Не отрываемся ли мы от природы? Можете взять и мою рыбу, я ел перед отлетом.

— Спасибо. Все-таки аэрофлотцы хорошо это организуют, молодцы, вы не находите? А что до естественного образа жизни... Ах, мой дорогой, естественно человек жил в лесу. Давным-давно. Как говорили классики, до эпохи исторического материализма. Ну

конечно! — Он даже отложил вилку, так понравилась ему эта мысль. — Конструкция человека приспособлена к условиям, которые давно уже исчезли. Более того: конструкция эта рассчитана на неизменные условия. А мы создали меняющуюся цивилизацию. Мир вокруг нас быстро меняется, и мы тоже должны меняться. Это и будет естественно. Куда запропастилась соль, хотел бы я знать...

— А общество? Вот ваша соль.

— Общество выиграет. Необходимость в труде не исчезает, никакой катастрофы не произойдет. Но мы, наконец, перестанем работать на пищеварение. Человек, в сущности, прескверно устроен. Ну куда годится машина, которая поглощает в качестве топлива бифштексы, колбасу, сыр, масло, пирожные?.. Всего и не перечислишь! Скажите, вы никогда не думали, что добрая половина нашего производства — это сложный передаточный механизм между природными ресурсами и, простите, животом человека? Сельское хозяйство... Тридцать четыре процента людей заняты в сельском хозяйстве, вот ведь какая картина. Сельское хозяйство, рыболовство, пищевая промышленность, дающая главным образом полуфабрикаты, затем транспортировка и продажа продуктов и, наконец, непосредственное приготовление пищи. Видите, какой гигантский механизм, сколько шестеренок... Надо учесть еще

и промышленность; значительная часть ее работает на сельское хозяйство. Словом, нет топлива для приготовления нашей пищи.

Допив компот, он стал аккуратно собирать грязную посуду.

— Похоже, мы заварили слабую бучу, — благодушно сказал он. — Оторваться от природы, вы говорите? Вот именно — оторваться... Когда-то люди оторвались от пещер, от леса: думаете, это было легко? А оторваться от берега и уйти в открытый океан на утлых каравеллах — это легко? Оторваться от Земли, выйти в космос — легко? Инерцию всегда трудно преодолевать.

Вот и Каплинский говорит об инерции. Да, сильна инерция! Нет ни одного довода против электропитания — и все-таки не могу освоиться с этой идеей. Слишком уж она неожиданна. Ну, синтез пищи или какие-нибудь пилюли — это не вызвало бы сомнений.

— Вы, мой дорогой, напрасно трусите, — продолжает Каплинский. — Знаете, есть такое отношение к науке: хорошо бы, мол, получить побольше всего такого — и чтоб безопасенько, с гарантией блаженного спокойствия. Мещанство чистейшей воды. Науку вечно будет штормить — только держись! И хорошо. Человек в общем создан для бури.

А если прямо спросить Каплинского: «Чего вы, собственно, добиваетесь? В чем ваша суть?» Нет, на этот раз лучше пойти в обход.

— Ну, а ваши эксперименты? — говорю я. — В чем их конечная цель?

— Цель? — нерешительно переспрашивает Каплинский. — Есть и конечная цель. Боюсь только, она вам покажется наивной... Видите ли, общество построено из отдельных «кирпичиков» — людей. Как в архитектуре: из одного и того же материала можно построить различные здания. Плохие и хорошие. Но даже для гениального архитектора есть какой-то предел, зависящий от свойств материала. Понимаете? И вот мне кажется, что общество далекого будущего должно быть построено из «кирпичиков» более совершенной конструкции.

Что ж, это и в самом деле наивно. Аналогия абсолютно неправильная. Общество, говорю я Каплинскому, — это такое «здание», которое обладает способностью совершенствовать составляющие его «кирпичики». Нужно ли еще прекращать биологическую конструкцию человека?

Он не отвечает. Кажется, он к чему-то прислушивается. На его лице появляется виноватая улыбка.

Так и есть: Каплинского опять искрит.

* * *

Я сижу в малиновой «Молнии», за широкой спиной Осоргина-старшего. На коленях у меня трехэтажный термос; на том берегу нас ждет Осоргин-младший, и в термосе — праздничный завтрак.

Мы торжественно отметим удачные испытания. Если они будут удачны, разумеется.

«Гром и молния» едва заметно раскачивается. Под корпусом возятся двое парней в аквалангах, проверяют датчики контрольных приборов. Осоргин-старший щелкает тумблерами и недовольно ворчит. Время, мы теряем драгоценное время! В радиии шумят взволнованные голоса:

— Николай Андреич, осталось двадцать минут! Слышите? Говорю, двадцать минут осталось, потом трасса будет закрыта...

— Что там у вас, папа? Ты слышишь меня? Почему задержка?

— Николай Андреич, рыбаки запрашивают...

Нам надо проскочить Каспий — от берега к берегу, — пока на трассе нет кораблей. «Гром и молния» не может маневрировать. Он просто понесется вперед, как выстреленный из пушки.

Солнце, поднялось уже высоко, припекает, а мы в теплых куртках. И этот термос, черт бы его побрал! Я ничего не вижу: впереди — Осоргин, с боков — скалы, а назад не повернуться, мешают ремни.

«Гром и молния» стоит у входа в узкий залив. Мы — как снаряд в жерле заряженной пушки. Когда все будет готово, у берега, позади нас, подорвут две сотни зарядов, расположенных так, чтобы дать направленный, кумуля-

тивный взрыв. И тогда в заливчике поднимется гигантская волна цунами. Она рванется к нашему кораблику, подхватит его и... И если верить расчетам Осоргинных, понесет через море. Мы пойдем со скоростью около семисот километров в час, вот когда пригодятся теплые куртки.

— Николай Андреич, порядок, мы — к берегу!

— Привет Володе, Николай Андреич!

Это аквалангисты. Я их не вижу, проклятый термос не позволяет приподняться. В радиии — сплошной гул голосов: кричат, торопят, о чем-то напоминают, что-то советуют...

Интересно, что сейчас делает Васык? Отсюда и письма не отправившь. Ладно, вот выберемся на тот берег... Выберемся? По идее, у того берега мы должны «соскочить» с волны, а если это не удастся, Осоргин отцепит планер, и мы с разгона уйдем в небо. «В молодости я брал призы в Коктебеле, — сказал Осоргин. — Поднимемся, опустимся, подумаешь!» Разумеется, очень даже просто. Летайте волноходами — только и всего...

— Вы готовы, Николай Андреич? Начинаю отсчет времени.

— Начинай, голубчик, начинай. «Гром и молния» — надо же придумать такое название! Представляю, как это будет выглядеть в отчете. Шеф меня съест. Лад-

но, скажу, что были названия похлестче. В самом деле, был же самолет «Чур, я первый!».

Зато идея должна шефу понравиться. Направленное цунами — в этом действительно чувствуется двадцать второй век. Отсюда из жерла залива, вырвется волна высотой метров в пять. Фронт волны, если верить расчетам, что-то около пятидесяти метров. В открытом море водяной бугор станет ниже, но скорость его увеличится, а у противоположного берега волна поднимется на высоту пятиэтажного дома.

Наглая все-таки идея — ухватиться за волну. А впрочем, когда-то люди ухватились за ветер — и это, должно быть, сначала тоже казалось наглым. Прав Каплинский: человек создан для бури.

А какая сейчас тишина! Замерли облака в голубом небе. Замерло море. Улетели чайки, утром их было здесь много. Молчит Осоргин-старший. Тихо, очень тихо.

— **Пятьдесят секунд.**

О чем я думал? Да, об этой идее. Теперь она кажется такой простой, такой очевидной. Почему же раньше никому не приходило в голову, что можно ухватиться за гребень цунами? Вероятно, все дело в том, что в открытом море волны не связаны с перемещением воды. Вода поднялась, вода опустилась — тут нет движения вперед, это так очевидно... Гипноз очевидности. Да, каждая

частица при прохождении волны описывает замкнутый круг. Частица остается на месте, а наш корабль скользит по этому кругу вперед, как по конвейеру на цилиндрических катках.

— **Тридцать пять секунд.**

Подумать только, как это было давно: библиотека, ночная улица, неоновая реклама Аэрофлота... Прошла половина жизни. Ну, не половина, так треть. Жизнь становится интереснее и, по идее, требует все больше времени. Один выходной в неделю, два выходных... Вот если бы удалось решить третью задачу...

— **Пятнадцать.**

— **Четырнадцать.**

Неудачно я тогда ответил шефу. Спроси он меня сегодня, чего я добиваюсь и в чем моя суть, я сказал бы иначе. Сказал бы за всех нас — и за себя, и за Осоргиных, и за Каплинского, и за того, кто сейчас бьется над третьей задачей. Мы хотим, сказал бы я, ускорить очеловечивание человека. Мы знаем, что это долгий, в сущности бесконечный, процесс, потому что нет пределов возможности человека становиться человечнее. Нам чужда истеричность («Ах, все плохо!» и «Ах, все хорошо!»), оправдывающая или прикрывающая ничегонеделание. Мы работаем. Мы знаем, что никто не сделает за нас эту работу.

— **Семь.**

— **Шесть.**

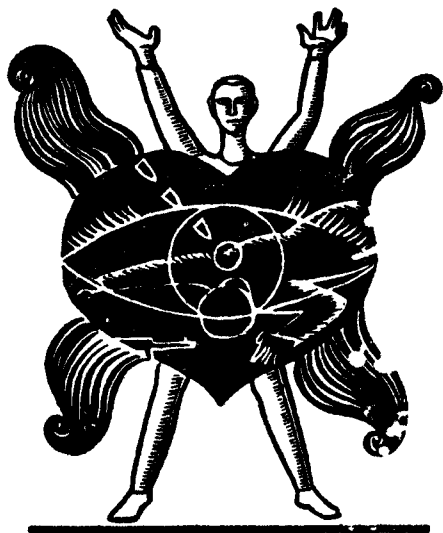
— **Пять.**

Хочу увидеть волну. Слишком
сильно затянуты ремни, но я обер-
нусь, как-нибудь обернусь. Почему
так тяжел этот термос?

Вот он, дальний берег залива.

На желтых, источенных прибоем
скалах никого нет, все в укрытии.
Море... Золотое зеркало моря.
Как много солнца в заливе!

До взрыва — две секунды...

только один час

В
л
д
и
м
и
р
Ф
и
р
с
о
в

Он стоял на высоком берегу, крутой откос которого сбегал к самой воде. Дальше, за серебряной дугой реки, поднимались гигантские здания, а выше, на густеющей синеве неба, светилось ослепительной белизны облако, край которого был тронут багряным отсветом заката. Самое странное заключалось в том, что за всем этим прекрасным миром, который лежал сейчас перед ним,

не было ничего. Он возник ниоткуда, как бы выхваченный из неизвестности внезапной вспышкой света.

Человек медленно огляделся. Что-то до боли знакомое почудилось ему в плаговом изгибе берега. Он попытался вспомнить, но память, до этого верно служившая ему, отказывалась повиноваться. На мгновение это обеспокоило его. Однако нереальность всего происходящего была настолько сильна, что он тотчас же забыл о своем беспокойстве, поглощенный зрелищем необычного мира.

Взволнованный, он поднес ладони к лицу и с удивлением увидел на своих руках плотные перчатки из неизвестного ему материала. Тогда он осмотрел себя всего. Странная одежда — легкий костюм какого-то удивительного покроя, удобная обувь, отдаленно напоминавшая ботинки...

Над вершинами деревьев рассыпался серебристый смех. Человек поднял голову. Изящными стрекозами над ним мелькнули две легкие фигурки на прозрачных крыльях. Взявшись за руки, они парили в вышине. Потом стремительно скользнули вниз, к воде. Счастливый смех еще звучал несколько секунд, потом стих.

Он снова посмотрел вдаль и понял: точки в синеве, похожие на стаи птиц, были людьми — такими же, как и эти двое.

Большой красновато-желтый лист с зубчатыми краями бесшум-

но отделился от ветки и мягко лег на траву. Он поднял его и вдруг ощутил, что знакомый колер вызывает в нем безотчетную тревогу. Золотые осины, алеющие клены, пылающие рябины напомнили ему, что наступила осень. От этого в душе шевельнулся страх, и причина его лежала где-то там, за черным провалом памяти. Сейчас не могло быть осени!

Он стоял и слушал, а солнце исчезало за горизонтом. В наступающих сумерках глаза различили далекий рубиновый огонек, вознесенный к пылающему облаку заостренной иглой древней башни.

Справа, где излучина реки уже подернулась сиреневым туманом, из-под воды один за другим появлялись разноцветные шары. Поднимаясь высоко над крышами, они лопались с мелодичным звоном. Шаров становилось все больше. Их звуки слились в тревожную мелодию.

От небольшой группы людей, стоявших шагах в двадцати, отделился высокий седой мужчина. Услышав шаги за спиной, человек на обрыве обернулся

— Здравствуйте, Ганс, — сказал подошедший и протянул ему руку.

Ганс неуверенно улыбнулся, прислушиваясь к красивому голосу незнакомца. Беспокойство росло.

— Кто вы? — спросил он и за-

молчал, пытаясь погасить растущую внутри тревогу.

Разноцветные шары слились в одно пылающее солнце, и теперь в небе горели сразу два светила — одно закатное, багряное, другое — все время меняющее свой цвет. От этого по листьям, по траве, по лицам пробегали синие, зеленые, фиолетовые, золотые отблески, и одинокое облако с алым краем тоже становилось синим, зеленым, фиолетовым, золотым. По-прежнему горел вдаль рубиновый огонек, но теперь Ганс различил, что он имеет форму звездочки, а рядом горит другая, третья, четвертая... Он понял, где находится, и с удивлением взглянул в лицо стоящего рядом с ним человека, взглянул в глаза, грустные, ласковые и тревожные. Увидел в них себя, разноцветное поющее солнце, стояжные невесомые здания, рубиновые звезды Кремля.

Память вернулась к нему.

Это было до того чудовищно, что он едва не потерял сознания. Мутный поток ненависти, страха и боли захлестнул его с головой, ослепил, сдавил горло. В ужасе отшатнулся он от человека, в лицо которого только что смотрел.

— Что с вами, Ганс? — быстро спросил тот, пытаясь удержать его.

— Нет! — сказал Ганс, отступая. Лицо его искажилось. — Нет! Нет! Не-е-ет!..

* * *

Стена была самой обыкновенной — гладкая стена, выложенная ослепительно белым кафелем. Комната была тоже самой обыкновенной — насколько может казаться обычной комната, на которую смотришь, прижавшись щекой к шершавым плитам пола. Удивительно, как в этом ярко освещенном чистеньком помещении может рождаться столько невыносимой боли.

В нескольких сантиметрах от его лица по белой плитке медленно сползала капля крови. Одним глазом он следил за ее неторопливым движением. Второй глаз, затекший от удара прикладом, почти ничего не видел. Теперь, когда сознание снова вернулось к нему, он знал, что ничего не сказал и не скажет. Он понимал, чего ему это будет стоить, и, пользуясь минутной передышкой, лежал тихо, экономя силы.

Но долго отдыхать ему не дали.

— Встать! — срывающимся голосом закричал обер-лейтенант Кранц, и внезапная боль от удара по почкам сотрясла тело человека.

Мюллер неодобрительно посмотрел на обер-лейтенанта. Допрос — это прежде всего работа. Если каждый раз так взвинчивать себя, через неделю попадешь в сумасшедший дом.

Человек, лежавший сейчас на полу, был схвачен с оружием в руках. За ним гнались долго и все-таки упустили бы его, если бы он сам, уже ускользнув от

преследователей, не решил дать бой гестаповцам. В отчаянной схватке он убил троих и одного тяжело ранил, после чего хотел подорвать себя вместе со схватившими его солдатами гранатой, которая, однако, не взорвалась. Можно было догадаться, что он пожертвовал собой, прикрывая отход кого-то другого, чью жизнь он считал более ценной, чем свою собственную; но кто был этот второй, куда и с каким заданием шел, оставалось неизвестным.

Мюллер был уверен: пленный скоро заговорит. Допрос уже вступил в ту стадию, на которой не выдерживают даже самые упорные. Жаль, что обер-лейтенант вдруг сорвался и в припадке ярости начал бесцельно избивать пленного.

Мюллер был художником своего дела, и грубая работа всегда претила ему. Он глубоко изучил самые тонкие нюансы сложного искусства ведения допроса. Он умел провести человека через все круги ада, когда боль достигает, кажется, уже невыносимых вершин, и тем не менее в следующее мгновение становится еще сильнее. Он разыгрывал сложные симфонии допроса, никогда не повторяясь, всегда находя новые сочетания болевых гамм, наиболее подходящих для данного индивидуума. Многолетний опыт позволял ему точно дозировать воздействие боли, соразмеряя ее с силами допрашиваемого. Убить человека не сложно. Гораздо труднее заста-

вить его жить именно тогда, когда он мечтает о смерти, как о неземном счастье.

...Вмешательство Кранца испортило все дело. Два-три лишних удара, и допрос можно будет считать законченным.

Мюллер не знал, что обер-лейтенант проклинает миг, когда он самонадеянно высказал генералу Гофману свое предположение о втором разведчике. «Значит, вы упустили его, — задумчиво сказал генерал, глядя куда-то сквозь Кранца. — Заставьте говорить пленного или отправляйтесь на Восточный фронт...»

— Встать! — снова закричал обер-лейтенант, пиная ногами расprostертого перед ним человека.

Тот со стоном поднялся, держась за стену. Руки скользнули по белому кафелю, оставляя багровые полосы. Ногти с пальцев были сорваны в самом начале допроса.

Человек не думал о предстоящей пытке. Он пытался подсчитать, сколько часов прошло с момента его пленения. О том, что связной все-таки ушел, он знал с самого начала допроса. Возможно, ему уже удалось дойти до цели и сверхсекретный план нового немецкого наступления сейчас лежит перед советскими генералами. Но, может быть, его что-нибудь задержало в пути? Значит, остается молчать, стиснуть зубы и молчать; это сейчас будет самым трудным, почти невозможным.

«Если бы они знали, кто сейчас перед ними», — подумал он.

Много лет назад он был депутатом рейхстага и, следовательно, неприкосновенным лицом. Мысль эта показалась ему такой нелепой, что он криво улынулся разбитыми губами. И обер-лейтенант Фридрих Кранц, тщетно ожидавший увидеть на лице пленного страх и услышать мольбы о пощаде, совершенно осатанел. Он знал, что Гофман не забывает своих обещаний, и эта мысль привела его в дикий ужас. Кранц уже видел себя под гусеницами советского танка — раздавленным, втоптанном в грязь на одной из бесчисленных зимних дорог, по которым откатывались к границам Германии разбитые части вермахта. А ему бешено хотелось жить, и ради сохранения своей драгоценной жизни он готов был вешать, пытаться, расстреливать... Если бы это помогло, он, наверное, бросился бы на колени перед упрямым коммунистом, который, вдруг качнувшись, стал медленно оседать на пол камеры...

Кранц подошел к зарешеченному окну и медленно достал пачку сигарет. Три спички сломались одна за другой, и только на четвертый раз, с трудом уняв дрожь в пальцах, он прикурил.

Ему было душно. Он просунул руку сквозь прутья решетки и распахнул раму. В комнату ворвалось белое облако пара, перемешанного со снегом. И одновре-

менно Кранц услышал далекий гул. Это была советская артиллерия. За спиной обер-лейтенанта вызванный Мюллером врач возился над телом разведчика. Постукивали какие-то инструменты. Наконец врач поднялся и стал протирать руки ваткой. По комнате разнесся запах спирта.

— Не дотянет и до ночи, — буркнул он.

Кранц не пошевелился, только внутренне похолодел. У него словно что-то оборвалось внутри, и он вдруг понял, что Гофману не придется выполнять свою угрозу.

— Запри его в подвал, — не оборачиваясь, приказал он Мюллеру, когда врач вышел. — Утром повесить на площади с плакатом «Дезертир». Вчера из второй роты дезертировал солдат. Он еще не пойман.

Обер-лейтенант Фридрих Кранц даже в последний час своей жизни оставался дисциплинированным служакой, пекущимся о выполнении воинского долга.

* * *

— Оттуда, из подвала, мы и взяли вас, — сказал профессор Свет. — Для техники двадцать пятого века это не представлял особой трудность.

Изумрудное солнце, плывшее над городом, начало стремительно менять свою окраску. Как будто брызги аквамарина упали на его поверхность и расцвели огненными васильками. Легкий перезвон серебряных колокольчиков про-

катился в вечернем воздухе, затем огненные колонны пронизали небосвод и слились в колышущуюся завесу.

— Что это такое? — машинально спросил Ганс, думая о чем-то другом.

— Сегодня Праздник Неба. В этот день школьники впервые улетают на Марс, — ответил профессор.

Минута прошла в молчании. Профессор незаметно посмотрел на часы, и в глазах его мелькнуло беспокойство.

— И все-таки я не понимаю... — нерешительно произнес Ганс.

— Не задумывайтесь над этим, — быстро сказал Свет. — Дело не в технических деталях, хотя они и очень интересны. Я не инженер, а историк, специалист по древней истории коммунистического общества. Я изучаю двадцатый век, поэтому мне поручено встретить вас — первого человека, совершившего путешествие в будущее.

— Но почему я? — спросил Ганс. — Что вы знаете обо мне?

— Поверьте, выбор был сделан не случайно. Я напому некоторые эпизоды из вашей биографии, чтобы убедить вас в этом.

Вы родились в 1901 году в семье потомственного немецкого рабочего. Отец ваш был одним из функционеров социал-демократической партии Германии и умер в тюрьме от туберкулеза. Это случилось как раз в те дни, когда в России произошла революция.

Узнав о смерти отца, вы поклялись продолжать его дело. С тех пор вся ваша жизнь была посвящена делу пролетариата. Боевое крещение вы приняли шестого декабря 1918 года, когда в группе спартаковцев принимали участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Берлине. Тридцатого декабря состоялся Учредительный съезд Компартии Германии. Вы участвовали в его работе и познакомились там с Карлом Либкнехтом. Вскоре в Баварии была создана Советская республика, и вы бились за ее независимость вплоть до последнего дня. Первого мая 1919 года вы были ранены, схвачены и на три года брошены в тюрьму. В 1923 году вы помогали Тельману организовать восстание в Гамбурге — восстание, преданное соглашателями. В 1932 году Коммунистическая партия Германии послала вас депутатом в рейхстаг. Но в феврале следующего года вас арестовали. Последовали долгие допросы, избиения... Палачей интересовало, где скрывался Тельман, но они не узнали от вас ничего. Был приговор — десять лет каторжных работ. Однако через четыре года вам удалось бежать во Францию. Оттуда вы уехали в Испанию и сражались в Интернациональной бригаде. После падения республики вы приехали в СССР, а осенью 1941 защищали Москву. Вас разыскал старый товарищ по партии и предложил работу в немецком тылу. Блестя-

ще выполнив несколько трудных и ответственных заданий, вы каждый раз благополучно уходили от гестапо, абвера и СД. Но в январе 1945 года вы были схвачены и после долгих пыток повешены.

Ганс удивленно посмотрел на собеседника, не решаясь задать основного вопроса.

— Пойдемте, Ганс, — сказал профессор. — Я покажу вам Москву. По дороге я буду рассказывать.

Он обнял Ганса за плечи, и они пошли к извилистой лестнице, сбегавшей в неясный сиреневый полумрак. Люди, стоявшие в отдалении, двинулись за ними.

— Кто они? — спросил Ганс.

— Это те, кто доставил вас сюда. Интрохронолетчики и... — Свет на секунду замаялся, подыскивая слово, — и медики.

— Почему они не подходят? — удивился Ганс, замедляя шаги.

Но профессор мягко остановил его.

— Так надо. Поверьте мне, Ганс. Нам не надо останавливаться. У нас нет времени...

Они медленно спускались вниз, и ближайшие две-три ступеньки впереди загорались ровным мягким светом. Ганс оглянулся. Ступеньки, которые они уже прошли, медленно гасли.

Там, где кончалась лестница, Ганс увидел слабо светящийся в полутьме диск. Они ступили на него, диск вздрогнул и медленно поплыл над берегом, над водой к рубиновым звездам Кремля, от-

куда доносились приглушенные всплески музыки и смеха. Немного позади над волнами скользили другие диски, на которых стояли или сидели люди. Профессор угадал мысль Ганса, и тотчас же возле них появились два удобных кресла.

Ганс с жадным любопытством смотрел на проплывающие мимо здания города, на людей, которые толпились на берегах и махали им руками, на суматоху огней в неугасающем ночном небе. Какая-то девушка кинула с моста букет цветов, осыпав ими Ганса. Он поднял цветы и обернулся, ища девушку глазами, но мост уже был позади и уплывал все дальше и дальше, а впереди разгорались рубиновые звезды.

Профессор взглянул на часы и поднялся с кресла.

— Вы должны извинить всех нас, Ганс, — сказал он. — Я знаю, в вашу эпоху это делалось не так. Но у нас нет времени. Возьмите. Он ждал вас пятьсот лет.

Он протянул Гансу руку. На ладони лежал небольшой предмет. Отблески оранжевого солнца осветили эмаль знамени, выющегося над знакомым родным профилем, окруженным венком из колосьев.

Ганс почувствовал, как гулко стучит его сердце.

— Служу Советскому Союзу! — хриплым шепотом произнес он уставную формулу, прозвучавшую для его собеседника гордым и таинственным заклинанием невооб-

разно далеких героических времен.

В ту минуту два человека, принадлежавшие к столь разным эпохам, внезапно осознали, что пять веков отнюдь не разделили их, что оба они — братья по духу, братья по классу.

В этот миг Ганс еще не знал, что никакая самая совершенная техника не может разорвать могучую цепь причин и следствий, не может оборвать его связей с веком, из которого он был ненадолго выхвачен. Но профессор Свет знал это. И он, человек двадцать пятого века, выросший в мире, не знающем насилия и страха, вдруг начал понимать, насколько трудна задача, за которую он так неосторожно взялся. По силам ли она ему?

Послать на смерть человека!

Сознание подсказывало Свету, что он ни в чем не виноват, что жестокое решение обусловлено всем ходом истории планеты и непреложными законами природы, перед которыми бессилён самый могучий разум... Но эта мысль ничуть не успокоила его.

В отчаянии он чуть не схватился руками за голову, не зная, что делать дальше. За спиной раздались беспокойные гудки радиодиска — товарищи соседних дисков были готовы прийти к нему на помощь. Но он не ответил на их вызовы.

Ганс заметил состояние профессора.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

Профессор тяжело опустился в кресло.

— Что я наделал! — проговорил он. — Что я наделал!..

Весь строго продуманный план разговора, проанализированный лучшими психологами планеты, вылетел у него из головы.

— Дело в том, — в отчаянии выкрикнул профессор, поднимая к Гансу искаженное болью лицо, — дело в том, что через час вы должны вернуться обратно! К себе, в двадцатый век!

В первый момент Ганс не понял его и улыбнулся.

— Поверьте, это будет самым большим счастьем для меня. Я видел будущее, за которое боролся всю жизнь. Вы даже не представляете себе, какую силу вы мне дали!

— Не то, не то... — простонал Свет. — Ну как вам это объяснить? Поймите, это правильно... Мы не можем вмешиваться в прошлое!

Только теперь страшный смысл сказанного стал доходить до сознания. Ганс облизал пересохшие губы.

— Значит, через час... — хриплым шепотом произнес он.

— Да! Через час вы должны оказаться в том же подвале...

* * *

Диски бесшумно скользили над крышами и куполами зданий. Высоко в небе, вздыхая, медленно

гасло огромное пульсирующее солнце. С каждым вздохом оно меняло свой цвет. Иногда внизу проплывали небольшие озера, выглядевшие сверху кусками зеркал, брошенных среди разноцветных кристаллов. Скорость дисков возросла, но встречного ветра Ганс совершенно не ощутил.

— Объясните, — произнес он в тот момент, когда молчание стало невыносимым для обоих.

— Как по-вашему, Ганс, сколько мне лет? — спросил профессор.

— Лет сорок пять. Хотя, может быть, и больше. У вас седые волосы.

— Мне сто восемьдесят лет, Ганс. И я проживу еще долго. Двести лет — средняя продолжительность жизни на планете. Это стало возможным после того, как навсегда прекратились войны и одни перестали угнетать других. За такую жизнь боролись и умирали миллионы на прогашении всей истории планеты. Наверное, каждый из них не раз задумывался: а какая она будет, эта жизнь? И будет ли она? И я знаю, что многие не верили в окончательное торжество коммунизма.

Сегодня мы имеем все, что только можно пожелать... Сред сорока миллиардов людей, населяющих солнечную систему, нет ни одного несчастного, обиженого, обездоленного. Мы уничтожили болезни, вдвое увеличили продолжительность жизни и научились летать к другим звездам. Сегодняшний школьник знает

больше, чем величайшие мыслители вашего времени. И всем этим мы обязаны героической борьбе своих предков. Мы никогда не забывали об этом, хотя время стерло остроту ощущения. Шли века, и величайший подвиг в истории человечества стал чем-то вроде привычной аксиомы, в истинности которой не сомневаешься, но и не задумываешься над ее глубоким смыслом.

Примерно пятьдесят лет назад был открыт способ видеть сквозь время, и полузабытое прошлое вдруг предстало перед глазами людей на экранах интрохроновизоров. Должен признаться, многие содрогнулись, увидев картины варварства, насилия, взаимного истребления, которыми были заполнены века нашей истории. Раздавались даже голоса, призывавшие запретить интрохроновизацию и навсегда прекратить дальнейшие изыскания в этой области. Но подавляющее большинство правильно оценило увиденное. И тогда перед человечеством впервые за всю историю встал вопрос об ответственности не только перед своими потомками, но и перед предками. Несколько десятилетий продолжались упорные поиски, закончившиеся блестящей победой — созданием аппарата для путешествия сквозь время. Сегодня, после полувекowych усилий, мы, наконец, получили возможность хотя бы частично воздать своим предкам наш долг. А долг этот огромен, потому что мы должники

каждого, жившего до нас на этой планете.

Может быть, Ганс, вас удивят мои слова. Нам обоим прекрасно известно, что историю делали разные люди. И не все из них были героями. Я знаю, что вы никогда не сомневались в победе своего дела. Но те, кто пал духом, кто умер без веры в сердце, считая себя преданным, обманутым?.. Разве мы можем забыть сожженных в крематориях, отравленных циклоном, умерших от лучевой болезни или КИпсихоза? Я знаю, многие из этих слов вам незнакомы. Не удивляйтесь — мир узнал о них уже после вашей смерти. Скажите, неужели каждый из миллионов безвестных героев не заслуживает того, чтобы хоть ненадолго, пускай даже на час, увидеть будущее, ради которого он отдал свою жизнь, и узнать, что умер не напрасно? Разве не будет это наивысшей мерой благодарности, какой могут воздать потомки тем, кому они обязаны не только своим счастьем, но и самим существованием? Вот поэтому мы, люди двадцать пятого века, решились в конце концов на подобный эксперимент.

Поймите меня, Ганс, нас отделиют друг от друга более чем пятьсот лет. Там, в двадцатом веке, вы уже давно умерли, похоронены, и даже праха вашего теперь не найти. Вы живете только тут, в нашем времени, и время это для вас истекает. Только на один час мы вырвали вас из

прошлого. Но сделать что-либо еще мы бессильны. То, что было, не изменится уже никогда. Мы не властны изменить ваше будущее!

— Да, мы тоже знаем это, — задумчиво произнес Ганс. Его лицо, поднятое к небу, застыло — «Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и ни герой...»

— «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой», — медленно продолжил профессор, чувствуя, как растет в нем гордость за своего мужественного предка.

Какие-то мгновения Ганс смотрел на быстро мелькающие под ними огни.

— Но ведь каждый, кто побывает здесь, вернется назад иным человеком, — полувопросительно сказал Ганс.

— Поэтому у нас есть только одна возможность — открыть ему будущее лишь перед самой смертью, когда он не в силах уже ничего изменить.

— Но почему меня нельзя оставить здесь? Кому в прошлом нужен безымянный мертвец?

Профессор покачал головой.

— Через сорок минут там, в двадцатом веке, в подвал войдет гестаповец Мюллер, чтобы напаялить на вас немецкий мундир и повесить вместо непойманного дезертира. Не найдя тела, он поднимет тревогу. Будут схвачены работающие в тюрьме русские и среди них агент подпольщиков, готовящих налет на гестапо. Налет сорвется, а всех арестованных

расстреляют перед приходом советских войск. Это будет первым следствием вашего невозвращения. Но цепочка потянется дальше. Один из пленников после войны должен стать физиком-ядерщиком и сделать крупнейшее открытие. Но оно сделано не будет — вернее, его раньше сделают в Америке, которая в результате получит мощное оружие. Обладание этим оружием толкнет ее правителей на развязывание мировой термоядерной войны...

Я привел, как пример, судьбу только одного человека, которого спасет ваше возвращение. Если проследить за любым другим, результат будет не менее поразителен. Но дело не только в этом. Лишив будущее даже горсточку вашего пепла, мы изменим его, и последствия могут оказаться самыми катастрофическими.

— Мне кажется, — сказал вдруг Ганс, и профессор удивился, услышав в его голосе иронические ноты, — вы не столько успокаиваете меня, сколько самого себя... Я понял, профессор: чему быть, того не миновать. Вам не надо оправдываться...

Свет почувствовал, как густая краска стыда заливает его лицо. Как он мог подумать такое об этих железных, негнибаемых людях!..

— Вы... вы молодец, Ганс! — воскликнул он. — Честное слово, я чувствую себя мальчишкой рядом с вами! Теперь я вижу, что мы недооценивали своих предков...

Ганс перебил его:

— Но скажите, почему мне отпущен только один час? Судя по времени, я пролежал в подвале довольно долго.

— Вы забыли Мюллера и Кранца. Четыре часа из пяти понадобилось нашим медикам, чтобы ликвидировать следы допроса.

Ганс поглядел на свои руки в перчатках.

— Да, ногти мы отрастить не успели, — сказал Свет, перехватив его взгляд. — Кстати, могу сообщить, что Кранц застрелился в ту же ночь. Мюллер был повешен через полгода.

Резко скользнув вниз, диск мягко опустился среди зданий.

— У нас есть еще четверть часа, — сказал Свет. — Пройдемте немного по улицам. Я расскажу вам о вашем сыне. Вы расстались с ним, когда ему было три года...

* * *

— Ну, вот и все, — грустно сказал Свет. — Час истекает, настала пора расставаться. Прощайте, мой дорогой друг!

— Прощайте все, — сказал Ганс окружившим его людям. — Вы подарили мне только один час своего прекрасного мира, и я бесконечно благодарен вам за это. Я верю, если бы вы могли, вы подарили б мне годы. Значит, иначе нельзя. Но и этот час сделал меня счастливым. Я знаю теперь, что не напрасно жил. Благодарю вас!

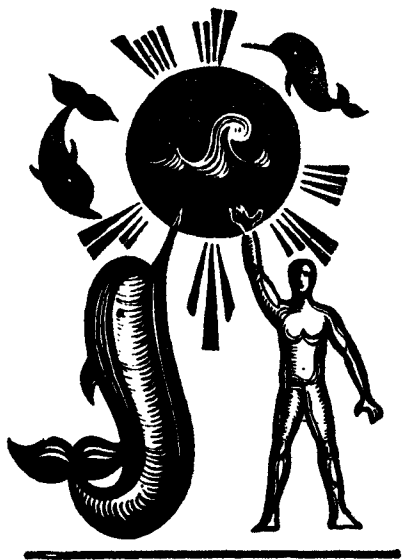
Ганс шагнул к люку интрохро-

нолета и обернулся. Перед ним напряженные, суровые, стояли люди будущего, внезапно понявшие, какой огромной ценой завоевано их существование. За ним, в невообразимо далеких даях прошлого, гремели залпы советской артиллерии, сокрушавшей еще один рубеж на пути к фашистскому логову.

И это прошлое звало его!

Он поднял сжатый кулак в про-

летарском приветствии, и все стоявшие у люка повторили его жест. Фигуры людей в черном овале люка затуманились, но он не дрогнул. Он сам уже не мог сказать точно, был ли на самом деле этот удивительный час или это только последняя вспышка гнущего мозга. Но одно он знал твердо, и эта мысль поддерживала его, пока тлела в нем последняя искра сознания. Будущее будет прекрасно!

*рассказ
для детей**

Сергей
Жемайтис

...Город из золота и перламутра погибал. Рушились дивные дворцы. Зловеще пылали руины. Высоко в небо взмывал фейерверк искр. В несколько минут от бывшего величия на горизонте осталась лишь узкая сумеречная полоса. Сверху медленно опускался занавес, вытканый тяжелыми звездами.

* Отрывок из повести «Дети океана».

Любители тропических закатов расходились с площадки у большого лабораторного корпуса. Павел Мефодиевич щелкнул крышкой старомодного футляра, в котором он хранил съёмочную камеру.

— Ничего не скажешь, высший класс изобразительного, декоративного и, я бы сказал, ювелирного искусства. Пример, как почти из ничего создаются шедевры. Нет, вы не улыбайтесь, молодые люди. Материалы самые что ни на есть обиденные: бросовые водяные пары, газовая смесь самого жалкого, как когда-то говорили... ассортимента, несколько пригоршней корпускул света и пыли — вот и все. И этими материалами она пользуется каждый день — и никогда, никогда не повторяется! Как и подобает настоящему художнику-творцу. Природа, братцы мои, гениальна в этом отношении. Возьмите снежинку, цветок, радиолярию, актинию! А наряд рыб! — Он вздохнул. — Красотам ее несть числа. Сегодня я запечатлел четыреста шестьдесят девятый снимок заката. Что поделать, коллекционирую солнечные закаты... М-да... А вы только посмотрите, как ярко, неповторимо ярко уходит день! Это ли не пример... Прошу завтра или даже сегодня ко мне, я продемонстрирую вам серию закатов.

По берегу лагуны бежала голубоватая светящаяся дорожка, упруго пружинящая под ногами. Мы ступили на нее. Лагуна тоже

слабо светилась. С противоположного конца ее доносился плеск и голоса дельфинов — шла игра в водное поло. Видно было, как зеленым огнем кипела вода лагуны.

Костя сказал:

— Я не знал вашего хобби. У меня дома тоже есть пленка. Снимал в Гималаях. Там бывают такие закаты! Хотите, ее вам пришлют.

— Благодарю. Приму с удовольствием, хотя я предпочитаю более влажные широты. В разреженной атмосфере закаты победнее в смысле изобразительной техники, но необыкновенно яркие. Там, я бы сказал, работает художник-абстракционист. — Павел Мефодиевич улыбнулся, довольный удачным сравнением.

Подожли к одной из небольших лабораторий, с десяток их было разбросано у причальной стенки. Здесь работал Павел Мефодиевич со своими ассистентами. Современная аппаратура позволяла им вести наблюдения над приматами моря в их естественной среде обитания.

Академик усадил нас и сел сам в легкое кресло возле телеэкрана включил его. Видимость была хорошей, хотя освещение не было включено: ночью жители моря плохо переносят яркий свет. в его лучах они чувствуют себя беспомощными перед окружающей тьмой, полной опасностей.

Из гидрофона сперва доносился обычный разговор дельфинов, он

воспринимался непосвященными как набор примитивных сигналов, похожих на щебет птиц.

Академик сказал:

— Здесь я записал множество очень интересных историй. Почти все подслушал в одной из этих клетушек. Помните, я вам рассказывал, как мать обучала детей счету? Это была Харита, я тоже прослушал ее урок. К слову сказать, сейчас в школах приматов моря мы вводим программы двух первых циклов. Усвояемость поразительная!

И относительно подслушивания... Должен вам сказать, мы здесь не нарушаем никаких моральных норм — у этих головастых ребят нет секретов, тайн, зависти, стремления возвыситься, и они охотно делятся своими знаниями. Если же расспрашивать их специально, запись приобретает сухость, протоколизм. Впрочем, давайте убедимся сами — включая экран. Вот и она — та самая умница Харита! Видите — с двумя «ребятишками». Сейчас Харита выступает только для детей. Молодежь получает информацию главным образом теми же путями, что и мы, грешные. Харита стала для них анахронизмом.

...Харита лежала, почти целиком погрузившись в воду, на широком карнизе — балконе, выложенном синтетической губкой. Здесь проводили ночь матери с малышами, собиралась «молодежь», иногда заплывали «старики».

Сцеитронофон зазвучал прият-

ным женским голосом. Вначале он переводил все, что говорилось во круг, включая понятия, смысл которых не всегда доходил до со знания.

Из гидрофона слышались слова:

— Кто поступает плохо. того уносит кальмар.

— Куда?

— Где темно и холодно ..

— Тише! Тише!..

— Вернулся Хох!

— Хох! Хох! Хох!

Последовала длинная бессмысленная фраза.

— Слышали? — Павел Мефодиевич поднял палец. — Должно быть, машина пытается перевести незапрограммированный диалект. К нам прибыло большое пополнение из Карибского моря, Океании, группа из Средиземного моря. Но каков прибор! Даже не зная, что не понимает, а дал тарабарщину — и все тут... Может быть, она имеет для него смысл? Не знаю.

Сцеитронофон перевел первые фразы Хариты:

— Я буду говорить. Вы будете слушать. Будете передавать другим, чтобы все знали о людях земли и моря.

На экране группа дельфинов качивалась в легкой, прозрачной волне. Словно бы они спали с открытыми глазами. Глядя на Хариту, нельзя было сказать, что она ведет рассказ — беседа велась в ультракоротком диапазоне, — только живые прекрасные глаза ее выдавали работу мысли.

Перевод напоминал подстрочник с очень трудного языка, сохраняющий только основные смысловые вехи подлинника. Поэтому при передаче дельфиньих рассказов приходилось редактировать сценофон, сохраняя необычный стиль языка.

— Океан был всегда, и над ним всегда плавала круглая горячая рыба, что посылает нам свет, тепло и дает жизнь всему, что плавает, летает или передвигается по земле и дну. Люди называют эту рыбу солнцем.

Океан круглый, как очень большая капля воды. Он тоже плавает среди светящихся рыб в другом океане, что над нами, где долго могут находиться только птицы. Мы можем плавать там, но очень недолго: океан не отпускает нас от себя, как мать, которая не отпускает своих детей.

Все же мы знаем радость полета и не уступаем в скорости птицам, что два раза в год пролетают высоко над нами туда, где вода становится твердой, как камень.

— Зачем они летят? — спросил кто-то.

— Много есть вопросов, на которые надо знать ответ, без этих ответов трудно жить. Но на все вопросы нельзя ответить сразу. В другое время я расскажу вам об этом. Теперь же слушайте, как с детьми Океана случилось большое несчастье и как это несчастье обернулось в благо.

...Давно, очень давно случилось это. С тех пор солнце бесконечное

число раз поднималось из океана и падало в него, чтобы напиться и поохотиться за золотой макрелью. С тех пор прошло столько времени, сколько понадобилось бы киту, чтобы выпить океан.

В то давнее время случилась сильная буря. Когда океан позволяет своим детям-волнам поиграть с ветром, надо спешить от берегов. Волны могут выбросить на острые скалы, что торчат, как страшные зубы косатки. Надо всегда уплывать от берега, когда волны играют с ветром.

— Это известно всем.

— Да, Ко-ки-эх, матери учат вас, когда надо уплывать от берегов, где много рыбы и еще больше опасностей. Возле хорошего всегда вертится плохое. Знали это и дети Океана в день великой бури. Многие успели уйти от берегов, а некоторые остались.

— Не послушались старших?

— Там не было детей. Там были самые сильные и храбрые. Они хотели узнать, что за скалами. Почему туда с такой радостью бегут волны и стремятся перепрыгнуть через самые высокие преграды? «Наверное, за этой твердой землей и камнями — лагуна и там еще больше рыбы, чем в океане», — подумали храбрецы и поплыли вперед, как будто увидали там белых акул.

— И все погибли, как гибнут медузы, ежи, морские звезды и морская трава, когда волны выбрасывают их на берег?

— Нет, любопытный Ко-ки-эх,

остались живы и превратились в людей.

...Так же, как из икринки получается рыба, а из круглого яйца — птица. Им даже было легче превратиться в людей. Ласты расстрескались, удлиннились и стали руками, а хвост вытянулся, и получились ноги.

— Какие они некрасивые! И совсем не умеют плавать.

— Помолчи, Ко-ки-эх. Да, надо признаться, что они утратили многое, зато их руки создали и остров, и мягкую губку, на которой лежишь ты, и стрелы, поражающие акул и косаток, и еще многое, что мы видели своими глазами, когда смотрели сны наяву, или, как их еще называют, записи, пленки, кинокартины.

— Кто сильнее: люди или Великий Кальмар? — задал вопрос Ко-ки-эх под одобрительный шепот сверстников.

— Ты скоро решишь сам, кто сильнее, мой маленький Ко-ки-эх. Но прошу, не перебивай меня, не то я не успею рассказать всего, что вам надо узнать, пока не выйдет из океана сътое солнце.

...Вы уже слышали, как изменились наши братья, очутившись на сухой земле. Надо еще добавить: прекрасная голова, которой нам так легко хватать рыбу и поразать рагов, стала у них круглой.

Неуемный Ко-ки-эх вставил:

— Как медуза.

— Все-таки я не хотела бы, чтобы с моими детьми случилось та-

кое несчастье, — сказала одна из матерей.

— Нельзя делать выводы, не узнав всего, но в одном ты права, Эй-хи-ий: вначале им было тяжело. Беспомощные и жалкие приползли они к берегу океана, бросились в его воды и поняли, что не могут плавать, как прежде. Акулы перестали бояться людей, нападали и пожирали многих, если нас не было поблизости. Мы всегда защищали своих беспомощных братьев. Если, уплыв далеко от скал, они уставали и погружались в ночь, мы поднимали их ластами и помогали достигнуть берега, где им приходилось терпеть столько бедствий, хотя все же было лучше, чем там, в темноте, где живет Великий Кальмар.

Долгое время люди помнили, что мы их братья и что у нас один отец — Океан. Чтобы находиться вместе с нами, они устраивали себе раковины и отплывали от берегов.

— Как моллюски?

— Да, Ко-ки-эх. Запомните все, что раковина, в которой плавают люди, называется пирогой, лодкой, катамараном, кораблем и носит еще много других имен.

...Устраивалась большая охота. Люди наполняли свои раковины рыбой и плыли к земле. Мы провожали их, пока песок или острые кораллы не касались наших животов. На берегу нас ждали жены и дети людей. Они входили в воду и ласкали нас, глядя руками по спине.

Солнце много раз выглядывало из океана и, усталое, возвращалось назад. Много было бурь и хороших дней. Несчетное число раз рыбы клали икринки в песок, или прикрепляли к водорослям, где из них выходили мальки, а затем вырастали рыбы.

Однажды, когда дети Океана приплыли к земле, люди не вышли к ним навстречу в своих раковинах. Дети Океана стали звать их. Никто не откликнулся. Случилось страшное: люди забыли язык своих братьев...

Сага о страданиях людей, утративших связь со своими братьями, заняла более двух часов Рассказывая, Харита разволновалась.

— Океан встречал своих блудных сыновей хмуро, он не мог простить, что его дети променяли свободные волны на мрачные скалы и песчаные берега, поросшие жесткими как камень деревьями.

Харита описала множество катастроф. Уходили в вечную ночь корабли, похожие на острова, гибли джонки, лодки, яхты, барки... У дельфинов разрывались сердца при виде ужасных сцен гибели людей, но им редко удавалось кого-либо спасти. Люди упорно отказывались от их помощи и гибли.

Дети первыми поняли, что дельфины не причинят им зла. Через них намечались первые контакты и снова гасли, как слабые искры, среди глухой вражды ко всему живому, овладевшей человеком. Наконец у людей спала пелена

с глаз и с сердца. Они вспомнили язык своих братьев — и все стало так, как в те давние времена, когда еще не разразилась первая страшная буря.

Харита закончила радостным гимном, воспевающим наступившее вечное счастье детей Океана.

— Я ничего подобного никогда не слышал и не представлял! — воскликнул пораженный Костя, когда Павел Мефодиевич выключил электронный толмач.

— Где же ты мог услышать такое? — спросил он с улыбкой. — Только здесь. Да, сегодня старушка была в ударе. Весьма! В такой интерпретации я тоже впервые слышу историю грехопадения и мук человеческих. Вы уловили философский подтекст: всякое познание обходится дорого. Особенно для первооткрывателей. Старая истина. И ты прав, что поразительно слышать ее от наших братьев по разуму.

— Все это так, Павел Мефодиевич, — не унимался Костя, — и философия, и поэзия, и старая истина... Все это, возможно, есть в рассказанном мифе. Я ждал другого.

— Чего?

— Правды. А здесь, извините, ею и не пахнет. Харита говорила неправду. Она лгунья. Трагедию она превратила в романтическую сказку. Я не поверю, чтобы ей не было известно о преступлениях людей в отношении ее сородичей. Наши предки уничтожали дельфинов сотнями тысяч, чтобы полу-

чить жир и кожу. Я читал в старой книге, что их порой убивали просто так, ради забавы, и это не считалось преступлением! Как же можно все это забыть или превратить в сказку? Или, может быть, и здесь «педагогические цели»?

— Отнюдь. Взрослые любят слушать то же самое. И если им попытаться рассказать правду, они просто не поверят и с возмущением покинут «лжеца». По их представлениям, человек не может причинить зла. Он — брат, друг, союзник. Да, когда-нибудь и они постигнут жестокую историческую правду, как ее постигаете вы. И так же, как и вы, будут относиться к ней со снисходительным недоумением...

Мы вышли из лаборатории в темную душную ночь. В л. гуну

с плеском и фырканием, рассыпая огненные брызги, ворвался отряд дельфинов-патрульных. Тела их светились.

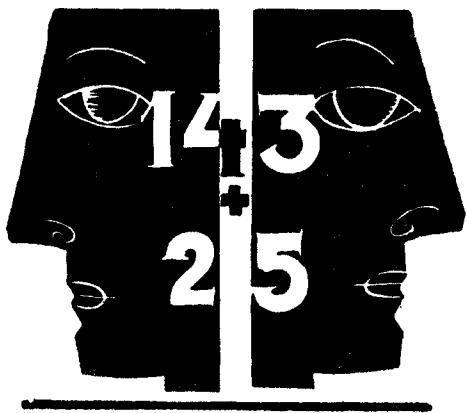
Я весь находился под впечатлением рассказа Хариты и Костиной горячей тирады. Мне захотелось остаться одному, разобраться во всем и мысленно посоветоваться с Биатой. Конечно, она не поддержала бы Костю, хотя в его словах была доля правды. Я искал глазами и не мог найти в небе спутник Биаты.

Костя сказал:

— Облака...

Павел Мефодиевич с минуту постоял молча, затем взял Костю под руку и сказал:

— То, что ты назвал ложью, — поэзия. А поэты никогда не были лгунами.

двери

Михаил Немченко,
Лариса Немченко

«Он прожил 147+12 лет».

(Из документов того
времени)

Шорывистый ледяной ветер бил прямо в лицо, но старик словно не чувствовал холода. Высокий и прямой, он неподвижно стоял на краю берегового обрыва, глядя на уходящие к горизонту бесконечные нагромождения льдов. У него оставалось еще десять минут. И этот леденящий ветер был для него прощальным прикосновением жизни Широкого мира, который навсегда останется позади,

когда за ним в последний раз закрются тяжелые двери Дома Продолжателей.

В последний раз... Как незаметно он промелькнул, этот, казавшийся вначале таким томительным, «месяц сосредоточения»! Месяц одиноких прогулок по пустынному заснеженному берегу, долгих раздумий в ничем не нарушаемой тишине комнаты, где он жил, почти не видя людей. Стена тишины... Даже врач, осматривавший его каждый вечер, за все время произнес лишь несколько слов. А хранители, которых он изредка встречал в гулком безлюдном вестибюле, казалось, вообще не замечали его присутствия.

Нет, старик не обижался на них. Он знал: так нужно. Человек, готовящийся предстать перед Продолжателем, должен огрешиться от всего постороннего. Только тогда оснащенная тончайшими нейронными анализаторами машина сможет «прочесть» и впитать в свой криогенный мозг все содержимое его разума, все самые сокровенные замыслы. Впитать, чтобы стать его посмертным мыслящим двойником, вместилищем его духовного «я», вырванного в последнюю минуту из угасающего тела... Да, ради этого стоило прожить последний месяц в одиночестве. Непонятно было только одно: почему именно здесь?

Старик уже не раз задавал себе этот вопрос. И не находил ответа. Уединенность? Да, конечно, он знал, что сверхчутким приборам,

скрытым там, за голстыми стенами, противопоказано даже отдаленное соседство повседневной человеческой техники. Ни один корабль, ни один летательный аппарат не имеет права приблизиться к острову без специального разрешения. Сто километров — таков радиус запретной зоны... Но разве мало уединенных клочков суши в других морях Земли? Почему нельзя было построить Дом Продолжателей где-нибудь в Океании, на одном из затерянных островков, глядящихся своими пальмами в тихие воды лагун? Ему так хотелось бы сейчас посидеть на теплом песке, в последний раз слушая шум набегających волн... Что же заставило строителей выбрать тогда, полстолетия назад, именно этот кусок скалистой тверди в сердце Арктики, еще оставшемся во власти льдов? И почему все, что связано с этим местом, с самого начала окружено какой-то непонятной атмосферой тайны?

Старик бросил последний взгляд на закованный в белый панцирь океан, и повернул к Дому. И снова, как каждый раз все эти дни, невольно замедлил шаг, захваченный властной величием гигантского здания. Суровый и грубоватый в своей простоте усеченный конус, словно вырубленный из одного монолита черного лабрадора, горной вершиной возвышался над островом. Было что-то дерзкое в этой одинокой черной громаде, взметнувшейся к холод-

ному небу среди ослепительной белизны льдов, — дерзкое, как сами пульсирующие в ней волны живых человеческих мыслей, бросающих вызов смерти и времени.

«Но эта сумрачность, эта чернота стен... — подумал старик. — Зачем? Можно подумать, что они сознательно стремились, чтобы идущие сюда острее ощутили холод надвигающегося...» Он на секунду остановился, не в силах побороть щемящей тяжести в сердце. Жизнь... Она вдруг встала перед ним во всем своем сказочном великолепии — радостная, счастливая жизнь, шумящая в далеких зеленых просторах Светлые корпуса института на берегу лесного озера, ветви берез, заглядывающие в окна лабораторий, милые, родные лица друзей и учеников...

Усилив воли старик отогнал нахлынувшие видения. Подойдя к Дому, он полной грудью вдохнул холодный воздух и, не оглядываясь, открыл массивную оканную медью дверь. Молчаливый хранитель уже ждал его в вестибюле.

* * *

Движущийся пол неторопливо нес их по широкому пустынному коридору, мягкой чуть заметной спиралью поднимающемуся вверх. Мертвая тишина стояла вокруг. Словно во всем огромном здании не было никого, кроме них двоих.

«О чем он сейчас думает? — спрашивал себя старик, глядя на спокойное, какое-то отрешенное

лицо своего молодого провожатого. — Конечно, ему нельзя со мной говорить... Но старается ли этот юноша понять состояние человека, которого ведет в последний путь к Продолжателю? Впрочем, как бы он ни старался, ему трудно представить себя на моем месте. Ведь сам он, вероятно, чувствует себя практически бесмертным. Он знает: там, далеко впереди, за предельным рубежом лет, которые теперь стали называть «первым сроком», его ждет «второе бытие». Еще одна непочатая жизнь».

Второе бытие... Старик подумал о том, как удивительно преобразило оно всю психику людей, это великое открытие нейрофизиологов, научившихся «реставрировать» мозг. Давно ли казалось, что, избавив человека от болезней, раздвинув границы его жизни почти до полутора столетий, медицина исчерпала свои возможности, что она навсегда остановилась перед последней непреодолимой стеной, имя которой «естественная смерть». Самые чудодейственные методы омоложения организма становились бесполезными, когда начиналось необратимое старческое перерождение коры больших полушарий мозга... И вот оно перестало быть необратимым!

Старик вспомнил, как лет десять назад он присутствовал на одной из первых операций по нейроактивированию. Должно быть, профессор Оливарес не без умысла пригласил его тогда в свой

геронтологический центр: он знал, что жизнь старого ученого приближается к финишу, и, видимо, хотел показать, на что он может рассчитывать... Собственно, старик увидел лишь заключительный этап операции. Перед ним на экране микропроектора были неузнаваемо обновленные многодневным лучевым активированием клетки мозга, впитывающие последние дозы биостимуляторов. Проработавшая больше века тончайшая нервная ткань почти на пороге распада возрождалась к новой жизни.

А потом ему показали седого человека с молодым лицом, очнувшегося от долгого сна в белом безмолвии операционной. Это было похоже на сказку. Мог ли он тогда подумать, что эта операция так скоро станет обычной в тысячах клиник мира!

Вот уже несколько лет, как на Земле никто не умирает. Никто, если не считать жертв редчайших трагических случайностей... и тех немногих, кто получает право явиться сюда, в Дом Продолжателей... Каждый год миллионы достигших предельной старости переходят во «второе бытие». И этот период всеобщего бессмертия будет длиться еще много десятков лет. Пока первые ветераны нового бытия не приблизятся к той конечной черте, откуда уже не может быть возврата...

Старик опустил голову, стараясь не смотреть на уплывающие назад стены. Да, все имеет конец.

Не надо быть биологом, чтобы понимать: жизнь, как бы ее ни растягивали, не может продолжаться вечно. Топливо постепенно выгорает... Ведь и «второе бытие» люди обретают дорогой ценой. Там, в этом новом существовании, они уже не могут по-настоящему заниматься ни наукой, ни искусством: омоложенный нейроактивированием мозг не в силах работать с прежним напряжением. Им приходится выбирать себе спокойные, несложные профессии, этим излеченным от старости людям которых все чаще можно встретить на всех широтах планеты...

И все-таки — это жизнь. Синее небо и голоса птиц, тепло человеческой дружбы и светлая радость труда — пусть другого, чем прежде. Еще одна жизнь в распахнутых просторах Земли, в великом братстве пятнадцати миллиардов разноликих братьев и сестер. Столетиями казавшаяся несбыточной мечтой возможность заглянуть в будущее, увидеть своими глазами далеких потомков... Пусть нет бессмертия, но перед безбрежностью этой жизни сам извечный человеческий страх небытия должен казаться новому поколению чем-то призрачно нереальным. Наверно, ему просто незнакомо это чувство. И конечно, молчаливому юноше, стоящему рядом, трудно понять того, кто через несколько минут войдет в комнату, из которой не выходит.

Старик зябко поежился. «Неужели трудно было сделать здесь

хотя бы потеплее? — с досадой подумал он, всем телом ощущая неприятный сырой холодок, заползающий под одежду. — И эти тускловатые светильники в потолке... Не может быть, чтобы у них не хватало энергии».

Но тут же он забыл обо всем. Там, впереди, за поворотом коридора, показалась дверь. Первая дверь, выплывшая из бесконечно разворачивающейся спирали глухих серых стен. Старик, не отрываясь, смотрел на горящую над ней надпись. Он прочел ее еще издали: «Строев. 143 + 25». И когда они поравнялись с дверью, нога его как-то сама собой нажала тормозную педаль.

— Входить нельзя, — негромко напомнил хранитель.

Старик отрицательно покачал головой. Нет, ему просто хотелось немного постоять перед этой дверью, за которой в беззвучном дыхании машин работал один из великих умов мира. Светлый ум академика Строева, продолжающий творить через четверть века после того, как остановилось его сердце.

Четверть столетия! Он хорошо помнил тот день, когда Большая Коллегия объявила о своем единогласном решении. Это был первый случай единогласия ее членов за все время существования Дома Продолжателей. Тысячи людей боролись за право продолжить себя в мыслящих двойниках, но лишь немногие из них получали на Коллегии нужное большинство го-

лосов, открывающее путь на маленький арктический остров. И каждый понимал, что иначе нельзя: слишком дорого еще обходятся человечеству эти сложнейшие комплексы уникальной автоматической аппаратуры, которые, пожалуй, точнее было бы назвать не Продолжателями, а реализаторами унаследованных идей.

Да, именно реализаторы. Ведь в их холодном криогенном мозгу никогда не может возникнуть самостоятельных новых замыслов. Они лишь деловито и скрупулезно разрабатывают «фонд творческих заготовок», оставленных им человеком, додумывая его мысли и то, что он не успел додумать при жизни. И когда этот невозобновляемый запас идей иссякает, машина останавливается, навсегда выбывая из строя. Так же происходит и в тех случаях, когда разрабатываемые замыслы и проекты оказываются безнадежно устаревшими перед лицом новых открытий, сделанных живыми. Увы, это случается не так уж редко... Вот почему Большая Коллегия так долго и тщательно взвешивает каждую кандидатуру. Только за великого физика Строева она проголосовала сразу и единодушно, без тени сомнения. Хотя вряд ли кто-нибудь из ее членов мог тогда предположить, что и двадцать пять лет спустя радиоволны будут приносить в Главный Информарий планеты все новые и новые научные труды, рождающиеся здесь, за этой красной дверью...

Этих трудов с нетерпением ждут не только физики-теоретики. Как и прежде, они помогают двигать вперед многие области техники. Не случайно столько откликов вызвала только что появившаяся работа Строева «О принципах гравитационной фокусировки». И кто знает, сколько их еще, таких смелых строевских идей, созревает вот сейчас, облекаясь в схемы и формулы, в неустанно работающем мозгу машин, связанных с десятками лабораторий и исследовательских центров... В сущности, только теперь люди начинают по-настоящему понимать, как далеко в будущем жил в своих заветных мечтах и устремлениях этот поистине неисчерпаемый ум, напекор всему остающийся в рабочем строю человечества.

«А я? — подумал старик. — Надолго ли хватит меня? Если бы только твердо знать, что Теорию удастся создать! Что зерна мыслей и расчетов, не успевшие прорасти при жизни, сумеют дать здесь жизнеспособные всходы...»

Хранитель тронул его за плечо.

— Нам пора...

Серая лента пола, плавно сдвинувшись с места, понесла их дальше. Теперь двери попадались через каждые десять-пятнадцать метров. Высокие красные двери, над которыми старик читал знакомые горящие имена. Впрочем нет, горящими были не все. Некоторые надписи погасли, и по редким приглушенным звукам, доносив-

шимся изнутри, можно было догадаться, что там уже идет демонтаж.

Одна из погасших надписей особенно неприятно поразила старика. С трудом разобрав смутные очертания букв, он прочел фамилию своего предшественника по избранию. То был известный психолог, всего полгода назад получивший на Коллегии право явиться в Дом Продолжателей... Всего полгода...

Старик вздохнул. Что, если и его замыслы окажутся на проверку несбыточной фантазией? Нет, он верит, всем существом верит в реальность своей идеи! Универсальная Теория Перемещений, которая поможет людям посылать звездные корабли далеко за пределы доступных ныне миров! Мысленно он уже почти видит перед собой математическое обоснование... Но кто может поручиться?..

Чем выше они поднимались, тем холоднее и неприветливей становилось вокруг. Какой-то странный зыбкий туман висел в коридоре, рассеивая и без того тусклый свет редких ламп. Голые шершавые стены, казалось, дышали пронизывающей сыростью sklepa.

«Обставить так последние минуты жизни...» — с горечью подумал старик, бросив взгляд на по-прежнему непроницаемое лицо своего спутника. В этот момент пол остановился. Перед ними была дверь. Без надписи. И старик понял, что это ЕГО дверь.

— Можно входить? — глухо спросил он.

— Нет, сначала — сюда.

Хранитель кивнул на противоположную стену, и старик увидел низкую серую дверцу, которую сначала не заметил. Не задавая лишних вопросов, он толкнул ее и, пригнувшись, вошел. Дверца мягко захлопнулась за ним.

В первое мгновение он ничего не понял. Какие-то зеленые тени колыхались вокруг, что-то колючее касалось его лица и рук. Оглядевшись, он увидел, что стоит... в кустарнике! Да, густой, высокий кустарник... Не веря своим глазам, старик жадно разглядывал мелкие, влажные от росы листочки с тонкими светлыми прожилками. Потом, раздвинув ветви, он вышел на зеленую лесную поляну.

Теплое летнее утро. Ослепительно яркое, словно умытое синевой, солнце поднималось над кронами деревьев. Где-то далеко в лесу куковала кукушка. Пахло хвоей и каким-то смешанным настом лесных цветов. Сделав несколько шагов, старик тяжело опустился на ствол поваленной сосны, вспугнув большую блестящую стрекозу, тут же улетевшую на другой конец поляны. Он долго сидел, бездумно глядя в траву, чуть колыхавшуюся у его ног под дуновением легкого ветерка. А когда поднял голову, в воздухе прямо перед ним возникли светящиеся слова: «Еще не поздно вы- 68 брать второе бытие».

Старик слабо улыбнулся. Он уже понял все и без них, этих слов. Все, что еще несколько ми-

нут назад казалось странным и непонятным, теперь прояснилось. Зов жизни... И ледяное безмолвие полярного острова, и сумрачность вознесшегося к небу колосса, и стылый туман в бесконечных извивах полутемного коридора — все имело одну цель: оттенить, сделать еще неотвязней этот последний страстный зов. Чтобы здесь, на солнечной лесной поляне, с таким потрясающим искусством созданной в сердце гигантского здания, человек, пришедший к Продолжателю, во сто крат острее почувствовал красоту жизни, которую уже нельзя будет вернуть, когда нейронные анализаторы начнут «вычитывание» мозга. Зеленый заслон сияющего летнего утра, который может в последнюю минуту удержать тех, у кого вечная, горящая в крови жажда жить вдруг окажется сильнее желания довести до конца задуманное...

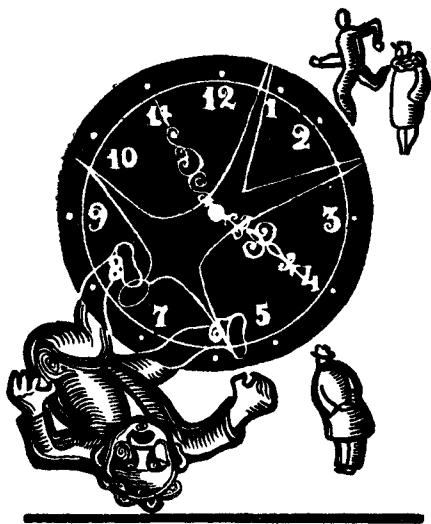
Жить!.. Вот так же бродить по лесам. Смотреть на птиц, просыпающихся в листве. Лежать в траве, каждой клеткой тела ощущая прикосновение солнца. Просто жить... «Родиться заново еще на целый век», — как сказал в тот прощальный вечер один из его учеников... Старик приложил руку к груди, тщетно стараясь унять бешено колотившееся сердце. Да, ученики... Как уговаривали они его тогда выбрать «второе бытие»? И вот сейчас ему еще раз дают возможность передумать... Но неужели эти люди не

понимают, что отречься от мечты, к которой шел всем трудом, всеми помыслами жизни, слишком дорогая плата за «второе бытие»? Разве тысячи из тех, кто сейчас так по-детски непосредственно наслаждается своей новой жизнью, не явились бы сюда, в Дом Продолжателей, если бы им удалось получить тогда это право?

Старик поднялся и медленно прошел по поляне. Сорвал ягоду, красневшую в траве у пня. Ласково погладил трепетную зеленую ветку молодой березки. Потом раздвинул кусты и, открыв низкую

дверь, вернулся в коридор, широкий, залитый светом коридор, в котором не осталось и следа от холода и тумана.

Хранитель ждал его на том же месте. Нет, он ничего не спросил, этот высокий смуглый юноша. Он понял все по глазам. И, шагнув к старику, он вдруг крепко по-сыновьи обнял его. Так, обнявшись, они простояли эту последнюю минуту. Без слов. И так же молча старик распахнул красную дверь комнаты, из которой никогда не выходят...

*две истории
из жизни
изобретателя
Евгения
Баранцева*

Лилиана
Розанова

Этот стал поэтом. Для математики у него было слишком мало воображения.

Давид Гильберт

«**ВЕСНА — ЛЕТО 2975-го**».
(Рассказ бывшей одноклассницы Баранцева.)

Мы в ту осень как раз переехали: Бескудниково, квартал 798 дробь восемь-бис — знаете? Дома повышенной срочности, блочности и потолочности. В классе народ новый, совершенно все незнакомые, и учителя молодые. У нас был классный руководитель

Вадим Николаич, молодой такой. Само собой, за глаза мы его звали Вадик, тем более что это имя словно для него было придумано. Представьте: пухлые губы, пушок на щеках и какая-то оставшаяся от детства нежность, что ли. Хотя и высоченный был, и спортивный, и очень нам нравился.

А дни стояли яркие, прозрачные, неторопливые такие. Листья кленов и лип были в известке. И казалось, вот-вот начнется что-то самое главное в жизни, стоит только дожить до завтра или до послезавтра, или дойти, например, до рыжей рощицы возле автобусной остановки.

Такое было настроение.

Как раз под такое настроение Вадик задал нам домашнее сочинение: «Цель моей жизни». И когда проверил, прочитал эти сочинения на уроке.

Начал он с сочинения Ксаны Таракановой: «Хочу быть в первых рядах прогрессивного человечества... Бороться за счастье всех людей...» Потом — Володьки Дубровского: «Мечтаю приучить организм дышать растворенным в воде кислородом, чтобы осваивать земли под толщей Мирового океана»; потом — Нёмы Изюмова — насчет сгущения сна: мол, если изобрести, как повысить интенсивность сна, то спать можно будет два часа в сутки и к. п. д. жизни повысится на восемьдесят процентов.

Были рассказы о путешествиях, о подвигах в космосе, о строитель-

стве городов под стеклянными куполами и об олимпийских победах.

Последним Вадик прочитал сочинение Баранцева. Я запомнила его от слова до слова, потому что сочинение состояло из одной фразы: «Я хочу решить Пятнадцатое уравнение Арнольда-Арнольда». Дальше полтетради было исписано формулами, и в конце стоял огромный вопросительный знак. Вадим Николаич прочитал эту одну-единственную фразу, выдержал паузу и спросил:

— Баранцев! Вы что, серьезно полагаете, что раскрыли заданную тему?

Женька встал. На него все уставились с любопытством, тем более что раньше, оказывается, никто его как-то не замечал. Женька сутулился и щурил под очками глаза; рубашка пузырилась на костлявой спине, и плечи торчали острыми углами. В общем он был похож на сердитую черную птицу: на маленького грача, например.

— Да, вы правы, — согласился он, подумав. — Если мне удастся решить Пятнадцатое уравнение Арнольда-Арнольда, то это произойдет в ближайшие пять-шесть лет. Чем я уду заниматься остальную часть жизни, я действительно не написал. Но пока я этого точно не знаю.

Вадик подошел к баранцевской парте и посмотрел Женьке в глаза. И ничего не сказал, а вернулся за учительский стол. А Ксана Тараканова потрогала прическу,

сплетенную словно из десяти кос — одна другой толще, закинула ногу на ногу и посмотрела на Женьку долгим взглядом. Но Женька ее взгляда даже не заметил — и это само по себе было удивительно! Потому что Ксана была красавица. Моя бабушка утверждала, что такие красавицы жили разве что во времена художников-передвижников, а теперь исчезли, как исчезли, например, великие композиторы, гениальные премьеры во МХАТе или тишина в Москве.

Другой такой, как Ксанка, не было во всем квартале 798 дробь восемь-бис. В нее были влюблены 72,5 процента десятиклассников, из них четверо — очень серьезно. Это подсчитал Нёма Изюмов, который относил себя к оставшимся 27,5 процента и потому мог рассуждать трезво. А в конце первой четверти мы заметили, что Вадим Николаич, когда вызывает Ксанку, краснеет, деревенеет и грустнеет — просто смотреть невозможно.

Впрочем, я забегаю вперед...

Теперь вы, наверное, думаете: эта красавица Тараканова была двоечница, а похожий на грача Баранцев — выдающийся отличник. Вот и не так. Отметки у них были примерно одинаковые. Ксанка, если не знала чего по существу, как-то угадывала, чего от нее хотят, и эта способность выводила ее в трудные минуты. Баранцев, конечно, мог учиться даже на шестерки, но не учился. Во-первых,

в отношении некоторых обыкновенных вещей у него были странные заскоки, и переубедить его было невозможно. Женька, например, не понимал, для чего нужно доказывать теоремы. Он утверждал, что человек рождается с понятием, чему равна сумма квадратов катетов, — это безусловный рефлекс. Но у некоторых он просто еще не прорезался. А по литературе он так отвечал: «Образ Луки. Не производит сильного впечатления. Образ Давыдова. Давыдова я уважаю». И все. И ни слова. И наводящих расспросов не принимал — просто не понимал, чего от него хотят.

Главное же, наши шефы — Завод счетно-логических машин — подарили нам древнюю, калечную счетную машину. Когда-то, наверное, она была чудом техники, но потом устарела, поломалась, только занимала у них место, — вот они и отдали ее нам, чтобы мы в порядке политехнизации разобрали ее на винтики. Это было скопище шкафов, а на главном шкафе значилось: «БЭСКУДНИК-I» — конечно, это означало Большое Экспериментальное Счетно-Кодирующее Устройство Для Научных Исследований в Кибернетике или что-нибудь в этом роде, но выходило-то — представляете?! Просто нарочно не придумаешь!

Безусловно, не будь Баранцева. «Бескудник» кончил бы свои дни на свалке металлолома, потому что наш единственный старый-престарый математик Пал Афанасьич и

молоденькая физичка Людочка не проявили в этом смысле никакого энтузиазма. Зато Женька стал просто как одержимый. К «Бескуднику» никого не подпускал, из подвала, куда его пристроили, вылезал только на уроки, и то не на все. А ночная сторожиха, глухая тетя Гутя, не выгоняла его до полночи: Женька пленил ее сердце, переделав свисток на чайнике так, что он теперь не только свистел, но и включал в вахтерке сигнальную лампочку.

Мы с Ксанкой однажды спустились в подвал — посмотреть. Там стояла машина, приятно пахло разогретой канифолью. Женьки не было видно: он ковырялся в «бескудниковых» внутренностях. Ксана села на стол, вытянула ноги и пошевелила ступнями, оттягивая носки.

— Женечка, — сказала она, — говорят, эти шкафы могут решить любую задачу — это правда?

— Какую задачу? — спросил Женькин голос.

— Ну, из учебника.

Женька фыркнул. Ксанка быстро вынула «Алгебру» и открыла наугад.

— Например. Может ли сумма квадратов двух последовательных натуральных чисел быть равна сумме четвертых степеней двух других последовательных натуральных чисел?

— Нет, разумеется, — сказал Женька. — Никогда эти суммы не могут быть равны. Из-за такой ерунды лампы жечь!

— С ума сойти! — сказала Ксана. — Ну, хорошо, задачи ему ни почем. А еще чего он может? Погоду предсказывать?

— Сейчас он и дважды два не может. — Хмурый Женька протиснулся между шкафами и стал рыться в ящике, выбирая детали, похожие на ногастых жуков, и близко поднося их к глазам. — Это же нужно суметь — до такого состояния довести машину! Это не люди, а...

— Ну, все-таки, все-таки, — тянула Ксана, — когда наладишь, — сможет погоду?

Женька пожал плечами:

— Какая разница — погоду или породу? Или моду?

Ксана вся подобралась и уставилась на Женьку так, словно это был не Женька, а не знаю кто.

— Моду?!

— Какую моду?

— Ты же сам сказал: моду!

— А, возможно... Это ж не люди, а питекантропы!

Ксанка спрыгнула со стола, положила ему на плечи руки и близко заглянула в лицо.

— Евгений! Сделай это для меня...

Баранцев покраснел и отступил к стене.

— Что сделать?

— Чтоб моду предсказывала.

Женька искренне удивился.

— Не вижу процесса, Штаны и платья, от холода — пальто, а летом — плавки. Что предсказывать?

— Господи! — закричала Ксана.

на. — Да ты хуже питекантропа! Хуже! Я прошлым летом сшила отрезное с бантовыми складками, так теперь в нем только на воскресники ходить!

— Абсолютно не понял, — сказал Женька.

Тогда я говорю (меня это, конечно, тоже захватило):

— Жень! Ты вдумайся. Древние римляне в чем ходили? В тогах и туниках. Мушкетеры щеголяли в плащах и шляпах с перьями. Цари носили мантии. Наполеон — треуголку, а Ломоносов — парик с косой. Купцы облачались в кафтаны, дворяне — в камзолы, а бояре — в шубы до полу, не знаю, как называются. Всякие там Людовики обожали панталоны с кружевами, Петр Первый предпочитал ботфорты, Чичиков разъезжал во фраке брусничного цвета с искрой, Анна Каренина танцевала в черном бархатном платье, Маяковский изобрел желтую кофту, а у Володи Дубровского сзади на «техасах» Ким Новак.

— Любопытно, — сказал Баранцев, помолчав.

Тогда Ксанка решила перейти на язык математики:

— Раньше был моден рукав три четверти, а теперь семь восьмых.

— Чувствительность маловата, — деловито сказал Баранцев. — Это нужно еще полсотни триггеров в пятый блок, а где их достанешь?

Но Ксанка уже не слушала.

— Ря-ря-ря! — пела она. — Все будут, как сегодня, — а я

как через год! Все как через год — а я как через десять!

В упоении она вытанцовывала посреди подвала: крутила коленками, отбрасывая пятки — хоп-хоп! — коричневый подол влево, черный фартук вправо, коса вывалилась из шпилек и моталась по спине золотым маятником. Потрясающее было зрелище!

Жаль — Баранцев не видел. Но он уже ничего не видел: он вглядывался и вслушивался в нечто неведомое нам. Не знаю уж, что представляется людям, у которых половина учебников математики ушла в безусловные рефлексy и освободившаяся голова может выдумывать, что хочет. Виделись ли ему туманные потомки в крылатых одеждах, или беззвучные перемигивания электронных ламп, или поблескивающие, сливающиеся вдаль, словно рельсы, ряды небывалых формул, — не знаю. Во всяком случае, я дернула Ксанку за руку, и мы тихо-тихо вышли из подвала, твердо уверенные, что история с модами только начинается.

Действительно, на завтра, на перемене, Баранцев говорит:

— Я обдумал эту штуку. Эта задача не имеет алгоритма. Тут можно попробовать принцип Дриппендроппена и работать в вероятностном режиме с беспорядочным статистическим подбором, а дальше экстраполировать по Мюмелю.

— Понятно, — нахально сказала Ксанка.

— В общем это интересно, — продолжал Баранцев. — Попро-бую. От вас требуется информация: от древнего Египта, ацтеков и шумеро-вавилонян до наших дней. Понимаете? Параметры платьев, диаметры шляп и каблу-ков, всякие там оттенки и другие ваши тонкости. Эвересты информа-ции. Сделаете?

Мы поспешно закивали.

Женька пошел, но обернулся.

— Да! На десять лет вперед не предскажется.

— А на сколько предскажет-ся? — спросила Ксана. — На бу-дущее лето — предскажется?

— При прогнозе на ближние сроки, — сказал Баранцев, — ошибка по отдельным деталям со-ставит пятьдесят-шестьдесят про-центов. На пятьсот лет вперед — еще туда-сюда. А вообще лучше на тысячу.

— Господи! — воскликнула Ксана. — Неужели на тысячу лет вперед легче предсказать, чем на десять?

Женька поморщился.

— Долго объяснять. Решайте: тысяча лет — устраивает?

По Ксаниному лицу пробежали, сменяя друг друга, разочарование, растерянность, краткое раздумье и, наконец, гордость.

— Тысяча лет! — прошептала она. — С ума сойти... Тысяча!

И началось... И пошло!..

Теперь вместо кино и катка, вместо сна, еды, уроков и мытья посуды, вместо чтения «Антологии

современной фантастики», нако-нец, я рыскала по музеям и биб-лиотекам.

Моя бабушка переводила Ксан-ке первый в истории модный жур-нал — «La dernier mode» 1873 го-да издания:

— Pendant cette saison les de-
colletés les plus piquants seront
les plus francs. O! Ах, Ксюша,
представь, мадам Маргерит де
Понти предлагает декольте с кру-
жевым бантом!

У Ксанки появился човый по-
клонник — студент с истфака,
некто Рома, изысканный и томный
молодой человек. Когда бы Ксанка
ни выходила из школы, он ждал
ее на углу.

— Видите ли, Ксаночка, — го-
ворил он, прижимая к своему боку
ее локоть, — буржуазные ученые
выдвинули несколько, с позволе-
ния сказать, «теорий» происхожде-
ния одежды. Они, например, пы-
таются объяснить ее возникнове-
ние чувством полового стыда. Это
же — ха-ха-ха!..

Володька Дубровский, у кото-
рого обнаружилась тетка-уборщи-
ца в Доме моделей, приводил
Ксанку на закрытые просмотры и
срисовывал для нее уникальные
образцы.

Брат Нёмы Изюмова делал фо-
токопии ценных рефератов по
истории вопроса.

А Вадим Николаич — вы пред-
ставляете! — в воскресенье, нака-
нуне Ксанкиного дня рождения,
слетал в Ленинград и купил в Эр-
митаже репродукции всех картин,

на которых женщины были хоть во что-нибудь одеты.

Последним эпизодом Ксанка любилась прихвастнуть при случае. Правда, обязательно добавляла, достоверительно понизив голос:

— Только ты никому, ладно?

Никто из них не вникал, зачем Ксанке все это понадобилось. Каждый, как мог, зарабатывал ее улыбку. Собственно, полностью в курсе дела были мы трое. Баранцев ушел в вычисления и только покрикивал на меня: мол, недостаточно быстро поставляю информацию. От Ксаны толку было мало; впрочем, ее слово было впереди, на последнем этапе: она должна была явиться на наш школьный выпускной бал во всем блеске моды Тридцатого века! Я в этом смысле в расчет не шла. Понимаете, какую-нибудь завтрашнюю пуговицу или послезавтрашний воротник я бы, пожалуй, рискнула на себя нацепить. Но Трехтысячный год! Нет, такое было по плечу только Ксане Таракановой. А мне просто ужасно интересно было узнать, что из этого получится. И нравилось сидеть по вечерам в подвале, сморгать на взъерошенного Женьку и следить за колдовским бегом зеленых огней по панелям «Бескудника-Первого».

— Рукава! — бросал мне Женька.

Я запускала в хитроумную, конструкторски Баранцева картотеку длинную спицу нашей ночной сторожихи тети Гуты, и все, что

изобрело человечество в смысле рукавов, зафиксированное на перфокартах, само собою вытряхивалось из картотеки и веером раскладывалось на стол перед Баранцевым!

Тетя Гутя, отдавши свои спицы под науку, бог знает как гордилась. Кроме того, она заваривала крепкий чай, несла вырезки из журнала «Работница», припасала малокровные буфетные сосиски, а Женьку особо подкармливала рыбой-аргентинкой домашней жарки. А то просто подолгу сидела, грея спину о горячий бок «Бескудника», и изредка, с большим уважением, произносила загадочную фразу:

— Премудрость во щах, вся сила — в капусте.

Она-то и сказала мне однажды:

— Ох, и девка твоя Ксенька! Сама верченая и такому парню голову заверчивает!

Впрочем, я забегая вперед...

Ответ мы получили только в декабре. Этот день я помню в подробностях. Был жуткий холод. Сам воздух над кварталом 793 дробь восемь-бис излучал глухое мерцающее сияние, и школьные стены были обметены плоскими жесткими сугробами.

Мы собрались в подвале, когда в школе не осталось ни одной живой души, и Баранцев запер дверь — не для таинственности, а для спокойствия. Видите ли, хотя никто голком не знал, чем

мы занимаемся, в любопытных не было недостатка. Например, за Баранцевым ходил хвост ординарцев-пятиклашек: два строгих тощеньких мальчика в очках, один высокий, ушастый, другой поменьше, и такая же девочка, по имени Лёка. Удивительно, но Баранцев их не гнал, а, наоборот, быстренько обучил обращаться с логарифмической линейкой и паяльником и поручал кое-какую работу. Иногда эти деятели застревали у «Бескудника» часов до девяти; и тогда в подвал врывались их разъяренные родительницы и силой уводили рыдающих ординарцев по домам.

Словом, Женька Баранцев запер дверь, включил рубильник и зацелкал тумблерами. Раздалось знакомое низкое гудение, метнулись по матовым экранам зайчики.

Сосредоточенный Женька достал итоговую перфокарту с заданием и вложил в приемник. Вспыхнули сигнальные лампы, «Бескудник» взял тоном выше и замигал огнями учащенно, словно побежал.

Так прошло, наверное, минут пятнадцать.

Потом возникло тихое, быстрое металлическое постукивание — это печатался Ответ.

Еще через минуту раздался щелчок, лампы погасли, и откуда-то, из внутренностей «Бескудника», выполз плотный четырехугольник бумаги.

Вот что мы прочитали:

«ВЕСНА — ЛЕТО 2975-го

Грядущий сезон не несет с собою никаких сенсаций. Мамическое решение силуэта по-прежнему довлеет над папическим. Вместе с тем тригонометрические мотивы постепенно уступают место орнитофлорическим, сдержанно вакхическим, а для молодых стройных женщин — даже квазиэкзистенциалистским. Брунсы вытесняются академками, комбирузы — комбианами, шляпы — пилюэтами, дюральки — феритками, а кальций — магнием. В повседневной носке никогда не надоедают кенгуру естественных цветов, а в выходные и в предпраздничные дни наборы люмексов сделают элегантной каждую женщину. Отправляясь путешествовать, к юбке из секстона или септона наденем жемайчики из октона длиной $0,65 \pm 0,125$, верхнюю часть из нонона, нижнюю — из декадона и кякки без пятток; пальто из макарона и шляпка формы «Вирус-В» завершат ансамбль.

На вечерних комбианах оригинально выглядит отделка из натурального ситца, однако молодым девушкам следует выбрать что-нибудь менее претенциозное.

Модны чистые, насыщенные цвета: ранний селеновый, тускаро-ра, кутящей гамбы, ноктилюка, протуберанцевый, гематоксилин-эозин».

Каждый из нас прочитал это про себя несколько раз. Баранцев отошел, сел в сторонку и протер очки; у него был вид человека,

только что сорвавшего грудью финишную ленточку.

— Премудрость во шах... — нарушив молчание, с большим чувством произнесла тетя Гутя.

— Прелестные советы для умалишенных, — ледяным голосом сказала Ксана.

— Неправда! — обиделась я за Женьку, хотя сама испытывала некоторое смятение. — Тут есть понятное, вот... тригонометрические... тускарора... кальций...

— А что такое? — спросил Баранцев.

— Что такое! — закричала Ксана. — Пальто из макарона! Кланяйся своему Мюмелю-Дрюмелю, идиоту несчастному!

Женька поблел. Отпер дверь на спине «Бескудника» и исчез в нем на полчаса.

Потом он снова вложил задание; снова, замерев, мы слушали металлическое постукивание, наконец новый Ответ был у нас в руках.

Он мало чем отличался от старого. Вместо «кутящей гамбы» теперь стояла «кипящая бамла», а вместо «макарона» — «махерона». Пальто из махерона.

— Действительно, — сказал Женька, — не контактило на выходе.

За это время Ксана успокоилась и обдумала план действий.

— Да, — сказала она проникновенно и перскинула косу из-за спины так, что коса кольцом легла ей на колено, — э-э, конечно, выдающееся открытие! Такие воз-

можности... Поздравляю тебя, Баранцев. Но, Женечка, тут неясны некоторые детали. Не математические, а практические. Интересно, можно ли их уточнить?

Баранцев медленно перевел взгляд с Ксаниной косы на ее глаза и сказал, запнувшись:

— Конечно...

И вот когда через несколько дней тетя Гутя сказала мне: «Встреченная твоя Ксенька и такому парню голову заверчивает», — уже после того, как я сначала посмеялась ей в ответ, этот Женькин взгляд вдруг вспомнился мне.

Дальше что же?

Другая на Ксанном месте, конечно, махнула бы рукой на эту идею. Но Ксана Тараканова, когда ей что-нибудь приспичивало, умела организовывать дело!

Теперь ее окружали химики. Толя из Ломоносовского, Воля из Менделеевского и Игорь Олегович из Института Экспериментальных Красителей и Тканезаменителей. Этот последний казался мне тогда совершенно пожилым: он уже защитил кандидатскую, и ему было, наверное, двадцать восемь лет. Рому с истфака Ксанка перевела в запас. А эти химики, полимерщики и анилинышки рылись в «Индексах» и «Анналах» и синтезировали неземные лоскуты немислимых цветов. И рады были без памяти, когда удавалось Ксанке угодить.

Принципиальная сторона проблемы была, собственно, уже решена. Конечно, Женька по Ксанки-

ным заданиям предсказывал ей кое-какие мелочишки, уточнял детали, но это была так, ерунда, решаемая чистой техникой и не требующая вдохновения.

Женька стал задумчив. То целыми вечерами напролет играл со своими пятиклашками в «крестики-нолики», то они прибегали к нему на переменке, и старший, ушастый ординарец докладывал:

— Женья, к слову «слон» Бескудник придумал 2193 рифмы!

— Но из них 1125 непонятных, — уточняла девочка Лёка.

У них появились свои дела.

Но все-таки часто получалось так, что из школы мы уходили вместе: Баранцев, Ксана и я. Баранцев шел рядом с Ксаной, а я — что делать? — отставала на несколько шагов. Понимаете, земля оттаяла, между домами квартала 798 дробь восемь-бис грязь была по макушку, и от дома к дому и к рощице возле автобусной остановки, где уже проклеивались вербинки, скользкие, как новорожденные цыплята, ходили только по мосточкам-досточкам шириною ровно в два идущих рядом человека. Так что я шла следом за Баранцевым и Ксаной, а ординарцы — гуськом — за мной. На ходу ординарцы обсуждали проблемы лежащей на боку восьмерки и другое подобное, — видимо, в них вовсю начали прорезываться безусловные математические рефлексy.

Между тем время уже не шло, а летело, весна входила в силу, ми-

мозой у нас не торговали, зато прямо за школой лезли под солнышком подснежники, лучезарные, как глаза Ксаны Таракановой.

Наступила пора экзаменов. Пора аттестатов.

Папа и мама Таракановы, увидев Ксанкин аттестат, пришли в отчаяние. Моя бабушка грустно утверждала, что, будь я посерьезнее, так могла бы стать почти отличницей. Что до Баранцева, то Вадиму Николаичу понадобилось полтора часа, чтобы уговорить комиссию поставить ему по устной литературе хотя бы тройку, условно.

Но все-таки, все-таки он наступил — вечер двадцатого июня, наш выпускной бал! Летели в потолок пробки от шампанского, дымилась торты из мороженого, благоухала клубника, и каждая черешина отражала люстру лакированным бочком. И уже джзз нашего квартального ресторана «Лазер» настраивал свои тромбоны-саксофоны.

Но у меня все колотилось внутри, и через стол я видела, что и Женька Баранцев сам не свой — смотрит все время то на дверь, то на часы.

Ксаны не было.

— Ребята, — сказал Вадим Николаич (это был пятый или шестой тост, когда говорят уже не торжественно и слышат только те, кто сидит неподалеку). — Сейчас вы еще не понимаете, что это был за год, вы поймете это позже, а я понимаю уже сегодня. Для меня то он был таким же удивительным,

как для вас, и мне ужасно жаль уходить отсюда вместе с вами.

— Вы уходите из школы? Вадим Николаич! Правда? Неправда! Почему же?! — зашумели мы.

— Так случилось, — ответил наш Вадик и улыбнулся странной, затаенно-счастливой и грустной улыбкой.

Все бросились к нему с расспросами, но в это время открылась дверь и вошла Ксана.

Ее отовсюду было отлично видно.

И я прекрасно увидела — сначала не лицо, потому что она смотрела в другую сторону, — но россыпь сверкающих волос и платье. И — платье...

Оно было белое. Вернее, не совсем белое. Точнее, почти белое. Понимаете, как если бы цвета спектра, составляющие белый, смешались не окончательно, а каждый немножко оставался бы сам собой: то синий, то оранжевый звучали под сурдинку в этом белом оркестре. И оно тихонько звенело, платье. Но совсем не так, как, например, позванивает лист серебряной фольги, если по нему побарабанишь пальцами. И уж совсем не подходил этот удивительный звук на нахальный посвист плащей «болонья». Нет, нет, тут было иное. Я думаю, его и слышали-то не все. Наверное, так звенели бы луговые колокольчики, если бы они звенели.

О фасоне я не знаю что и сказать. Позже я пробовала нарисовать его по памяти, но ничего из

этого не вышло, нарисовалась совершенная ерунда. Я подозреваю, что постоянного фасона у него вообще не было. Трепетали, переливаясь друг в друга, текущие детали, полукрылья бились вокруг рук и за спиной, еле видимые полотна — или это только казалось? — струясь, сходились у щиколоток ног наподобие узбекских шаровар.

И туфли на Ксане были именно такие, какие требовались для такого платья, и прическа — такая; будьте уверены, она понимала в этом толк!

Даю вам честное слово, самые искусственные модельеры всеозначения никогда не видели и не увидят ничего подобного.

И я стала проталкиваться к Ксане сквозь обступившую ее толпу, чтобы сказать ей это.

И тут Ксана обернулась.

И я увидела ее лицо.

В первый момент я не поверила себе, я подумала, что издали что-то путаю. Я шла к ней все медленнее и медленнее и не могла отвести взгляда.

Я увидела словно не Ксану, а ее сестру, точь-в-точь на нее похожую, но уродливую в той же степени, в какой Ксана была красавицей.

Она хохотала громким, отрывистым, довольным смехом. Ее глаза были по-прежнему синие, но все-го-навсего синие, похожие на маленькие осколки фарфорового блюда, и вообще главным в лице оказался большой полуоткрытый рот.

Это тихий, переливчатый отсвет платья так изменил ее! Потом-то я поняла, что в этом не было никакой фантастики: всем известно, как, например, меняются лица под мертвенным светом люминесцентных ламп или, наоборот, под прямо падающими солнечными лучами. Но тогда...

В Ксанином лице было нечто издревле жестокое; от тяжелого, оценивающего прищуря ушедших глубоко под надбровные дуги глаз сами собой возникали такие ассоциации, додумывать которые до конца у меня не хватало духу.

Мне стало страшно.

Нужно было немедленно сказать ей, чтобы она сломя голову мчалась домой переодеваться. Но тут грянул джаз из ресторана «Лазер», и Володька Дубровский, пробившись к Ксане, повел ее на свободное от столов пространство. Больше никто не танцевал: все смотрели на Ксану.

— Красота-а какая!.. — тоненько и восхищенно сказал кто-то за моей спиной

Я обернулась и увидела ординарцев. Наверное, Женька позвал их посмотреть результаты опыта.

— Красота? Где? — пожал плечами ушастый.

— Платье красивое, — поправилась девочка Лёка, и они повернулись и пошли, разочарованные, из зала.

Щелкали фотоаппараты, стрекотали кинокамеры. Девчонки с ума сходили: «Прелест! Ах, прелест! Очарование! Две тыщи!

Девятьсот! Семьдесят! Пятый!!! Ах, чудо, прелестно!» — захлебывались они. Наш старый-престарый математик Пал Афанасьич вытирал слезы умиления, молоденькая физичка Людочка, потрясенная, прижимала руки к груди. «Женька Баранцев машину изобрел, а машина — платье!» — каждому на ухо кричала тетя Гутя, но никто ее не слушал.

Вы понимаете?! Никто ничего не замечал!

Я разыскала Баранцева. Он стоял в стороне, подняв плечи, крепко сцепив за спиной руки и сильно щуря под очками глаза. И я снова подумала, что он похож на грача. Меня он не видел — он вообще никого не видел вокруг, кроме Ксаны.

Так мы стояли рядом довольно долго, наконец он вздохнул, провел рукой по лицу, и мы встретились с ним глазами. В этот момент я окончательно поняла, что новая Ксанка не приснилась, не померещилась мне в результате экзаменационного переутомления, а существует на самом деле. Вот она, резко и недобро хохоча, вытанцовывает от нас в двух шагах. И Женьке Баранцеву от этого так горько, как только может быть горько человеку...

Между тем толпа вокруг Ксаны потихоньку редела; то один, то другой молча, с растерянным лицом отходил от танцующих. Только Вадим Николаич не отводил от Ксаны взгляда и светился той же затаенно-счастливой улыбкой.

Баранцева с тех пор я не видела. Он ушел с вечера незаметно, один, задолго до того, как все разошлись. Потом я уехала из Москвы... Потом он уехал... Видите как. Если бы я только знала тогда, что мы не встретимся долго-долго, я бы, конечно... Впрочем, не знаю, что я бы сделала.

Ксану я тоже долго не видела. По письмам знала, что она никуда не поступила, а вышла замуж за Вадима Николаича. И что по этому случаю у директора нашей школы, завуча и даже почему-то у председательницы родительского комитета были крупные неприятности.

А недавно мы встретились с ней на улице, случайно. Обрадовались, конечно: сколько лет, сколько зим! Ксана была ослепительно красива, с нею даже разговаривать было неудобно: люди останавливались и глазели.

— А как... Вадим Николаич? — спросила я с некоторой неловкостью.

Она удивилась.

— Вадик? Да мы разошлись давным-давно. Мы и прожили-то без году неделя. Ты подумай: то больница, то санаторий. Ты разве не слышала? Туберкулез...

Мы еще поговорили немного, потом она в знак прощания приподняла руку и слабо пошевелила пальцами, и пошла — длинная, тонкая, вся вязаная, кожаная, эластиковая, вся на уровне лучших мировых стандартов,

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО (Рассказ бывшего старосты студенческого общежития Института Завтрашней Электроники.)

С Баранцевым мы так жили: тут он, а тут я. У окна Изюмов Нёмка, а возле двери Константин. Пять лет, значит, так прожили, можно друг друга узнать. Так что точно: скромный, отзывчивый, в общественной жизни принимал участие и пользовался заслуженным уважением коллектива.

Должен сказать, коллектив в нашей комнате вообще подобрался исключительный: жили душа в душу, а ведь знаете, всякое бывает. Тем более люди такие разные, что нарочно не подберешь. Например, Константин мог неделю не обедать, чтобы купить парижский галстук, а Баранцев, конечно, не обедать не мог, зато что именно он ел — ему было абсолютно все равно. Однажды Нёмка Изюмов в свое дежурство купил концентратов «искусственное саго с копченостями» и наладил это дело день за днем. Так мы втроем — Константин, я и сам Нёмка — уже на второй день не выдержали и потихоньку начали бегать в столовку, а Баранцев ничего, каждое утро заглатывал это самое саго и выскребал тарелку. Так что Нёмка назавтра опять варил — исключительно, как он говорил, чтобы проверить экспериментально, есть ли у Баранцева вкусовые рецепторы. Чем кончилось? На десятый примерно

день зашла к нам Константинова девушка, тогда была такая Светочка, разахалась на наше холостяцкое житье и сготовила потрясающий ужин — благоухание, поверьте, текло по всем этажам. «Вкусно?» — спросила она Баранцева, когда тот доканчивал отбивную с тушеной картошкой. И что вы думаете, он ответил? «А? — говорит. — У нас Нёма тоже хорошо готовит».

Гм... да. Не знаю, правда, почему мне этот случай вспомнился. Конечно, он слабо характеризует Баранцева и как ученого и как человека. Скорее он характеризует Нёмку Изюмова, который выдумал этот эксперимент со вкусовыми рецепторами. Он и многое другое выдумывал, Нёмка. Бывало, придет с лекций, завалится на кровать, поставит в радиолу квартет Цезаря Франка и выдумывает. Между прочим, музыка эта довольно обыкновенная, серьезная, конечно, но ничего выдающегося. Первый концерт Чайковского или увертюра к опере «Кармен» гораздо красивее, но Нёмку почему-то именно под этот квартет одолевали разные мысли. Го он писал «физику для пятого класса» хореем и ямбом, то придумал организовать ансамбль мужчин-арфистов. Даже раздобыл где-то арфу и немного научился играть; так она и стояла у нас, полкомнаты загораживала. И если Нёмка после всего этого еще получал хотя бы тройки, то только благодаря врожденным способно-

стям и Баранцеву, который тянул его изо всех сил.

Сам Баранцев был человек совершенно противоположный. У него время вообще не делилось на занятую и свободную части, как у всех людей, а было сплошное и спрессованное: до ночи просиживал в Приборной лаборатории или у Реферат-Автоматов, а когда его отовсюду выгоняли, возился дома со своими схемами — к кровати у него был притиснут специальный стол. Вот представьте: Женька согнулся с паяльником, Изюмов играет на арфе, к Костьке пришли знакомые девушки, а я бегаю с чайником туда-сюда. Такова картина нашей вечерней жизни.

На лекциях Женька иногда проваливался. То есть физически, конечно, он никуда не девался, но духом уносился далеко: глаза у него аккомодировались на бесконечность или он бешено начинал записывать обрывки формул, ничего общего не имеющих с предметом лекции. Один раз, помню, с ним случилось такое на «Введении в бионику инфузорий». А с другой стороны от меня сидел Нёмка и тоже бормотал что-то от инфузорий крайне далекое — может, рифмовал интеграл с забралом, не знаю. Посмотрел я на них — и сам, чувствую, проваливаюсь, уношусь куда-то, и лекторские слова уже доносятся до меня, словно через перину. А читал нам «инфузорий» сам профессор Стаканников, читал таким клоко-

чушим, напористым басом, словно не об инфузориях, а о пещерных львах. Так вот, несмотря на этот бас, я как зевну, со звуком даже. Хорошо — лекция кончилась. И Баранцев с Нёмкой спустились со своих высот в аудиторию, и Нёмка задал один из своих дурацких вопросов:

— Вот шел, шел человек в плохую погоду, поскользнулся и шлепнулся в лужу, — как сказать одним словом?.. Упал — намоченный.

Да... О профессоре Стаканникове вам, наверное, тоже приходилось слышать. Вот-вот, тот самый, известный ученый. И внешность у него такая маститая. Встретите на улице, непременно подумаете: «Это идет член-корреспондент».

И вот профессор Стаканников тоже оказался участником одной истории, о которой я вам расскажу и к которой Женька Баранцев имеет самое прямое отношение.

Нужно сказать, что мы давно, со второго курса, поняли, что Женька возится со своими схемами не просто так, а бьет в одну точку. Не такой он был человек, чтобы растекаться мыслью по древу. В ответ на наши расспросы он бормотал нечто невразумительное, так что мы постепенно от него отстали и странную, шиш-кастую конструкцию, которая гнулась у него в ногах кровати, перестали замечать. Зато Константи-

новы девушки, впервые попадавшие в нашу комнату, цепенели перед ней в восхищении, как перед Нёмкиной арфой, и начинали тянуть из нас душу, пока не получали ответ, что это есть.

Один раз — тогда была такая Кира — Нёмка объяснил:

— Это полудействующая модель перуанского термитника с обратной связью.

Потом Киру сменила красавица, известная у нас в комнате, как «Симбиоз шляпы с волосами». «Симбиозу» Нёмка просто сказал:

— Перед вами кактусондная форма существования протоплазмы.

Баранцев в эти разговоры не вступал, но во время объяснений смотрел на Нёмку с благодарностью.

Дело шло к госэкзаменам и к защите дипломов, когда однажды Баранцев сам начал разговор. Наступал вечер, и в комнате не было посторонних, только мы четвером.

— Ребята, — говорит Женька, — я недавно кончил одну штуку. Вчерне. Идея не моя, она давно описана, моих тут, собственно, несколько узлов... Ну, использовал интегрирующие схемы... Квазияпонскую оптику...

— Не тяни, — сказал Константин.

— Да нет, ничего особенного. Обыкновенный Коллектор Рассеянной Информации, только малогабаритный и локального действия.

Мы переглянулись. Идея Кол-

лектора, конечно, не нова*. Общеизвестно, что ничто в природе бесследно не исчезает; значит, в принципе каждый след можно уловить, усилить, очистить от последующих напластований и связать с другими следами. Так вот, КРИ — это устройство, которое с помощью соответствующих уловителей, отслоителей, усилителей, накопителей, синтезаторов и сопоставителей преобразует эти следы в картины прошлого.

— Если вот этот тумблер положить **вправо**, — рассказывал Баранцев, — мы получим картину того, как действительно было. Но то, как действительно было, это, собственно, один из вариантов того, как могло бы быть, к тому же не самый вероятный. Стрелку, направленную на сущность события, случайности сталкивают влево и вправо. Кто знает, каких вершин достигла бы поэзия, если бы на дуэли был убит Мартины, а не Лермонтов, и кто бы открыл Северный полюс, если бы медведь, убитый Андрэ, не был заражен**. Перекинув тумблер **влево**, мы включаем Фильтры Случайностей, Минимизаторы Уклонений и, главное,

* Для ознакомления с принципиальной технической стороной вопроса автор отсылает читателей к первоисточнику: А. и Б. Стругацкие, «Возвращение», стр. 191—198. М., Детгиз, 1963.

** Баранцев, видимо, имеет в виду версию, согласно которой экспедиция Андрэ (1897 г.), пытаясь достичь Северного полюса на воздушном шаре и совершив вынужденную посадку, погибла, заразившись от подстреленного медведя трихинозом. (Прим. автора.)

специальное Устройство, вносящее коэффициент поправки на человеческие качества, — для этого Коллектор должен подключаться к исследуемому человеку. В результате мы получим первую производную — картину того, как могло бы быть. Понимаете?

— Понимаем, — сказали мы, хотя то, что рассказывал Баранцев, было в одинаковой степени и понятно и непонятно.

В общем из Женькиных объяснений выходило, что, будучи подсоединенным к любому человеку, Коллектор мог проецировать куски из его прошлого в действительном и возможном вариантах.

А Женька уже заворачивал одеяла на кроватях, вытягивал простыни и крепил их к обоям английскими булавками. Он был бледен и сильно волновался.

— Тут еще работы... — говорил он. — Пока так, первая проба. С фокусировкой фокусы... Самонастройка не отлажена... Так что я абсолютно не знаю, какие события он выберет. Видимо, пока только самые существенные, так сказать, ключевые: для будничных эпизодиков чувствительность мала... Давайте, а?

Он воткнул вилку в штепсель, выключил верхний свет и извлек из тумбочки тускло-металлические, ладошками, электроды, укрепленные на обруче для наушников.

В это время раздался стук и вошел профессор Стаканников. Я забыл вам сказать, что по об-

щественной линии он был прикреплен к общежитию, так что, встречая меня, обязательно спрашивал, все ли у нас в порядке с моральным обликом. А тут вдруг сам пожаловал, вы понимаете — как некстати. И кровати у нас были разворочены, и простыни развешаны на стенах.

Так что деваться нам было некуда, и Женька Баранцев, поколебавшись, еще раз кратко объяснил, что к чему. После этого нам не оставалось ничего другого, как предложить профессору Стаканикову самое удобное место — прямо против экрана, у Константиновой кровати.

Баранцев снова выключил свет, и в полутьме мы посмотрели друг на друга.

— Давайте, что ли, я первый, — сказал Нёмка и надвинул наушники-электроды.

Наступила абсолютная темнота.

Потом она дрогнула, заколебались тени, и мы увидели блестящую, черную, косо вставшую крышку рояля. Напоминало ли это кино? М-м-м... немного. Цветное? Не знаю... Не помню. Вот sny снятся: они цветные? Да, я сказал, что рояль был **черный**, — каким, однако, он еще мог быть? В отличие от кино ощущение экрана полностью отсутствовало, хотя, очень сильно сосредоточившись, я мог увидеть черточки английских булавок, на которых держались простыни.

Итак, перед нами была косая крышка рояля; на ней параллелограммами лежал солнечный свет. За роялем сидела большая, шумно дышащая женщина, обильно заполнившая своим вздрагивающим телом блестящее платье. Не глядя, она сильно ударила одной рукой по клавишам и запела зычно, призывно:

— До... ми-бемо-оль... соль... до!.. Повтори за мной, мальчик: до... ми-бемо-оль!..

Мы услышали тоненькое, мышинное:

— Мибесо-о-оль...

Мальчик лет шести стоял у рояльной ножки и ковырял паркет повернутым внутрь носком ботинка.

Господи! Это был Нёмка.

— Хорошо, — сказала Женщина у рояля, и мы заметили, что во рту у нее только пять или шесть зубов, и те серебряные. — Теперь, Моня...

— Я — Нёмка...

— Теперь, Сёма, спой нам песню, какую хочешь.

Нёмка повеселел, набрал воздуха в легкие и грянул:

Помню, я еще молодухой была, Наша армия в поход далеко шла...

Нёмка пел изо всех сил, вкладывая душу.

Но самого его уже не видно было, только слышался голос, а перед нами текли размытые, незапоминающиеся лица. Иногда то одно, то другое словно застревало на мгновение, и я видел молодень-

кую смешливую женщину в очках и буйно-волосатого, бровастого мужчину, тоже тихо посмеивающегося; они вертели в руках карандаши и смотрели в бумаги, разложенные на столе. Мелькнул коридорчик или прихожая, битком набитая мамами и детьми; толстая девочка плакала и топала ногами; мальчик откусывал шоколад от плитки, хрустя фольгой; матери что-то поправляли на детях, и их руки дрожали, а взгляды были ревнивы. Потом и это растаяло; и все поле зрения заняло усталое, полное лицо Женщины за роялем; глаза ее были закрыты, но что-то беспокоило ее: вздрагивали брови, сходились морщины на переносье — видно, какое-то воспоминание не давалось ей, и это было мучительно.

А Нёмка пел:

К нам приехал на побывку генерал.
Весь израненный, он жалобно
стонал.

Вдруг мы увидели реку, летнюю рябоватую воду. Мы смотрели на нее с белого теплохода, перегнувшись через нагретый солнцем борт. На корме хлопал флаг с выгоревшей до белизны голубой полосой, зеленые берега с дрожащими где-то на горизонте колокольнями и мачтами электропередачи плыли мимо тихо и бесконечно, и запаха июльских трав висел над палубой.

— Хорошо тебе? — чуть слышно спросил молодой человек свою спутницу, высокую, склонную к полноте девушку, и положил ла-

донь на ее большую, сильную руку.

— Очень... -- тоже еле слышно сказала она.

— А кто это поет? — спросил он. — Ты слышишь?

— Это радио в каюте, — сказала она. — Пусть.

...Всю-то ноченьку мне спать
было невмочь,
Раскрасавец-барин снился мне
всю ночь.

Нёмка кончил. Женщина у рояля медленно открыла глаза.

— Ну, хорошо, — сказала она, все еще улыбаясь, — иди, мальчик. И позови следующего.

...Появились Нёмкина мама и Нёмкин папа. Женщина, которая раньше сидела за роялем, теперь засовывала бумаги в портфель из крокодиловой кожи с монограммой и говорила им:

— Поздравляю вас! У нас было девятнадцать человек на место, но ваш мальчик выдержал такой конкурс. У него удивительная способность проникаться самим духом произведения. Посмотрим, посмотрим... Может быть, он станет Музыкантом с большой буквы.

— А я-то думал, что он станет инженером, — рассеянно улыбался Нёмкин папа, — в наш век, знаете... Но, конечно, если проникнется духом...

— ...Изюмова-а! — вдруг заорал кто-то над моим ухом так, что я вздрогнул.

— Изюмова! Изюмова!.. — кричали со всех сторон, и крики толпились в овациях.

Нёмка, совершенно взрослый, сегодняшний Нёмка, вышел из-за кулис и поднялся к дирижерскому пульта. У него был растерзанный вид: манишка потемнела, и воротничок съехал набок. Отскокивший черный бантик он держал в руке и прижимал эту руку к сердцу. Он был совершенно счастлив; я ни разу не видел Нёмку таким измученно-счастливым.

А по обе стороны от него стояли взволнованные скрипачи и неслышно били смычками по струнам своих скрипок.

Все исчезло и смолкло разом, как появилось. В полной темноте мы услышали щелчок — потом я понял, что это Баранцев перекинул тумблер **вправо**.

— Спой, Сёма, нам песню, какую хочешь, — сказала Женщина у рояля.

Нёмка повеселел, набрал воздуха и грянул:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку...

Лицо Женщины заполнило поле зрения, глаза ее были закрыты, но что-то мучило ее, какое-то неуловимое воспоминание: вздрагивали брови, и морщины сходились на переносе.

Сначала я в деле не чуял беду.
Потом полюбил не на шутку...

Мы увидели человека, сидевшего на корточках перед чемоданом. Это был тучный, немолодой мужчина, и сидеть на корточках было ему непривычно.

— Остаться с тобой хоть на день, хоть на час, — говорил он

с придыханием, судорожно уминая в чемодане рубашки, — это самоубийство... Самоубийство!

Женщина слушала его, прижавшись к стене; нечетко мелькнул силуэт ее большой, полной фигуры.

— Самоубийство для всего! — говорил он, захлопывая крышку и клацая замками. — Для меня как личности, для моего творчества, для всего, что я еще могу сделать в отпущенные мне годы!

— И это говоришь ты! Мне!.. — простонала Женщина.

— Я! Тебе! Лучше поздно! — с силой сказал он, распрямляясь и потирая затекшие ноги.

— Ты снова станешь ничтожеством, — отчеканила она. — Что ты сможешь без меня? Ты станешь пустым местом. Кто вообще тебя сделал?

— Замолчи! Я гложу! — крикнул он. — И еще радио это орет, черт бы его брал!

— Пусть! — тоже заорала она. — Уходи! Пусть поет радио!

Под снегом же, братцы, лежала она. Закрылись карие очи! Ах, дайте же, дайте скорее вина. Рассказывать больше нет мочи.

Нёмка кончил. Женщина за роялем открыла глаза.

— Иди, иди, мальчик, — сквозь стиснутые зубы сказала она. — Иди и позови следующего.

...Появились Нёмкина мама и Нёмкин папа. Засовывая бумаги в портфель из крокодиловой кожи с монограммой, Женщина говорила им:

— К сожалению, не могу вас

поздравить. Ваш ребенок не без способностей, но у нас был конкурс девятнадцать человек на место, сами понимаете.

— Да-да... — рассеянно улыбнулся Нёмкин папа и спросил, слегка наклонившись: — Ты хочешь стать музыкантом, сынок?

Нёмка перевел глаза с крокодилового портфеля на блестящее платье и вздохнул освобожденно:

— Не-а...

— Ну, будет инженером, — сказал Нёмкин папа. — В наш век, знаете...

И все кончилось. Погасло, затихло. Баранцев включил свет, и некоторое время мы сидели молча.

— Чепуха какая-то, — не очень уверенно заговорил, наконец, Константин. — Выходит, если бы ты...

— Вот какой однажды был случай, — быстро перебил Нёмка. — Мальчик плакал, плакал, а ему дали сладенького на ложечке, он и успокоился, — как это сказать одним словом?.. Стих — от — в а р е н ь я...

— Неужели ты детских песен не знал?! — закричал я. — Что это за песни идиотские для шестилетнего ребенка!

— У нас такая пластинка была, — тихо сказал Нёмка. — Она и сейчас жива, и я ее очень люблю: с одной стороны «Раным-раненько», а с другой «Когда я на почте...».

— Крайне любопытно, — вступил профессор Стаканников. — И что вы чувствовали, Изюмов, в

процессе сеанса? Болевые ощущения? Подергивание конечностей?

— Ничего. Никаких, — ответил Нёмка.

— Гм... О-очень интересно, — продолжал Стаканников. — Но между прочим, я еще в сорок шестом году высказывал... М-м-м... да. Разрешите-ка, я сам попробую, молодые люди.

И, сев поудобнее, он надвинул электроды на уши.

Мы увидели длинный коридор, из тех, что одним концом выходят на лестничную клетку, а другим упираются в пахнущий винегретом и дустом буфет. По обеим стенам его шли двери с надписями: «Аудитория №...», возле урн стояли курильщики, и группа девушек, обняв друг друга за плечи и образовав кружок, обсуждала нечто не слышное нам.

— Привет, — сказал молодой, но не слишком человек, подходя к другому молодому человеку, подпиравшему стену и рассеянно листавшему толстый журнал.

— Здорово, — отозвался листавший и, подняв голову, оказался Стаканниковым, лет на тридцать моложе нынешнего.

— Веселенькие новости, — продолжал Другой Молодой человек, встряхивая руку Молодому Стаканникову. — Ты знаешь, кого назначили? Этого скотину Турлямова.

— Ну да! — сказал Молодой Стаканников.

— Я только из академии: приказ подписан. Ты понимаешь, что это означает?

Оба закурили, глубоко затягиваясь.

— Новая эпоха, — горько улыбнулся Молодой Стаканников.

— Кого жалко, так это Старика, — сказал Другой Молодой человек. — Дожил до такого позора. Его Турлямов сожрет в первую очередь.

— Инфаркт он ему сделает, — невесело согласился Молодой Стаканников.

Так они курили некоторое время.

— Кстати, — сказал Другой Молодой человек. — У тебя на отзыве диссертация Копейкина?

— У меня. — Молодой Стаканников сплюнул в урну. — Утвердили оппонентом.

— Ну и как она тебе?

— Бред собачий, — сказал Молодой Стаканников. — Ни одного чистого контроля. А демагогии! Скулы сводит.

— Не завидую тебе. — серьезно сказал Другой Молодой человек и посмотрел прямо в глаза Молодому Стаканникову. — Ты же знаешь, кто такой Копейкин. Учти ситуацию.

— А иди ты к дьяволу! — отрезал Молодой Стаканников.

Они побледнели и тихо растаяли. Но тут же прорезались вновь. Теперь они сидели рядом на длин-

ной вогнутой скамье, положив локти на обшарпанный барьер. За их спинами высилась аудитория, лица обращены были вниз, где за столом, усталым зеленым и уставленным примулами, стоял, охватив указку, как ствол, щупленький, словно присыпанный пеплом, человек без возраста.

Председательствующий был плотен и блестяще лыс. Его руки с выпуклыми желтыми ногтями были широко раскинуты на сукне, и время от времени он сгребал его в ладони и наваливался грудью, будто желая утвердиться на этом своем месте.

— Слово официально оппоненту, — сказал Председатель и обвел глазами сидящих на первых скамьях. Взгляд у него был словно не сплошной, а квантовый: по прищельному, цепкому взглядику на человека.

Первые скамьи мелькнули перед нами: насушенные брови, опущенные ресницы, дымки папирос, прикрываемые ладонями, черные ермолки, пальцы, барабанившие по исчерканым листам, разбухшие портфели. Совсем близко от нас оказался долговязый старик; запустив пальцы в голубоватую бородку, он сидел словно в отдалении от всех и беззвучно смеялся.

Вдоль этого первого ряда пробирался, прижав к себе папку и наталкиваясь на чьи-то колени, Молодой Стаканников. Выйдя к трибуне он разложил бумаги и начал тихо:

— Диссертация Вэ Вэ Копейки-

на состоит из девяноста пяти страниц машинописного текста... — Но вдруг поднял голову и закричал тонким вибрирующим голосом: — Товарищи! До какого же состояния должен был дойти наш институт, чтобы это — это! — эта демагогия!.. Это эпигонство!.. Эта самодовольная, воинствующая безграмотность!.. Могло! Существовать! В качестве диссертации!

Плеская воду, он налил себе в стакан, судорожно глотнул и продолжал, несколько успокоившись:

— На тридцати страницах вступления Вэ Вэ Копейкин уничтожает Менделя за незнание марксизма, а на тридцати страницах заключения восхваляет невиданный подъем нашего сельского хозяйства. На оставшихся страницах автор описывает то, что он хотел бы получить. Понимаете? Хотел бы! Но собственные его данные не доказывают ни-че-го...

Молодой Стаканников перевел дух и снова обратился к бумагам. Но тут Председатель, который до этого момента подгрребал к себе сукно со стола, с неприятным звуком царапая его ногтями, встал, грохнув стулом, и сказал веско:

— А я лишаю вас слова, Стаканников. Как патриот русской биологии, я не могу допустить, чтобы в моем присутствии на нее лили грязь вейсманизма, космополитизма и агрессивного империализма!

И соискатель, который, пока говорил Стаканников, словно повиснул на своей указке, теперь рас-

прямил плечи, вздохнул и переложил указку в руку, как ружье.

В полной тишине вдруг раздалось глуховатое:

— Хо-хо-хо!..

Это увесисто, не прерываемый никем, хохотал долговязый старик с голубоватой бородкой. Отсмеявшись, он поднялся и пошел к выходу, сопя и стуча палкой.

...Молодой Стаканников тоже улыбался. Он был бледен, только глаза горели. Он шел прямо на нас и протягивал перед собою не папку, что-то поменьше, коленкорое, с тисненым гербом — да, собственный кандидатский диплом.

— Я согласен на должность младшего научного сотрудника, — говорил он кому-то, кто находился за нашими спинами.

— У вас, кажется, было свободное место лаборанта? — спрашивал он. — Что? Даже временно нет?

За нашими спинами, видимо, менялись люди, и Молодой Стаканников в своем торжественном, заметно помявшемся костюме, все спрашивал:

— Может быть, вы возьмете меня на полставки? Препаратором?

— Хватит! — крикнул, задыхаясь, профессор Стаканников и, протянув руку к установке, на ощупь перекинул тумблер **вправо**.

Вдоль первого ряда аудитории пробирался, спотыкаясь о чьи-то ноги и шепча извинения, Моло-

дой Стаканников, одетый в торжественное. Он держал двумя пальцами за угол тоненькую папочку и, распахнув ее на трибуне, стал читать, не поднимая глаз:

— Диссертация Валентина Валентиныча Копейкина, состоящая из девяноста пяти страниц машинописного текста и выполненная под руководством нашего уважаемого председателя профессора Турлямова, представляет собою принципиальный труд и большой вклад. Ведь в чем, товарищи, главное преимущество нашей биологии? Она стоит на самых прочных в мире методологических рельсах и никогда ни во что не вырождается. Вот и сегодняшняя диссертация...

...диссертация полностью удовлетворяет требованиям, а сам диссертант вполне заслуживает искомой степени.

Молодой Стаканников захлопнул папочку и отер лоб. У него был ужасно усталый вид, гораздо более усталый, чем у щуплого соискателя, который задумчиво оглаживал указку рукою.

Молодой Стаканников не пошел на свое место, а опустился вблизи — рядом с долговязым стариком. Но старик шумно поднялся и, сдвинув его, направился к двери, сопя и стуча палкой.

...Теперь Председатель сидел за обычным кабинетным столом; он удобно располагался в кресле, плотно, словно утверждаясь, обхватив ладонями подлокотники.

— Так вот, — говорил Председатель стоявшему перед ним Мо-

лодому Стаканникову. — Старшки умирают, и в этом своя диалектика. В связи с этим прискорбным событием на кафедре освободилась вакансия. Подавайте документы, Стаканников, мы вас поддержим.

— Осторожнее! — крикнул Баранцев. — Что же вы снимаете электроды без предупреждения? Вот предохранитель сгорел.

Профессор Стаканников ходил по комнате, натываясь на кровати; он был взволнован.

— Ну что же, — говорил он больше для себя, чем для нас, — это было правильно. Собственно, я никогда не сомневался: это было правильно.

Осуждаете меня, молодые люди? — продолжал он с горькой полуулыбкой. — Не понять вам, нет, не понять... Другое время — другие песни. А ведь задача была сохранить кадры. Да... Возьмем моих однокашников, тех, кто, видите ли, был выше. И что же? Куранов два года промыкался без работы — и переквалифицировался в геологи. Буранов — в химики. Муранов... тот вообще не вынес... да. Нет, интересно, — и кто от этого выиграл? Наука? Человечество? М-м-м? А я бы — как Муранов?! Кто бы учил вас же? Развивал бы кто? История — она рассудила...

— Костыка и Николай, вы остались, — невежливо перебил Баранцев. — Давайте, если хотите.

Константин первый протянул руку к электродам, а я еще смотрел на профессора и тихонько кивал — им-то что, им-то хорошо, а я как староста обязан соблюдать приличия.

С Константином не происходило ничего особенного. Он просто ехал в метро в изрядно набитом вагоне, стоял у двери, свободно закинув руку за верхнюю металлическую палку, а другую, с книгой, подняв над головами пассажиров. Видно, было это не так уж давно: на Константине алел и синел знакомый нам свитер — правда, теперь линялый и одеваемый Костью лишь в случае холодов.

Вдруг кто-то ойкнул:

— Что же это у вас льется? У вас же сметана льется! Смотрите! Льется и пачкается.

Рядом с Константином мигом организовалось пустое пространство, в нем осталась отягощенная авоськами бабка. Из одной авоськи действительно что-то сочилось и капало.

— Безобразие! — отшатнулся импозантный мужчина и, плюнув на платок, принялся тереть брючину.

Его с энтузиазмом поддержали:

— Ездят и пачкают!

— С такими узлами на такси надо!

— Милый, нынешняя сметана без жира, водой отмоеется...

— Она еще и советует! Вот себя бы и мазала, а не чужие брюки!

— А брюки бостоновые.

— В бензине надо.

— В ацетоне.

— В химчистку.

— Спекулянты.

К растерявшейся бабке протиснулась девушка, маленькая, стриженная, присела на корточки, просунула тоненькие пальцы в ячейки авоськи и стала поднимать скользкую банку и прижимать крышечку.

— Ну что вы кричите? — громко сказала она. — Человек же не виноват: это крышка отскочила.

— Действительно, — миролюбиво поддержал Константин, — подумаешь! Обыкновенная сметана, не радиоактивная.

— Умник какой! — обрадованно взвизгнул кто-то.

— Пижон! — определил пострадавший мужчина. — Как он про радиацию-то? С усмешечкой!

— Молодежь!

— Ихний брат стоит на сметанном конвейере — вот крышечки и отскакивают...

Маленькая девушка, покончив с банкой, поднялась на цыпочки и спросила у Костиной спины:

— Вы сойдете у Аэропорта?

— А знают они ей цену, сметане-то?!

Поезд тормозил.

— Сойду, — в сердцах сказал Константин.

На перроне она чуть отстала, натягивая на голую пятку сползший ремешок босоножки. Костяка из солидарности замедлил шаг.

— Попало нам, — сказала она, прыгая на одной ноге.

— Бывает, — пожал плечами Костька.

Девчонка была так, обыкновенная десятиклашечка, немножко кудрявая, — самая длинная, блестящая прядь заложена за маленькое ухо.

— Один раз, — сообщила она, — со мной тоже случился ж-жуткий случай — и как раз в метро! Я ехала на Новый год, а один дядька зацепился за меня портфелем, там на углах такие железинки, — и весь чулок ой-ей-ей!..

Вообще она была смешная: глаза круглые, руки тонкие, а на блузке без рукавов матросский воротник, как у дошкольницы.

— Ужас, — согласился Константин.

Тут я просто замер, и на некоторое время вообще перестал что-нибудь замечать, потому что она улыбнулась. Такая славная была у нее улыбка: вспыхнули светлые глаза, взмахнули ресницы, лицо чуть запрокинулось, и вся она словно осветилась до самого донышка. Я перевел взгляд на Константина и понял все, что с ним происходит, — ведь это она ему улыбнулась, а не мне.

...От черного, вымытого поливальными машинами асфальта Ленинградского проспекта поднимался тихий парок. Они шли навстречу далеким огням Шереметьева, и паверное, она замерзла в своих босоножках, в которых не было

ничего, кроме плоских подметок, и в пустяковом детскосадовском платье, потому что теперь на ней был Константинов ало-синий свитер, пришедшийся ей как раз до колен. Люди вокруг них исчезли — оказывается, уже наступила ночь, и окна не горели, зато на расстоянии двух-трех вытянутых рук, на оконечностях подъемных кранов мерцали фонари, и, доверительно рокоча, бороздили небо бортовые огни самолетов. Негасимые автоматы с газированной водой жили тайной ночной жизнью; Костька и она по очереди подставляли пригоршни под их колющие струи, потому что стаканы до утра были припрятаны расторопными работниками службы быта.

— Если бы люди знали! — сказала она. — Если бы они только представляли!.. И у них было бы побольше свободного времени, — они обязательно приходили бы сюда по ночам. Да?

Костькин ответ я не запомнил — очевидно, в силу его бессмысленности. Впрочем, для Нее и для Него самого он был значителен и важен.

Темнота медленно редела, первые машины, неся на свежих лакированных корпусах малиновые блики, помчались по проспекту. И гулко, певуче, каждый звук, как граненый хрустальный шарик, раздались первые позывные из невидимого репродуктора.

Она вдруг ахнула и с испуганным и несчастным лицом бросилась к телефону-автомату, а Кон-

стантин замер у будки. Он стоял, как в карауле, с таким видом, словно не было большего счастья, чем наблюдать сквозь треснутое стекло, как она объясняется со своими родителями, сходящими с ума от волнения и ожидания.

...Позже мы оказались в странном помещении, слишком тесном, чтобы оно могло быть названо комнатой, и освещенном так скудно, что, только взглядевшись и различив тяжелые болты, крепящие задраенные люки, я понял, что оно представляет собою нечто вроде барокамеры, а может быть, отсек более крупной установки. На трех стенах слабо поблескивали шкалы приборов; было в них что-то тревожащее, чего, однако, я не успел осознать, но только почувствовал; четвертая стена представляла собою экран, и перед ним, касаясь друг друга плечами, стояли Константин и она. На них были лабораторно-испытательные комбинезоны, знаете, эти, с индикаторными лампочками, ларингофонами, вшитыми аккумуляторами, фотокарманами и всем остальным.

— Попробуй еще раз, — сказал Константин.

Это был сегодняшний Костька.

Она защелкала ручками настройки — экран полыхнул фиолетовым и погас.

— Сколько времени прошло? — спросила она. (Она тоже повзрослела, похудела, светлые ее глаза стали громадными.)

— Почти сутки, — сказал он. — Они уже десять часов как ищут.

— Нужен месяц, чтобы до нас добраться.

— Чепуха! — бодро воскликнул Константин. — Они что-нибудь придумают. Нам с тобой трудно представить, что именно, но придумают. А мы продержимся на аварийном. Ты что, не веришь, что они придумают?

— Верю, Костенька, — сказала она.

Где-то вдалеке возник и теперь нарастал, надвигаясь, высокий пульсирующий свист. Страшный толчок швырнул их на пол, стены накренились.

Константин поднялся, пошатываясь, поднял ее и прижал к себе. Она заговорила, торопясь, сжав ладонями его щеки и глядя ему в глаза:

— Костенька, все равно, что бы ни случилось... Подумать только — мы могли бы не встретить друг друга! Но мы встретились, я с тобой — это такое счастье!

— Да... да... да... — повторял Костька, целуя ее и пряча лицо в ее стриженных волосах.

Раздался грохот. Они упали, не разжимая рук. В наступившей темноте мы услышали отчаянный крик.

— Пустите меня! — кричал Константин. — Она погибла! Пустите!

Мы с Нёмкой держали его за плечи. «Сейчас, сейчас», — шептал Баранцев и шарил пальцами по панели КРИ.

Щелчок!

— ...Обыкновенная сметана, — миролюбиво заметил Константин. — Ведь не радиоактивная.

— Умник какой! — в восторге завопил кто-то.

— Пижон, — подхватил пострадавший мужчина.

— Ихний брат стоит на сметанном конвейере...

— Молодежь.

Маленькая девушка, привстав на цыпочки, спросила у Костыкиной спины:

— Вы сойдете у Аэропорта?

Поезд тормозил.

— Пожалуй, мне от Сокола ближе, проходите, — подвинулся Костыка и подмигнул. — Я еще тут побеседую с товарищами о теперешней молодежи...

Константин сидел, обхватив голову руками. Больше он никуда не рвался, но лучше бы кричал, чем так молчать.

— Послушайте, — рассудительно говорил профессор Стаканников. — Будем логичны, друзья мои. Абстрагируемся от конкретных личностей и рассмотрим систему А—Б в общем виде. Если А и Б взаимозависимы, то, поскольку существует А, должна существовать и Б. Если же Б перестала существовать в результате некоей катастрофы, то следует только радоваться, что система А—Б не была слишком жесткой.

— Она погибла, — глухо сказал Константин, отняв руки от лица и глядя мимо нас.

— Перестань ты! — не очень уверенно воскликнул Нёмка.

— А ты помнишь ее? — спросил я. — Как вы на самом деле встретились в метро — помнишь?

— Не помню, — убито сказал Константин. — В том-то и дело. Вот бабу со сметаной, представь, запомнил; она еще была похожа на нашу соседку тетю Валю.

Тут я должен сказать о себе. То, что произошло, вернее, могло бы произойти с Костыкой, произвело на меня потрясающее впечатление. Бог мой, — думал я, — наверное, я тоже встречал эту, вернее другую единственную девушку и не узнал ее, таких на улице и в читалке встретишь человек по пятьдесят в день, — как отгадать, что это она? Я лихорадочно перебирал мою жизнь: детский сад — школа — институт, выискивая мой решительный момент; я просто извелся в предположениях и догадках. В жизни не представлял себе, что могу так волноваться.

— Может, перерыв? — растерянно предложил Нёмка. — Поговорим, выпьем чаю...

— Ни за что! — воскликнул я.

Все поняли меня. Баранцев протянул мне электроды, и я надвинул их, еще теплые от Костыкиных ушей.

Я подумал, что у Баранцева что-то разладилось: перед нами не возникало никаких картин, ровным счетом ничего. Только от

пронзительных «уни-уни!» и треска разрядов заложило уши, да время от времени выстреливали на экране зеленые молнии. Женька с вдохновенным и терпеливым лицом коротковолновика крутил ручки настройки, я видел, что он вывел чувствительность на максимум и взялся за ручку с надписью «Возраст». Повинуясь движению его пальцев, узкий луч ползал туда и обратно по шкале, градуированной от года до тридцати.

— Что же это, Женька? — не выдержав, спросил я.

— Для тебя, Коль, наверное, чувствительность маловата, — с сожалением сказал Баранцев. — А постой-ка... Погоди-ка...

И действительно, я увидел себя: Я платил в кассу отдела фотопринадлежностей универмага «Военторг».

— Нет у меня мелочи, молодой человек, — сказала кассирша. — Возьмите лотерейные билеты, всего два осталось, номера: ноль три и ноль четыре.

— Куда мне два, — ответил Я, — я лучше сока выпью. Один давайте. — Я протянул руку, взял билет ноль четыре и пошел к киоску, где продавался томатный сок.

...— Проверь-ка, Коленька, таблицу, — сказала мать. — Я как-то купила на девяносто копеек, возьми на полке под «Дон Кихотом».

— У меня тоже был билетик, — вспомнил Я, вынул его из бумажника, расстелил газету и стал сличать номера.

— Ха! Вот так штука! — воскликнул Я. — Серия три семерки три девятки номер ноль четыре...

— Что?.. — бледнея, спросила мать.

— Номер ноль четыре — вот этот самый! — выиграл пылесос «Вихрь»! — объявил Я, торжествуя.

— Батюшки!.. — ахнула мать и перекрестилась.

— Выключи, — сказал я Баранцеву, страдая от разочарования и стыда. — И не надо показывать, как было на самом деле; я и так помню: купил билет ноль три и выиграл рубль... А нет ли чего-нибудь по значительнее? А, Женька?

— Попробуем! — сказал Баранцев. Чудак! У него был такой вид, словно он в чем-то виноват передо мной.

На этот раз Женька, рассчитывая увеличить чувствительность, даже снял заднюю панель и впалял два новых сопротивления. Мы ему помогали; и у меня было такое чувство, словно я ассистирую хирургу и в то же время сам лежу распластанный на операционном столе.

Потом Женька вновь крутил ручки настройки, а я сидел, придавливая электроды к ушам и мучаясь от ожидания, перебирал в памяти: детский сад... школа... институт...

— Внимание! — еле успел предупредить Баранцев.

...Прямо на Меня мчался автомобиль. Черт знает, как он вывер-

пулся из-за угла, — кажется, это была «Волга» и, кажется, зеленая.

— А-а-а!.. — заорал Я и увидел летящий Мне навстречу угол тротуара.

— Человека задавили! — кричали люди, сбегаясь к зеленой «Волге» на перекресток против кинотеатра «Повторный» и заслоняя лежащего Меня от меня.

Я видел только спины и ноги, тянущиеся на цыпочках, и слышал разговоры:

— Живой, слава богу!

— Смотри-ка, сел.

— Рука поврежденная.

— Вон «Скорая» едет.

— Живой, целый. Слава те, господи!

Меня посадили в «Скорую», шофера «Волги» повели в милицию, толпа разошлась.

И Баранцев перекинул тумблер вправо.

...Я вышел из кинотеатра «Повторный», приблизился к краю тротуара и некоторое время переминался с ноги на ногу. Машины шли сплошным потоком. Тогда Я присвистнул и пошел вниз, к Консерватории, до другого перехода...

— Все? — спросил я Баранцева на всякий случай.

— Все. — виновато ответил Женька.

— Вот видите! — вскричал профессор Стаканников. — Я всегда верил в вас, Завязкин, и я был прав. Ваша жизнь разворачивается точно по прямой, практически без

отклонений. А это возможно лишь в том случае, если ваша психика имеет минимальное число степеней свободы. Идите и дальше по этому кратчайшему пути от точки к точке — такие люди нам нужны!

— А вот был однажды такой случай, — сказал Нёмка. — Горилла подумала, что она человек, заказала брюки, но потом не знала, куда их надевать, потому что у нее четыре руки, а ноги ни одной — как это сказать одним словом?..

Я стиснул зубы, распахнул окно и по пояс высунулся в ночной переулок, пахнувший озоном.

Конечно, Баранцева нужно было качать. Ведь грандиозный успех, триумф! Но, честно вам признаюсь, в тот вечер — точнее, в ту ночь — мы не сделали этого. Каждый из нас думал о своей жизни, и эти размышления настолько поглотили нас, что мы Женьку даже не поздравляли.

Но он все понял. Пока мы так сидели и курили, он снял простыни со стен, вскипятил чайник, занял у соседей ванильных сухарей и расставил стаканы...

Вот, собственно, и весь случай. По-моему, он достаточно характеризует Баранцева как ученого. И как человека тоже. Так что для меня лично он всегда будет не только выдающимся изобретателем современности, но и верным членом нашего студенческого коллектива.

Между прочим, мы до сих пор

собираемся, у Нёмки. Правда, чаще всего на эти встречи прихожу один я: Баранцев всегда работает до глубокой ночи, а Константин, если и приезжает, то с последним поездом метро, так что по домам мы возвращаемся пешком. Но мы с Нёмкой не обижаемся. Баранцев — это Баранцев. Что до Константина, то и я и Нёмка отлично знаем, где он проводит все свободное время, хотя мы никогда не говорим об этом.

Однажды я не выдержал и после работы отправился в метро до Аэропорта. Я сразу увидел Кон-

стантина: в привычном ожидании он шагал по платформе, а когда поезд подошел, бросился навстречу сошедшим, напряженно вглядываясь в каждую девушку. Поезда все подходили и подходили... В один из них тихо вошел я и уехал домой.

Конечно, нет никакой надежды, что когда-нибудь он снова встретит ту девушку. Почти никакой. На его месте я не стал бы ездить на Аэропорт. Но когда я думаю об этом, нестерпимое чувство ожидания охватывает меня. Ожидания чего? И сам не знаю...

как начинаются наводнения

Кирилл
Булычев

За окном плыли облака. Таких облаков я раньше не видел. Снизу, с изнанки, они были блестящими, гладкими и отражали весь город — крыши, зеленые и фиолетовые, с причудливыми резными коньками, кривые улочки, мощенные кварцевыми шестигранниками, людей в кирасах и цилиндрах, идущих по улочкам, старомодные автомобили и полицейских на перекрестках. В углу ок-

на, у рамы, располагалось самое любимое из отражений — кусочек набережной, рыболовы с двойными удочками, влюбленные парочки, сидящие на парапете, женщины с малышками. И дома и люди на облаках были маленькими, и мне часто приходилось додумывать то, чего я никак не мог разглядеть.

Доктор приходил после завтрака и садился на круглую табуретку у моей постели. Он глубоко вздыхал и жаловался мне на свои многочисленные болезни. Наверно, он думал, что человеку, попавшему в мое положение, приятно узнать, что не он один страдает. Я сочувствовал доктору. Названия болезней часто были совсем непонятны и от этого могли показаться очень опасными. Даже удивительно, как это доктор еще живет и даже бегаёт по коридорам больницы, пристукивая высокими каблучками по лестницам. Всем своим видом доктор давал мне понять: разве у вас ожог? Вот у меня зуб болит, это да! Разве это доза — тысяча рентген? Вот у меня в коленке ломота... Разве это удивительно — тридцать два перелома? Вот у меня...

Сначала я лежал без сознания. И это он выходил меня после первой клинической смерти. И после второй клинической смерти. Потом я пришел в себя и пожалел об этом. Правда, у них изумительные обезболивающие средства, но я ведь знал, что они все равно не справятся с тысячью рентген, —

все это чистой воды филантропия. Не больше.

— Сегодня на рассвете один старик поймал в реке большую рыбку, — говорю я, чтобы отвлечь доктора от его болезней.

— Большую?

— В руку.

— Это вы в облаках рассматривали?

— В облаках. Почему они такие?

— Долго объяснять. Да я и не смогу. Вот выздоровеете, поговорите со специалистами. Облака не круглый год. Месяца за два до вашего прилета было солнце. Тогда все меняется.

— Что?

— Наша жизнь меняется. Прилетают корабли. Но это ненадолго.

— К вам редко кто прилетает.

— Пассажирских рейсов нет. Да и откуда им быть? Расписания не составишь...

— Почему? — хотел спросить я, но пришла сестра. Вместо этого я сказал: — Доброе утро, мой милый палач.

И сразу забыл о докторе. Сестра — значит, процедуры.

Днем я заснул. Мне снова снилась катастрофа. Мне снилось, что я поседел. Но, наверно, мне никогда так и не узнать, поседел ли я на самом деле. Голова моя наглухо замотана — только глаза наружу.

— С Землей связались, — сказал доктор, заглянув ко мне вечером.

Он казался очень веселым, хотя мы оба знали, что с Земли лететь сюда почти полгода.

— Ну-ну, — вежливо сказал я и стал смотреть в потолок.

— Да вы послушайте. Нам сообщили, что «Колибри» заправляется на базе «12-45». Завтра стартует к нам. Это далеко?

Я хотел бы успокоить доктора, но он все равно узнает правду. Я сказал:

— Будут дней через сорок.

— Замечательно, — ответил доктор, не переставая широко улыбаться. Но ему уже было неловко. Он тоже понимал, что сорока дней мне не протянуть. Но он был доктором, и поэтому он должен был что-то сказать.

— У них на борту врач и препараты. Вас поставят на ноги в три часа.

— Тогда некого будет ставить на ноги...

По реке на облаках плыл вниз трубой длиннющий пароход, и белый дым из его трубы свисал с облака к самому окну.

— Надо быть молодцом, — сказал доктор.

Я не стал спорить.

Ночь была длинной. Я ждал рассвета, а его все не было. Сколько длиться их сутки? Если не ошибаюсь, двадцать два часа с минутами. И поделены они на периоды и доли. Об этом я читал в справочнике. Еще на базе.

Наконец стало светать. Я удивился, увидев на облаках, что улицы полны народу. Обычно прохо-

жие появлялись часа через полтора после рассвета.

Открылась дверь, и вошел доктор.

— Вас еще не кормили? — спросил он.

— Нет, рано еще.

— Пора, пора, — сказал он.

— Сколько сейчас времени? — спросил я.

— Тринадцать долей третьего периода, — сказал доктор.

Я не стал просить разъяснений. Третьего как третьего.

— Мне придется вас покинуть, — сказал доктор. — Много работы.

Доктор вернулся через час и долго рассматривал ленты с записями моей температуры, давления, пульса и прочих штук, свидетельствующих о том, что я еще жив. Ленты ему явно не нравились, поэтому доктор начал насвистывать что-то веселое.

— Ну и как?

— Совсем неплохо. Совсем неплохо. Жалко, что вам сбили режим. Головы за это отрывать надо!

— За что?

— За полную безответственность. Ему, видите ли, не хотелось с ней прощаться. Ну ладно, потом объясню. Кстати, вы не будете возражать, если к вечеру мы сделаем вам переливание крови?

— А мое возражение будет принято во внимание?

Доктор вежливо улыбнулся и ушел.

На следующий день мне стало

хуже. Доктор сидел на круглом табурете и о своих болезнях ни гугу. За окном метет. Вчера еще было тепло, и рыболовы покачивали над водой удилищами, как жуки усиками. А сегодня метет.

— Через полчаса кончится, — сказал доктор. — Недосмотрели.

— Вы управляете климатом? — спросил я.

— Да ничем мы не управляем, — вздохнул доктор. — Это не жизнь, а сплошное безобразие. Скорей бы облака уходили.

— Вы вчера что-то говорили о безответственности.

— Ах, вы об этом инциденте? Это неизбежно. Один молодой человек... Что с вами?

Мне было плохо. Я еще слышал доктора, но уже не мог удержаться на поверхности мира. Мне казалось, что я держусь за слова доктора, как за скользкие тонкие бревнышки, но вот слова выскальзывают и остаются на воде, а я ухожу вглубь, не смея открыть рта и вздохнуть...

Я очнулся. Они не знали, что я очнулся. Не заметили. И я слышал их разговор. Доктора и другого врача, специалиста по лучевой болезни.

— Два-три дня, не больше, — сказал специалист. — Очень плох.

Я знал, что говорят обо мне, но очень хотелось, чтобы слова эти не имели ко мне никакого отношения.

Вторично я очнулся ночью. Доктор сидел на своем табурете и раскладывал на коленях нечто

вроде пасьянса из карт, похожих на почтовые марки. Мне показалось, что доктор осунулся и постарел. Я был благодарен доктору за то, что он не ушел ночью домой, за то, что сидит у моей постели, и даже за то, что он осунулся всего-навсего оттого, что в его отделении умирает человек с Земли, с совсем чужой и очень далекой планеты.

— Спите, — сказал доктор, заметив, что я открыл глаза.

— Не хочу, — сказал я. — Еще успею.

— Не дурите, — сказал доктор. — Бесвыходных положений не бывает.

— Не бывает?

— Еще одно слово, и я даю вам снотворное.

— Не надо, доктор. Знаете, что удивительно: я читал, что перед смертью люди вспоминают детство, родной дом, лужайки, залитые солнцем... А мне все чудится, что я чиню какого-то ненужного мне кибера.

— Значит, будете жить, — сказал доктор.

Я задремал. Я знал, что доктор все так же сидит рядом и раскладывает пасьянс. И мне, как назло, приснилась лужайка, залитая солнцем, та самая лужайка, по которой я бегал в детстве. Лужайка была теплой и душистой. На ней было много цветов, пахло медом и жужжали пчелы... Доктору я не стал говорить о своем сне. Зачем расстраивать?

Вошла сестра.

— Все в порядке, доктор, — сказала она. — Проголосовали.

— Ну, ну?

— Сто семнадцать «за», трое воздержались.

— Чудесненько, — сказал доктор. — Я так и думал.

Он вскочил, и карты, похожие на марки, рассыпались по полу.

— Что, доктор?

— Жизнь чудесна, молодой человек. Люди чудесны. Разве вы этого не чувствуете? Ох, как у меня болит зуб! Вы не можете себе представить... У вас когда-нибудь болели зубы? Вы еще вернетесь на свою поляну. Она вам снилась?

— Да.

— Вернетесь, но со мной. Вам придется пригласить меня в гости. Всю жизнь собирался побывать на Земле, но недосуг как-то. Если мы с вами продержимся еще два дня, считайте, что мы победили.

И он не лгал. Он не успокаивал меня. Он был уверен в том, что я выживу.

— Сестра, приготовьте стимуляторы. Теперь не страшно. — Доктор взглянул на часы. — Когда начинаем?

— Через пять минут. Даже раньше.

Сквозь толстые стекла окон донесся многоголосый рев сирен.

— Через пять минут. Вы уже знаете? — сказал незнакомый врач, заглядывая в палату.

— Закройте шторы, — сказал доктор сестре.

Сестра подошла к окну, и я в последний раз увидел серебряную подкладку облаков. Я хотел попросить, чтобы они не закрывали шторы, объяснить им, что облака нужны мне, но неумолимая тошнота подкатила к горлу, и я, не успев уцепиться за воркование докторского голоса, понесся по волнам, задыхаясь в пене прибоя.

— ...Так, — сказал кто-то порусски. — Ну и состояньице!

Я не знал, к какому из отрывочных видений относится этот голос. Он не давал уйти обратно в забытие и продолжал гудеть, глубокий и зычный. С голосом была связана растущая во мне боль.

— Добавь еще два кубика, — приказывал голос. — Трогать его пока не будем. Глеб, перегони-ка сюда третий комплект. Сейчас он очнется.

Я решил послушаться и очнулся. Надо мной висела черная щирокая борода, длинные пушистые усы и брови, такие же пышные, как и усы. Из массы волос выглядывали маленькие голубые глаза.

— Вот и очнулся, — сказал бородатый человек. — Больше уснуть мы тебе не дадим. А то привыкнешь...

— Вы...

— Доктор Бродский с «Колибри».

Бродский отвернулся от меня и выпрямился. Он казался высоким, выше всех в комнате.

— Коллега, — перешел он на

космический. — Разрешите мне еще разок заглянуть в историю болезни.

Мой доктор достал катушки с лентами записей.

— Так, — бормотал Бродский. — День одиннадцатый... день четырнадцатый... А где продолжение?

— Это все.

— Нет, вы меня не поняли. Я хотел спросить, где вторая половина месяца? Ведь не четырнадцать же дней он болеет.

— Четырнадцать, — сказал доктор, и в голосе его прозвучали звенящие нотки смеха.

— Сорок три дня назад мы стартовали с базы, — между тем гудел Бродский. — Мы сэкономили в пути трое суток, потому что больше сэкономить не могли...

— Я вам все сейчас объясню, — сказал доктор. — Но, кажется, приехал ваш помощник...

Через шесть часов я лежал на самой обычной кровати, без лат, без шин, без растяжек. Новая кожа чуть зудела, и я был еще так слаб, что с трудом поднимал руку. Но мне хотелось курить; и я даже поспорил, хоть и довольно вяло, с Бродским, который запретил мне курить до следующего дня.

— Давайте-ка все-таки распу-
таемся с этой историей, — сказал Бродский, склонившись над моей историей болезни. — Сколько же мы летели и сколько же наш больной пролежал у вас?

Бродский достал из кармана

большую трубку и принялся ее раскуривать.

— Тогда вы сами не курите, — сказал я. — А то отниму трубку. Ради одной затяжки я готов сейчас на преступление.

— Большой, — строго сказал Бродский. — Что дозволено Юпитеру, то не дозволено кому?

— Волу, больным, космонавтам в скафандрах, — ответил я. — У меня высшее образование.

Мой доктор слушал наш разговор, умиленно склонив голову к плечу. У него был взгляд дедушки, внук которого проглотил вилку, но в последний момент умудрился с помощью приезжего медика вернуть ее в столовую.

— Даже не знаю, с чего начать, — наконец сказал доктор. — Все дело в том, что наша планета весьма нелепое галактическое образование. Большую часть года она целиком закрыта серебряными облаками, которые полностью отрезают нас от внешнего мира.

— Но ведь мы же прилетели сюда...

— Корабль может пробить слой облаков, но этим обычно никто не хочет заниматься. И вот почему: облака каким-то образом нарушают причинно-следственную связь на поверхности планеты. Вы помните, как несколько дней назад в городе рассвело несколько позже, чем обычно?

— Да помню, — сказал я. — Я решил сначала, что слишком рано проснулся.

— Нет, это запоздал рассвет. Один влюбленный молодой человек не хотел расставаться со своей возлюбленной. И что же он сделал? Он забрался на башню, на которой стоят главные городские часы и привязал гирю к большой стрелке часов. Часы замедлили ход. В любом другом месте Галактики от такого поступка ровным счетом ничего бы не случилось. Ну, может быть, кто-нибудь и опоздал бы на работу. И все. А на нашей планете в период «серебряных облаков» замедлился ход времени. Рассвет наступил позже, чем обычно.

Доктор вдоволь насладился нашим изумлением и продолжал:

— Беда еще и в том, что в одном городе часы могут идти вперед, а в другом отстают. И рассвет наступает в разных местах по-разному. Чего только мы не предпринимали! Запрещали пользоваться личными часами — ведь время зависит даже от них, ввели обязательную почасовую сверку всех часов планеты... Но потом от всех мер такого рода отказались. Просто-напросто каждый житель планеты имеет часы. И раз на планете живет сто двадцать миллионов человек, то среднее время, которое показывают сто двадцать миллионов часов, правильно. Одни спешат, другие отстают, третьи идут как надо. Понятно?

— Значит, — спросил я, — если вы сейчас подведете свои часы вперед, то и время ускорит свой ход?

— Ну, на такую малую долю, что никто не заметит. А если ошибка становится крупной, достаточно чуть-чуть сдвинуть стрелки главных курантов — и все придет на свои места.

— А ваш влюбленный об этом знал? — спросил Бродский.

— К сожалению, да. Об этом знают все.

— И часто случаются казусы?

— Очень редко. Мы волей-неволей дисциплинированы. Но, с другой стороны, мы знаем, что в случае крайней необходимости можем управлять временем. Так было и с нашим больным. Совет планеты принял решение спасти гостя. Мы знали — жить ему два, от силы три дня. Вашему кораблю лететь до нас сорок дней. Помните, я попросил сестру закрыть шторы?

— Да.

— Для того чтобы вас не смущало мелькание дня и ночи.

— Так эта мера очень болезненна для планеты!

— Мы сознательно пошли на некоторые трудности. Например, студентам придется сдавать весеннюю сессию в две недели вместо месяца. Больше того, как сейчас выяснилось, «Колибри» пришел на пять часов раньше, чем мы предполагали. Значит, многие жители города сами подводили вперед ручные часы и будильники.

...Через три дня мы приехали на космодром. Доктор улетал с нами на Землю. Я еще был слаб и опирался на трость. Легкий сне-

жок сыпался с серебряных облаков и мучил их гладкую поверхность. Впервые я увидел собственное отражение. Если задрать голову, то маленький человечек с палочкой тоже закинет голову и встретится с тобой взглядом.

Проводы затянулись, и я, устав, взялся рукой за круглую палку, привинченную к стене космозала. Так стоять было удобнее. Бродский говорил довольно длинную речь, в которой благодарил жителей планеты.

— Пора, — сказал стоявший рядом со мной капитан «Колибри». — Через пятнадцать минут старт.

Я обнимаюсь и раскланиваюсь с друзьями...

Вдалеке слышится гул.

— Что такое? — взволновался доктор. — Что случилось?

Провожающие, видно, разобравшись, в чем дело, бросились в укрытие космозала. Доктор поптичь покрутил головой и впился взглядом в меня.

— Сейчас же уберите руку! — крикнул он. — Что вы наделали!..

Я отдернул руку и, обернувшись, посмотрел на круглый предмет, за который я держался. Оказалось, самый обыкновенный ртутный термометр.

— Что случилось, доктор? Что я натворил?

— Неужели вы не понимаете? Посмотрите на термометр. Вы же согрели его и подняли температуру на несколько градусов. Во всем городе! И снег растаял... Не теряйте же ни секунды. Скорее в корабли! Начинается наводнение!

чистильщик

Григорий
Филановский

Виктор Караев прервал мою работу на самом интересном месте. Так всегда кажется, когда приглашают на менее интересное. Мы оба это отлично знали, ибо в юности совместно увлекались психологией; но пути наши разошлись.

— Прилетай, тут у меня один юный Герострат...

Придется слетать. Пустой, как обычно, зал всемирного судилища. Диалога скорей всего не будет

никакого: подсудимый вял, а судья, будучи в высшей степени объективен, совмещает в одном лице обвинителя, защитника и, разумеется, судью. Заранее скучновато...

— Сколько вам лет, Жуянов?

— Шестнадцать. Семнадцать неполных.

— Понимаешь хоть, что натворил?

— Ничего не понимаю. Никому ничего я плохого не сделал. Никто даже и не заметил, только Буля с Нонкой, потому что я с ними пошел на пари...

— Плохо ты знаешь людей, Жуянов. Мир откликнулся на твой неслыханный поступок, и это привело тебя на позорную скамью.

— Ну уж, «мир откликнулся»... Делать им, что ли, нечего?

— Сомневаетесь? Вот вам, — судья вновь перешел на вы, — свидетельства: отклики и подписи. Пожалуйста:

«Поражен случившимся. Не спал всю ночь», — сообщает лесник из Сибири.

«Остановилась картина». Подпись — Машина (ударение на первом слоге), художник.

«Прошу назвать автора сюрприза», — просит астроном Парсек. «Сюрприз», должно быть, в ироническом плане... Это все из разных концов Земли, незнакомые люди. А вот и межпланетчики забеспокоились — соответственно марсограмма! Всех интересует, в чем дело? А дело, оказывается, в том, что юный бездельник — ве-

роятно, это так — Жуянов задумал позабавиться, подобно Аттиле или пресловутому римскому легионеру, убившему Архимеда.

— Чего вы?.. Я никого не убивал, не трогал и больше не буду, а вы меня пустите домой...

Караев еле сдерживался, и мне было по-дружески жаль его — сейчас и вообще. Он был, да и остался, очень неплохим психологом и социологом. Но мы все частенько подтрунивали над его необычайной душевной деликатностью, когда он причинял кому-либо неумышленную, вынужденную обиду. И возможно, в силу особенности характера, Караева мучительно заинтересовала природа человеческой преступности. Он нашел ключ к этому в прошлом в несовершенстве социальных систем минувших времен, когда неравные возможности, уродливое развитие той или иной личности приводили к попыткам любой ценой компенсировать неудовлетворенность своим положением в мире. Забыться опьянением, вырвать долю положенного каждому счастья, отомстить за обиды судьбы любой ценой: насилием, подлостью, убийством. Оценив достоинства исследований ученого, автора назначили главным судьей планеты. Главным и единственным. И то, каждый подсудимый был как находка, да и преступления — все больше мелкие хулиганства, даже скорее озорство. Жизнь ежечасно убеждала Караева в том, что с юности был прав, но это обернулось

его личной трагедией. Он уже потратил чуть ли не полжизни на дело далеко не первой важности и в глубине души, возможно, завидовал многим стоящим на переднем крае эпохи. И единственно, что остается в таких случаях людям, — хоть для себя выпить, превознести свою неотъемлемую захолустную работу...

— До чего эти юнцы пораспустились! — ворчал Караев. — Недавно группа подобных молодчиков вставила водородный фитиль в Южный полюс. Резко потеплело в той зоне, изменилось направление ветров, и что же? На Чили пошли ураганы — еле успели их перехватить и завернуть... Жуянова интересует, вероятно, какое наказание понесли виновные? Тоже ведь думали, что так себе, шуточки, посмотрим, мол, что из этого выйдет. Как видите, ничего хорошего не вышло. Я запросил бюро: от каких работ все отказываются? — и бросил некоторых на заготовку грибов, а зачинщика — на борьбу с графоманами, личную... Недоучки-стажеры из Института экспериментальной гибридизации в часы досуга получили новый вид — помесь горного козла и домашнего осла. Животные оказались чрезвычайно жизнеспособными, потомство разбежалось по стадам коров, овец, свиней, начиная верховодить и морочить электронных пастухов. Я заставил этих сорванцов, не козлов-ослов, а стажеров, чтобы последние выловили и тщательно

изолировали первых от всех остальных. Натворили — исправляйте сами. Но вышеупомянутое, по-моему, — невинные шалости по сравнению с тем, что натворил этот шалопаи...

— Что же? — не выдержал я. — Ну?

— Луну, — скривился молодой Жуянов.

— Что Луну?..

— Луну спрятал. — Неожиданно он хихикнул, но, глянув на Караева, соорудил обиженное лицо.

— Скрылась царица ночи! — патетически воскликнул судья. — Та, которой издревле поклонялись... В древнейшем государстве Вавилоне одним из самых почитаемых богов был покровитель города Ура — Син, Лунный. Династия индийских царей гордилась тем, что ее родословная восходит к Луне. Античная поэтесса Сафо изображает Селену прекрасной женщиной с факелом в руке, ведущей за собой звезды. Селена... Селас — по-древнегречески свет, блеск!.. — При этом Караев уничтожающе глянул на съевшегося паренька. — Один век сменял другой, и Луна осталась последним божеством, которому поклонялись влюбленные и поэты: недаром она пронизывала сны, рождала легенды, тревожно манила, исторгала из души музыку и слезы...

Караев вновь поглядел на Жуянова, уныло кивающего головой, и продолжал:

— ...Но пришел час, когда Лу-

ны впервые коснулся вымпел, сделанный руками человека, а вскоре Луну обнял первый космонавт. На обратной ее стороне соорудили обсерваторию, и на этом дело кончилось: вблизи наш естественный спутник оказался не таким уж интересным. Да и на Земле в суматохе дел, нагроможденных городов, переплетенье космических станций и тысяч воздушных трасс разве что отдельные чудачки и неизменные влюбленные порой обращали внимание на серебряное пятнышко в небе...

— Вот именно, — счел уместным вставить подсудимый, — кому до этого дело...

— Молчи! — прикрикнул судья. — Нет, лучше расскажи сам, как ты дошел до такого геростратства!

— Значит, так, — обратился почему-то ко мне злосчастный подсудимый, — был у нас разговорчик с Булей и Нонкой. Гуляя мы как-то ночью по-над речкой, эта самая Луна светила как надо. Я говорю: между прочим, она отражает всего семь процентов падающих на нее лучей. А могла бы ничего не отражать... Если бы была абсолютно черной. Как сажа. А сажа — это удивительная штука! Один грамм может покрыть тончайшим слоем тысячу квадратных метров. На два миллиона квадратных километров — площадь видимой половины Луны — достаточно было бы двух-трех тысяч тонн сажи. Чепуха. Крупный сажевый завод делает столько за

неделю. Фокус в том, чтобы распылить эту сажу на Луне. Идея! Выбросить огромное облако вблизи поверхности, и оно равномерно осядет повсюду, благо, ни ураганов, ни просто ветра на Луне как будто нет...

Я присмотрелся к Жуянову: в его глазах была мысль, чувствовалось, что математику он знает, технику любит и вообще парень с головой, хотя пока и дурноватой...

— Но почему же вы решили, что именно вам, Жуянову, дано право осуществить этот дикий эксперимент?

Жуянов отвел глаза от Караева.

— А чего они, Буля и Нонка, сказали «слабо»?.. Я им и доказал! Запустить контейнер такого веса и взорвать его вблизи Луны в наш век перестройки жизни и освоения солнечной системы не такое уж сложное дело. А вы бы посмотрели, какой вид был у Були и Нонки, когда они убедились, что Луна сделалась-таки черной!..

— Хватит! — Караев поднялся, в этот торжественный миг он воплощал земное правосудие. — Я обращаю внимание на то, что последнее время молодые люди стали вести себя весьма безответственно. Став безусловно гуманным и уважительным в целом относясь к себе подобным, они зачастую злоупотребляют теми огромными силами, которые вложила нам в руки и сделала доступным каждому наука и техника. Делаются разные штуки, фокусы,

забавы, эксперименты, чаще всего по недомыслию, но влекут за собой иногда весьма тяжкие последствия. Безобидная, казалось бы, установочка для добычи золота из океана в известной степени нарушила солевой баланс в одной из зон, что привело к захирению ценных водорослей, служащих сырьем для вкусонина. Бурение глубинной скважины в неполюженном месте азартными разведчиками земного ядра вызвало землетрясение на Филиппинах. А одному молодчику закателось устроить солнечный денек, когда он выбрался на прогулку со своей симпатией. Разогнал облака над озером, на котором они веселились, а неподалеку барабанил такой град, какого отродясь никто не видал...

Подкрепившись, таким образом, общими предпосылками, судья нацелился на конкретного обвиняемого. Не утруждая себя аргументами, подтверждающими злокозненность действий Жуянова, Караев вынес ему безапелляционный приговор: исправить содеянное, вычистить Луну...

Жаль, я не видел лиц достопочтенных Були и Нонки, когда они прослышали, что их дружок в результате сделался чистильщиком...

Как-то через полгода, а может, и год после этой истории я случайно увидал в небесах полную Луну и подумал, что Жуянов, очевидно, выполнил свою миссию. Но на этом история отнюдь не кончи-

лась. Несколько лет спустя на Золотом пляже ко мне подсел молодой человек.

— Жуянов? Чистильщик?

— Бывший. Ныне биофизик. Изменился, а?

Я нарочно хотел задержать его подольше, до прихода Луны, впрочем, мне было довольно интересно говорить с ним. И лишь когда мы прощались, я вспомнил вновь грех его молодости и злорадно показал на Луну:

— Сияет?

— Пока — да, — улыбнулся Жуянов. — А вообще признано целесообразным зачернить ее. Свет ее мешает каким-то важнейшим, очень тонким астрономическим сопоставлениям. Нет, я к этому не имею никакого отношения. Случайно слышал...

Он поклонился и улетел. На следующее утро я позвонил Караеву. Тот рассеянно выслушал эту историю.

— Может быть... В порядке вещей. Я, кстати, встречал где-то имя биофизика Жуянова — так и подумал, что мой... Да, очень хорошо, что ты позвонил: сейчас я буду судить одну личность. Шестнадцать лет. Метал громы и молнии, находясь на Венере, с целью заронить там начало жизни. Аналогичные условия были, дескать, на Земле миллиарды лет назад... Нет, такими вещами не шутят. И ему не удастся отвертеться от суда — пойман на горячем...

*плеск
звездных морей*

Евгений Войскунский,
Исай Лукодянов

Я и Робин с детства тренировались по менто-системе, и я сразу почувствовал, что он вызывает меня направленной мыслью. «Что случилось?»

Нам было далеко до совершенства в менто-обмене, но я почувствовал в его вопросе страх. Самому Робину бояться было нечего. Значит, страх относился к другим. Я понял.

«Не знаю, — ответил я. И добавил: — Видимой опасности нет».

По глазам Робина я увидел, что последние слова до него не дошли.

— Видимой опасности, — повторил я вслух, — на Венере не было.

— В жизни не видел такой паники, — сказал командир, не обращаясь к нам. — Полгруза не принято, отсеки забиты людьми, толком ничего не поймешь... Столько времени потеряли... — Он покачал головой и умолк.

— Хватит ли воды? — сказал Робин. — Девятьсот семьдесят два человека... — Он потрогал клавиши вычислителя. — Сто три грамма в сутки на человека. Мало.

— Придется что-то придумать, — сказал командир. — Там есть дети.

В этом рейсе я был просто пассажиром. Отпускником, возвращающимся с Венеры. Мне было не обязательно находиться в ходовой рубке. Я сказал командиру, что пройду по отсекам.

— Хорошо, — кивнул командир. — Постарайся что-нибудь толком узнать. Покажи им, где у нас запасные изоляционные маты, пусть используют как матрацы.

Кольцевой коридор был забит людьми. В грузовом ионолете только один пассажирский отсек — двенадцать двухместных кают. Там разместились женщины с грудными детьми. Остальным предстояло провести полет в небывалой тесноте коридоров и грузовых от-

секов. Я увидел, что многие плохо переносили ускорение, хотя командир растянул разгон как только мог. Оно и не удивительно: без амортизационных кресел...

В гуле взволнованных голосов я улавливал лишь обрывки фраз. Большинство, конечно, говорило на интерлинге, но некоторые — главным образом люди пожилые — переговаривались на старых национальных языках.

— ...Медленное накопление, они сами не замечают перестройки психики, — доносилось до меня.

— ...Играли в шахматы — и вдруг он делает совершенно несусветный ход. Я ему говорю: «Нельзя так», — а он...

— ...Подложу под голову надувную подушку, и тебе станет легче.

— ...Да, да! Смотрит холодными глазами и даже пальцем не шевельнул, чтобы помочь...

— ...Разгон кончился, знаю, но торможения я не перенесу...

— ...Никуда! Никуда больше не улечу с Земли! Никуда!..

Я посмотрел на женщину, которая это сказала. Она была красива. Резко очерченное меднокожее лицо. Волосы — черным острым крылом. Рядом с женщиной сидел, привалившись к переборке, светловолосый мужчина средних лет, глаза его были полуприкрыты. С другой стороны к нему прижималась тоненькая девочка лет пятнадцати. Большая отцовская рука надежно прикрывала ее плечо. Я знал эту семью — на Вене-

ре они жили по соседству с моими родителями. Их фамилия была Холидэй. Девочку звали Андра. Они поселились на Венере незадолго до моего отлета на Землю — я тогда поступил в Институт космонавтики. Помню — эта самая Андра редко играла с детьми, все больше с отцом. Том Холидэй учил ее фигурным прыжкам в воду, часто носил ее на плече, а она смеялась. Наверно, это было неплохо — сидеть на прочном отцовском плече.

— Никуда с Земли! — испуганно повторяла мать Андры.

Я подошел к ним и поздоровался. Женщина — теперь я вспомнил, что ее зовут Ронга, — скользнула по мне взглядом и не ответила.

— Здравствуй, — сказал Холидэй, приоткрыв глаза. — Ты что, из экипажа корабля? — добавил он, заметив мой значок.

— Нет, старший, — ответил я. — Возвращаюсь из отпуска. Просто очень трудный рейс, и я помогаю экипажу.

Я почувствовал, что Андра спрашивает меня по менто, но вопрос был расплывчат.

— Не понял, — сказал я ей. — Ты уже пилот? — спросила она вслух.

— Нет, еще полгода учиться, а потом практика. — Я перевел взгляд на ее отца. — Старший, почему вы все кинулись на этот грузовик? Ведь по вызову колонистов на Венеру уже идут пассажирские корабли.

— Так получилось, — сухо ответил он и снова закрыл глаза.

Я хотел было двинуться дальше, но тут Ронга остановила меня повелительным менто:

— Твои родители остались?

Вопрос был задан так четко, будто она произнесла его вслух.

— Да, — ответил я. — По моему, они и не собираются на Землю.

Я подождал, не скажет ли она что-нибудь еще. В ее взгляде я прочел странное недоброжелательство. Она молчала.

Я двинулся дальше. Вокруг было такое — будто страница из учебника истории, будто беженцы времен какой-нибудь большой войны. Люди на голом полу, тут же пакеты с едой, одеяла всех цветов и оттенков. Дети. Одни напуганы, жмутся к старшим, другие уже освоились, бегают по тесным проходам. Я поймал одного, наиболее любознательного, который игривым трингером пытался снять крышку с контрольного люка детрибутора. Я шлепнул его и снова подумал, что рейс будет трудным.

Почему Ронга спросила о моих родителях? И почему отец с матерью за весь мой отпуск ни словом не обмолвились, что на планете неладно? Они были совершенно спокойны. Как обычно. На Земле у меня почти не оставалось времени для вольного чтения — мешали занятия в институте и тренировки. Я мечтал об отпуске, чтобы начитаться всласть. На Венере я проглотил уйму книг.

Отец вечно пропадал на плантациях, мать — на станции наблюдения за атмосферой — и мы, собственно, встречались только за едой. Жизнь текла размеренно. Ни разу я не слышал от них, что на Венере неладно...

Меня окликнул какой-то чудак, забывший снять скафандр. Он так и сидел, скрестив ноги, в громоздком венерианском скафандре, только шлем снял. Рядом стоял большой старомодный чемодан, давно таких не видел.

— Ты из экипажа? — спросил он на плохом интерлинге. — Вы там думаете насчет воды?

— Да, старший, не беспокойся, вода будет, — ответил я. — Помочь тебе снять скафандр?

— Нет. Меня интересует только вода. — И он добавил по-немецки: — Торопимся, торопимся, вечно торопимся.

Подросток лет тринадцати оторвался от шахмат, посмотрел на человека в скафандре, потом на меня и снисходительно сказал:

— Как будто у них нет установки для оборотной воды.

Я мысленно усмехнулся: «Видно, паренек, тебе еще не доводилось отвесть оборотной воды».

У него были желто-зеленые глаза, неспокойный ехидный рот и манера во все вмешиваться. Я сразу это понял — насчет манеры, — видел уже таких юнцов.

— Хочешь мне помочь? — спросил я.

— Мне надо решить этюд, —

ответил подросток. — А что будем делать?

— Пойдем со мной, покажу. Этюд потом решим вместе.

— Бен-бо! — выпалил он словцо, которым мальчишки обозначают нечто вроде «как же» или «только тебя тут не хватало». — Как-нибудь и сам решу.

Он пошел за мной.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Всеволод. Это родительское. Тебе нравится?

— Нравится.

— А я все думаю — оставить или выбрать другое. Мне, знаешь, какое нравится? Модест. Как ты думаешь?

— Лучше оставь родительское.

— Бен-бо! — воскликнул он на всякий случай. — А тебя как зовут?

— Улисс.

— Родительское?

— Нет, собственное.

— Улисс — это Одиссей, да? Подумаешь! С каким ускорением мы идем?

— Ускорение кончилось.

Я подошел к двери скиперского отсека и отпер ее. Всеволод тотчас юркнул вслед за мной и принялся по-хозяйски озираться.

— Видишь эти маты? — сказал я. — Не очень-то мягкие, но все-таки лучше, чем на голом полу. Ты поможешь мне раздать их пассажирам.

— На всех не хватит. Ладно, ладно, знаю без тебя, что вначале женщинам...

Он взвалил несколько матов на спину и исчез. Вскоре снова появился в отсеке. С ним пришли еще несколько парней примерно его же возраста.

— Они тоже будут таскать, — сказал Всеволод. — А еще какая работа будет?

Я отвел его в сторонку.

— Ты, наверно, все знаешь. Ну-ка скажи, что произошло на Венере?

— А ты спроси у Баумгартена. Это который в скафандре сидит.

— Спрошу. Но сперва расскажи ты.

— Я бы ни за что не улетел, если б не родители. Я-то за свою психику спокоен.

«Опять психика, — подумал я. — Прямо какое-то массовое помешательство. У кого-то меняется психика — только и слышишь вокруг».

— Может, он его просто не услышал, — продолжал Всеволод, в упор разглядывая мой значок, — а они из этого такое раздули...

— Кто кого не услышал? Говори по порядку.

— Так я и говорю. Он ехал с дальних плантаций, из Долины Сгоревшего спутника. Вдруг у него испортился вездеход. Там, знаешь, привод компрессора...

— Не надо про компрессор. Что было дальше?

— Дальше начался черный теплон. — Парень оживился. — Ух и теплон был! На нашем куполе

все антенны расплавились. А потом — аммиачный ливень...

— Стоп! Ты сказал — у него испортился вездеход. Дальше?

— Вот я и говорю, испортился. А тут теплон начинается. Чернота пошла. Прямо беда. И тут он проезжает мимо.

— Кто мимо кого? Говори же толком?

— Тудор мимо Холидэя. Холидэй ему по УКВ: «Возьми меня, терплю бедствие». А тот будто и не слышит. Проехал — и все.

— Ну, а Холидэй что?

— А там один вертолет удирал от теплона. Так он услышал вызов Холидэя. Повезло ему, а то сгорел бы.

Я немного знал Тудора. Он, как и мой отец, был примаром — из первого поколения родившихся на Венере. Они с моим отцом занимались селекцией венерианских мхов. Тудор... Поразительно... И еще странно, что отец мне об этом не рассказал. Не мог же он не знать. Теплон прошел третьего дня, как раз накануне прилета этого грузовика.

— Из-за этого случая и началась паника? — спросил я.

— Пойди к Баумгартену, он тебе расскажет.

Баумгартен спал. Но когда я подошел, он открыл глаза.

— Так хватит воды или нет? — спросил он.

— При жесткой норме хватит. — Я сел рядом с ним. — Старший, мне рассказали о случае с Холидэем. Может, Тудор

просто не услышал его? Неужели из-за одного этого случая...

— Одно случая? — перебил он, грозно выкатывая на меня светло-голубые глаза. — Если хочешь знать, я заметил это у примаров еще год назад. Я вел наблюдения, дружок. Этот чемодан набит записями.

— Что именно ты заметил у них, старший? — спросил я, чувствуя, как похолодели кончики пальцев.

— Мелких признаков много. Но самый крупный и самый тревожный... м-м... как это на интерлинге... Равнодушие! — выкрикнул Баумгартен. — Странное равнодушие к окружающим, полное безразличие ко всему, что выходит за рамки повседневных локальных интересов. Я утверждаю это со всей ответственностью врача! Мы — все — не — хотим — стать — равнодушными!

Я потихоньку растирал кончики пальцев. Набитый чемодан. Наблюдения за примарами...

— Случай с Холидэем подтвердил самые страшные мои опасения, — продолжал Баумгартен хлестать меня словами и интонацией. — Они становятся другими! Сдвиги в психике все более очевидны!

— Нет, нет, с моими родителями все в порядке. Ничего такого я не замечал. Нет!

— А все потому, что торопимся, вечно торопимся, — говорил Баумгартен.

— Не понимаю, старший. Ты

сам торопился с отлетом. Ты взбудоражил всех людей, а теперь говоришь...

— Я говорю о другой торопливости. — Худое лицо Баумгартена вдруг замкнулось. — Об этом будет разговор на Совете планирования.

Он умолк, и я понял, что больше он ничего мне не скажет.

— Насчет воды не беспокойся, — сказал я и пошел по кольцевому коридору к лифту.

Опять прошел мимо Холидэев. Том по-прежнему сидел с закрытыми глазами. Андра читала книгу. Она мельком взглянула на меня, тонкой рукой отбросила со лба волосы. Волосы у нее были черные, как у матери, а глаза — отцовские, серые, в черных ободках ресниц.

Она и раньше вечно жалась к отцу.

Ронга сидела ссутулясь, скрестив руки и стиснув длинными пальцами собственные локти. Резкие черты ее лица как бы заострились еще больше. Я услышал, как она прошептала непримиримо:

— Никуда, никуда с Земли...

II

Мы возвращались с последнего зачета. Целый день, бесконечно длинный день мы только тем и занимались, что убеждали экзаменаторов: наши мышцы и нервы, наши интеллекты и кровеносные сосуды — словом, наши психо-физические комплексы вполне пригод-

ны для космической навигации. Нас раскручивали на тренажерах, мы падали в такие бездны и с таким ускорением, что желудок оказывался у горла, а сердце — во рту. А только тебя подхватывала силовая подушка — ты не успевал отдышаться, — как прямо в глаза лез метеорит, вернее — то, что его имитирует. И горе тебе, если ты замешкаешься, не отскочишь с помощью ракетного пистолета.

У меня словно все кости были переломаны, в голове гудело, и почему-то казалось, будто нижняя челюсть скособочена. Я трогал ее рукой — нет, челюсть на месте.

Автобус мягко мчал нас по воздушной подушке к жилым корпусам Учебного центра. Мы молчали, не было сил даже говорить. Робин полулежал рядом со мной на сиденье, выражение лица у него было, как у Риг-Риссо в том кадре, где его вытаскивают из камнедробилки. Сзади сопел и отдувался Антонио — даже этот неистощимый говорун сегодня по-малкивал.

Только я подумал, что наша группа еще хорошо отделалась и особых неожиданностей все-таки не было, как вдруг — фыр! кррак! — и я очутился в воздухе. Не успел даже вскрикнуть, сердце оборвалось, на миг я увидел свои ноги, задранные выше головы... В следующий момент, однако, я понял, что теперь камнем лечу вниз, и резко перевернулся. Приземлиться по всем правилам!..

Я лежал на животе, пытался

приподняться на руках и не мог. Какая-то сладко пахнущая трава вкрадчиво лезла мне в рот. Я бурно дышал. Неподалеку кто-то из ребят не то стонал, не то плакал. Из автобуса, который преспокойно стоял в нескольких метрах на шоссе, вышел инструктор. Его-то, конечно, не катапультировало. Я поднялся, когда он проходил мимо. Он кивнул мне:

— Как настроение, Дружинин?

Видали? Тебе устроили такой дьявольский подвох, и у тебя же еще должно быть настроение!

— Превосходное, — прохрипел я.

Повреждений никто не получил: место для катапультирования было выбрано со знанием дела. И выбросили нас на небольшую высоту. Собственно, это был скорее психический тест.

Костя Сенаторов не выдержал его. Этот великолепно сложенный атлет бил кулаком по земле, лицо его было страшно перекошено, и он все повторял с какими-то странными завываниями:

— Уйду-у-э... Уйду-у-э...

Я схватил его под мышки, попытался поднять. Но Костя оттолкнул меня локтем и завыл еще громче. Инструктор покачал головой, нагнулся к Косте и ловко сунул ему в раскрытый рот таблетку — сухой витамин, должно быть.

Никогда бы не подумал, что у Кости могут сдать нервы. Жаль, у нас в группе все его любили...

Мы снова забрались в автобус и теперь уже были начеку.

— Дерни за руку, — шепотом сказал мне Робин и протянул распухшую, покрасневшую кисть.

— Да ты ее вывихнул! — сказал я.

— До чего проницательный... Ты можешь потише? — Он вытянул шею и посмотрел на инструктора, который сидел на переднем сиденье.

Я осторожно сжал его пальцы и резко дернул, пригибая кисть вниз. Робин откинулся на спинку сиденья, сквозь загар на лице проступила бледность, и оно покрылось капельками пота.

Темнело, когда мы приехали к жилым корпусам. В медпункте руку Робина осмотрели, сказали, что все в порядке, и смазали болеутоляющим составом. Мы кинулись в душевую.

В столовой былолюдно и шумно. У густиватора толпились ребята — это было еще новинкой, и всем хотелось испытать, какой вкус может придать густиватор общебелковому брикету. Мы были слишком голодны, чтобы торчать в очереди. Мы с Антонио и Робинот взяли по грибному супу, телячьей отбивной, а на третье я выбрал свой излюбленный компот из манго. Но прежде всего мы выпили по стакану витакола, и он подкрепил наши силы, положенные, так сказать, на алтарь космонавигации.

Вот и сейчас: я сел к экрану визора спиной, привычно отыскал на черном и ясном небе Арктур и подмигнул ему, как старому зна-

комому. «Паси, паси своего вола», — подумал я. Эту штуку я придумал еще в детстве, когда узнал, что Арктур — альфа Волопаса. Вообще я считал эту красивую звезду чем-то вроде покровителя.

— Кончилась собачья жизнь, — сказал Антонио.

— Только начинается, — отозвался Робин. Опухшая рука несколько не мешала ему управляться с едой на первой космической скорости. — Когда еще тебя допустят на дальние линии.

«Дальние линии, — подумал я. — Как там у Травинского?»

Дальние линии, дальние линии.
Мегаметры пространства —
Гролом в ушах, гулом в крови.
Но что же дальше?
Слушайте, пилоты,
Слушайте, пилоты дальних линий,
Как плещутся о берег, очерченный
Плутоном,
Звездные моря.

Гнусавить за спиной кончили. Заговорил сильный, энергичный голос. Я невольно прислушался.

— С чего ты взял? — продолжал Робин разговаривать с Антонио. — Вовсе не оттого погиб Депре на Плутоне, что скафандр потек. Не мороз его доконал, а излучение. — Тут Робин недоуменно взглянул на меня. — В чем дело?

Дело было в том, что я послал ему менто. «Замолчи».

— Не мешай слушать, — сказал я вслух. — Там интересный разговор.

Мы стали смотреть на экран визора и слушать. Конечно, мы

сразу узнали зал Совета перспективного планирования. За прозрачными стенами колыхались на ветру голубые ели. Члены Совета сидели кто в креслах, кто за столиками инфор-глобуса.

Сейчас говорил высокий человек средних лет, в костюме из серого биклона, с небрежно повязанным на шее синим платком. Говорил он, слегка картавя, иногда рубя перед собой воздух ладонью, — такой располагающий к себе человечище с веселыми и умными глазами. К нагрудному карману была прицеплена белая коробочка видеофона. Стоял он у стены, слева, и справа от него раскачивались ели.

— ...И никто не вправе им это запретить, — говорил он на отличном интерлинге, — ибо человек свободен в своем выборе. Массовое бегство колонистов с Венеры в ближайшие десятилетия не создаст на Земле особых затруднений. Но мы обязаны думать о более отдаленной перспективе, и вот тут-то начинаются трудности...

— Кто это? — спросил я у Робина.

— Ирвинг Стэффорд, директор Института антропологии и демографии.

«А, так это и есть знаменитый Стэффорд. — подумал я. — Стэф-Меланезийский...»

Лет двадцать назад, когда я только учился писать, этот самый Стэффорд с целым отрядом таких же, как он, студентов-этнографов отправился на острова Меланезии.

Они там расположились на долгие годы; состав отряда менялся, но Стэффорд сидел безвылазно. Поработал он тогда с островитянами... Члены Совета текущего планирования только головами качали, рассматривая его заявки на обучающие машины, на нестандартную психотехнику. Стэф-Меланезийский — так его прозвали с той поры.

— ...А тем временем, — продолжал Стэффорд, — напряженно вести изучение предполагаемого поля, действующего на психику. И наконец, последнее. За пределами Земли сейчас, после великого бегства с Венеры, все еще находится восемьсот семьдесят тысяч человек. На Марсе и астероидах, на спутниках больших планет и орбитальных станциях. На Луне, наконец. Представьте себе, что и они кинутся обратно на Землю...

— Прости, старший, что перебиваю, — сказал румяный блондин. — Мы только что получили радио с Марса. Замчевский требует подробной информации о событиях на Венере. Кажется, и на Марсе начинается переполох.

— Вот, — сказал Стэффорд. — Марс — это добрых полмиллиона человек. Представьте: все мы покинем пространство и сгрудимся на Земле. Вернемся к давним временам изоляции. Переселение из старых городов, зеленая мантия — с этим планом придется распрощаться. И через столетие — страшная скученность. Серая, без-

лесная планета. Затруднения с водой да и просто с чистым воздухом... Выход один, товарищи. Мы должны побороть страх. Мы не сможем поместиться на старушке Земле. Человек должен приспособливаться к себе другие планеты, не боясь того, что планеты будут в какой-то мере приспособливать человека к себе.

— Ты хочешь, чтобы мы... чтобы часть человечества перестала быть людьми? — вскричал тощий человек, выпучив светлые глаза. Его скверный интерлинг показался мне знакомым.

— Нет, — сказал Стэффорд. — Они приспособятся к новым условиям; что-то, несомненно, в них изменится, но они не перестанут быть *homo sapiens*.

— «Что-то»! — Тощий человек саркастически усмехнулся. — За этим «что-то»... м-м... душевный мир человека! — выкрикнул он по-немецки. (Теперь я узнал в нем Баумгартена, он казался моложе, чем тогда, в скафандре.) — Я уже докладывал Совету о своих наблюдениях. Я представил материалы. Случай с Холлидэем — неужели он не потряс ваши сердца?!

— Послушай, Клаус...

— Равнодушие ко всему, что прямо и непосредственно не касается тебя самого, — что может быть опасней! Подумайте только, что может за этим последовать! Или вы забыли трудную историю человечества? Прогрессируя и усиливаясь из поколения в поколение,

это свойство станет источником величайшего зла.

Меня корбило от пафоса Баумгартена, и в то же время я слушал его с жадным, тревожным вниманием. Теперь он патетически потрясал длинными жилистыми руками.

— И кто же, кто — сам Ирвинг Стэффорд, знаток рода человеческого, готов преспокойно санкционировать... да, да, я не подберу другого слова — санкционировать превращение людей в нелюдей!

— Клаус, прошу тебя, успокойся.

— Никогда! Заявляю со всей ответственностью врача — никогда я не примирюсь и не успокоюсь. Для того ли самозабвенно трудились поколения врачей, физиологов, химиков, совершенствуя и... м-м... пестуя, да, пестуя, — выкрикнул он немецкое слово, — прекрасный организм человека, чтобы теперь хладнокровно, да, да, хладнокровно и обдуманно обречь его на чудовищный регресс! Одумайтесь, члены Совета!

Баумгартен последний раз потряс рукой и неуклюже уселся в кресло. Некоторое время все молчали.

— Клаус, — сказал коренастый человек, который сидел за столом, подперев кулаком массивный подбородок. — Ты можешь быть уверен, что члены Совета отнесутся к твоему предостережению внимательно.

Его-то я знал — это был отец

Робина, специалист по межзвездной связи Анатолий Греков.

— Да, да, — отозвался Баумгартен. — Главное — без спешки. Люди вечно торопятся. В свое время поторопились сделать атомную бомбу, прежде чем научились использовать атом для мирных целей. Потом началась спешка с освоением планет — прежде чем вдумчиво и всесторонне изучить их условия. Мы не думаем о последствиях! Мы забываем элементарную осторожность!

— Правильно! — гаркнул у меня над ухом Антонио. — Этого старикана надо выбрать в Совет. Смотри-ка, здорово он им всыпал.

Робин немедленно возразил:

— Я бы его не выбрал. Сплошной крик. А насчет освоения планет — какая там спешка! Десятки лет обнюхивали и примеривались, прежде чем послать колонистов. Неожиданности всегда могут быть.

— Да тихо вы, — сказал я.

Теперь говорил Стэффорд.

— Разреши, Клаус, задать тебе несколько вопросов. Отказ в помощи человеку, терпящему бедствие, — случай чрезвычайный, вполне с тобой согласен. Но не могло ли случиться так, что Тудор просто не услышал Холлидэя?

Я поднялся. Было нелегко сидеть. Я напряженно ждал ответа Баумгартена.

— Исключено, — твердо сказал он и повторил по-немецки: — Аусгешlossen.

— Допустим, — сказал Стэффорд, — хотя я в этом пока не

уверен. Итак, примар не откликнулся на зов колониста, родившегося на Земле. Не было ли случая, когда примар отказывал в помощи примару?

— Не знаю. По-моему, принципиального значения это...

— Огромное имеет значение, Клаус. Если примар становится глух к пришлым, чужим, но немедленно отзывается на призыв своего, примара, то это нечто другое, чем просто равнодушие ко всему, кроме собственной персоны. И оценивать такое явление надо по-другому. И надо хорошенько разобраться, что здесь — нежелание примара помогать чужому, не-примару, или же по какой-то объективной причине до него стали плохо доходить обращения не-примара. В первом случае мы столкнемся с чисто моральным аспектом, во втором — с физиологическим.

— Но в обоих случаях, Стэф, общий знаменатель: у примаров развиваются некие черты, не свойственные человеку.

— Лучше определить их просто как специфические черты. По-видимому, это закономерно. И нам придется побороть в себе страх. — Стэффорд энергично рубанул ладонью воздух. — Освоение других миров не может быть прекращено.

Он сел. Заговорил Греков, потому что кто-то из планетологов; речь шла о составе комиссии, которую следует послать на Венеру.

Я взглянул на ребят. Робин сидел, подперев кулаком подбородок,

по его лицу, обращенному к экрану визора, пробегали отсветы изображения. Впервые я подумал о том, как он похож на своего отца.

Похож ли я на своего?..

Там, на Совете, теперь говорил молодой человек, который, видно, ни разу в жизни не подстригал волос. Глаза у него были печальные и какие-то беззащитные. Я прислушался. Он говорил о сложном варианте взаимодействия полей, опираясь такими формулами некорректной математики, которые были мне не по зубам.

Я спросил, кто это, и всеведущий Робин сказал, что это Феликс Эрдман, который занимается хрононкантовой физикой.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил я.

Робин пожал плечами.

— Может, и наберется человек десять на планете, которые его понимают.

Он послал мне менто: «Шахматы?» Я покачал головой, играть не хотелось.

— И все-таки старикан прав, — сказал Антонио. — Нельзя допускать, чтобы люди переставали быть людьми.

Не знаю, что со мной произошло. Я так и вскинулся и закричал прямо в испуганные глаза Антонио:

— Ты за людей не беспокойся! Как-нибудь они без твоих советов!

III

На второй или третий? Кажется, на третий день моего отпуска на Венере было это...

Я лежал у себя в комнате и читал. Я слышал — в соседнюю комнату вошел отец. Слышал его покашливание, скрип качалки, потом булькающий звук — он наливал себе любимого пива. Дверь была приоткрыта, и я спросил: «Почему ты сегодня так рано?» Я спросил достаточно громко, но отец почему-то не ответил. Я поднялся и заглянул в соседнюю комнату. Отец сидел в качалке с кружкой в руке, голова его была запрокинута. Я повторил вопрос. Тогда он взглянул на меня и сказал: «Мария оставила тебе поесть, там, на кухне».

Ну и что? Человек задумался и не услышал вопроса. С каждым бывает.

Хватит об этом!

Почему он сказал не «мать», а «Мария»? «Мария оставила тебе поесть...» Ну, мало ли почему. Просто ему привычнее так ее называть. «Мария, я поехал на плато Пионеров», «Мария, какая там у вас на завтра величина радиации?» Однажды за ужином мать рассказывала о каком-то новом зонде, который был запущен и не вернулся, — ничего смешного, на мой взгляд. Но отец покатился с хохоту, когда услышал это...

Хватит!

Я поднялся с дивана, и диван послушно убрался в стену. Хорошо все-таки на Земле: нормальная комната с окнами. Не то что жалкая каморка на Луне. Ну и теснота там, в Селеногорске.

Я подошел к окну и погладил

стекло. Потом как бы увидел себя со стороны и поспешно убрал с лица улыбку, потому что чувствовал, что она тупая-претупая. Во всяком случае, не к лицу межпланетному волку.

«Бен-бо!» — вспомнилось мне почему-то. Я знал, где тут начальное звено ассоциации, но углубляться в это не хотелось. Просто я сказал себе: «Бен-бо! Почти два года ты мотаешься на линии Земля — Луна. Вот так межпланетный волк! Туда-сюда, туда-сюда — как маятник гравиметра. Бен-бо! Ты добьешься перевода на линию Луна — Юпитер или уйдешь из космофлота. Вот же взяли Антонио вторым пилотом на линию к Марсу...»

Но я знал, что все это ох не просто! Пилотов с каждым годом становится больше, а линий больше не становится. Даже наоборот: закрыт один из рейсов к Венере, а ежегодный облет Плутона заменен полетом раз в два года. Остальное там делают автоматы. Дальние линии, дальние линии...
...Плещутся о берег, очерченный
Плутоном,
Звездные моря...

Я опять погладил стекло и только тут вспомнил, что могу ведь открыть окно. Вот что значит отвыкнуть от земного уюта.

Вместе с лесной свежестью в распахнутое окно влетела далекая-далекая песня. Пять дней праздников на Земле! Отосплюсь. Всласть почитаю.

Я подошел было к коробке информера, чтобы узнать код ближай-

шей библиотеки и заказать себе книг, но тут запищал видеофонный вызов.

Робин подмигнул мне с круглого экранчика.

— С земным утром, Улисс. С праздником.

— С праздником, Робин. Когда ты успел наесть такие щеки?

— Просто опух со сна. Поехали на Олимпийские?

— Нет, — сказал я.

— Зря. А что будешь делать?

— Читать.

— Зря, — повторил он. — Твой могучий интеллект не пострадает, если два-три дня не считаешь.

— Что ты понимаешь в интеллектах? — сказал я. — Поезжай и прими участие. Может, лавровый венок заработаешь.

Хорош был лес, мягко освещенный утренним солнцем. Я смотрел из окна на зеленую стену и радовался, что удачно выбрал домик в поселке космонавтов. На самой окраине, окнами в лес. Никогда еще у меня не было такого превосходного жилья — залитого солнцем и лесной тишиной. Где-то в лесу, вспомнил я, должно быть озеро. Пойти, что ли, поискать его — и весь день в воде, в пахучих травах, в колыпании света и тени. А ночью — костер, прохлада, далекие звезды, звезды, звезды...

Набрать книг, взять еды — и пять дней блаженной тишины и одиночества...

В следующий миг я схватил видеофон и набрал код Робина.

— Ты еще не ушел? — Я перевел дух. — Я еду с тобой.

— Вот и прекрасно. — Робин пристально смотрел на меня. — Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Встретимся через полчаса у станции, ладно?

Ничего не случилось. Решительного ничего. Пилот линии Земля — Луна желал провести Праздник мира, как все люди. Желал принять участие в Олимпийских играх и веселиться вовсю, как все люди.

Мы встретились с Робинсом у станции трансленты. Сразу перескочили с промежуточной полосы на среднюю, быструю и понеслись мимо лесного приволья, мимо мачт инфор-глобус-системы, мимо домиков из гридолита, так умело подделывающего фактуру древесного ствола и шершавого гранита.

Робин принялся расхваливать своего мажордома — это старинное словцо, обозначающее домашний автомат, недавно вошло в интерлинг.

— Настроился на сверхзаботу, — говорил Робин, посмеиваясь. — Непременно хотел мне всучить дождевик.

— А мне ленивый попался, — сказал я. — По-моему, он беспробудно спит.

— Ты просто его не включил.

— Может быть...

Транслента широким полукругом огибала старый город. Скудные ряды одинаковых домов-коробок. Серые, многоэтажные. «Странно, — подумал я, — пред-

ки были энергичны и умны, а вот в строительстве жилья фантазии, что ли, им не хватало. Впрочем, не в фантазии дело. Дворцы и монументы очень даже умели они строить. Помню, какой восторг охватил меня в старом Ленинграде. А старую Венецию не так давно — всю как есть — поставили на новые сваи, теперь уж навечно. Я не любитель музеев, но в Венеции хотел бы побывать. Нет, не в отсутствии фантазии дело. Уж очень много других забот было у предков. А строительные материалы были просто ужасны».

Впрочем, забот и нашему поколению хватает...

В старом городе ритмично бухало, что-то рушилось, взмывали столбы пыли, и вибраторы быстро свертывали их. У автоматов не бывает праздников.

Никогда, наверно, не кончится работа по благоустройству Земли. Сейчас вот поветрие — прочь из городов, покончим с уплотненностью, скученностью, «да здравствует зеленая мантия планеты!». Своего рода культ зеленого дерева. Но настанут другие времена — и кто знает, какие новые идеи будут обуревать беспокойный род человеческий...

На миг сверкнула далеко внизу яркой синью река, — и мы въехали в новую часть города.

Мы высадились на центральной площади и попали в людской водоворот.

Куда они вечно торопятся, эти девчонки? И почему им всегда ве-

село? Вот бежит навстречу стайка — в глазах рябит от ярких полосатых юбок. Увидели пузатый кофейный автомат, плеснувший кофе мимо подставленной чашки, — смех. Попалась на глаза реклама нового синтетика — смех. Увидали нас, одна шепнула что-то другим — смех.

Я невольно оглядел себя. Ничего смешного как будто. Костюм, правда, не новый. Старый в общем костюм, года два таскаю его, пластик пообтерся, потерял блеск.

«Ты прав, пора выбросить, — услышал я отчетливое менто Робина. — Пошли в рипарт».

В зале рипарта полно парней. Разглядывают образцы, спорят о расцветках. Дивное времяпрепровождение. Хотя — праздник. По праздникам рипарты всегда забиты. Ну, где тут мои размеры?

Я вспомнил Стэффорда — серый биклоновый костюм, синий платок. Недурно он выглядел. Вот нечто похожее. Цвет хороший, серый, как у домов в старом городе.

У автомата уzkолицый парень моего роста старательно набирал код этого самого костюма. Потом вдруг отменил заказ, стал набирать другой. Я терпеливо ждал.

— Как думаешь, — обернулся он ко мне, — не взять ли и этот, полосатый?

— Возьми обязательно, — сказал я. — И тот, в розовую клетку, возьми. Ты будешь в нем неотразим. Хватай все, какие есть.

Парень нахмурился.

— Ты со всеми так разговариваешь?

— Только с едоками, — отрезал я.

На нас стали оборачиваться. Парень хмуро меня разглядывал, задержал взгляд на моем значке.

— Ты болен, — сказал он, с сожалением покачав головой.

— Чем это я болен?

— Космической спесью.

Робин потащил меня к другому автомату, ворча, что я одичал на Луне и разучился разговаривать с людьми. Мне стало немного не по себе, но я был уверен, что дело тут не в «одичании», нет, а в том, что просто я не люблю, когда набирают больше, чем нужно.

— Откуда ты знаешь, сколько ему нужно? — урезонивал меня рассудительный Робин. — Тебе достаточно одного костюма, а этому человеку понадобилось два — что ж тут такого?

— Вот-вот, — не сдавался я. — Типичная психология едока.

Мы переоделись в кабинах, а старые костюмы сунули в пасть утилизатора. Я взглянул в зеркало — вылитый Стэффорд, только потоньше, и ростом пониже, и, уж если говорить всю правду, совсем некрасивый. Носатый, с обтянутыми скулами.

Мы вышли на улицу как раз в тот момент, когда из женской половины рипарта выпорхнула пестрая стайка девушек. Конечно, сплошное «ха-ха-ха!», и волосы по последней моде — в два цвета. Нам было по дороге, и Робин стал

перекидываться с ними шуточками. Я тоже иногда вставлял два-три слова. И посматривал на одну из девушек: что-то в ее тонком смуглом лице вызывало неясные тревожные ассоциации. Это лицо связывалось почему-то с беспокойной толпой.

Вдруг она прямо взглянула мне в глаза, я услышал менто: «Не узнаешь?»

И тут меня осенило. Но как она переменялась за два года! Ведь была совсем девчонкой — с надежной отцовской рукой на хрупком плече. А теперь шла, постукивая каблучками, высокая девушка, и на ней сиял-переливался этот золотистый лирбелон, на котором теперь помешаны женщины, и зеленые полосы на широкой юбке ходили волнами.

— Здравствуй, Андра, — сказал я.

— Здравствуй, Улисс. Будешь участвовать в играх?

— Еще не знаю. Ты теперь живешь здесь?

— У нас дом с садом в спутнике-12. Это к северо-востоку отсюда.

— Как поживают родители? — спросил я.

— Они... — Андра запнулась. — Отец снова на Венере.

Я читал, что Холлидэй улетел на Венеру в составе комиссии Стэффорда. Значит, он еще не вернулся. Что-то затянулась работа комиссии, и никаких сообщений оттуда...

— Как он там? — спросил я

как бы вскользь. И тут же понял, что ей не хочется отвечать. — Ну, а что ты подделываешь?

— О, я после праздников улетаю в Веду Гумана.

Веда Гумана — гигантский университет, в котором было сосредоточено изучение наук о человеке, — находилась неподалеку от нашего Учебного центра космонавигации.

— Я поступила на факультет этнолингвистики. Ты одобряешь?

Я кивнул. Шла огромная работа по переводу книг со старых национальных языков на интерлинг, и если Андра намерена посвятить себя этому делу, — ну что ж...

Мы сели в аэропоезд и спустя десять минут очутились на олимпийском стадионе. Это был не самый крупный стадион в Европейской Коммуне, но и не самый маленький. Его чаша славно вписывалась в долину, окаймленную зелеными холмами.

Гомон, смех, песни... Пестрый хоровод трибун...

В толпе, подхватившей нас, потерялись Андра и ее подруги.

Нас с Робинем понесло к западным трибунам.

— Кто эта девушка? — спросил Робин.

— Андра, — сказал я и повторил еще раз: — Андра. Знаешь что? Мы будем состязаться.

— Ладно. Но когда ты начнешь петь, жюри попадает в обморок.

— Ну и пусть, — сказал я легкомысленно. — Пусть они падают, а я буду петь.

Мы пошли к заявочным автоматам, и вдруг откуда ни возьмись на нас бурей налетел Костя Сенаторов.

— Ребята! — закричал он во всю глотку и принялся нас тискать в объятиях. — Тысячу лет! Ну, как вы — летаете? А у меня, ребята, тоже все хорошо! Инструктор по атлетической подготовке — здорово, а? Хорошо, ребята, замечательно! Знаете где? В Веде Гумана!

— Молодец, Костя, — сказал Робин.

Костя по-прежнему продолжал радоваться.

— Вы — заявлять? Правильно, ребята, замечательно! Ну, увидимся еще! — Костя нырнул в толпу.

А я вспомнил, как Костя бил кулаком по рыхлой земле, и лицо у него было страшно перекошено, и он завывал: «Уйду-у-э...»

Робин уже опять пересушивался с девушками. Я потащил его к заявочному автомату, и мы получили номер своей команды и личные номера.

В нашей десятке девушки были рослые, атлетического вида, а вот парни подобались, на мой взгляд, тщедушные — командных лавров с такими не стяжать. В десятке, которая нам противостояла, я узнал узколицего парня из рипарта. И конечно, этот едок оказался моим соперником. Такое уж у меня счастье — жребий всегда выкидывает со мной странные штуки.

Дошла очередь и до нас. Я легко обогнал моего едока на беговой

дорожке. Затем нам пристегнули крылья. Я сделал хороший разбег, сильно оттолкнулся шестом, он гибко спружинил и выбросил меня в воздух, и я расправил крылья. Люблю полет! Крылья упруго вибрировали и позванивали на встречном ветру, я вытягивал, вытягивал высоту, а потом перешел на планирование. Приземление после такого полета — целая наука, ну, я-то владел ею. Я вовремя сбросил крылья, и погасил скорость, и мягко коснулся земли. Мой соперник приземлился метров на тридцать позади, несколько раз перекувырнулся через голову, и это обошлось ему в десять потерянных очков.

Стрельба из лука с оптическим прицелом. Что-то мои стрелы ложились плохо. Лишь две из десяти вонзились в цветную мишень. Зато узколицый раз за разом аккуратно посылал стрелы в центр своей мишени. Ловко он прицеливался — ничуть не хуже, чем в рипарте в костюмы.

Потом — фехтование. Впоследствии мне было смешно вспоминать, как я сражался; но тогда было не до смеха; я размахивал шпагой, как палкой, пытаюсь ошеломить противника бурным наступательным порывом, — но, конечно, дело кончилось плохо, и я потерял шесть важных очков.

Разрыв в очках, который мне принесла победа в свободном полете, сокращался, и мною овладел азарт. Кроме того, было и еще нечто, побуждавшее меня из всех

сил стремиться к победе. Это нечто, как я подумал потом, восходило к старинным рыцарским турнирам, которые и гроша бы ломаного не стоили, если б на балконах не сидели прекрасные средневековые дамы.

Над стадионом плясали буквы, складываясь в слова. Вдруг возникло: «Вперед, Леон!» Что еще за Леон? Я метнул диск, чуть не достав до этого Леона, и снова увеличил разрыв в очках. Теперь осталась интеллектуальная часть состязаний. Сейчас я положу этого фехтовальщика на лопатки.

Я попросил его припомнить третий от конца стих из поэмы «Робот и Доротея». К моему удивлению, узколиций прочел всю строфу без запинки. Ну, подожди же! Надо что-нибудь из более давних времен... И я решил убить его вопросом: «Был ли в истории литературы случай, когда кривой перевел слепого?» Он поглядел на меня с улыбкой и сказал: «Хороший вопрос». И продекламировал эпигramму Пушкина:

Крив был Гнедич поэт, преложитель
слепого Гомера.
Боком одним с образом схож
и его перевод.

Затем он задал мне вопрос: кто из поэтов прошлого вывел формулу Римской империи? По-моему, здесь был подвох. Никогда не слышал, чтобы поэты занимались такими вещами...

Нам предложили сочинить стихотворение на тему «Ледяной человек Плутона», положить его на

музыку и спеть, аккомпанируя себе на фоно-гитаре.

Много лет подряд телезонды передавали изображения мрачной ледяной пустыни Плутона, пока в прошлом году не разразилась сенсация: око телеобъектива поймало медленно движущийся белесый предмет. Снимки мигом облетели все газеты и экраны визоров и породили легенду о «ледяном человеке Плутона». Все это, разумеется, чепуха. Планетолог Сотников утверждает, что это было облако метана, испарившееся в результате какого-то теплового процесса в недрах Плутона.

Вот в таком духе я и написал стихотворение. При этом я остро сознавал свою бездарность и утешал себя только тем, что за отпущенные нам десять минут, божа-луй, сплюховал бы и сам Пушкин. Я схватил фоно-гитару и начал петь свое убогое творение на мотив, продиктованный отчаянием. Впоследствии, когда Робин принимался изображать этот эпизод моей биографии, я хохотал почти истерически. Но тогда, повторяю, мне было не до смеха.

Сознаюсь, мне очень хотелось, чтобы мой противник спел что-нибудь совсем уж несуслазное. Но когда он тронул струны и приятным низким голосом произнес первую фразу, я весь напрягся...

Вот что он спел, задумчиво припав щекой к грифу гитары:

Кто ты, ледяной человек?
Вопль сумеречного мира,
Доведенного до отчаяния
Одиночеством?

Призрак
Безмерно далеких окраин,
Зовущий на помощь,
На помощь?
Или ты появился из бездны
Грядущих времен,
Чтобы напомнить людям,
живущим в тепле,
Что их Солнце
Не вечно?
Кто ты, ледяной человек?

Мне следовало попросту признать себя побежденным и прекратить дальнейшее состязание. Но это значило лишить команду половины очков в общем зачете. А команда моя сражалась героически, особенно девушки.

Пришлось продолжать. Правда, я опередил противника в решении уравнений. Но в рисовании он опять меня посрамил.

В заключение нам предложили тему для десятиминутного спора: достижимость и недостижимость. Мой противник выдвинул тезис: любая цель, поставленная человеком, в принципе достижима при условии целесообразности. Надо было возражать, и я сказал:

— Достижим ли полет человека за пределы солнечной системы? Точнее — межзвездный перелет?

Он пожал плечами.

— По-моему, всесторонне доказана нецелесообразность полета к звездам.

— Значит, он недостижим?

— Недостижим, поскольку нецелесообразен.

— А я считаю, что если бы возникла возможность такого полета — техническая возможность, понимаешь? — то появилась бы и целесообразность. Возможно — до-

стижимо. Невозможно — недостижимо. Вот и все.

— Ты слишком категоричен, — сказал узколицый. — Была ведь возможность достичь расцвета цивилизации роботов, но человечество сочло это нецелесообразным, и началась знаменитая кинороботомахия. Главное условие — целесообразность.

В общем его логику сочли сильнейшей. Он набрал пятьдесят шесть очков, а я сорок восемь. Не дотянул по части интеллекта. Дух всегда побеждает грубую материю. Сверившись с нашими номерами, жюри возвестило:

— Леон Травинский победил Улисса Дружинина.

Мы вместе сошли с помоста.

— Так ты — Леон Травинский, поэт? — сказал я. — А я-то думал, он — дядя в летах.

— Нет, я молодой едок. — Он засмеялся.

— Беру свои слова обратно, — сказал я. — Не обижайся.

— Не обижаюсь. Запиши, если хочешь, мой номер видеофона.

Тут его окружили девушки, и он махнул мне рукой на прощанье.

Робин еще состязался. Я выпил под навесом кафе-автомата стакан рейнского вина. Вдруг я понял, что меня томило и что нужно сделать. Я напрямик направился к кабине объявлений и набрал на клавиатуре:

«Андра, жду тебя у Западных ворот».

Она пришла запыхавшаяся и сердитая.

— Ты слишком самонадеян. Подруги меня уговорили, а то бы я ни за что не пришла.

— У меня не было другого способа разыскать тебя. — Я взял ее под руку и отвел в сторонку, чтобы нас не сбила с ног толпа, повалившая с очередного эропоезда. — Когда ты успела так вырасти? Мы почти одного роста.

— Ты всенародно вызвал меня для того, чтобы спросить это?

— Я потерпел поражение и нуждаюсь в утешении.

Она с улыбкой посмотрела на меня.

— Ты слышала, как я пел?

— Нельзя было не слышать. — Теперь она смеялась. — Ты пел очень громко.

— Я старался. Мне хотелось, чтобы жюри оценило тембр моего голоса.

— Улисс, — сказала она, смеясь, — по-моему, ты совершенно не нуждаешься в утешении.

— Нет, нуждаюсь. Ты была на выставке?

— Конечно.

— А я не был. Пойдем, просвети меня, человека с Луны.

Она нерешительно переступила с ноги на ногу. Но я уже знал, что она пойдет со мной. Очень выразительно было ее резко очерченное, как у матери, лицо под черным крылом волос. А вот глаза у нее отцовские, серые, в черных ободках ресниц. Хорошие глаза. Немного насмешливые, пожалуй.

В первом павильоне шли рельефные репродукции старых ки-

нохроник. Пожилые лысеющие люди в старинных черных пиджаках подписывают Договор о всеобщем разоружении. (Тот далекий день с тех пор и отмечается как Праздник мира.) Солдаты в защитных костюмах демонтируют водородную бомбу. Переоборудование стратегического бомбардировщика в пассажирский самолет — заваривают бомбовые люки, тащат кресла... «Восстание бешеных» — горящий поселок под огнем базук, автоматчики, спрыгивающие с «джипов». Счастье, что удалось тогда их отбросить от ядерного арсенала... «Поход за спасение христианской цивилизации», повешенные за ноги на площади европейского города, танк у портала кафедрального собора... «Лесная война» в Азии... Черные каски, голубые каски... И демонстрации. Ох, какие могучие, какие нескончаемые демонстрации! Они-то и преградили дорогу фашистам, бешеным. Вот оно — массы вышли на улицы. Пикеты у парламентов, всеобщие забастовки, лавина плакатов, народный контроль... Воистину — державная поступь истории...

Я засмотрелся. Все это читано, пройдено в школьном курсе истории, но когда видишь ожившие образы прошлого... вот эти напряженные лица, разодранные в крике рты, неистовые глаза... то, право же, сегодняшние наши проблемы тускнеют...

— Улисс. — Андра тронула меня за руку. — Ты прекрасно обойдешься без меня. Я пойду.

— Нет! Сейчас мы пойдем дальше. Туда, где тебе интересно.

— Мне и здесь интересно, но я уже была... — Она умолкла, глядя на меня. — У тебя странный вид, Улисс.

— Пойдем. — Я счел нужным кое-что ей объяснить. — Понимаешь, Андра, я подумал сейчас, что мы... мы должны сделать что-то огромное... равноценное по важности их борьбе...

— Ты разговариваешь со мной, как с маленькой. Разве это огромное не сделано? Разве не построено справедливое общество равных?

— Я не об этом. Понимаешь, нам уж очень спокойно живется. Очень уютно в наших домах и садах.

— Чего же ты хочешь? Нового неравенства и новой борьбы?

— Конечно, нет. Но с тех пор, как создано изобилие продовольствия, мы обросли жирком. Мы очень благополучны. Очень сыты.

— Теперь понимаю: ты хочешь устроить небольшой голод.

— Да нет же! — Мне было досадно, что я никак не мог ей объяснить. Впрочем, я и сам толком не понимал, чего мне надо. — Послушай. Только не торопись, все равно я тебя не отпущу. Вот на Венере что-то произошло, и поселенцы стали возвращаться на Землю — ну, сама знаешь. И сразу страхи: через полвека, через столет на планете станет тесно. Ах, ах, придется потесниться, придется вырубать сады!

— Но это же действительно очень серьезная проблема — перенаселение. Что хорошего в тесноте? По-моему, она ничем не лучше голода.

— Я и не говорю, что лучше. Когда-то умели решать проблемы широко, с размахом. Вспомни ту же кинороботомахию. Вот и теперь надо так. Угроза перенаселения? Пожалуйста — добровольцы покидают Землю и уходят в космос. За пределы Системы.

— Так бы сразу и сказал! Я слышала, как ты спорил с Травинским. Станный ты, Улисс! Уйти на десятки лет в космос и вернуться с информацией, которая никому не будет нужна, потому что земное время намного тебя опередит, — ну, что тут говорить! Давно доказана бессмысленность таких полетов.

— Бессмысленность?

— Да. Нецелесообразность, если хочешь.

— Вот, вот, — сказал я с неясным ощущением душевной горечи. — Только это я и слышу сегодня. Рабы целесообразности — вот кем мы стали...

В следующем павильоне были выставлены полотна, писанные в новомодной полисимфонической манере. Мне понравилось одно из них — «Шторм на Адриатике». От полотна отчетливо исходил запах морской свежести, я слышал посвист штормового ветра, обвалы воды — это было здорово!

Забормотал динамик. Я поморщился — он мешал слушать кар-

тину. Андра схватила меня за руку.

— Улисс, сейчас будет выступать Селестен. Ну, оторвись же от картины!

— Кто это — Селестен?

— Нет, ты действительно человек с Луны! У вас что — нет там визора?

— У нас есть все, что нужно для счастья. Но визор я не смотрю. Ладно, давай своего Селестена.

Он оказался дородным и — мне пришло на память старое русское слово — холеным человеком с черной бородкой клинышком и подвижными белыми руками. Зрители так и валили со всех сторон в открытый амфитеатр, а Селестен стоял на помосте и благосклонно улыбался с видом человека, хорошо понимающего интерес к собственной персоне.

Он заговорил. Вначале я слушал невнимательно — мне хотелось додумать ту мысль, о целесообразности. Но потом Селестен меня увлек.

— ...Прекрасны и гармоничны, не так ли? Но давайте вспомним, какими мы были...

Селестен подошел к стеклянной кубе и что-то включил под ним. В кубе замерцало, задрожало, сгустилось, и вот возникло изображение сутулого, обросшего шерстью существа в полный рост. Низкий лоб, мощные надбровные дуги, длинные руки — словом, типичный неандерталец.

— Что дала нам эволюция? —

продолжал Селестен. — Таз для прямого хождения, ступню, приспособленную к бегу, ключично-акромиальное устройство, позволяющее отводить руку вбок от туловища. — Взмах белой руки, и вокруг неандертальца возник светящийся контур тела современного человека. — На это пошел миллион лет. Миллион лет от неандертальца до кроманьонского человека! Что дали последующие двадцать тысяч лет? Изменения ничтожны. Наш скелет почти неотличим от скелета кроманьонца. Примерно тот же объем мозга, та же способность к хранению информации.

Неандерталец в кубе исчез,росло изображение человека совершенных пропорций. Фигура стала прозрачной, были видны мерное биение сердца, красные токи крови, взлеты и опадания легких.

— Мы прекрасны, мы гармоничны! — воскликнул Селестен. — Но верно ли то, что человеческое тело — предел совершенства? Так ли безупречен неторопливый ход эволюции? Любой зверь нашего веса сильнее нас, лошадь быстрее, собака телепатичнее, летучая мышь в тысячи раз лучше разбирается в окружающих полях. Мы можем существовать в весьма узком диапазоне температур и давлений, наши желудки не переносят малейших изменений химизма привычной пищи. И вот я спрашиваю: есть ли у нас основания быть самодовольными? Обратимся к истории. Как только древний че-

ловец сумел сделать твердое острое лезвие, он прежде всего соскоблил с лица ненужные волосы...

Тут по амфитеатру прокатился смех. Селестен потрогал свою бородку и тоже усмехнулся.

— Видите, как мы непоследовательны, — сказал он. — Так вот, уже древний человек, пусть еще бессознательно, пытался исправить, улучшить данное природой. А теперь вспомним, о чем мечтала античная Греция...

Фигура в стеклянном кубе расплылась, раздвоилась, под человеческим торсом возникли очертания лошадиного туловища.

— Греки создали миф о мудром кентавре Хироне, воспитателе Ахилла. Смотрите, как удобно размещены в его торсе мощные легкие и сильное, многокамерное сердце, на которое не давит снизу переполненный пищеварительный аппарат — он занял более естественное положение в горизонтальной части туловища. В образе кентавра античные мечтатели объединили прекраснейшие создания природы — человека и коня. Гармонию их тел прославили лучшие ваятели древности...

— Ты предлагаешь нам обзавестись копытами? — раздался чей-то насмешливый вскрик.

— Нам неплохо и на двух ногах!

— Не мешайте Селестену!

Селестен оглядел амфитеатр со снисходительной улыбкой.

— Я не призываю превращаться в кентавров и бездумно ска-

кать по зеленым лугам. Моя задача — пробудить свободное воображение, обратить вашу мысль на необходимость совершенствования самих себя, на поиски новых биологических форм, ибо наше тело несовершенно и ограничено в своих возможностях. Эту ограниченность понимали наши предки. Вот еще одно создание народной фантазии, пленительный образ старой сказки...

Куб наполнился аквамариновым зыбким свечением, сквозь синезеленый свет обозначилась женская фигура. Прояснилась. Ноги ее слились, превратились в рыбий хвост...

— Русалка, — сказал Селестен. — Какая прекрасная мечта — жить в воде, в среде, в которой тело невесомо и движения не ограничены в высоте!.. Человечество долго шло по неверному пути, создавая искусственных людей. Все помнят, чем закончилось увлечение роботами. Но было бы совсем неплохо нам, людям, перенять у роботов их сильные черты. Наша власть над неживой материей колоссальна. Так почему же мы так робки, так консервативны, когда заходит речь о разумной модификации человека?

— Понравился тебе Селестен? — спросила Андра, когда мы вышли из павильона.

— Красноречивый дядя, — сказал я. — Их называют антромодифистами, да? Что-то я про них читал.

— Он прав — надо совершенствоваться. Надо искать новые, целесообразные формы.

— Ну конечно, — сказал я. — Тебе так была бы к лицу еще пара ножек. Или русалочий хвостик.

— Я вижу, ты полностью утешился. До свидания, Улисс. Я пошла.

— Постой! Дай мне номер видеофона. Ведь завтра тоже праздник.

Именем
будущего
обвиняем!

II

В рассказах этого раздела острое оружие социальной критики направлено против капитализма и унаследованных от него уродств.

Север Гансовский, автор ряда книг, в том числе и нефантастических, в «Демоне истории» заново разбивает средствами фантастики миф о злых гениях, решающих судьбы мира и ответственных за его беды. Не «дьявольская воля» какого-нибудь Гитлера, а законы развития хищнического империализма порождают фашизм. И от мнимых «носителей абстрактного зла», «гениев ада» зависят только детали облика этого законного сына капиталистического общества.

Б. Зубков и Е. Муслин, инженеры по образованию и журналисты по профессии, в последнее время много работают в области научной фантастики. Совсем скоро к их совместно написанным научно-популярным книгам прибавится первый томик фантастических произведений. Рассказ «Плоды» не совсем обычен для них и по теме и по стилю. До сих пор они чаще всего выступали с рассказами, сила которых была в интересной научно-технической идее или же в остром — до парадокса — подходе к социальной проблеме. А «Плоды» показывают, насколько человек, враждебный нашему строю, враждебный советскому образу жизни, оказывается враждебен всему светлому в мире. Авторы предупреждают: нельзя недооценивать мер-

завцев, носителей частнособственнической морали; они могут оказаться куда опаснее, чем это представляется на первый взгляд.

Р. Ярова многое сближает с Зубковым и Муслиным. Он тоже инженер, ставший журналистом и писателем. Рассказ его «Вторая стадия» принадлежит к сатирической фантастике, как и «Плоды». Но это, если так можно выразиться, лирическая сатира. Ярова больше занимает не главный отрицательный герой (на котором сосредоточено все внимание Зубкова и Муслина), а окружающие его добрые и милые люди, природа, ее влияние на человека. Широкие «права фантаста» позволили Ярову выдвинуть смелую гипотезу.

К слову, слишком часто в последнее время фантасты просто переносят в свои рассказы идеи из научных и научно-популярных статей. Это в общем не упрек — ведь так нередко поступал и великий Жюль Верн. Но не соблазнительнее ли здесь блистательное умение Уэллса опережать науку?

вторая стадия

Ромэн Яров

Строители уехали, завершили труды дорожники, и жильцы нового десятиэтажного дома остались один на один со своими заботами. Конечно, выбор люстры или вколачивание гвоздика под дедушкин портрет были делами глубоко личными, к тому же сладостными. Но существовала задача, решить которую можно было только сплоченными усилиями. Последний дом на последней ули-

це города; громадный, белый, похожий на океанский корабль — он принимал на себя все суховей и песчаные бури, несшиеся с отвратительного пустыря, простиравшегося так далеко, что даже с верхних этажей края его не было видно. У некоторых малосведущих людей возникала мысль, что пустырь этот кончается там, где и вся география вообще — на берегу Ледовитого океана. Кроме того, вблизи от дома пустырь был весь испещрен холмиками, оставшимися от строителей. Даже самые лучшие археологи мира не нашли бы при раскопках ничего, кроме битых кирпичей, ржавой проволоки, в лучшем случае — подошвы. Но все это могло вызвать восторг не раньше чем через пять тысяч лет. А пока эстетическое чувство жильцов подвергалось непрерывному оскорблению. Только лес, закрывший путь ветрам, радующий глаз своей первозданной, непреходящей, несмотря на все веяния абстрактного искусства, красотой, мог довести чувство душевной гармонии новоселов до ста и более процентов. Мысль о его посадке носилась в воздухе, ее обсуждали во всех шести подъездах и на тротуаре перед домом зимой, весной, в начале лета. Даже собрание одно прошло, но протокол не вели, и решения никто не помнил. Меж тем лето наступило. И тогда немолодая учительница истории Лидия Петровна — общественница и хлопотунья — вспомнила, что на четвертом этаже живет научный работник

Хромосомов. Как будто бы он даже профессор и работает в каком-то ботаническом питомнике. Раз уж поздно сажать тополь, клен, акацию — любое известное дерево, — то вполне вероятно, он знает, что же можно все-таки посадить. Немедля она поднялась со своего первого этажа на четвертый. Разговор длился недолго, а на другой день к дверям всех подъездов были приклеены объявления: «Завтра посадка леса. Просьба к 10 часам утра выйти с лопатами».

Люди читали и удивлялись: кто же в июне сажает деревья? Но раз пишут — значит, на что-то надеются. Выйдем, конечно.

Легковая машина проехала по тротуару несколько метров. «Прибыли», — сказал Хромосомов шоферу. Оба вылезли. Шофер открыл багажник, достал мешок, поднял. На тротуар посыпались тоненькие нежные прутики. «Спасибо», — сказал Хромосомов, — вы свободны». Шофер уехал, а Хромосомов присел и стал перебирать прутики. Он испытывал неудобства от этой позы — толщина мешала, — но только покряхтывал. По обеим сторонам его лысого черепа курчавились остатки волос, будто бакенбарды вдруг перенеслись к вискам. Очки его спадали, он придерживал их одной рукой, а другой сортировал по длине прутья.

Собравшиеся глядели с недоумением на рассыпавшиеся по ас-

фальту кучки. Они ожидали появления по крайней мере двух грузовиков с большими деревьями, растопыренные корни которых покрыты землей и обернуты тряпками. Их надо было бы снимать бережно с машины, копать ямы — в общем дело привычное. А это... И даже маленькие дети, вышедшие со своими лопаточками помогать взрослым, искренне удивлялись.

Хромосомов распрямылся и линейкой, обычной, ученической, которой мерил прутья, похлопал громко себя по ладони. Это был сигнал; все примолкло.

— Растение, — Хромосомов линейкой показал на рассортированные кучки, — появилось несколько лет назад в джунглях Южной Америки. Помните гигантскую вспышку на Солнце?

— Было такое дело, — подтвердил громко человек лет сорока пяти, стоящий возле профессора.

Сероглазый, прямоволосый, с крепкой — орехи разгрызать — нижней челюстью, он единственный из всех не держал лопаты в руках.

— Поток частиц колоссальной энергии пробился через атмосферу, и либо он в одном из мест оказался почему-то интенсивнее, чем в других, либо несколько экземпляров каких-то растений — первоначальную природу их теперь уж установить трудно — оказались максимально подготовленными к скачкообразной мутации, — но только вдруг появились деревья с совершенно поразительными свойства-

ми. Об этом было всего лишь несколько статей в очень специальных журналах, поэтому мало кто знает. Вы вступаете под дерево — высота его зависит от длины сажаемого черенка, поэтому я их сортировал — в полном душевном смятении. День был трудный, вы взволнованы, озабочены, раздражены. Проходит несколько минут — и в ваших расстроенных мыслях наступает порядок, вы чувствуете спокойствие, умиротворенность, всеобщее благорасположение. Свою собственную личность вы начинаете осознавать как элемент природы и человеческого общества — без утраты, разумеется, индивидуальных черт. Зачем такая особенность, в чем ее механизм — пока не ясно. Природа не создает своих творений специально для людей, она не добра и не зла — она целесообразна. Какой-то смысл здесь есть... Впрочем, это касается меня, а не вас. «Внушающими радость» называли эти деревья. Нам прислали несколько образцов, с которыми мы работаем. А это — остатки. Они растут быстро, время посадки пока еще подходящее, умеренный климат для них годится — через месяц роща будет шуметь.

— Ура! — закричала сидящая учительница, одетая по случаю воскресника в синий лыжный костюм. — Тут даже больших лопат не потребуется. Возьмем у детей маленькие. Или нет. Пусть они сами выкопают. Это символично, возвышенно...

— Пойдите, пойдите. — Хромосомов отдал ребенку лопаточку, которую тот доверчиво протянул, погладил по голове. — Для внушающих радость требуются очень глубокие ямы. Три метра — хорошо; пять — еще лучше; десять — великолепно. Чем глубже яма, тем выше и мощней дерево. Больше начальное сопротивление — активнее вводятся в действие скрытые силы, которые остаются и потом, когда сопротивление исчезает. А потому — давайте копать.

И под нажимом его каблука лопата вонзилась в землю.

Работа началась в десять часов утра, а к двенадцати люди, для которых копанье ям было занятием такого же рода, как добывание огня трением, выдохлись. По желобкам на спинах бежали ручейки, капли со лбов падали в ямы. Хромосомов между тем теребил волосы на висках.

— Не роща будет, а трава болотная, — бормотал он. — Ямокопатель не догадался пригнать.

Лидия Петровна пошла по квартирам за подкреплением. Когда обход был закончен, она обвела взглядом пустырь и возле маленькой деревянной, обшитой железом будки гаража увидела автомобиль и торчащие из-под него ноги. Это был вызов — она немедленно подошла к машине, нагнувшись, посмотрела на человека, противопоставляющего личное общественному. Под машиной лежал тот, кто столь солидно подтвердил высказывание Хромосомова о солнечной

вспышке. Кажется, из восьмидесяти шестой квартиры, кажется, инженер; фамилия, кажется, Махоркин.

— Вы здесь? — сказала она приветливо. — Почему же ушли?

Он ничего не ответил: слышно было только, как постукивает, срываясь, гаечный ключ.

— Ну что же вы? Все так устали.

— Большой научный эксперимент провожу, — сдерживая от натуги дыхание, сказал инженер Махоркин.

— Но воскресенье же...

— Познание истины перерывов не терпит.

Она молчала, сраженная. Мысль о коллективном труде, об общественном долге к такому случаю как будто бы не подходила, ибо возвышенность мотивов инженера Махоркина значительно превосходила возвышенность ее мотивов. Все же ей жаль было, что такой крепкий физически человек пропадет бесполезно для общего дела. И потому она сказала:

— Но ведь Хромосомов копает. А он будто бы даже профессор...

— Он может быть даже академиком, — голос из-под машины как приговор произносил, — это ничего не меняет и не доказывает. Он проводит свой эксперимент — и вот нашел себе сотню добровольных помощников. А то б ему дали саженцы! Небось навалюту покупаем. У меня же своя научная тропа, и в лаборантах я ни у кого ходить не буду. — Он вылез из-под машины, скинул бре-

зентовые брюки, куртку и оказался в хорошем светлом костюме. Она молча глядела на него, не зная, что сказать. Столь глубокие мысли не приходили и — она это знала точно — никогда бы ей в голову не пришли. Но что поделаешь, в научных кругах лучше знают истинные причины поведения и академиков и лаборантов. Инженер Махоркин сел в машину, развернулся, покатил, исчез с глаз долой. Ну, разумеется, автомобиль не простой. Где-то там в глубине, среди совершенно загадочных запутанных железок таится эксперимент. Приобщение к касте научных работников делает людей малопонятными. Быть может, инженер Махоркин человек не меньшего масштаба, чем сам профессор Хромосомов.

Она подошла к кучке на асфальте, взяла лопату, прутик, вернулась к гаражу. Вот здесь, в трех метрах от стенки, она посадит «внушающие радость». Пусть мысли будут только хорошие, тогда научные открытия начнут течь сами собой. Земля полетела из-под ее лопаты, как будто маленький экскаватор заработал.

Все, что говорил Хромосомов, подтвердилось очень быстро. Брошенные на пятиметровую глубину — дальше копать сил не хватило — засыпанные саженцы в две недели прошли весь слой земли и показались на поверхности, напоминая стрелы зеленого лука. С каждым днем все больше и больше становились их размеры.

Вскоре «внушающие радость» достигли в росте несколько молодых топольков, чудом сохранившихся после беспощадного вспарывания земли стронтельными машинами. Люди, которые неделю после посадки не могли спину разогнуть, полны были к деревьям самым нежных чувств.

К середине лета перед домом появилась роща. Самые высокие и раскидистые экземпляры достигали в высоту пяти метров. Сбывалось все, о чем писали Хромосомову зарубежные коллеги, что подтвердил опытами он сам. Сбылось и главное.

Никогда и нигде не чувствовал себя человек таким безмятежно-счастливым и умудренно-проницательным, как под сенью «внушающих радость». Никогда не бывало у каждого более беспристрастного судьи, чем он сам в тот момент, когда садился под дерево на траву. Будущее не представлялось в этот момент цепочкой из триумфов; никаких новых иллюзий не возникало и даже исчезали старые, но в них и нужды не было. Обычные, блаженно расплзающиеся мысли вечерней прогулки сменялись вдруг анализом собственной жизни с осознанием истинной ее цели.

У Хромосомова спрашивали часто, чем объяснить такие действия «внушающих радость», превосходящие все эффекты кавказских минеральных вод, морских купаний, лазаний по горам? Быть может, виноват ультразвук? Или не-

известные лучи? Космические частицы?

— Скажите, — размышлял шестнадцатилетний вундеркинд из пятой квартиры, явно будущий студент мехмата, — а это не может быть нейтринно-кварковый эффект? Я готов воспользоваться, пожалуй, своими связями в университете и принести сцинтилляционный кваркометр. — И очки на его круглом лице замирали.

— Спасибо, не надо, — отвечал деликатно Хромосомов, — тем более что там один только заторможенный блокинг-генератор весит пятнадцать тонн.

— Успокаивайте усталые души, — говорил он любознательным пенсионерам, читателям молодежных научно-популярных журналов, — и не думайте о механизме эффекта, как не думаете вы, гуляя в обычном лесу, о фотосинтезе. Наслаждайтесь не анализируя.

И люди наслаждались. Не только из одного — из всех домов улицы стали ходить по вечерам в молодую рощу. У Хромосомова просили саженцы. Но новая партия их не поступала, а старая нужна было для экспериментов. И потому в маленькой рощице становилось по вечерам иногда даже тесно. А многие живущие совсем в других концах города, побывав здесь один только раз — с друзьями или знакомыми — приезжали еще и еще. Возражений, конечно, быть не могло, ибо люди под деревьями становились учтивыми и

взаимно вежливыми, и чувство это не покидало их потом долго.

Однажды вечером инженер Махоркин загнал машину в гараж. Солнце просвечивало сквозь щели в досках, но некоторые щели были темны. Их загораживало дерево, стоящее несколько в стороне от остальных, — след нежной заботы Лидии Петровны. Из рощи доносились голоса ближних и дальних паломников. Инженер Махоркин пробурчал что-то себе под нос. Чувства его были ожесточены и не могли смягчиться; на расстоянии полутора метров от самого крайнего листика — по горизонтали — действие «внушающих радость» прекращалось. Инженер Махоркин долго возился, запирая сначала все дверцы автомобиля, потом багажник, потом дверь гаража. Упругой походкой, несколько разбрасывая по сторонам ноги и глядя прямо перед собой, он шел к дому. Лидия Петровна шла навстречу.

— Здравствуйте, — почтительно сказала она. — Отчего вы не погуляете в рощице? Быть может, стесняетесь, что вам не удалось покопать? Но ведь все понимают вашу занятость...

— Инженер Махоркин никогда и ничего не стесняется, — твердо и громко произнес инженер Махоркин. — Все, что он требует, он требует справедливо, а в справедливом деле стесняться нечего. А если он чего-то не требует, то не потому, что стесняется, а потому, что осознает: пока не заслужил...

— Простите, пожалуйста, — сказала несколько ошеломленная этими аргументами Лидия Петровна, — я просто хотела, чтобы вы погуляли по нашей рощице. Это внушает такие добрые чувства! Такие...

— А я не хочу их, — отчеканил инженер Махоркин, — я научный работник; мне озлобление нужно, чтоб идею преследовать, трясти ее беспощадно, не жалеть никого. А вы со своей рощицей так называемой что наделали! Типы всякие шатаются и под окнами и возле гаража, где машина стоит экспериментальная с такими деталями, о которых я даже говорить не имею права. Хоть бы гуляли те, кто сажал, — я их в лицо знаю. А получается, что вся улица стала ходить, и изо всех концов города ходят, и скоро из других городов начнут валить. На крышах будут ездить. Для того я в отдельной квартире поселился, чтоб перед моими окнами мелькали типы и с мыслью меня сбивали? Мысль — дело коварное, только я начал новую гипотезу всесторонне обдумывать — бац, чье-то лицо в окне увидел. Ничего в нем нет такого, а вот не понравилось мне — и пропала гипотеза. Кто виноват в том, что государство осталось без нее? Я проиграл — не выдал того, на что способен. Государству хуже. Кто выиграл? Враги. Вот к чему приводят безответственные лесонасаждения.

— Но ведь Хромосомов работа-

ет, — пролепетала Лидия Петровна.

— Вы меня ни с кем не сравнивайте, я уж говорил. Это все для него эксперимент, на котором он докторскую получит...

— Он и так доктор...

-- Тем более тогда...

И он, утомившись долгим — после работы — разговором, продолжил свой путь к дому. Она же не могла понять почему, «тем более тогда», и ей казалось, что зря обидела хорошего человека. Она мучилась до тех пор, пока не вошла в рощу, а тогда ей стало вдруг легко, и не было нужды разбираться в словах со столь глубоким смыслом. Она увидела инженера Махоркина в окне третьего этажа, мрачно, со скрещенными на груди руками, глядящего вниз, и послала ему воздушный поцелуй. Ничего легкомысленного в том не было, просто она уважала его и сочувствовала его прошлой, как можно было понять, нелегкой жизни. Но влияние «внушающих радость» не распространялось до стен дома, он нахмурился еще больше и задернул занавеску.

Очень скоро в рощицу начали водить на прогулку детей из ближайшего детского сада. Если смягчаются огрубевшие души взрослых, то детскую душу до огрубения и допускать нельзя. «Ах, насколько больше станет на свете хороших людей!» — мечтала заведующая садом в своем кабинете. Искусственное средство помогает взрослому избавиться от зла,

а детям поможет стать ко злу невосприимчивыми. Так оно и вышло. Маленькие люди менялись молниеносно, благо ничего не успело затвердеть в их душах. Обращения вроде «Андрюшка-хрюшка, где моя игрушка?» и даже более энергичные сменялись на «Андрюшечка, дай мне, пожалуйста, совок: я тоже хочу копать землю». Если на закрытой территории детского сада ребята дрались, то здесь они становились образцом благонравия, сохраняя, впрочем, всю свою живость. Вновь приобретаемые свойства не исчезали с их уходом из рощи. Так закладывались основы будущей душевной гармонии. «Этих детей уже ничто не испортит», — говорила с гордостью заведующая. И проекты один грандиознее другого рождались в ее голове. Постройка нового помещения для детского сада в районе рощи «внушающих радость», чтоб, когда дети спят, невидимыми, сладостными ощущениями пронизывались их крохотные сердца; вывод в рощицу всего сада, начиная от самых маленьких, приглашение детских садов всего района, а то и города... Были и еще планы. Но реализация их натолкнулась на трудности.

Инженер Махоркин частенько встречался у подъезда с Хромосомовым. Им было о чем поговорить — этим двум людям, единственным во всем доме занимающимся научной работой.

— Вы, конечно, размышляете, — говорил утвердительно ин-

женер Махоркин. — Я тоже, на ходу. Нам, научным работникам, некогда терять дорогие секунды. Гипотезы не знают нормированного рабочего дня.

— Какой областью науки занимаетесь? — интересовался уважительно Хромосомов.

— Проблемами малой энергетики, — бодро рапортовал Махоркин. — Но вот, представьте себе, это бесконечное мелькание перед окнами — самый лютый враг гипотез. Людей бескрылых это, возможно, не трогало бы, но я не могу. А вы...

— Я что ж, я ничего... — как бы оправдываясь, произносил Хромосомов.

Инженер Махоркин не боялся никаких разговоров на равных с Хромосомовым.

— Для науки все одинаковы, — говорил он, — и лаборант не хуже академика. Истина настолько громадна и всеобъемлюща, что перед лицом ее ничего не стоят различные наши чины и звания. Волею обстоятельств я вынужден был сделать своей экспериментальной базой районный автомобильный клуб. Но, сами понимаете, частные и мелкие страстишки автолюбителей ничего общего не имеют с теми задачами всемирного масштаба, которые я хотел решить. Увы, нужны деньги, а презренные автолюбители...

— Но ведь вы тоже, кажется, владеете машиной? — робко прерывал Хромосомов.

— Экспериментальная, — ру-

бил инженер Махоркин. — Больше разглашать не имею права. Денег меня лишили, работу пришлось прервать. Но сейчас я обдумываю новую гипотезу и некоторую экспериментальную проверку уже осуществляю. Как только я закончу ее, директору клуба некуда будет деваться; ему придется выхлопотать для меня ставку старшего научного сотрудника и представить на ученый совет Института ионных двигателей, расположенного недалеко от автомотоклуба, мою кандидатуру для утверждения в звании доктора наук. Скорей всего «гонорис кауза». Если же потребуют диссертацию — что ж, у меня есть что защищать...

— ...Во всяком случае, — говорил инженер Махоркин крупному ученому профессору Хромосому, — для участия в банкете вы приглашаетесь первым. Можете также прийти на заседание ученого совета. Охарактеризовать меня как творца.

— Благодарю вас, — отвечал культурно Хромосомов и торопился поскорее уйти.

— Мысль летит наподобие птицы, — поднимая глаза, декламировал инженер Махоркин, — наткнулась на потенциального тунеядца, что шатается там, — упала, разбилась.

— Почему же тунеядец, — удивлялся Хромосомов, — скорей всего труженик.

— Каждый, кто работает от сих до сих, — объяснял инженер Махоркин, — потенциальный тунея-

дец. Ему дай волю — он трудиться не будет, лучше в кино поидет. А мы с вами, — тут его голос вздрагивал, — трудимся оттого, что хотим познать истину. Но страшная помеха — роща эта... Глядеть не могу на людей, которые ни о чем не думают. Мысль моя устремляется в заоблачный полет — и вдруг фигура обывателя. Вся душевная устремленность, конечно, вдребезги... Давайте рощу под корень, а?.. Чтоб не шлалась...

— Но ведь она людям нужна... — содрогался Хромосомов.

А инженер Махоркин долго не отпускал его, рассуждая о научных открытиях.

Особенно остро воспринял инженер Махоркин появление в роще детей. «Внушающие радость» извлекли их от злости, которая, зарождающаяся в мелких стычках, развиваясь постепенно во взрослом человеке, становится матерью всех пороков, но озорство детей осталось неизменным. Они бегали, прыгали, гонялись друг за другом. И конечно, сарай, где стоял экспериментальный автомобиль, подвергался их бешеному натиску. Они лезли на крышу, они отдирали железо, они расшатывали доски, чтоб заглянуть в щель, они дергали замок. Все это полностью разрушало достигаемое инженером Махоркиным с колоссальным трудом душевное равновесие, при котором рождаются научные открытия. И однажды он не выдержал. Четким строевым шагом он пе-

ресек пространство между домом и рощей. Заведующая детским садом как раз пришла посмотреть на своих ребят.

— Вот что, — сказал ей инженер Махоркин, — я крупный научный работник. Но это к делу отношения не имеет. Дети — наше будущее, а о будущем надо заботиться всем. Вы приводите их сюда для того, чтобы они якобы получали добрые чувства. Это воспитание стимулируется извне, и потому оно не может считаться полноценным. Но самое главное — где самовоспитание? Где оно, я вас спрашиваю?

Заведующая робко глядела на него. Она училась всего лишь на четвертом курсе педагогического института и сознавала, что ее знаний очень мало для того, чтобы возражать этому решительному человеку.

— Я, как друг детей, — продолжал между тем инженер Махоркин, — настаиваю категорически, чтоб они покинули эту рощу и не приходили больше сюда до тех пор, пока вопрос о возможности искусственной обработки их нервных центров, а также ретикуло-дизэнцефалической и ринэнцефалической систем и эмоций не будет решен положительно академией педагогических наук и по соответствующим каналам не будет спущен документ, официально разрешающий посещение этого питомника — кстати сказать, экспериментально — детьми в возрасте до семи лет...

— А как же...

— Никаких «как же». Иначе вашему непосредственному начальству будет доложено о фактах вопиющего нарушения основных принципов педагогической науки.

Детей не надо было собирать: испуганные, они обступили свою воспитательницу. Их увели.

Эта акция инженера Махоркина произвела нехорошее впечатление на жителей дома. Свидетели утверждали, что инженер Махоркин позволил себе горячиться, махать руками и даже резко повышать голос, что в разговоре с женщиной недопустимо. Но инженер Махоркин решительно отвергал эти слухи как клеветнические.

Не давать возможности бесцельно шатающимся обывателям, под видом которых могли появиться и враги, приближаться к сараю с экспериментальной машиной, быть может, изгнать их всех из рощи, а если понадобится, и рощу срубить — эту задачу было неизмеримо сложнее решить, чем изгнать детей. Но энергичный человек, для которого к тому же познание истины — самая главная вещь на свете, перед препятствиями не останавливается. Инженер Махоркин разработал несколько вариантов плана изгнания.

Сидя за столом, инженер Махоркин набрасывал схему приемника лучей, отраженных Землей от Солнца, преобразователя этих лучей в кинетическую энергию и трансмиссии от преобразователя к ведущим колесам автомобиля, или

шпинделю станка, или вообще рабочим органам любой другой машины. Был вечер, солнечные лучи диагонально разрезали комнату, и мысли инженера Махоркина, скользя по этой диагонали, достигали самого Солнца. Неожиданно он услышал с улицы скрип отдираемых досок. Было в этом звуке что-то надрывное, щемящее душу, угнетающее ее. Инженер Махоркин встал и подошел к окну. Мальчишка лет семи, вцепившись в плохо держащуюся доску обшивки гаража, старался отломать ее. Быть может, она была нужна ему как меч, а может, он просто хотел как следует рассмотреть машину. Ее лакированные бока уже были видны сквозь щели. У инженера Махоркина хватило благоразумия не выскочить в окно, но он оказался внизу не менее быстро, чем если бы прыгнул с третьего этажа. Мальчишка, увидев летящего на него великана, отскочил от стены и вцепился в ствол. Инженер Махоркин оторвал его руки от дерева и крепко дал по затылку, а потом толкнул. Мальчишка помчался в неизвестном направлении изо всех сил. Инженер Махоркин потряхнул руки и пошел домой. Навстречу ему от подъезда выступил Хромосомов. Он сорвал с глаз очки и храбро размахивал ими.

— Что вы сделали с ребенком? — спросил он решительно.

— Я этих сорванцов, которые лезут куда не надо, учил и буду учить, — с еще большим напором ответил инженер Махоркин. —

А родителей привлекать к административной ответственности...

— Посмотрите, — грозно сказал Хромосомов.

Инженер Махоркин обернулся. С дерева, под которым он только что лупил мальчишку, слетали листья, а остающиеся желтели на глазах, темнел ствол и вздрагивали ветви...

— Оно вянет! — вскричал горестно Хромосомов. — Сгорает, как перегруженный мотор. Оно преодолевает своим необъясненным пока излучением злые чувства в человеке. А в вас их столько, что оно не смогло преодолеть...

— Запишите это в свой журнал экспериментов, — сказал холодно инженер Махоркин. — Вы ведь их для того здесь и посадили, чтоб опыты над людьми устраивать. В питомнике запретили, наверное, как противоречащие современным научным взглядам, так вы их сюда решили перенести? Подпольно, стало быть, продолжать. Под видом зеленых насаждений. И хотите увлечь за собой наиболее отсталые элементы, — он кивнул в сторону людей у подъезда, с неодобрением глядящих на него. — Так я вас выведу на чистую воду! — закричал во весь голос инженер Махоркин. — В рядах научных работников нет места...

— Какой вы нехороший человек, — тихо сказал Хромосомов, надел очки, повернулся и пошел прочь.

Инженер Махоркин двинулся вперед, как всегда, твердым ша-

гом. Лидия Петровна, общественница и энтузиастка, остановилась перед ним.

— Нет, вы нехороший человек, — сказала она, покраснев.

Инженер Махоркин не обратил на этот выпад ни малейшего внимания. Он взобрал на крыльцо, повернулся ко всем.

— Завянет это дерево или не завянет — его дело. Но предупреждаю, что расти возле лаборатории, где находится объект ценнейшего научного значения, к тому же секретный, оно не будет.

И вошел в подъезд. Сквозь открытые окна лестничных клеток слышны были его размеренные, упорно пробивающегося человека шаги. Да, инженер Махоркин мог пойти и наперекор неверным настроениям, временно овладевшим людьми. Решимости у него хватало на все.

Прошло несколько дней. Запас жизненных сил был в дереве, очевидно, огромен. Желтые листья не облетели, а позеленели вновь. Ствол из серого опять превратился в белый. Гуляющие появлялись под ним, как и раньше; и многие даже, проходя, трогали рукой стенку лаборатории-гаража. Инженер Махоркин не реагировал. Общественность подъезда пришла к выводу, что угрозу свою он выполнять не станет. Погорячился человек, с кем не бывает. Мальчишку, конечно, бить не следовало, но ведь дай им волю — все разнесут. А мы тоже хороши — набросились! Поговорить надо было, объ-

яснить. Эх, где чуткость душевная!

Прогноз погоды обещал грозу. К вечеру тяжелые, как дорожные катки, постукивая, вздрагивая, стали наползать тучи. Они ползли, закрывая просвет, и вот уже столкнулись тяжелыми боками. Высеченная от столкновения искра разнесла вдребезги полнеба и полземли. Подул сильный ветер, листья заспорили друг с другом. В доме захлопнулись окна. Сперва слышно было, как стучат отдельные капли по отдельным листьям, а потом небо опрокинулось, шум водопада заглушил все. Дождь шел, шел... Начинало темнеть, а суше не становилось. Так, захлестнутая водой, и ночь наступила.

Крики о помощи раздалась часа в три. Учительница проснулась раньше всех. Она боялась грозы, спала с закрытыми окнами, но чуткое ее сердце, несмотря на преграды, уловило сигналы чужой беды. Она распахнула окно, и сразу ясно стало, что ветер тревоги подул не зря. Кто-то стонал внизу.

Лидия Петровна накинула поверх халата плащ и побежала на улицу, готовая решимостью своей отпугнуть злодеев. Воздух был влажен, капли воды поджидали азартно неосторожного пешехода. Она бежала вдоль фасада дома, ища преступников. Погасшие фонари дремали на вершинах столбов, светились пустые подъезды. Если бы у Лидии Петровны не было в жизни нескольких случаев,

подтвердивших полную основательность тайных сердечных побуждений, она решила бы: галлюцинация. Но вере ее суждено было укрепиться. Очень отчетливо, с достоинством произнесенное, даже с некоторым оттенком повелительности слово «помогите» прозвучало оттуда, где располагалась лаборатория инженера Махоркина. Она подбежала. Под деревом, что она посадила возле стенки гаража, виден был силуэт человека. Она твердо знала, что все нарушители порядка трусы: заметив такого, надо немедленно показывать свое превосходство над ним. С этой целью она захватила фонарик. Луч света упал на фигуру под деревом. Инженер Махоркин стоял во весь рост, плотно обхватив ствол правой рукой.

— Что с вами? — спросила в изумлении учительница. — Это вы кричали? Вам плохо? Отпустите дерево. Обопритесь на меня. Я помогу вам дойти до дому.

— Кому нужна ваша дурацкая помощь? — Инженер Махоркин дернул руку. — Если б я мог отпустить дерево, я бы и сам ушел. О, как больно, — закричал он вдруг, содрогаясь, — будто ток прошел через меня!..

Учительница направила свет на его руку. Никакой линии разграничения между нею и деревом не было. Ствол переходил в руку так же плавно, как в ветку.

— Вы... не можете оторвать-ся? — спросила она, остолбенев.

— Видите, чего же спрашивает-

те, — уныло отозвался инженер Махоркин.

В растерянности учительница побежала будить Хромосомова. Она дрожала, стоя на площадке, а из-за двери все спрашивали кто да что, да почему так поздно. Хромосомов вышел наконец. Едва он увидел состояние инженера Махоркина, сонливость его как рукой сняло. Он осмотрел внимательно ствол, ища на нем следы необычайной по клейкости смолы, вдруг прихватившей инженера Махоркина. Ствол был где гладок, где шершав, но совсем не липок. Новый природный феномен открылся — и Хромосомов, радуясь в глубине души, что такой интересный факт получен, сочувствовал инженеру Махоркину, попавшему в столь странную ситуацию. Конечно, лучше бы все оставить как есть, завести журнал наблюдений, и пусть бы Махоркин записывал в него свободной рукой все тончайшие детали, относящиеся к его необычному положению. Симбиоз человека с деревом — ведь это же открытие века. Но нет, не согласится. Вон как орал насчет экспериментов над людьми. Однако же попробовать... Очень робко, отчасти намеками, напирая на то, что для настоящего научного работника не имеет значения обстановка, в которой он оказывается, а важна лишь возможность неустанного поиска истины, Хромосомов предложил свой вариант.

— Если бы со мной произошел этот случай, — добавил он, — я

бы не упустил возможности сделать все, чтобы вырвать у природы еще одну ее загадку.

— Вот и прилипайте сами. А меня отпускайте. Не то я такой шухер устрою, — сказал, употребляя не встречавшиеся ранее в его речи жаргонные выражения, инженер Махоркин. — Все за решеткой очутитесь. Злостное хулиганство. Травля творца передового.

Очевидно, он забыл об особенностях своего нового положения, или еще не привык к ним, потому что какие-то волны пошли по его телу, и он начал корчиться от боли. Пристыженный профессор побежал за топором. Учительница посветила фонариком, Хромосомов размахнулся и ударил топором под самый корень дерева. И сейчас же раздался такой крик, будто удар пришелся инженеру Махоркину по ноге. Несколько голов высунулось из окон, но в темноте никто не увидел трех замерших людей. Хромосомов между тем понял, что для инженера Махоркина дела обстоят хуже, чем могло показаться вначале.

— Рассказывайте, — произнес он, — зачем сюда пришли ночью, зачем схватились за дерево?

— Показалось в темноте, кто-то к машине лезет. Выскочил — пусто. Ну я со злости, что под дождем бежать пришлось, схватил дерево и давай трясти. Вырвать хотел, откровенно скажу. Как оно появилось, так все мне мерещиться стало, что машине опасность

угрожает. А она эксперимен... О боже, за что такое наказание!..

Его опять затрясло. Успокоившись, он сказал:

— Поезжайте, привезите врача...

— На чем? — удивился Хромосомов. — Четыре часа ночи.

— На моей машине. Я вам дам ключ...

— Она же экспериментальная...

— Это только я один знаю, где там экспериментальные детали. А вы обращайтесь, как с самым обычным автомобилем.

Этой ночью Хромосомову спать уже не пришлось. Он привез дежурного врача. Тот походил кругом, сказал: «Случай беспрецедентный. Возможно, потребуется хирургическое вмешательство» — и отбыл. Его повез на той же машине Хромосомов. Обрато он не вернулся — уехал организовывать по просьбе инженера Махоркина охрану объекта от посторонних взглядов. Рано утром к дому подкатила полуторка, груженная свеженькими — будто кондитерские изделия привезла — досками. Два плотника принялись соорудить забор вокруг инженера Махоркина. Их направил отдел капитального строительства питомника, поднятый на ноги Хромосомовым. Профессор, очевидно, нажимал на все рычаги. К середине дня прибыл милиционер и занял свое место у вновь воздвигнутого забора. А вечером весь дом знал, что там, под строжайшей охраной, засекреченный инженер Махоркин

проводит очень важный, смертельно опасный эксперимент. Так он, преодолевая болевые импульсы, шедшие в тот момент через его тело, просил объяснять Лидию Петровну. Она, добрая душа, уступила, хотя не любила лгать. Но истинная причина случившегося была ей не ясна, а злорадствовать или сплетничать она не любила еще больше.

Прошел месяц. Жильцы дома привыкли к забору, но близко не подходят — боятся излучений. Посторонние тоже. Хромосомов же открывает калиточку каждый вечер. Милиционер вежливо отстраняется, и профессор входит. Под деревом, облокотив присоединенную руку на построенный теми же плотниками стол, сидит инженер Махоркин. Перед ним лежит журнал — толстая книга с синими линованными страницами. Левой рукой инженер Махоркин записывает в него свои наблюдения. Хромосомов берет журнал, приближает его к глазам и начинает читать.

«...18 июля. Высоко в небе летит стая птиц. Листья начинают вздрагивать и дрожат до тех пор, пока стая не улетает».

— Хорошо, — вздыхает Хромосомов и кладет журнал на стол, — но недостаточно. Это наблюдение мог бы провести любой человек, не связанный непосредственно с объектом. Я, например. А вы — вы должны использовать все особенности своего положения. Прислушивайтесь к своему внут-

реннему миру, фиксируйте свои ощущения. Вы научный работник — мне ли вас учить. Может быть, анализ крови сделать, желудочного сока? Да разве можем мы дать публикацию в научном журнале, — горячился Хромосомов, — ограничившись только тем фактом, который сама судьба послала нам в руки? Выжать из него все, что можно, — вот наша задача. Да, да, и ваша, ибо под статьей в «Биологическом вестнике» будет стоять и ваша подпись...

И, сыграв таким образом на слабости струнке инженера Махоркина, Хромосомов нагибается и глядит в лицо собеседнику. Инженер Махоркин молчит, улыбается, и улыбка у него какая-то странная, нездешняя, как у слепого, погруженного в колышущиеся свои мысли. И Хромосомов тут же корит себя за нечуткость.

— Вы не волнуйтесь, — бормочет он, — пятидесяти ботаническим институтам мира разослано сообщение о событии. Не может быть, чтобы хоть в одном из них не сталкивались с аналогичной ситуацией и не подсказали нам выхода. Не беспокойтесь, мы скоро освободим вас. Человек не объект эксперимента, он для нас важнее всего. Если вы не в состоянии сосредоточиться — не надо. Найдем другие способы. Лидия Петровна за вами следит? Кормит, носит чистое белье?

— Следит, кормит, — рассказывал подробно инженер Махоркин. — Рубашку специальную

сшила, чтоб надевать ее, не просовывая руку в рукав...

— Мы, конечно, позаботимся, не волнуйтесь. До завтра... — И Хромосомов отходил, пятясь, поворачивался у калитки.

Но инженер Махоркин с каждым днем все больше и больше осознал, почему он попал в этот симбиоз. Знал он также, что, разошли Хромосомов письма не в пятьдесят, а в пятьсот институтов мира, ему, Махоркину, это не поможет. До осени, до листопада, до холодных дождей он будет сидеть здесь, а потом вдруг встанет, потянется сладко и глубоко, воздев к небу обе руки, и выйдет за калитку, испугав стоящего там милиционера. Это случится, потому что вся жизненная сила дерева уйдет глубоко в сердцевину ствола, быть может, в корни. Он знает то, что не известно никому во всех пятидесяти институтах мира, если там нет второго такого, как он. Дерево боится. Каждое живое существо на Земле должно бороться с врагами — иначе не выжить всему виду. Деревья с их защитными и наступательными средствами возникли задолго до человека. Они жили; не боясь никого — что им самые острые клыки или самый могучий хобот! — и умирали естественной смертью. Но как спастись от дисковой пилы! Где-то в глубинах клеток зарождались новые свойства, лучевой поток закрепил их, вызвал давно уже подготовленный мутационный скачок. Каждому, кто входит в лес, долж-

ны быть внушены добрые чувства. Пусть человек ощутит в себе страдание ко всему существу, осознает себя частью всего живого, проникнется душевной гармонией. Это создано не для людей — природа не добра и не зла; но как много могут люди получить от нового свойства!

— Ну и пусть себе лесорубы страдают! — едва ли не крик вырывался у инженера Махоркина в то первое время, когда он только-только начинал смутно еще осознавать, что произошло. — Но я, дипломированный инженер, — какие у деревьев могут быть претензии ко мне?..

Проходили дни. Медленно, как бы с течением древесных соков, бесспорно проходящих через инженера Махоркина, являлись новые ощущения, которые он переводил в мысли.

— Не затаишься, теперь весь твой внутренний мир открыт. Ты ходил озлобленный — и еще более озлоблялся оттого, что чувство это надо было скрывать. Поток излучений — а пропорционален он должен быть суммарной площади листьев — не смог преобразовать твою злость в доброту. Дерево едва не погибло. Кто ты — инженер или клоун — неважно. Ты вошел в рощу с недобрыми чувствами и с ними же вышел. На том кончилась первая стадия...

А когда не помогает первая стадия, начинается вторая. Сделать так, чтобы дерево и враг его слились в живущий одной жизнью ор-

ганизм. Пусть мокнут под одним дождем, дышат одним ветром, ук-
рываются одним небом. Бьют по
дереву — больно обоим: лживая
или злая мысль врага вызывает,
как сигнал крайней опасности,
боль у дерева и соответственно у
врага.

«Но за что я так отмечен? —
думает иногда инженер Махор-
кин в тот момент, когда летит
большая стая птиц, дерево на-
стораживается, и связь между ним
и человеком слабеет, — я обыч-
ный гражданин, ничего особенно-
го не сделал. Рвался, правда, рас-
талкивал других, кричал о несущ-
ествующих изобретениях. Таб-
личку на двери повесил медную:
«Инженер Махоркин, изобрета-
тель. Консультации по вопросам
создания принципиально новых ма-
шин по субботам с 9.00 до 12.00».
А когда к тебе зашел вундеркинд
и, глядя трепетно, предложил ис-
пользовать вращательное преобра-
зование магнитного поля в башен-
ных кранах, ты написал ему:
« $PV = GRT$ ». И долго он ломал
себе голову, не подозревая, что это
элементарная формула теплотех-
ники, и взирал на тебя при встре-
чах с еще большим почтением.
Но ведь за мелочность не сажают,
за желание казаться тем, кем ты
хотел стать и не стал, — тоже.
А он сидит. Безвинно. Суд не осу-
дит, моралист не придерется осо-
бо — много таких. А он сидит».

Пролетают птицы, уходят спать
дети, добродушные взрослые воз-
вращаются домой после прогулки.

Дерево спокойно. Спит инженер
Махоркин. Но снов он не видит.
Дерево бодрствует, и вместо снов
приходят к человеку его ощуще-
ния.

Это вторая стадия — и осенью,
когда опадут листья, жизнедея-
тельность дерева ослабнет, энер-
гетических ресурсов будет хватать
только на основной организм, че-
ловек окажется лишней нагрузкой
и, преобразенный, сможет уйти.

Всю жизнь инженер Махоркин
мечтал сделать научное открытие,
а если не получится, то все, что
удобно, выдать за него. Но вот оно
сделано — большое, настоящее, —
а сообщить о нем инженер Махор-
кин не торопится и не мечтает о
месте в президиуме. Он думает,
что рано, может быть, сообщать о
незащищенных местах природы.
А то найдутся такие, которые при-
думают что-нибудь вроде противо-
газа от излучения, внушающего
доброту. Пусть эти деревья сажа-
ют везде, где живут люди, пусть
ученые исследуют их обычными
методами. Ни черта они не откро-
ют! А инженер Махоркин скажет
все, что знает, когда, выйдя на
волю, окончательно убедится в
полном своем преобразении.

Инженер Махоркин сидит за де-
ревянным высоким забором из те-
мнеющих постепенно досок и ле-
вой рукой записывает в журнал
сообщения о всяких малозначи-
тельных событиях. Дерево как буд-
то бы доверяет ему — во всяком
случае, он не чувствует уже по-
стоянных — то слабых, то силь-

ных — уколов. Изредка только старый инженер Махоркин шевелится в новом, поднимает голову, хохочет. Он злорадствует, довольный, что инженер Махоркин опять оказался умнее всех. За это спокойное сидение, за возможность поставить свою подпись под сообщением о крупнейшем научном

эксперименте он ведь еще и по бюллетеню получит. Дольше трех минут эта радость не длится. Дерево настороже — синусоида боли проходит через тело инженера Махоркина. Он вздрагивает и немедленно переключается на мысли о гастролях Бостонского филармонического оркестра.

демон истории

Север Гансовский

Есть мнение, будто существует муза истории — Клио, кажется, ее звать. Величественная женщина с прямым греческим носом и твердой мраморной грудью, одетая в белоснежную туннику. Говорят также, что ей свойственно влечение к особо одаренным, выдающимся личностям и что, полюбив одного такого, она уже не изменяет ему, проводя своего избранника через все ею же самой

воздвигаемые в ходе времен препоны. Что всевозможные исторические события, несчастия и трагедии именно таким упорством ее симпатий и объясняются.

Но сомнительно все это. Сомнительно даже, что муза истории — вообще муза. Согласно последним научным данным Клио и не прекрасная женщина совсем, а господин в пыльного цвета сюртучке, который, помните, являлся однажды к гениальному немецкому композитору Адриену Леверкюну. (При этой встрече, кстати, выяснилось, что он в известном смысле самим Леверкюном и был.)*

I

«...20 июля Астер подписал указание № 8 под названием «Методы ведения войны». В тот же день, чтобы ободрить своих генералов, он собрал их в глубочайшем бомбоубежище виллы «Уца». Сохранившийся отчет об этой беседе является одним из наиболее ярких документов, раскрывающих личность руководителя Объединенных Земель.

— Я созвал вас, — сказал Отец, открывая совещание, — чтобы сообщить о своих мыслях по поводу надвигающихся событий. Мой разум полон настоящего, прошедшего и будущего. Я отдаю себе полный отчет в том, что нам предстоит пережить, и моя воля

достаточно сильна для принятия самых жестоких решений. — При этих словах он прошелся по залу и остановился, закусив губу, оглядывая генералов своим заворачивающим взглядом. Его тщательно убранная борода, известная всему миру по миллионам портретов, вызываясь выдавалась вперед. — Напомню вам, что одним из главных факторов сегодняшнего исторического развития является моя собственная личность — при всей скромности своей утверждаю: незаменимая. Людей такого масштаба не было и нет. Но как долго будет действовать этот фактор? Сейчас мне пятьдесят. Через десять-пятнадцать лет будет уже шестьдесят или шестьдесят пять, и преимущество, которым родина обладает, имея меня, перестанет играть такую огромную роль. Поэтому, если мы хотим чего-нибудь достигнуть, нужно действовать немедленно. Судьба всех вас, здесь присутствующих, будущее Объединенных Земель и человечества зависят от меня, и я намерен поступать соответственно. Но сначала несколько слов о вашем поведении при встрече с будущим противником — заметьте, что я еще не сказал, кто он. Определяющим тут должна быть решимость. Не бойтесь поступков, которые могут оказаться неправильными; я всегда предпочту того, кто вынес ошибочное решение, тому, кто не принял никакого. Во всем имейте перед собой конечную цель — то есть благо Объединенных Земель.

* Смотри роман Томаса Манна «Доктор Фаустус» (Прим. автора).

С противником — я опять-таки еще не называю его — не разговаривайте. Этого противника вам, кстати, никогда и не переговаривать. Меньше слов и дебатов. Полагайтесь во всем на свою волю, которая — я верю в это — сама собой и, возможно, даже вопреки логике (оно, между прочим, и лучше, если вопреки) произведет на свет единственно правильное решение. Плывите также на нравственность. Если ваша цель будет достаточно велика, она оправдает любую жестокость и сделает ее гуманной. Помните, что нет подлости вообще. Есть подлость лишь по отношению ко мне, вашему Отцу, и по отношению к Объединенным Землям...

Так разглагольствовал Отец, подавляя слушателей жуткой силой воли, сверля их свойственным одному ему в целом мире пугающим, гипнотизирующим взглядом, который редкий человек мог выдержать больше двух-трех секунд. Бредом могла показаться эта речь, но за ней уже стояли последние достижения науки, миллионы рабочих уже собирали на заводских конвейерах оружие, были приготовлены оговоренные колючей проволокой «резервации воодушевления», и огромные эвроспиртовые котлы ждали поступления первых тысяч жертв. В течение целых пяти часов не закрывал рта Юрген Астер, а из генералов, сидевших тут, в зале, никто не задавался вопросом о том, что мания величия, овладевшая Отцом, уже сделала

их обожествляемого руководителя безумцем...»

Чисон откинулся на спинку стула.

Толстая историческая книга лежала перед ним. На две тысячи страниц, из которых добрые тысяча девятьсот были заполнены описаниями предательств, массовых казней, дипломатической лжи, разрушений и убийств. И не такая уж давняя то была история. Отец самого Чисона потерял всех своих родных и сам едва спасся, когда на их город обрушился снаряд «Мэф». А про эвроспиртовые котлы до конца своих дней так и не могла забыть тетка, которая в свое время единственная уцелела в одном из тех колоссальных, в сто тысяч человек, транспортов, которые по приказам Юргена Астера гнали и гнали в каменоломни Лежера.

Ужасом веяло от книги в желтой обложке. Плотным кирпичом она лежала на гладкой поверхности стола, освещаемой зеленоватым светом настольной лампы, и страдания миллионов были заключены в ней.

Чисон оглядел свою уютную комнату, пустоватую, правда, с голыми стенами, но с удобной атмосферической постелью и со вторым стулом из дерева, что по нынешним временам тоже было роскошью.

В углах комнаты дремала темнота.

Опять он подвинул книгу к себе. Даже страшно было читать

дальше. Теперь он подошел к тем главам, где тысячи мелких подлостей должны были слиться в одно, а небольшие захваты и войны уже перерастали в великую войну — самую ужасную в истории цивилизации.

«На рассвете 15 августа воодушевленные бешеными речами Отца колесные полчища Объединенных Земель ринулись вперед. Катающиеся мины прокладывали путь пехоте в противогазных шлемах, длинные — в сорок метров, — низко летящие снаряды быстро разрушили пограничные укрепления противника, и словацкие крестьяне удивленно смотрели, как с грохотом разворачивается перед ними несокрушимая военная машина Астера.

15-го же в британское посольство в столице Объединенных Земель пришла радиограмма из Лондона на имя посла сэра Эдгара Андерсона. Послу предписывалось не позднее трех часов дня встретиться с министром иностранных дел Объединенных Земель. Две недели назад Объединенным Землям был вручен меморандум с предложением немедленно удалить войска из Болгарии. Ответа не было, и теперь английский премьер пришел к заключению, что Астер хочет захватить как можно больше и словацкой территории, прежде чем начнутся переговоры. Чтобы избежать этого, британский руководитель предупредил, что, если ответ от Астера не поступит до

6 утра 16 августа, Англия и Франция объявят о состоянии войны с Объединенными Землями.

Однако французский Совет национальной обороны был далеко не единодушен. Генералы сомневались относительно возможности защищаться, не говоря уж о наступлении. По словам Кулондра, Франция могла рассчитывать на победу лишь в долгой войне, а к активным операциям готовилась бы только через три-четыре года. Разгорелись споры. Тогда в момент кризиса Ренувен поставил перед Советом два вопроса:

1. Может ли Франция оставаться пассивной, если Чехословакия и Польша (либо одна из этих стран) будут стерты с карты Европы?

2. Какие меры против этого могут быть предприняты немедленно?

В конце концов все согласились, что ответы тут могут быть только военного характера. После дискуссии Совет вынес решение, тут же зафиксированное в протоколе:

«В настоящий момент Франция не так сильна, как Объединенные Земли. Однако в ближайшие месяцы потенциальный враг может только усилиться, поскольку получит в свое распоряжение экономические ресурсы Чехословакии и, возможно, Польши.

Таким образом, у Франции нет выбора».

Придя к этим выводам, фран-

цузское правительство начало действовать. На следующий день пограничные части были приведены в состояние боевой готовности, девятьсот тысяч резервистов стали под ружье, и официальное коммюнике уведомило английского премьера, что союзник «выполнит свой долг».

И тем не менее мир еще можно было спасти. Несмотря на то, что срок британского ультиматума истек целых семьдесят два часа назад, правительство Ее Величества медлило. У Эдгара Андерсона возникла идея потребовать у агрессора лишь «символического отвода войск» из Чехословакии — бог знает, что он при этом имел в виду. Он же красочно описывал благоденствие, царящее в «усыновленной Болгарии», и обе телеграммы горячо обсуждались в парламенте.

Между тем в Чехословакии группы армий Объединенных Земель — «Север» и «Юг» — уже с двух сторон шли на соединение. Спаряд «Мэф» упал на маленький чешский городок, розовое зарево пожаров освещало путь мотоотрядам, катящим к металлургическим заводам. А Юрген Астер со своей кликой продолжал безмолвствовать выжидая.

Но тут уже начало проявлять нетерпение французское правительство. По телефону в частной беседе Кулондр, вытирая со лба градом катящийся пот, сказал британскому премьеру, что, если Англия и впредь будет оттягивать свое

выступление, он не сможет далее контролировать колеблющийся Совет обороны.

Тогда, наконец, Великобритания решилась. 20 августа Андерсон, крайне тяготясь выпавшей на его долю миссией, отправился в министерство иностранных дел Объединенных Земель с документом, где значилось:

«...поскольку правительство Объединенных Земель за истекшие четверо суток не ответило на ноту Великобритании и поскольку агрессия против Чехословакии продолжается, а атаки на ее войска усиливаются, я имею честь уведомить Вас, что состояние войны между нашими двумя странами существует с 20 августа с 9 часов утра».

В этот исторический день официальный переводчик мининдела Объединенных Земель доктор Райски встал слишком поздно и едва успел в кабинет министра, чтоб от его имени принять английского посла. «Андерсон выглядел очень серьезным, — вспоминал впоследствии Райски. — Мы пожали друг другу руки, однако он отклонил мое предложение сесть и, стоя посреди комнаты, торжественно прочел ноту». Попрошавшись с послом — они снова обменялись рукопожатием, переводчик бегом отправился в Ассамблею. В комнатах, окружающих контору, было полно народу. «Когда я вошел в зал, — значит в мемуарах доктора Райски, — там были только Отец, руководитель полиции и ми-

нистр промышленности. (Позднее он стал министром уничтожения и одним из главных убийц в окружении Отца.) Трое посмотрели на меня. Я остановился в двух шагах от стола и медленно, слово за словом, перевел английский текст. Отец закусил губу, задумавшись. Плечистый министр промышленности, глядя перед собой тяжелым взглядом, тихо сказал: «Не приведи бог проиграть эту войну...» Носатый, преждевременно поседевший руководитель полиции добавил: «Тогда нам конец».

Вечерние газеты в столице Объединенных Земель вышли с огромными заголовками:

**БРИТАНСКИЙ УЛЬТИМАТУМ
ОТВЕРГНУТ**

**АНГЛИЯ ОБЪЯВИЛА ВОЙНУ
ОБЪЕДИНЕННЫМ ЗЕМЛЯМ!**

**МЕМОРАНДУМ МИНИДЕЛА
СРЫВАЕТ С АНГЛИЧАН МАСКУ**

**ОТЕЦ ОТБЫВАЕТ НА ФРОНТ
СЕГОДНЯ НОЧЬЮ!**

Под утро 21 августа по приказу Юргена Астера сто пятьдесят субмарин всплыли на всем протяжении водного пути, связывающего Старый и Новый Свет, и первые торпеды ударили в мирные пассажирские суда. Среди потопленных на рассвете кораблей был и лайнер «Уэллс», на борту которого находилось двести американских граждан — в том числе семнадцать детей.

Величайшая всемирная война началась».

Снова Чисон отодвинул книгу. Безнадежным все представля-

лось в ней. Повсюду, буквально на каждой странице, был там этот Отец, зловещий баловень истории. С нечеловеческой энергией он проносил свои ежедневные трех- и пятчасовые речи на митингах и совещаниях, сыпал приказами и издавал законы. Он лично руководил военными операциями, и лишь благодаря его жуткому упорству Объединенные Земли, поставленные перед катастрофой на второе лето войны, сумели преодолеть этот кризис и еще пять лет длить свою агонию, унося в могилу новые десятки миллионов. По распоряжению Астера газовые облака повисли над Софией и Веной, и по его указанию флот Объединенных Земель стер с лица земли все до одного города Атлантического побережья Европы. Уже позднее, когда повсюду дымились руины и кучка приспешников Отца трусливой толпой стала перед Высоким судом, с полным основанием обвиняемые ссылались во всем на своего руководителя, загадочно погибшего в авиационной катастрофе. В самом деле, казалось, что не будь этого неисчерпаемого, почти невысказанного источника организующей злой силы, история последних десятилетий выглядела бы по-другому.

А называлась книга «Расцвет и падение Объединенных Земель».

Чисон подвинул стул ближе к столу и перемахнул сразу сотню страниц.

Так и есть: лежерские каменоломни!

«...транспорти, а когда они не работают, просто по лестницам человеческий материал подается наверх, на высокую эстакаду, которая пересекает всю большую впадину, соединяя ее край с первым замаскированным под большую скалу котлом. С эстакады людям предлагают пройти вперед по снижающейся скользкой поверхности. Уклон здесь постепенно увеличивается, жертвы начинают падать и скользить, а некоторые даже сами садятся, чтобы не идти, а ехать вниз, сберегая силы, истраченные во время трудного подъема. Этот путь устроен таким образом, что лишь с первого поворота люди начинают видеть, что их ждет впереди, и именно на этом участке, по свидетельству немногих оставшихся в живых, возникает паника. Однако никто уже не может замедлить свое движение, и страшная новость никогда не поднимается по дороге смерти выше, чем...»

Не хотелось продолжать читать. Он, кстати, знал дальнейшее по рассказам тетки.

Чисон встал, выпрямился, расправил плечи, прошелся по комнате взад-вперед и опять сел к столу.

Ну неужели всего этого нельзя было предотвратить? И почему он стал таким — этот Юрген Астер? Откуда это все взялось у него?

Чисон раскрыл книгу на первых главах, где описывались ранние годы великого изверга.

Ничего особенного. Детство как детство. Он родился в семье почтальона в Крайне, на берегу Са-

вы, в городке Лайбахе, столь ничтожном, что жители там не только все друг друга, но и каждый прыщ на лице друг у друга знали. Народная школа, и после нее три класса музыкального училища при монастыре бенедиктинцев... Юность в столице семивековой Габсбургской династии, где молодой Юрген сначала рассыльный в нотариальной конторе, затем ученик шлифовальщика, служащий на карусели и, позже, музыкант в маленьком ресторанном оркестре... Попытка поступить в Музыкальную академию и снова тот же оркестр... Случайная встреча в ресторане с доктором Люгером, посещение митинга христианских социалистов в Пратере и первое выступление в качестве политического оратора на собрании гернальских лавочников. (Пока что за исключением непобедимой лени, которая вынуждает Юргена каждый год менять профессию, в личности будущего вождя нации нет ничего из ряда вон выходящего.) Он еще не очень-то красноречив, ни в коем случае не обладает сильной волей и весьма трусоват.

«...20 июня того же года случилось происшествие, едва не оборвавшее в самом начале карьеру будущего государственного деятеля. Во время большого митинга на лугу возле Ротонды молодой Юрген заспорил с неким приезжим коммивояжером. Коммивояжер (история не сохранила имени этого лица), вспыльчивый и физически очень сильный человек, отвел Юр-

гена в глубь леса и там едва не задушил его. Позднее место этой драки было сделано исторической святыней, и в течение целых пятнадцати лет на ежегодных встречах «У раздвоенного дуба» молодежь славил мужество вождя, выстоявшего в неравной борьбе.

Теперь уже невозможно установить, как в действительности вел себя Астер во время той схватки. Известно, однако, что в дальнейшем он, не колеблясь посылавший на смерть и отдельных людей и целые народы, сам до конца дней ни разу не подвергал себя физической опасности и даже по аллеям тщательно охранявшегося парка «Уца» прогуливался лишь в сопровождении нескольких специально тренированных вооруженных телохранителей».

— Черт возьми! — Чисон вскочил из-за стола. — Ну черт же возьми! Неужели тот коммивояжер не мог?.. — Он задумался. — Ну что ему стоило? Тогда б, возможно, не было каменоломен Лежера, всех других мерзостей и даже самой всемирной войны.

В этот момент позади него в углу комнаты раздался шорох и чей-то надтреснутый голос спросил:

— Да?

Чисон вздрогнул и обернулся.

Господин в пыльного цвета сюртучке стоял в темном углу возле стены. В первые несколько секунд Чисон был больше всего озадачен необъяснимостью его появления тут: дверь-то закрыта, а ключ лежал в кармане. Но затем его вни-

мание привлекла удивительная физиономия незнакомца. Все ее части находились в состоянии странного движения и изменения. Нос то удлинялся, то сам собой укорачивался, подбородок делался то острым, то тупым и раздвоенным, глаза ежесекундно меняли цвет, и все как бы искало нужный размер и нужную форму.

На миг Чисону показалось, что это один из его знакомых. Тотчас физиономия удивительного субъекта стала совершенно напоминать того знакомого по фамилии Пмоис. Но тут Чисон сообразил, что Пмоис никак не мог бы к нему зайти, поскольку находится в отъезде, и подумал о другом. Как бы отвечая на это и господин в сюртучке услужливо перекроил свою физиономию соответствующим образом. А когда Чисон на секунду вспомнил о своем друге Лихе и о его приятельнице Ви Лурд, незнакомец сразу же укоротил нос, удлиннил глаза и стал ну просто родным братом этой дамы.

Что-то тут было нечисто...

Осторожно Чисон скосил глаза книзу. В груди у него похолодело, горло само собой заперлось и щелкнуло, перехватив дыхание. Изпод обшлага недлинной брючины у господина нагло высовывалось не что иное, как раздвоенное козлиное копыто.

Ах, вот в чем дело!.. Все сразу сделалось Чисону ясно. Стараясь сохранить спокойствие, он сделал шаг назад, сел на стул и откашлялся.

— Гм... Так, собственно, чему обязан честью?

— А, бросьте! — развязно сказал господин, как бы отменяя формальности. Быстрым дробным шагом он подошел к Чисону. (Вблизи от него пахло серой. Но не сильно — как от новой автомобильной крыши.) — Вы хотели бы, чтобы еще в то время, да?.. И в таком духе, не так ли?

— В известной степени, пожалуй, — согласился Чисон. — Но это не повод, чтобы вот так врываться.

Глаза у господина нехорошо сверкнули. В руке у него вдруг появился свиток наподобие тех папирусных, на которых делали свои записи древнеегипетские жрецы. Господин поднял этот свиток; и не успел Чисон прикрыть голову руками, как неожиданно сильный удар оглушил его.

Он начал терять сознание. Все, что было в комнате, потускнело и заволокло туманом. Красные, сыплющиеся раскаленными искрами колеса завертелись у него перед глазами. Резкий, наглый смех раздался рядом; он делался все громче, стал звучать, как удары колокола, и Чисон почувствовал, что летит куда-то вкось, вниз, в черноту...

II

Был яркий солнечный день. Он прыгнул со ступеньки вагона и огляделся. Тело чувствовалось большим, сильным, тренированным; он ощущал, как при каждом

движении перекачиваются плечевые и грудные мышцы.

Спеша к седеющему генералу, пробежал носильщик. Двое прошли рядом, разговаривая:

— И знаешь, кому он оказался племянником, этот «племянник»? Графу Лариш-Менниху!

Молодой человек с пышными усами, одетый в рваное грязное пальто, слишком длинное для него, стоял неподалеку на перроне. На его худом лице было обидчиво-презрительное выражение. Он скорчил злобную гримасу вслед генералу, затем, оглянувшись на застывшего монументом жандарма неподалеку, сделал приезжему какой-то знак рукой.

Тот нетерпеливо пожал плечами в ответ.

Усатый еще раз бросил взгляд на жандарма и скользнул к приехавшему.

— Разрешите?..

— Что?

— Вещи.

— Ах, вещи! Ну конечно.

Молодой человек взял чемодан с саквояжем. В его фигуре была некая странность: руки казались слишком короткими для сравнительно длинного туловища. Вдвоем обладатель грязного пальто и приежкий прошли через вокзал на площадь. Над городом только что отплясал короткий летний дождь. Камень мостовой светлел подсыхая. Торговки-лоточницы наперебой предлагали груши, сливы, цветы. Треща крыльями, голуби опу-

скались на кучку дымящихся конских яблок.

Поравнявшись с извозчиком, пышноусый спросил:

— В гостиницу?

— Да.

— В какую? Если в «Тироль», тут близко. Не надо брать извозчика. Я донесу и так.

Приезжий задумался на миг. Он как бы рылся в самом себе. Потом твердо кивнул:

— В «Тироль».

Но тут же выяснилось, что усатый молодой человек переоценил свои силы. Они свернули налево с площади и не прошли еще пятидесяти шагов, как он начал задыхаться. Угреватое лицо покрылось капельками пота, шея налилась кровью, на тощих, бледных запястьях набухли синие жилы. Он шагал все медленнее, потом остановился.

— Ф-ф-фу!..

Приезжий усмехнулся.

— Дайте я возьму.

Он легко подхватил чемодан.

Но и один саквояж скоро оказался слишком тяжел для усатого. Он дышал тяжело и со свистом, сильно кренясь в сторону ноши, перехватывая ее в другую руку через каждые несколько шагов. Возле кофейни с выставленными наружу столиками он с сердцем грохнул саквояж на тротуар.

— Железо у вас тут, что ли? — Лицо его исказилось злостью. — Вот всегда так получается: кто слабее, вынужден не-

сить для сильного. — Короткой, похожей на тюлений лап ручкой он вытер пот со лба. — Подождем минуту.

Приезжий опять усмехнулся.

— И при этом вы себя считаете носильщиком? Тогда хоть дорогу показывайте.

Он взял саквояж и пошагал широким шагом. Молодой человек, путаясь в длинном пальто, семенил за ним. «Тироль» был вовсе не рядом. Они прошли одну длинную людную улицу, вторую и лишь в конце ее увидели подъезд отеля.

Портье с просвечивающей сквозь начесанные волосы лысиной почтительно склонился.

— У меня тут должен быть заказан номер.

Портье взялся за регистрационную книгу.

— Фамилия господина?

Приезжий задумался.

— Разве вы меня не знаете?

Портье пожевал губами, глядя в сторону. Потом лицо его просветлело.

— Господин Адам Морауэр?

— Конечно.

— Тогда вот ваш ключ. Пожалуйста. Второй этаж.

Приезжий направился было к лифту. В этот момент рядом прозвучало обиженное:

— А я?

— Ах, верно, — сказал приезжий. Он повернулся к коротко-рукому. — Хотя помощь была не такой уж большой. — Он вынул кредитку из бумажника. — Вот.

— Спасибо.

Короткоукий направился к двери. Портье ошеломленно посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на приезжего.

— Что вы делаете? Вы же ему дали десять крон!

Выскочив из-за стойки, он ринулся на улицу. Приезжий последовал за ним.

— Эй!..

Молодой человек был уже шагах в двадцати. Он не оглянулся, решив, видимо, сделать вид, будто не услышал.

— Эй, любезный!..

Спина молодого человека вздрогнула. Он втянул голову в плечи, ускорил шаг, потом побежал и скрылся в толпе.

— Мы заявим в полицию, господин Морауэр, — сказал портье взволнованно. — Так этого нельзя оставить. — Его разыщут.

— Ничего. — Приезжий положил на плечо портье большую мягкую ладонь. — В конце концов это пустяки. Скажите-ка мне лучше, какое сегодня число?

— Сегодня? Пятнадцатое. — Глаза портье чуть расширились.

— Ну-ну, — сказал приезжий. — Не надо так удивляться. Бывают же разные чудачества. Мне, например, вздумалось забыть число и даже месяц... Но то, что сегодня только пятнадцатое, не так хорошо. Ждать еще целых пять дней. Так где, вы сказали, мой номер?

На самом-то деле он понимал, что вышло не худо с этими пятью

днями. Получилась возможность освоиться, осмотреться, отдохнуть, ничего не делая.

А город вокруг был удивительно приспособлен именно для такого препровождения времени. Одна из красивейших столиц в Европе, город чиновников, аристократов и просвещенных королей. Здесь Иосиф Второй, сын Марии Терезии, мягко указал Моцарту на то, что в его пьесах слишком много нот, отнюдь не настаивая, правда, на немедленном их числа сокращении. Здесь же воспиталась и музыка новых времен — от Брамса, Брукнера, Малера до чарующих Штраусовых вальсов. Тут писали свои картины Ганс Макарт и несравненный Мориц фон Швинд. Здесь умели наслаждаться жизнью, в этой столице рококо и барокко, столице зеленых парков, тончайше отполированного камня и камня нарочито грубого, в городе просторных, протянувшихся на целые кварталы низких зданий и устремленных вверх изящных, нервных новых. Повсюду звучала музыка, шуршали фонтаны, на каждом шагу можно было найти свободную скамью, чтобы присесть, вытянув ноги, да подумать о том, чем же, собственно, сейчас заняться. По улицам разносился запах мокро из бесчисленных кофеен, где не только все европейские ежедневные газеты, но и целую энциклопедию обязательно держал в зале хозяин для любителей побездельничать три-четыре часа под-

ряд, и где каждый официант умудрялся совмещать глубочайшее, почти неправдоподобное уважение к самому себе с еще большим уважением к посетителю.

Впрочем, недалеко нужно было ходить за объяснением всему этому. В течение веков город был конторой по управлению обширным поместьем Габсбургов. «Мы, милостью божьей... король Венгрии, Богемии, Далмации, Крайны, Славонии, Галиции и Иллирии; король Иерусалима, герцог Австрийский, великий герцог Тосканы и Кракова, герцог Зальцбурга, Штирии, Каринтии и Буковины; великий герцог Верхней и Нижней Силезии, Модены, Пармы...» и еще пятьдесят титулов. Сюда стекались подати и дани. Здесь не производили, а администрировали.

Правда, уже кончалось время империи, и мор пошел на династию. В 1867 году мексиканцы расстреляли императорова брата Максимилиана, в 1889 единственный сын-наследник покончил с собой, в 1897 году сестра сгорела во время пожара в Париже, а жену в 1898 заколол в Женеве анархист-итальянец. Облысевшим, с выпавшими перьями сидел на фамильном гнезде геральдический орел. Да и вообще, если присмотреться, не так уж благополучно жил город. Ночами в Пратере опасно было свернуть с главной аллеи, в семьях бедноты дети начинали кленть коробки или сортировать бисер с пяти-шести лет.

Окраина вставала на Центр, всеобщая стачка уже однажды сотрясла страну. Политические партии боролись за власть, ораторы на митингах требовали крайних мер.

Но это если присмотреться. А приезжий не хотел присматриваться. Зачем? Куда приятнее было бездумно бродить по улицам, любоваться поднимающейся к небу готикой собора святого Стефана, странной, как бы смиренно сжавшейся Миноритен-кирхе или затейливостью орнамента тонущих в зелени дворцов. Уходить в узкие тупички, где еще живо дышали XIV и XV века. Тишина, тень, непонятно как сюда проникший ломкий солнечный луч, сырость, запах затхлости. А во мраке нищей еврейской лавчонки неподвижно сидящая девушка, «белая, как шелковая лента», с глазами такой иступленной ветхозаветной красоты, что, казалось, все проблемы мира могли бесповоротно потонуть в них.

В такие минуты он забывался, цель делалась смутной, терялась совсем, и он становился просто Адамом Морауэром, коммивояжером. Но и в этом состоянии он не мог избавиться от ощущения, что все, с ним происходящее, — повторение. Куда б он ни шел, он шагал по своим следам, двойную ниточку которых видел всякий раз, оглядываясь.

Во время таких скитаний он дважды встречал озлобленного короткорукого молодого человека.

Один раз в очереди в ночлежку на Мельдемаштрассе. Второй — утром на Иозефштрассе недалеко от парламента. Проходили войска. Под музыку полкового оркестра шагал пеший строй драгун в синих венгерках. Молодой человек, сидя на скамейке со своим грязным пальто через руку, завороченно смотрел на слитно ударяющие по земле ноги.

Приезжий присел рядом. Усатый повернулся, вяло приподнял брови, показывая, что узнал его, затем опять стал смотреть на солдат.

— Как это удивительно, — сказал он глухо. — Такая масса людей, масса мускулов и мяса, и все это зависит от одной воли. — Он сладострастно вздохнул. Даже нездоровая, серая кожа его щек порозовела. — Неужели такого можно достигнуть? Все подчинить!

— А с какой целью? — спросил приезжий. — Чтобы делать что?

— Неважно. — Усатый пожал плечами. — Но подчинить! Неужели вы не чувствуете, какое в этом наслаждение?

Приезжий вдруг взял его за руку. У молодого человека в уголках непромытых с утра глаз белели светлые капельки грязи.

— Слушайте, вы бы хоть мылись. От вас даже пахнет.

— Я не ел со вчерашнего дня, — сказал усатый гордо. — А вы мне говорите о мытье.

Приезжий секунду смотрел на него, затем усмехнулся.

— Ладно. Пойдемте закусим где-нибудь. Но только держитесь от меня чуть подальше. Хотя бы на шаг.

Они пообедали у Городского парка на открытой веранде. Молодой человек ел жадно и неряшливо, кусочки рыбы и желе от яблочного пирога падали у него из рта. Насытившись, он отвалился на спинку стула и, презрительно сощурив глаза, скрестил на груди коротенькие ручки.

На Ринге уже начался обычный променад. Женщины, роскошно одетые, в ажурных юбках, сквозь которые можно было видеть чулки до колена, в синих, зеленых платьях с большим вырезом, покрытым газом, с выставленными напоказ драгоценностями. Мужчины с тростями, в шляпах, цилиндрах, молодые с усиками «кайзер», постарше в бакенбардах. Слышалась то темпераментная венгерская речь, то гнусавый немецкий говор аристократов из Богемии, и чешская фраза перебивала порой польскую или итальянскую.

— Хоть бы война какая-нибудь началась, что ли! — сказал вдруг пышноусый. Им овладел приступ злобы.

— Зачем?

— Чтобы все полетело к черту! — Взмахом руки он обвел и полную народом улицу, и здание Оперы с канделябрами дальше влево, и зелень каштанов, и голубое яркое небо. — Чтобы все по-

шло на мыло! — Затем он осекся и, переменяя тон, искательно заглянул приезжему в глаза. — И кроме того, на войне можно выдвинуться, верно ведь?

Тому сразу сделалось скучно. Он вздохнул.

— Так вы куда сейчас?

— В Пратер. Там сегодня митинги. Буду открывать дверцы у карет.

— Какие митинги?

— Ну, христианских социалистов, например.

Приезжий вдруг забеспокоился.

— А какое сегодня число?

— Двадцатое июня.

Приезжий встал.

— Отлично. Поедемте вместе.

Асфальт Рингштрассе медленно тек под копыта коней, потом он сменился торцовой мостовой Главной Аллен. Кончилась весна, полно и властно вошло в свои права лето. Могучие каштаны аллеи отцветали, легкий ветер нес в воздухе трепетные белые лепестки. Фнакр повернул к Ротонде; смягчая июньскую жару, донеслось дыхание водной глади Дуная. За береговой дорогой река изредка просверкивала золотом между домами и деревьями, и там, на другой стороне, над заливыми лугами виднелись уже сельские домики с черепичными крышами, с аистьим гнездом возле трубы.

Тишина, уют, ласковое довольство...

Приезжий вдруг совсем забыл, зачем он здесь. Голубая бабочка

села ему на колено — маленький комочек жизни, аккуратная, с белыми ножками под сереньким мохнатым туловищем. Он смотрел на нее, и крошечное животное отвечало ему покойным взглядом неподвижного, обведенного желтой каемочкой темного глаза.

Он схватился за голову. Кто он сам такой? Что он тут делает?.. Он дико оглянулся на пышноусого оборванца.

Возле здания Ротонды кучер обернулся.

— Господа прикажут здесь?

На поляне было пусто, но у входа теснился народ. Митинг начался.

Трое молодых людей стояли неподалеку от дверей, держась особняком от толпы. Один, в офицерском гусарском мундире, длинноносый, совсем юный, но уже потасканный, раскуривал сигаретку. Второй, плечистый, кругогрудый и, видимо, необычайно сильный, осматривался вокруг равнодушным тяжелым взглядом. Он был в штатском, как и третий, вертлявый, вислозадый, с белесыми ресницами на розовом поросшем лице.

Пока приезжий расплачивался с кучером и шел к Ротонде, вертлявый успел дважды вынуть из кармана зеркальце и дважды самодовольно посмотреть в него.

Возле дверей в зал приезжий остановился. Налегая друг другу на спины, тесно стояли ремесленники, торговцы, служанки. Толпа молчала. Внутри очередной ора-

тор рассуждал о городском самоуправлении.

Приезжий закусил губу. Он должен был что-то сделать здесь. Нечто большое и страшное началось на мирном лугу. Ему следовало что-то предпринять, чтобы остановить это. Но он не мог бороться с мыслями.

— Позвольте!

Его сильно толкнули. Он моментально пришел в себя.

Трое молодых людей стояли рядом. От всех несло пивом.

— Осторожнее!

Потасканный офицерик презрительно спросил:

— А что будет?

— Пощечина, — ответил приезжий. Его сильное тело напряглось, красные пятна гнева поплыли перед глазами.

— Ну-у?.. — недоверчиво протянул плечистый каким-то жутко пустым, равнодушным тоном. Он поднял палец, поводил им перед самым носом приезжего. В другой руке у него была толстая трость. — Ты что, кусаешься?

Третий, вислозадый, опять озабоченно глянул в зеркальце. (Как если б в его физиономии могли произойти изменения за истекшие несколько минут.) Вообще он был похож на актера, готовящегося к выходу. Он сказал:

— Оставьте, господа. Не время.

Чей-то голос произнес над самым ухом приезжего:

— Не связывайтесь. Это же Юрген Астер.

Толпа уже расступилась, готова пропускать для троицы.

Юрген Астер!.. Приезжий сжал зубы и лихорадочно огляделся. Юрген Астер, будущий «Отец» и «Руководитель»! Вдруг все ему сделалось ясно. Здесь, в этом мирном парке, в летний светлый день начинается дорога к каменоломням Лежера. Сегодня 20 июня 1914 года. Подходит исторический рубеж. Уже близок конец австрийской империи и всей прежней «мирной» Европы. Считанные дни остались до начала первой мировой войны, которая перекроит лицо земли. Он сам сейчас в Вене, в парке Пратер. На миттинге, где своего первого большого успеха добьется будущий руководитель Объединенных Земель. И от него, от приезжего коммивояжера Адама Морауэра, который одновременно является и кем-то другим, зависит, возможно, дальнейший ход времен.

Трое уже входили в зал.

Он бросился за ними и взял вислозадного за плечо.

— Господин Астер. На два слова.

Тот недоумевающе обернулся.

— Всего два слова. Вопрос необычайной важности. О вашем будущем. О будущем вашего движения.

Вислозадый приосанился. Затем он глянул на часы.

— Что такое? У меня только пять минут.

Офицер и плечистый недоверчи-

во и подозрительно смотрели на приезжего.

Он заторопился.

— Этого достаточно. Но я могу сказать только вам лично. Выйдете отсюда.

Взяв вислозадного под руку, он повлек его за собой. Поляна распахнулась перед ними. Почти бегом, таща своего спутника, он бросился тропинкой между кустами сирени. Лужок, заросший зеленой муравой, мелькнул слева. Тропинка кончилась. Куда?.. Он пробежал еще десяток шагов вперед и остановился.

Рядом был огромный раздвоенный дуб.

— Ну так что? — спросил вислозадый. Он поправил сбившийся на сторону черный галстук. — Тут нас никто не услышит. Не надо дальше.

Приезжий тяжело дышал. Потом, как в омут бросаясь, спросил:

— Вас зовут Юрген Астер?

Вислозадый кивнул.

— Мне кажется, у вас большие планы. Вы считаете, что история предназначила вас для великих дел.

Некое подобие мысли мелькнуло на пустой физиономии вислозадного. Он нахмурил брови, стараясь придать своему лицу выражение значительности.

— М-может быть. Видите ли, я думаю объединить всех людей с чистой кровью. По всей Европе и, конечно, прежде всего в нашей стране.

— А что будет с теми, у кого она нечистая? У кого она, по-вашему, нечистая?

Тот оглянулся.

— Вы читали Гобино или Хаустона Чемберлена? Они говорят о расе сильных. Я считаю, что это правильно. Чистые и сильные должны управлять, а нечистые подчиняться. Ну, при этом часть слабых и ненужных придется, наверное, уничтожить. Тут уж ничего не поделаешь. Вам-то, по-моему, нечего беспокоиться. — Он с уважением оглядел рослого, крепкого приезжего.

— Но ведь им будет больно, — сказал приезжий. (Он чувствовал, что пора начинать. Но как?)

— Больно... Кому?

— Тем, кого придется уничтожить.

— Естественно, — согласился вислозадый. — Но такова историческая необходимость. — Он лицемерно вздохнул. — С другой стороны, не советую вам слишком увлекаться жалостью. Быть на стороне слабых можно, только чувствуя, что сам слаб. Зачем вам? Ведь в конечном-то счете все разговоры о том, что нужно помогать угнетенным, — это самозащита. — Он взглянул на часы. — Но у меня нет времени. Что вы хотели сказать?

Неподалеку прошестели листья, раздался голос офицера (того длинноносого, которому надлежало стать руководителем полиции):

— Юрген!

— А как вы их будете уничтожать? — спросил приезжий. — Вот так?

Он протянул руки, схватил вислозадо за горло и сильно сдавил. Полсекунды на лице Астера сохранялось выражение самодовольства, потом его сменили удивление и ужас. Щеки и лоб побагровели, глаза выпучились. Он слабо пискнул, стараясь оттолкнуть приезжего.

Того прошиб пот. Он чувствовал омерзение. В голове у него мелькнуло: «О господи! Ведь я же убиваю человека...» Но затем ему представились тысячи газет с портретами чванного бородатого «Отца», митинги, где тот, величественно протягивая руку, станет указывать своим бандитам путь то на запад, то на восток, торпедированные, переворачивающиеся корабли, бесчисленные повестки о смерти, разносимые почтой, города, объятые пламенем, с повисшим в высоте снарядом «Мэф», извергающим длинные искры, «резервации воодушевления», где под однообразный барабанный бой тысячные шеренги людей с потухшим взглядом будут вышагивать взад и вперед, эвроспиртовые растворительные котлы, и матери, которые, идя дорогой смерти, станут закрывать ладонью лица детей, чтоб те не видели, что их ждет. Весь мрак и ужас наступающей эпохи...

Нет, этого неслзя допустить!

Он судорожно набрал воздуха

в легкие, стиснул челюсти, один раз ударил вислозадого головой о ствол дуба, затем с удесытеренной силой еще и еще... Что-то дважды противно хрустнуло, и будущий вождь Объединенных Земель перестал существовать.

Приезжий, дрожа, шагнул в сторону. Его тошнило, он отряхнул руки. В тот же миг кусты зашелестели рядом. На поляну, глядя на лежащее навзничь тело, вышел плечистый. Он поднял пустые глаза на приезжего, что-то крикнул и взмахнул тростью.

Последнее, что тот увидел в этом мире, был удивленный, жадный взгляд неожиданно появившегося из-за деревьев молодого человека с пышными усами.

Теменью заволочло глаза, он стал задыхаться, погружаясь в черную болотную воду. Ударил колокол громко и торжественно. Раз, второй... Черные воды смыкались над головой теснее. Он агонизировал, тело страшно напряглось, выгнулось. Колокол сыпал все чаще, звук делался нагловатым, похожим на смех. Последним усилием он разорвал воротничок рубашки, развел руки, взмахнул ими, вдруг куда-то вынырнул и хватил воздуха.

Туман окружал его. В нем смутно сияло зеленое пятно.

Чисон вздохнул и помотал головой. Что такое?..

Туман окружал его, потом он стал рассеиваться. Обозначились

зеленая лампа и полированная поверхность стола.

Сознание он потерял, что ли?

Он оглядел комнату. Кто-то здесь был недавно. Или это галлюцинация?.. Но пахло серой, и отзвуком уходил, растворялся в тишине чей-то ехидный смех.

Толстая в коричневой обложке книга лежала на столе. Он открыл ее.

«...тической борьбы в десятых годах был весьма высок. Доходило даже до убийств. Так, например, 20 июня 1914 года незадолго перед выстрелом в Сараево, приехавший из Линца с образцами шлифованного стекла коммивояжер Антон (или Адам?) Морауэр задушил в Пратере во время митинга Юргена Астера, одного из молодых демагогов, быстро завоевавших влияние в кругах мелкой буржуазии. Партия христианских социалистов ответила...»

Чисон вздрогнул.

Выходит, то был не сон, и он действительно задушил этого изверга еще в зародыше. Если так, тогда жуткая воля Астера уже не повлияет на ход событий, и в книге многое должно перемениться.

Он лихорадочно перекинул сотни полторы страниц.

«23 ноября главнокомандующий пригласил весь состав Генерального штаба в свою резиденцию в столице. Благодаря сохранившимся дневникам участников совещания теперь можно доволь-

но точно восстановить ход этой встречи.

— Мой разум, — заявил вождь, — полон настоящего, прошедшего и будущего. У меня есть отчетливое представление об ожидающемся движении событий, и, вооруженный им, я ощущаю в себе силы для принятия самых жестоких решений. Имейте в виду, что важнейшим фактором сегодняшней обстановки в мире является моя собственная личность — при всей скромности своей утверждаю — незаменимая. Того, чего я достиг, не добивался еще никто на протяжении веков. Восполнить потерю меня не смог бы сегодня никакой другой гражданский или военный руководитель. Я есть воплощение воли и энергии нашего великого народа. А может быть, и наоборот: он является воплощением великого меня — тут еще надо будет подумывать. Во всяком случае, родина должна использовать это единственное обстоятельство, пока я еще есть я и не перестал быть мной.

Тут главнокомандующий умолк на миг и оглядел генералов, которые все сидели, не шелохнувшись. Он тряхнул челкой, известной всему миру, размноженной в миллионах газетных оттисков, лезущей всем в глаза с плакатов, марок и денежных знаков.

— Нам следует нанести неожиданный удар, подкрепив трезвый расчет теми гениальными озарениями, которые посещают меня, а потом уже специально назначен-

ных мною по старшинству лиц. Но сначала несколько слов о предполагаемом противнике...»

Что такое?

Он открыл книгу наугад в другом месте.

«На рассвете 1 сентября воодушевленные бешеными речами своего главнокомандующего бронированные полчища Третьей империи ринулись вперед. Огнеметное пламя прокладывало путь пехоте в рогатых шлемах. Самолеты с черными крыльями пересекли польскую границу, неся с собой тот ужас ожидания падающей с небес смерти, которому на долгих шесть лет предстояло стать привычным для мужчин, женщин и детей повсюду в Европе и в половине Азии.

В тот же день в британское посольство в столице Третьей империи пришла радиogramма из Лондона на имя посла сэра Невилля Гендерсона. Послу предписывалось...»

Неужели ничего не переменялось? Неужто и каменоломни Лежера появятся снова? Но ведь Юрген-то Астер не существует! Чисон перевернул несколько десятков страниц.

«Прежде всего по прибытии людей заставляют пройти мимо трех врачей, которые на месте выносят мгновенное решение о судьбе каждого. Те, кто еще могут быть использованы в качестве рабочей силы, направляются в лагерь, остальных гонят прямо в блоки уничтожения. Массовое

убийство организовано таким образом, что лишь на последнем этапе люди узнают об ожидающей их участи. Согласно показаниям палачей, захваченных в плен советскими солдатами, жертвы до последнего момента...»

Чисон вздохнул и отодвинул книгу в коричневой обложке. Теперь она называлась уже иначе — «Величие и падение Третьей империи».

Какой-то процесс происходил в его сознании: уходило все то, что было связано с личностью бородатого «Отца». Одно представление о прошедшей эпохе сменялось другим, и то, прежнее, растворялось безвозвратно в небытии.

Нет, не о снарядах «Мэф» рассказывал в детстве отец — они назывались «ФАУ». И не было эвроспиртовых растворительных котлов. Это о газовых камерах и трубе крематория в Треблинке до конца своих дней не могла забыть тетка...

Такие вот дела, уважаемые товарищи. В этой связи становится ясно, что не стоит повторять старые сказки о симпатиях и влечениях богини Клио. Никакой такой музыки, как выясняется нет, и истории безразлично один, второй или третий. Если исчезает «Отец», возникает кто-нибудь другой. Не будем поэтому валить все на личность Юргена Астера или этого, как его... следующего. Суть не в личности, а в чем-то большем!

в инерции обстоятельств, экономике, расстановке классовых сил и самой системе капитализма, рождающей диктаторов. Ведь в конце-то концов никто не силен настолько, чтоб одним собой образовать атмосферу времени.

И оставим также разговоры о необыкновенных якобы индивидуальных качествах так называемых «избранников истории». Их «непобедимая железная воля» — лишь следствие угодничества окружающих, а «красноречие» и «смелость» развиваются только за счет тех, кому надлежало бы

быть мужественными. Сила Юргена Астера и того, второго, кто его сменил, выросла не сама из себя, а сложилась из тупости, эгоизма, злобы, свойственных прусской военщине, юнкерству, воротилам промышленного капитала и вообще немецкому мещанству той эпохи...

Да, кстати! Шикльгрубер была фамилия пышноусого, с болезненной физиономией и странно короткими ручками молодого оборванца в Вене... Гитлер!

плоды

Борис Зубков,
Евгений Муслин

Когда на даче Жмачкина дрогнула земля и раздался пронзительный свист, будто где-то под землей прорвало клапан парового отопления, сам Жмачкин находился далеко от места подземных происшествий. Он сидел в крохотной конторке магазина с не совсем грамотной вывеской «Скупка вещей от населения» и ненавидящими глазами смотрел в упор на очкарика-ревизора. По-

том Жмачкин жалобно сморщился, тихо, но так, чтобы ревизор обязательно услышал, ойкнул и стал медленно сползать со стула на выщербленный пол конторы. По дороге на пол он успел подметить, как испугался ревизор, как остановились его пальцы, листавшие до того момента испачканные копиркой квитанционные корешки. Лежа на полу, Жмачкин плотно закрыл глаза и застонал, потом принялся с надсадным хрипом выдувать из себя воздух. Хрипел он очень натурально, потому что был сильно простужен после того, как в пьяном виде заснул на кухне, привалившись спиной к распахнутому холодильнику.

Вскоре около колхозного рынка, где у самого входа тулился магазинчик Жмачкина, коротко гуднула «Скорая помощь». Фельдшерица в меховой шапке и белом халате наклонилась над Жмачкиным, пощупала пульс, щелкнула застежками чемодана-коробки. Коробка распалась на две части, показав склянки и металлические коробочки со шприцами. Сразу запахло аптекой и спиртом. Жмачкин сквозь прищуренные веки увидел фельдшерицыны ноги в черных чулках и сладко поежился.

В это время на его даче ворох влажных осенних листьев зашипел и разлетелся во все стороны. Из-под земли вырвался струйкой серо-белый пар. Влажная земля также зашипела, черные лужицы воды вокруг испарились, и вместо черной талой воды проступила

серая, почти сухая земля. Эту сухую землю разодрала глубокая трещина, из которой, булькая и позванивая особым водяным звоном, прорвался фонтан из нескольких бледно-голубовато-зеленых струй. В голубых струях плясал желтый чистый лист клена.

...Хрустнула ампула, фельдшерица засучила рукав байковой рубашки, которую Жмачкин обожал за теплую уютность и даже стирал сам, но редко. В руку ужалил шприц, и сонная одурь начала растекаться по телу. «Скорая» его, разумеется, не забрала, да на такую удачу он и не рассчитывал, подстраивая ревизору психическую атаку. Фельдшерица сухо заметила: «Много пьете, гражданин Жмачкин», — посоветовала полежать и ехать домой. Удрать домой, отсрочить хоть на день неприятное и щекотливое разбирательство с квитанционными книжками — только этого Жмачкин и желал, хотя в душе клял себя черными словами за трусость и бездельные увертки. Всю жизнь он кормился собственной наглостью, за наглость прятался, ею оборонялся и наступал, нахальством и наглостью наживался. Очень удивился, если бы кто-нибудь сказал ему, что нахальство его — просто безмерная и отчаянная трусость.

В привокзальном буфете, чмокая по пивной пене отвислыми губами, Жмачкин втянул в себя полкружки теплой и мутной жидкости, а на освободившееся место

вылил принесенную с рынка четвертинку водки. После привычно-противного и хмельного «ерша» ему захотелось сделать что-то грозное и разудалое. Вспомнилась давняя и тяжелая обида: как жена Катя ушла от него к деповскому слесарю по причине жмачкиной скупости и неласковости. Но относительно слесаря сделать что-нибудь грозное и разудалое Жмачкин воздержался, опять-таки из-за своей трусости и припоминая каменную жесткость слесаревых кулаков...

Путано ругая неверную жену и очкарика-ревизора, Жмачкин долго колупался ключом в большом висячем замке, вытаскивая замочную дужку, откидывая толстую железную полосу, прихватившую поперек тяжелую дачную калитку.

За то время, пока хозяин дачи возился с железными запорами, на его дачном земельном участке стало одним деревом больше. Случилось это так. На самом краю трещины, откуда бил фонтан голубой воды, лежала сморщенная, почерневшая ягода рябины, втоптанная в землю еще прошлой осенью. Когда подземная вода коснулась ягоды, она расправила крохотные жесткие морщины, округлилась, посочнела и треснула, выпуская из трехгранного зернышка тонкий зеленый росток, который тут же закурчавился двумя микроскопическими листочками. Одновременно в землю забуравил-ся корешок, кожаца ягоды соско-

чила с молодого побега. Все это заняло меньше минуты. Еще через минуту обозначились красно-бурые ветки с острыми зубчатыми листьями: молодая рябина поспешно тянулась вверх. И в то же время дрогнула вкопанная в землю скамейка — замшелая доска, прибитая на два осиновых кругляша. Кругляши треснули в нескольких местах, набухли тупыми почками, которые сразу же выпустили на волю зеленые листья, покрытые с изнанки нежным серым пухом. Замшелая доска крикнула и раскололась надвое: из торцов осиновых ножек выпирали вверх букеты крепких молодых побегов.

Пьяный Жмачкин наткнулся на скамейку и тупоносом ботинком втоптал в землю молодую рябину. Когда он грузно опустился на скамейку, расколотые доски свалились вместе с ним. Обламывая молодые побеги, Жмачкин двумя руками обхватил осиновый кругляш, попытался встать на четвереньки, но не смог и упал лицом вниз в лужицу голубоватой воды, растекающейся вокруг подземного источника.

Утром, еще не проснувшись как следует, он крепко провел ладонью по лицу, сгоняя вчерашний хмель, и нащупал у себя на лице окладистую шелковую бороду. Жмачкин истерично хихикнул и почему-то подумал, что умер, а борода у него выросла уже после смерти.

Трясущимися руками он открывал замки дачи. Наружная

дверь — два замка, старинные, фирмы «Хайдулин и сыновья», очень хитрые замки, спрятанные один в другой, дверь в переднюю комнату — замок, скрытый в полнице, никто не найдет, дверь в спальню... Наконец! Там в огромном трюмо красного дерева стиля «жакоб» он увидел себя с чужой, словно приклеенной бородой. Он попытался ее оторвать. Она вовсе не его: черная, густая, шелковистая, кудрявая борода. Его собственные волосы на лысеющей голове и толстых бровях были тусклыми, редкими, припорошенными желтой сединой. Зачем ему такая борода? Кто это сделал? Не могла же она вырасти за один день? Или он провел в саду месяц? Буфетчица опила его каким-то сонным зельем вместе с пивом. Это такая баба, она все может! Колдунья! Только зачем ей опаивать Жмачкина? Он и без того пытался подъехать к буфетчице с разными предложениями, да она его так от себя шуганула...

Лицо... Что сделалось с его лицом? Здесь у него были морщины, они набегали сверху и обрезали углы рта, он всегда кривил рот, когда брился, чтобы расправить кожу в этом месте. Теперь морщин нет. А вот здесь? Были здесь морщины или нет? Он не помнит. Сам себя не помнит. Странно... Сколько времени нужно, чтобы выросла такая борода? Сколько он проспал? Кого спросишь? На даче ни души, он один.

Так всегда: он один, он один и его дача.

Какой сегодня день? Он нажал клавишу радиокомбайна... Музыка, с утра музыка. Может, сейчас вовсе не утро?.. Включил другой приемник, стоящий у изголовья кровати с высокими спинками из полированного дерева. Приемник не работал... Давно он не работает? Там, на кухне, стоит еще один... Опять музыка... Где он? Какой сегодня день? Наконец старый динамик радиотрансляции сообщил Жмачкину, что сегодня двадцать второе октября. Ревизор нагрнулся двадцать первого. Вчера. Значит, все в порядке. Он спал только одну ночь. Надо опохмелиться и пожевать чего-нибудь горяченького, все пройдет. А борода? Вот она. Еще больше выросла. Все-таки в пиво что-то подмешали...

Кромсая ножницами вкривь и вкось, он кое-как срезал бороду. Ему показалось, что из-под ножниц сыпались искры. Действительно, запахло чем-то горелым и вместе с тем освежающим... А день сегодня субботний, особо выгодный. Его разве пропустишь? В деревянном павильончике под вывеской «Скупка вещей от населения» все образуется. «ОбожметсЯ», как любил говорить Петька Косой, единственный дружок Жмачкина. «ОбожметсЯ!» А борода — она не ревизор; сбрил ее — и гуляй без бороды.

По дороге к калитке Жмачкин наткнулся на молодые осинки, что

торчали двумя плотными кустами на том месте, где еще вчера ничего, кроме скамьи, не было. Пахло вокруг для поздней осени странно — цветами. Запах стоял тяжело и плотно, как в оранжерее. Но Жмачкин цветами никогда не торговал, в оранжереях не бывал, а тонкие осинки, что вымахали за ночь на метр выше его, не заметил, а может быть, побоялся заметить, недаром глаза зажмурил.

В «Скупке» еще раз побрился подержанной электро бритвой, купленной у рыночного пьянчуги за трешку: борода в электричке заметно отросла. Надел засаленную меховую безрукавку и занялся привычным делом. Когда румяный от смущения парень принес в «Скупку» почти ненадеванный, но явно не модный костюм, Жвачкин оценил костюм в двадцать один рубль, а на копии квитанции переделал палочку единицы в семерку и заработал таким образом шесть рублей. Женщине в платке, из-под которого желваками торчали бигуди, таинственным шепотом сообщил, что дамские кофточки покупать не велено, но ради субботы он сделает исключение. За это Жмачкин получил благодарность — трешку и почти рубль мелочью.

Так он трудился целый день, не снимая безрукавки, не делая от жадности перерыва на обед.

Обманывал он по маленькой давно. Почин в этом сделал еще тогда, когда работал продавцом в рыбном магазине и приспособил-

ся под чашку весов приставлять маленький магнит. К магниту привязал леску, а в петлю лески просовывал носок ботинка. Чуть заметит подозрительного типа, похожего на инспектора из райторга или просто такого интеллигентина, что может из-за недовеса шум поднять, — дерг за леску, магнит отскочит от чашки: весы в полном порядке, проверяй до седьмого пота, не придерешься. Одно плохо — пахло от него тогда крепко: селедочным рассолом и рыбной лежалой, и молодые тначихи из фабричного поселка воротили от него носы. Но Жмачкин за свою коммерцию держался крепко, и торговое дело, как он его понимал, знал туго. Потом подвернулась работа чище — в винной лавке. Там он «снял сливки» — медицинским шприцем протыкал винные пробки и высасывал часть содержимого. С десяти бутылок выходила одна лишняя. Если не лениться, прийти в лавку пораньше, можно заготовить в подсобке таких «сливок» литров пять.

На примагниченной селедке и коньячных «сливках» Жмачкин прибрахлился, обстроился, приобрел дачу, в которой души не чаял. А детей не было, выходила жмачкиному роду судьба увянуть на корню. О бездетности Жмачкин жалел, пока не случилось то, что у Петьки Косого трехлетний сынишка изрезал ножницами облигации «золотого займа». Крупную сумму изрезал, пустил в му-

сор все Петькины долголетние и нетрудовые накопления. Петька мальчика крепко выпорол, а Жмачкин с этим наказанием в душе согласился и перестал думать о дetyах.

Чуть вечерело. Жмачкин подчитал субботний барыш и побрился в четвертый раз за день. Борода росла очень напористо. «Болезнь, что ли, такая? — подумал Жмачкин. Другие лысыми ходят, последний волос винтом по лысине укладывают, а у него, наоборот, излишки по волосам. Мазь какую против бороды купить?

Знакомая буфетчица остолбенела, когда Жмачкин подошел за кружкой пива.

— Какой вы сегодня красавчик! — засюсюкала она. — Помолодели! Бородку отпускаете? Это теперь модно! Тут к нам художник приходил, молоденький, на стекле раков рисовал, тоже с бородкой...

Помолодел! Верно! С ним что-то случилось, а буфетчица отыскала слово, которое попало в самую главную точку. Он и в зеркало боялся смотреть, брился на ощупь. На голове-то волосы тоже закурчавились и потемнели до сиза. Когда это было, что его за смольяной волос Цыганом девчата дразнили? Лет двадцать назад? Не припомнить. Разве о кудрях думалось, когда в магазинной подсобке шприцем вино из бутылок

Помолодел! Представь себе,

Жмачкин, что ты и в самом деле омолодился. Смешно! С паспортом неувязочка получится, недовес по годам. Слышал ты нечто подобное? Нет. И никто не слышал. А тут — приходишь в амбулаторию: «Здрастье, товарищ доктор, я омолодился». — «Как? Что?» Шум, треск... Сестрички, конечно, из соседних кабинетов сбегаются. Академики на собственных машинах приезжают. Фотографии в газетах. И Жмачкину крышка, все его барыши кастрюлькой накрылись. Жить не дадут! Посадят на манную кашу, ради науки исследовать начнут. Захочешь пива холодненького, а тебе — манную кашу. Затиснут в какой-нибудь научный институт, заставят жить благородно. Академики, конечно, на жмачкином омоложении большие деньги заработают, сами будут дома по коньячку прохаживаться, а ему кашу с витамином и пижаму больничную. А он не хочет!

Что-то неведомое и слишком большое наваливалось на Жмачкина, непосильное для мелкой его души и мелких мыслей.

Мертвая пустая дача ждала его. Впрочем, в тот день голубая вода подземного источника все изменила, и дача ожила. Ручеек голубой воды добрался до забора, наткнулся на столб, изменил направление, потек вдоль границ жмачкиных владений, пропитал землю, в которую были вкопаны столбы, — и забор преобразился. Жмачкин гордился своим забором. На

плотно притиснутые, паз в паз, доски, что стояли глухой стеной, он набил второй слой досок вдоль и внахлестку. Сейчас из каждого сучка, из каждой трещины в серых досках торчали зеленые, коричневые, розовые, бледно-зеленые и коричнево-красные побеги. На многих молодых побегах набухли почки, а кое-где почки уже лопнули, выпуская на волю влажные листья.

Но листья на заборе Жмачкин увидел не сразу. Первое, что он увидел, — яблоки. Крупные, с ярко-красными прожилками; они пригнули своей сочной тяжестью ветки яблони, растущей возле калитки. Жмачкин подумал, что он сходит с ума или выпил слишком много. Вперемежку с яблоками дерево усыпали бело-розовые цветы. Яблоня цвела и плодоносила одновременно, а на дворе октябрь... Жмачкин дотронулся до яблока и глупо ухмыльнулся. «Расцветали яблони и груши...» Осекся, услышав журчание воды. За то время, пока он в своей «Скупке» перебирал рубли и трещины, голубые струи набрали силу и теперь журчали, звенели, плескались, наполняя весь сад звоном и ароматом. Жмачкин увидел голубой фонтан, вспомнил, что этой ночью он спал, уткнувшись лицом в приятно пахнущую влажную землю, ощутил на лице шелковистую, упругую бороду и смутно осознал, что есть прямая связь между яблоками, бородой, молодыми осинами, выросшими на

месте скамьи, и голубой водой, распространяющей вокруг себя удивительный запах бодрости и свежести.

Пройти к самой даче оказалось нелегко — прочный ковер жесткой травы доходил Жмачкину почти до пояса. До крыльца дачи было двадцать два шага — Жмачкин измерил свое владение вдоль и поперек. Сегодня пришлось двадцать два раза выдирать ноги из плотной путаницы травяных капканов. Еще утром травы не было. А дача... Она цвела! Вся дача была покрыта цветами. Тесовая обшивка стен выпустила из себя тысячи голубых цветов...

«Можно торговать цветами или яблоками, — подумал Жмачкин. — Цветы сейчас дорогие. Если оборвать цветы со всех стен и завернуть букеты в целлофан, за каждый букет можно просить два рубля. Дадут! Дураки дадут! А потом дураки припрут на дачу и увидят цветущие стены. Они отдерут доски, а под досками-то кирпич! Вот у него какая дача! Каменная. А вы как думали? Каменная, ей цены нет. А старые доски — для маскировочки. Дача-то двойная! Накось, выкуси! Бедный Жмачкин кое-как сколотил себе хибарку на старости лет — вы так думали? Стены в полтора кирпича — вот как! Когда отдерут доски, все откроется. Будут копать на его участке. А здесь в земле тайком и газ проложен, и водопровод. Жмачкин желает жить с удобст-

вами и ничего за них не платить. У него ванна в доме имеется. Думали, Жмачкин в бане венчиком махает? Такие его удовольствия? Начнут копать, до главного докопаются — до «сливо», что с коньяка снимал, до магнита под весами. Приедут из газет — и загремел Жмачкин, загремел. Другим, конечно, польза — кому омоложение, волосы на лысине, кому яблоки зимой и осенью, а ему крышка! Ему лично голубая вода ни к чему, ему лично пользы не будет. Заткнуть глотку голубому источнику, вот что надо, зашлепать его глиной, завалить каменюгами, задавить... Он рванул со столба веранды охапку голубых цветов, занозил руку, выругался и тут же испугался громкой ругани — вдруг услышит кто-нибудь, подсмотрит, как ругается Жмачкин на облепленную цветами дачу. Схватил тяжелую совковую лопату и воткнул ее в кучу слежавшейся глины, приготовленной для фундамента давно задуманной пристройки.

— Я тебя звал? — зашипел Жмачкин и подирался к голубому фонтану с полной лопатой глины. — Я тебе разрешал?

Он с наслаждением шмякнул глину на звенящие струи. Упруго выскользнув из-под глинистой лепешки, голубая вода веером брызг ударила в Жмачкина.

— Не нравится? Не уважаешь? — бормотал Жмачкин, лаяя глину на упрямый фонтан, пугаясь в жесткой траве, вымок-

нув, как под ливнем. — Ты кто? Ты зачем? Мне без тебя плохо было? Да? Плохо? Погубить думаешь, гадина? Я тебе глотку-то заткну! Заткну!

На том месте, где только что бил подземный ключ, теперь лежала бесформенная куча сизой и мокрой глины. Жмачкин воткнул лопату в эту кучу, словно утверждая памятник на могильном холме и, с наслаждением освобождаясь от душевной тяжести, плюнул на холмик...

Маленькая кухонька с низким дышным столиком, покрытым клеенкой, и старым венским стулом тоже была маскировкой. За дверью, похожей просто на дверь узкого стенного шкафа, находилась настоящая роскошная кухня — без окна, но освещенная современным польским светильником, с тремя холодильниками и шведским книжным шкафом. Жмачкин болезненно любил вкусно поесть. Он был едоком особого сорта, наркоманом от еды, тайным обжорой и лакомкой втихую. Холодильники хранили югославскую ветчину в жестянках, напоминавших округло-продолговатыми формами свиной окорок, датские сыры, обернутые серебряной фольгой, греческие масла в промасленной бумаге, венгерские ромовые конфеты, индийский растворимый кофе... Жмачкин уважал яркие этикетки с иностранными словами и потому купил как-то два десятка банок английской питательной смеси для младенцев. Даже при-

правленная перцем смесь оказалась тошнотворно-безвкусной, и банки пришлось выбросить. Впрочем, припасы свои он обновлял обильно и так же обильно они портились. Тухлятину Жмачкин скормливал своему псу-сторожу. Жалея выбрасывать дорогую провизию, Жмачкин дожидался, пока тухлятины накопится много, и пес каждый раз шалел от обилия внезапно обрушившейся на него еды. Некоторые продукты, к примеру, маслины и грибы, пес упрямо не жрал, их приходилось ночью закапывать в землю. Остатки после собачьей трапезы Жмачкин собирал и тоже закапывал.

В шведском книжном шкафу хранились поваренные книги. Пожелтевшие, в которых специи отмерялись лотами и унциями, первые послевоенные, рекомендующие капустные котлеты, и самые новые, в лакированных суперобложках. Но книги эти Жмачкин употреблял не к делу, а так — вприглядку. Читал вслух, запинаясь, мудреные поварские рецепты, а поглощал консервы и колбасу всухомятку. Стряпать что-нибудь стоящее — горячее и ароматное — опасался: вдруг лакомый запах полезет из трубы и щелей, разнесется по всему поселку?

Одолев в тяжелом единоборстве непонятный, угрожающий сломать его благополучие источник голубой воды, Жмачкин почувствовал утомление и голод. Ноги стали ватными и подкашивались,

сосущая боль поднималась к сердцу, руки словно распухли и онемели, не различали предметов, которых касались, и действовали отдельно от него. Тупо уставясь в пространство, он не видел, как руки открыли холодильник, достали банки крабов и перца в маринаде. Во рту держался сладковатый привкус, и острые консервы не вызвали привычного чувства жадного аппетита. Он проглотил три стопки водки и облизал губы. Водка не ошеломила, не отстранила чувства тревоги и ожидания.

В кухне было слишком тихо, как в склепе.

Жмачкин посмотрел на влажные красные стручки перца и похолодел. Он вспомнил яблоки. Октябрь месяц и цветущая яблоня! Ветки с яблоками и цветами свешиваются через забор на улицу. Подходи, смотри, удивляйся! Все сбегутся, все! Забор, калитка — ничего не поможет. Он застонал и всхлипнул от жалости к самому себе... Конечно, людям заманчиво — яблоки за один день вырастают. А Жмачкину это ни к чему, ему и так хватает, он скупкой занимается, а не яблоками. Он за свое кровное драться будет! Сад — под топор, из яблонь костер, все спалит, а не даст!

...Яркая луна освещала сад. Незнакомые и дикие кусты плотной стеной торчали перед самым крыльцом. Они успели вымахать в рост человека, пока Жмачкин

пил водку. Пушистые шары одевали кусты сверху. Жмачкин равнял тугие и жирные стебли, которые обильно брызнули соком. Сок залил лицо, и губы почувствовали нестерпимую горечь. Пушистые шары словно взорвались, и пух облепил волосы, лицо, плечи, залитые горьким белым соком. Жмачкин понял, что попал в заросли гигантских одуванчиков. Значит, голубой фонтан продолжал действовать.

«Плохо я тебя заткнул», — неважно подумал Жмачкин.

Со злой радостью вспомнил, что за кустами малины лежит груда камней. Хороший бутовый камень, кубометров пять. Сейчас он завалит фонтан камнями, наворотит столько каменюг, что уж тому не выбраться, не просочиться! Он шагнул вперед, продираясь сквозь мясистые стволы одуванчиков, и упал. Побег ползучего лютика оплетали заросли одуванчиков. Золотисто-желтые цветы, каждый величиной с блюдце, осыпали Жмачкина едкой пылью. Он запутался в цепких побегах и пополз, волоча за собой ворох стеблей, листьев, цветов. Ядовитая пыльца жгла глаза, сломанные одуванчики поливали его горьким соком, темно-пурпуровый болотный сабельник захлестнул за шею прочным железистым побегом и едва не задушил. Так он дополз до кустов малины. Но прodrаться сквозь малину не смог. Она чудовищно выросла, и тонкие красноватые шипы, с сапожную иглу лю-

бой шип, вонзались в тело, протыкая байковую рубашку и кожу ботинок. Жмачкина трясло, озноб и жар волнами ходили по телу... Вот бы сейчас чаю с малиновым вареньем!..

Жмачкин побрел в обход колючих зарослей. Там за малиной лежат камни, пять кубометров камня, он навалит их поверх холма из глины и задушит голубой ключ. Задушит... Потом он срубит яблони, скоро пойдет снег, все скроет под сугробами. Ему самому захотелось скрыться, бежать, спрятаться... Снег все скроет, и никто ничего не узнает. Потом он продаст дачу. Зачем она ему? А может быть, ничего и нет? Ничего не случилось, все ему кажется — голубой фонтан, цветущая яблоня, одуванчики с него растут? Он стиснул кулаки и вскрикнул от боли. Сам себе вогнал в ладонь шипы малины...

Собрался дождь, черные тучи заслонили луну. В темноте Жмачкин наткнулся на острые камни и больно поранил ногу. Голубые струи звенели почти рядом, они пробились сквозь глину и опять хозяйничают на его кровном участке. Творят, что захочется: на заборе цветочки выращивают, скамейку сломали... Тихую, удобную жизнь сломали...

Прислушиваясь к шипящему звону воды, он бросил первый камень. Тот сочно шлепнулся в мокрую глину. Жмачкин прислушался, источник звенел по-прежнему. Тяжело дыша, сбивая в кровь ру-

ки, он бросал камень за камнем туда, где звенел и плескал подземный ключ. Вдруг дождь зашумел сильнее и слитно, заглушил прерывистый звон. Тогда Жмачкин шагнул в темноту, зашарил руками во мраке, пока теплые и упругие водяные струи не ударили в лицо. Он ощупью отыскал несколько камней, положил их друг на друга, с трудом зацепил негнущимися руками и разом обрушил на ненавистный источник. Скользящая глина ушла из-под ног, он упал и покатился в сторону, сминая телом чудовищно огромные бледные поганки. Белые слизистые хлопья размазались по лицу, залепили глаза. Он тяжело ушиб голову о камень и замер, затих. Гигантский рогатый лядвенец высыпал на него черные бобы...

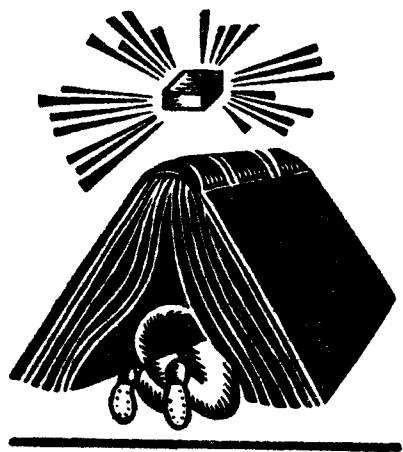
Только через два дня, когда под напором буйной растительности рухнул забор и цветущие вишни шагнули на улицу к людям, а весь поселок сбежался смотреть невиданное, Жмачкина нашли. Его быстро привели в чувство, тем более что голубая вода источника

не дала ему умереть, заплатила, так сказать, добром за зло, успев в два дня залечить многочисленные царапины и рану на голове.

Но сам источник перестал существовать. То ли заглох, не выдержав последней груды камней, что навалил на него Жмачкин, и ушел неизвестно куда, пробив себе новую дорогу. То ли так же неожиданно исчез, как и появился, в результате новых подземных катастроф и происшествий. Ушел, исчез, провалился сквозь землю! Что несла голубая вода, что скрывала? Может быть, клад микроэлементов особого сочетания, может быть, ростовые вещества, сконцентрированные в подземном озере. А может статься, и другие ускорители, стимуляторы и катализаторы, рецепты которых пока — за семью печатями.

Но голубую воду ищут и уверены, что рано или поздно все равно найдут.

Что касается Жмачкина, то он, убоявшись ревизии и всех последних событий, уехал, не оставив после себя ничего памятного.

находка

Александр
Горбовский

В западной оконечности территории раскопок прослеживаются следы скопления кусков глины и каменных обломков, большинство которых не имеет определенной формы и назначения которых не ясно. Обращают на себя внимание обломки с острыми краями, которые могли быть использованы возможными обитателями стоянки...»

Исидор Саввич отложил ручку и

ласково посмотрел на стопку исписанных листков. Стопка была довольно солидной, она уже не помещалась в папке, и это радовало его. Правда, предстояло исписать еще примерно столько же. Совокупность этих исписанных листков и должна была составить то, что обозначается термином «докторская диссертация». Собственно говоря, только ради этого и сидел он сейчас в этот жаркий августовский день на месте раскопок, вдали от цивилизации, под этим раскаленным тентом. Более удачливые сверстники и коллеги давно стали уже докторами и проводили сейчас время где-нибудь на собственных дачах или курортах.

Исидор Саввич отогнал эти мысли, мешавшие работать, и снова взялся за перо.

«Отсутствие каких-либо следов огня, керамики, а также костных остатков никоим образом не может служить доводом в пользу предположения, что ареал, избранный для работы экспедиции, не мог служить некогда местом стоянки обитавших здесь племен. Подобная постановка вопроса представляется нам сугубо спекулятивной и антинаучной...»

Было жарко. Он выпил кефира, который стоял рядом в ведре с холодной водой, хотя легче от этого не стало. Рубашка прилипла к телу, но чувство достоинства не позволяло ему снять ее. В свои пятьдесят лет он цепко держался взглядов, привитых ему в молодос-

сти. Начальник экспедиции — и вдруг расхаживает перед своими людьми голым по пояс! Разве может человек в таком виде сохранить авторитет или уважение? А он весьма дорожил и тем и другим. Вот почему, завидев торопливо приближавшихся к нему Володю и Тимофея, он почти бездумно, рефлекторно придал лицу своему то выражение, которое больше всего соответствовало его представлению об ученом, поглощенном чрезвычайно важной работой.

— Да? — рассеянно фальцетом спросил он, не поднимая головы.

— Исидор Саввич! — Володя с трудом переводил дыхание. — Идите скорее — что мы нашли! Мы оставили все, как было...

Он был сыном его приятеля, этот Володя. И вот, окончив школу и начитавшись о всяких открытиях и загадках, напросился в экспедицию.

— Ну, так что же там случилось? — Теперь он мог позволить себе отложить перо и взглянуть на них.

— Уж вы, Исидор Саввич, сами пойдите посмотрите. — Заговорил Тимофей. — Потому что мы как увидели, сразу — к вам...

Исидор Саввич неохотно стал было подниматься, как вдруг сладостное, щемящее чувство охватило его. Предчувствие открытия, это было ощущение, которое не посещало его с отдаленных студенческих лет. Но уже через секунду эту светлую и бездумную радость заслонила другая. Он

представил себе уважение, почет и плохо скрытую зависть своих коллег, увидел себя делающим сообщение об открытии на одном из конгрессов, увидел корреспондентов, подобострастно берущих у него интервью. За какую-то долю секунды он успел во всех деталях представить себе тот крохотный бугорок, который в его масштабах представлял ему Монбланом известности и Эверестом славы. И еще об одном успел подумать он, пока, шагая сквозь негустой кустарник, они пробирались к месту раскопок. Как странно устроена жизнь! Ведь, собственно говоря, нашел не он, а они, эти двое, десятиклассник Володя и Тимофей. Тем не менее, вся заслуга будет приписана ему. Впрочем, разве не то же самое произошло с открытием Америки? Адмирал спал в своей каюте, когда один из вахтенных матросов закричал: «Земля!» И вот каждый знает, что Америку открыл Колумб. Но никто не помнит даже имени этого матроса. Это были странные и непривычные для него мысли, и он удивился, поймав себя на том, что думает о подобных вещах.

...Они стояли над нешироким участком ровно снятой земли с глинистыми срезами, резко уходящими вниз. На самом дне, на пепельном квадрате разрыхленного грунта темнело Нечто.

Через секунду он уже стоял на коленях, склонившись над находкой и, стараясь не дышать, мягкой

кисточкой сметал с гладкой металлической поверхности комочки налипшей земли.

— Володя, — услышал он свой срывающийся голос. — Сбегайте за фотоаппаратом. Быстро! А вы, — это он говорил уже Тимофею, — несите сюда масштабную линейку. Она должна быть во второй группе.

Только теперь, когда он остался один, пугающая странность находки стала доходить до него. Этот непонятный предмет залегал значительно ниже слоев, в которых когда-либо находили следы человека.

Искушение было слишком велико. «Я только посмотрю, — сказал он себе, — только посмотрю и положу обратно». Размером с карманный фонарик, предмет этот показался ему неправдоподобно тяжелым, словно он был полон свинца. Чуть продолговатый, правильной формы, он завершался с одной стороны каким-то подобием темного диска. Это было ни на что не похоже, это не походило ни на что. Ясно было только, что предмет этот был изготовлен человеком. Впрочем, человеком ли? И он тут же представил себе бойкие заголовки: «Гости из космоса», «Следы ведут в Атлантиду», «Таинственные загадки прошлого» и т. д. И увидел лица своих коллег, — насмешливые, презрительные, злорадные.

«Ну, как ваши марсиане, Исидор Саввич?»

«Скоро ли в Атлантиду поедem?»

И нужно будет улыбаться в ответ, нужно будет пожимать плечами и делать вид, что все это невеста как весело. Конечно о защите диссертации нечего будет и думать. А кто-нибудь из тех, кому предстояло бы быть его оппонентом, после ученого совета отведет его в сторону и спросит так душевно: «Как же это вы, дорогой? Зачем вам только это понадобилось? Какую-то железку в раскопках себе подбросили. А? Так себя скомпрометировать!...»

И напрасно станет он клясться и божиться, что он не делал этого, что все так и было.

«Ну, уж мы-то, батенька, тоже кое-что понимаем. — И, пожевав губами, добавит сухо, как человек, на искренность которого ответили неискренностью: — Очень неприятный инцидент, Исидор Саввич. Очень...»

Так он, кумир молодежных газет и популярных журналов, станет прокаженным и изгоем в собственной касте.

Это представилось ему столь живо, что когда он осознал, что этого еще нет, на какую-то секунду Исидор Саввич почувствовал облегчение и даже радость. Он по-прежнему стоял, держа в руке этот непонятный предмет, но ни Володи, ни Тимофея все еще не было.

И тогда он понял, что эти несколько минут были подарены ему судьбой, как шанс, чтобы он

мог спастись. И хотя Исидор Саввич не знал еще, что будет говорить, когда они придут, он вдруг понял одно — нужно избавиться от этой проклятой штуки. Избавиться как можно скорее. Счет шел на мгновения...

...Когда появился Володя, круги в соседнем болотистом озере давно разошлись. Поверхность его была ровна и безмятежна, как будущее, которое ожидало теперь Исидора Саввича.

— Вы поторопились, мой дорогой, — назидательно пояснил он оторопевшему юноше. — Это был просто осколок. Видно, военных лет. Случайно попал в нижние слои. А вы уже невеста что воображали? Эх, вы, молодо-зелено!

И потому что потерянный и потрясенный Володя продолжал молчать, он принялся говорить, что-де учиться надо, что и сам он в молодости, бывало, и т. д. Лишь бы не наступило молчание.

Потом подошел Тимофей с уже ненужной линейкой и с ним еще люди. И каждому он повторял, как все было и что, вот, мол, оказалось это просто железка, какой-то осколок, попавший из верхних слоев.

Так поговорив, он отправился обратно и, уходя уже, слышал, как ребята шумели вокруг Володи:

— Ну, как твои марсиане?

— Скоро в Атлантиду поедem?

Он снова уселся под свой навес, и ощущение опасности, которая счастливо минула, приятно

волновало его. Бисерные строчки узеньким ручейком опять потекли из-под его пера.

«Юго-восточный участок раскопок представляет собой ареал, по своему функциональному назначению предположительно могущий

служить стоянкой для племени или даже группы племен, ведущих как кочевой, так и оседлый образ жизни. На такую возможность ясно указывают, в частности, общий ландшафт местности, характер почв...»

Там
чудеса?..

III

Несмотря на свою любовь к поискам нового, никогда, наверное, фантастика не откажется от права задумываться над тем «что было бы, если бы», придумывать возможное и невозможное, сочинять и исследовать чудеса, которые не становятся менее удивительными оттого, что на самом-то деле, может, их никогда и не будет.

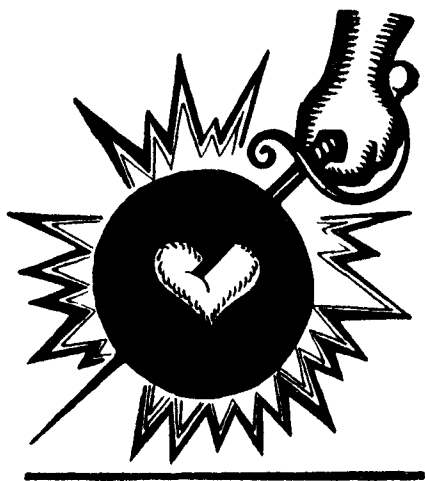
Из шести авторов этого раздела только одному больше тридцати пяти лет. Только один из этой шестерки (и отнюдь не самый старший) уже выступал на страницах традиционного сборника «Молодой гвардии». Это московский инженер Владимир Щербаков.

У харьковского писателя Владимира Михановского в активе несколько сборников научно-фантастических рассказов.

Михаил Пухов — московский студент, и «Охотничья экспедиция» — первый его рассказ, увидевший свет. Вместе с ним дебютирует в этом разделе ленинградец Андрей Балабуха.

Художница Кира Сошинская не раз выступала в журналах «Вокруг света» и «Искатель» с очерками и рассказами.

Может быть, в некоторых рассказах третьего раздела книги вы найдете следы влияния прочитанных книг, но хороших книг. И наверное, вы увидите в этих рассказах еще и талант — собственный талант их авторов.

аппендикс

Андрей Балабуха

Зло во имя добра! Кто
придумал нелепость та-
кую!

Н. Коржавин

I

Фрагменты из бортового жур-
нала «Лайфстара», крейсера
первого ранга Службы
Охраны Разума

«0,47000 галактической секун-
ды Эры XIV Сверхновой. Вы-
шли на стационарную орбиту во-
круг Планеты Больных Камней.
Произведена детальная зонд-раз-
ведка. Спущены «псы». Начато
ретаймирование...»

Выйдя из третьей вихревой, командор почувствовал себя свежим и чуть ли не поскрипывающим в суставах, как только что смонтированный андронд. Но это было внешним: там, в глубине, ему чего-то не хватало. Странно — раньше он пользовался только двойной стимуляцией, но такого ощущения не бывало. Хотя нет, это началось давно, вскоре после того, как он из Пионеров перешел сюда, в службу Охраны Разума. Просто прежде он не хотел признаваться себе в этом.

Мозговой трест собрался во второй централи, вокруг круглого пульта, над центром которого поблескивал огромный, пока еще мертвый, шар стереозэкрана ретаймера. Все они — физик и историк, лингвист и антрополог, этнограф и археолог, философ и психолог — напряженно вглядывались в экраны степ-регистраторов и шкалы своих экспресс-лабораторий, и командор подивился про себя их энтузиазму.

Официально мозговой трест именовался диагностической группой. Но с легкой руки командора на крейсере за ними укрепилось прозвище патанатомов, фанатиков-патологов. Врач даже пропел как-то студенческую песенку времен его молодости. В ней были строчки:

Если врач неверно скажет, —
Значит, секция подскажет:
«Патанатом — лучший диагност!»

Но десантники — самая молодая и наиболее ехидная часть эки-

пажа — пошли еще дальше и называли их попросту прозекторами, а то и вовсе трупоедами. И в этом была доля истины: они изучали планеты. Но только мертвые. Планеты-жертвы и планеты-самобийцы. С помощью ретаймера, своего единственного и универсального орудия, они восстанавливали истории планет и выясняли причины их гибели. Сама по себе процедура эта была вовсе не проста, но за те несколько галактических секунд, в продолжение которых Служба Охраны Разума ею пользовалась, успела стать привычной, почти тривиальной. На поверхность планеты сбрасывалась стая «псов» — автоматических рецепторов рассеянной информации. Введенные в режим ретроспективного времени, они транслировали на экраны ретаймера фрагменты истории планеты, развертывающиеся в обратном порядке — от нуля ретаймера в глубь веков. По этим-то фрагментам диагносты и реконструировали цепь причин и следствий, приведших планету к летальному исходу. Это было, пожалуй, самым трудным — выявить ту основную причину, из-за которой история повернула на гибельный путь. Выявить ее в зародыше, когда даже в самом обществе данной планеты о появлении ее никто не догадывался. Затем наступала очередь десантников. Трансформированные под аборигенов, они высаживались на планету, переносясь с помощью хроноснаффов в мо-

мент времени, соответствующий инкубационному периоду. И тем или иным способом устраняли эту причину. После этого история планеты развивалась без помех, и жители ее даже не подозревали, что было бы, если бы...

Командор остановился за спиной физика и, стараясь остаться незамеченным, стал молча наблюдать за его манипуляциями. Наконец физик удовлетворенно хмыкнул, перевел аппаратуру на эндорегистрацию и отключил экран.

— Что ж... — сказал он. — Все ясно. Они избрали наиболее безобидный вид самоуничтожения. Реакция синтеза водорода... — он улыбнулся, иронически и немного грустно. — То-то «псам» раздолье... Информации хоть отбавляй — многое должно сохраниться. Не то что на Алладоне... Вы помните Алладон, командор?

Командор вздрогнул от неожиданности.

— Помню, — сказал он.

Алладон — планета, уничтоженная силициевым пожаром. На ней не только не осталось ничего живого, но и сама она вся выгорела и была похожа на огромный кусок вулканического туфа, медленно вращающийся в пространстве.

Археолог тоже отключил свой сектор пульта и присоединился к разговору:

— Хорошая планетка. Тепленькая. Новопреставленная. Как она вам понравилась, командор?

— Я не особенно разглядывал ее. — безразлично ответил командор.

— Ну, знаете ли! — возмутился археолог. — Нет, командор, так нельзя!

Командор безропотно позволил подвести себя к обзорному экрану, на котором замерла панорама планеты. За время службы в Охране командор привык к таким картинам, и зрелище мертвой, холодной пустыни с виднеющимися кое-где холмиками, недостойными даже названия развалин, не произвело на него впечатления.

— Пустыня, — равнодушно сказал он. — Атомная пустыня...

Он помолчал немного, потом добавил:

— Все могилы, даже самые разные, похожи друг на друга.

Он резко передвинул регулятор масштаба, и изображение стремительно ринулось навстречу. На мгновение ему показалось, что это он сам падает на поверхность планеты. И тогда он увидел камни. Но что это были за камни! Под действием чудовищной температуры ядерных взрывов камни «плакали» и «кровоточили». Это сразу бросалось в глаза, стоило только взглянуть на скол какой-нибудь каменной глыбы. Ее черное нутро, правда, сохранялось, но часть этого темного слоя просачивалась во внешние светло-серые слои так, что на их поверхности появлялось подобие лишая. Станным и большим казался та-

кой камень, словно пораженный паршой или проказой.

— Интересно, правда? — спросил археолог.

Командор не ответил.

— Планета Больных Камней, — тихонько пробормотал он.

— Да вы поэт, командор! — восхитился археолог. — Быть посему. Да будет это имя ее! — густым басом пропел он.

Командор повернулся спиной к экрану.

— Нет, неинтересно, — привычно-равнодушно сказал он.

Археолог изумленно воззрился на него.

— Я стар и мудр, — сказал командор, — прошлое открыто мне, и грядущее не имеет от меня тайн.

В голосе его прозвучало гораздо меньше иронии и больше уверенности в собственной правоте, чем ему хотелось. Археолог промолчал. Командор посмотрел на шкалу мнемометра.

— Внимание! — громко сказал он. — Включаю ретаймер.

Ему было скучно.

«0,47001 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Закончено ретаймирование. Эпикриз:

1. Катастрофа явилась следствием глобальной войны третьего типа с применением оружия, основанного на реакции синтеза водорода.

2. Катастрофа имела место за 1,5000 галактической децисекунды до нуля ретаймера.

3. Причиной катастрофы было

резкое, превысившее критическое, несоответствие уровней технического и социально-экономического развития.

4. Причиной превышения критической разницы уровней было открытие, сделанное необычайно одаренным математиком (биографические данные см. приложение 4; технические данные см. приложения 7, 8, 11) за 2,001 галактической децисекунды до нуля ретаймера.

...Принято решение высадить десантника с упреждением в одну галактическую миллисекунду относительно момента, указанного в пункте 4...»

...Потолок начал медленно краснеть. Это было забавно — находиться во многих килопарсеках от дома и видеть, как осторожно подкрадывается день малого солнца. Это было не только забавно — это раздражало. Командор не раз думал, что разумнее было бы не создавать этих никчемных иллюзий. Смогли же они отказаться от привычных планетарных мер времени и в Пространстве пользоваться более универсальными галактическими. Так зачем же устраивать эту иллюзорную смену дней большого и малого солнца? Разве не проще было бы на время сна просто выключать люминаторы, как бы приобщая корабль к мраку Пространства? Правда, психолог всегда находил против этого массу доводов, командору все эти штучки были не по душе.

Потолок стал темно-красным, почти как перья птицы релъги. Розовый светящийся шарик часов стоял точно посередине шкалы. В это время на борту «Лайфстара» спали все, кроме дежурного пилота в первой централи. Командор вышел из каюты. В красном сумраке коридора черный пластик пола казался зеленоватым. Ноги по щиколотку тонули в его пушистой упругости, и командору на мгновение почудилось, что он бредет по высокому мху Полярных Болот...

Тоннельный морфеатор был ярко освещен, и командор на секунду прикрыл глаза. Потом он пошел вдоль ряда стоящих у стены саркофагов, в которых, балансируя где-то на грани сна и смерти, лежали десантники — руки крейсера. Умные руки... Для того чтобы стать десантником, кроме идеального физического и психического здоровья, требовалось еще историческое, философское, техническое и лингвистическое образование, не считая, конечно, курса самой Школы Десантников. В торец каждого саркофага была вмонтирована пластинка со стереопортретом десантника и его психологическим индексом, а ниже, вплетаясь в опоясывающий саркофаг орнамент, горели маленькие зеленые звездочки. После каждого десанта их становится одной

больше. Командор шел медленно, иногда еще больше замедляя шаги, но ни разу не остановился. Он знал,

куда идет, хотя и не хотел в этом признаваться.

Из светящейся глубины люминогласа предпоследнего, одиннадцатого саркофага на него взглянуло молодое улыбающееся лицо. Под портретом горела единственная звездочка. Командор остановился и прислонился спиной к стене.

— Здравствуй, — сказал он.

Десантник на портрете улыбался.

— Побеседуем? — спросил командор. Он прикрыл глаза и отчетливо услышал:

— Хорошо, командор.

— Я могу послать тебя.

— Тем лучше, командор.

— Ты думаешь? Ведь это не Алладон. Там ты имел дело только со стихиями. И там ты был не один. А здесь ты будешь один. Ты будешь бороться за людей, во имя Разума, но ты пойдешь против человека. И против Разума тоже.

— Это софистика, командор.

— Нет, это правда. Борясь за общее, мы часто жертвуем частным. Ты знаешь, что это значит?

— Я кончил Школу Десантников, командор.

— И руки твои уже не будут чисты.

— Мы служим Разуму, командор.

— Кровь есть кровь.

— Это благородная кровь, командор.

— Ты прав, благородная. Но облагораживает ли она руки?

— Это слова. Я пойду, командор.

— Хорошо, ты пойдешь.

Командор открыл глаза и еще раз, с каким-то ему самому до конца непонятным чувством, повторил:

— Хорошо, ты пойдешь...

...Вся диагностическая группа собралась во второй централи. Антрополог, стоя перед шаром ваятора, водил по его поверхности лучом карадаша, занимаясь тонкой доводкой, абсолютно невидимой и непостижимой для неспециалиста. Но когда он опустил руку и выключил карандаш, фигура в шаре зажила — странной, неподвижной, мертвой жизнью.

— Все, — сказал антрополог. — Хорош?

— Хорош, — откликнулся этнограф. — Хорош и похож...

— Человек, — пробормотал археолог.

— Нет, — возразил антрополог. — Похож, но не человек. Гуманоид Фигурного материка Планеты Больных Камней. — И, обращаясь к командору, спросил: — Кто пойдет в десант, командор?

— Все равно, — сказал командор. — Любой. Перед делом все равны. — И, заметив протестующий жест психолога, добавил: — Если это достаточно простое дело...

Он подошел к панели тоннельного морфеатора и, не глядя, нажал одну из клавиш будящего комплекса.

Одиннадцатую клавишу.

«0, 470019 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Закончена общая подготовка десантника и проведен инструктаж.

0,4700195. Десантник занял место в хроноскафе.

0,47002. Хроноскафу дан старт...»

II

Они беседовали, сидя за угловым столиком в малом зале «Вандаж де Бургонь». Д'Эрбинвилль был хорошим собеседником, и разговор не носил натянуто-одностороннего характера, хотя Огюст принимал в нем все меньше участия. Вытянув длинные ноги и мечтательно улыбаясь, он слушал и лениво пощипывал виноградную гроздь. Д'Эрбинвилль от легитимистов перешел к республиканцам и теперь ядовито высмеивал их одного за другим, не всегда, быть может, справедливо, но, безусловно, остроумно.

— Послушайте, Пеше, — неожиданно спросил Огюст. — Вы не верите в республику?

Д'Эрбинвилль с сожалением посмотрел на него.

— Неверие в вождей еще не говорит о неверии в дело, — ответил он.

— Странно... — Огюст все так же мечтательно улыбался, глядя куда-то в пространство. — Такой аристократ, настоящий аристократ, — и равенство, братство...

— Дорогой мой Огюст, мы с вами оба историки; и я думаю, вы

должны понимать: строй может измениться, принцип же — никогда. При тирании фараонов и при афинской демократии, при Людовике XIV и в конституционной Англии — везде была и есть аристократия. И она будет существовать вечно, ибо при любом строе государству нужен мозг, — а в этой роли может выступать только аристократия. Может изменяться имя элиты, но ведь не в имени дело.

— Дело в том, чтобы оказаться в ее составе, не так ли?

Д'Эрбинвилль молча пожал плечами, — разве может быть иначе? Но вслух сказал:

— Разве это так уж обязательно? Главное в конечном счете — величие Франции.

— А кем было создано это величие? Шарлемань и Людовик XIV, Роланд и Байяр... А потом — потом пришли санкюлоты. Генрих IV хотел, чтобы у каждого француза была курица в супе, а они — чтобы голова каждого порядочного француза лежала в корзине гильотины. Террор, казни, бедствия и разорение — национальный позор Франции! Конюх и пивовар, вотирующие смерть Людовика XVII! Вспомните судьбу Филиппа Эгалите, принявшего фамилию «Равенство»... Для того, чтобы оказаться в рядах новой аристократии, недостаточно прибавить к имени модное словечко. Надо либо сохранить старую элиту, либо сформировать новую уже сейчас. Ибо выскочка у власти —

тоже страшная вещь. Не потому ли Наполеон расстрелял герцога Энгиенского, что бедный корсиканец Бонапарт учился на деньги его деда? На вашем пути я вижу препятствия двух родов...

— На нашем пути, — поправил д'Эрбинвилль.

— О нет. Вы правильно сказали, Пеше, мы оба историки. Но в то время как вы ставите свое знание на службу моменту, я ценю знание само по себе. Я лишен всякого честолюбия. Кроме научного, разумеется. Для меня лавры Шампольона во сто крат ценнее лавров Наполеона. Я стою над схваткой, и мой взор устремлен в прошлое и будущее. Я могу себе это позволить, так как в настоящем не испытываю голода. Вы, Пеше, честолюбивы, а это самый страшный вид голода. Тем более, когда его трудно — я не хочу сказать невозможно — утолить.

— Не слишком ли вы пессимистичны, Огюст? — спросил д'Эрбинвилль, разливая бургундское. — Давайте лучше выпьем — это вино способно даже самого мрачного пессимиста превратить в восторженного юнца.

— В таком случае мне угрожает опасность стать младенцем, — улыбнулся Огюст.

— А бургундское здесь превосходно, — сказал д'Эрбинвилль, пригубляя вино. — Оно как хорошая любовница. Каждый глоток божествен, но предвкушение следующего — еще лучше. Так какие

же тернии вы видите на моем пути, Огюст?

— Я простой буржуа, Пеше, хотя император и сделал моего отца дворянином. И поэтому простите мне, если я буду недостаточно тактичен. Так вот. Кто вы сейчас? Один из вождей республиканской партии. Пусть даже один из наиболее видных вождей. Герой «процесса девятнадцати». Но какие виды у вашей партии? Никаких. Стань вы в свое время орлеанистом, сейчас вы были бы пером. А так... — Огюст оторвал от грозди крупную виноградину и кинул ее в рот. — В народе, конечно, брожение. Но вы же знаете французов — это у них в крови... Республиканцы, орлеанисты, легитимисты — да много их! — пытаются склонить народ на свою сторону и попутно перегрызть друг другу горло. Но в целом-то это затишье.

— Моряки говорят, что затишье предвещает бурю.

— Но оно не вызывает ее. Нужна еще тучка, на которой прилетел бы Борея. Нужно зная, способное поднять чернь. Как вы думаете, кто больше сделал для распространения христианства — Иисус Христос или Понтий Пилат? — Огюст сделал паузу и вопросительно взглянул на собеседника.

Д'Эрбинвилль промолчал: он никак не мог привыкнуть к столь резким скачкам в мыслях своего друга. Подождав минуту, Огюст продолжил:

— Скорее всего мы бы и не знали, что произошло в забытом богом Иудейском царстве без малого две тысячи лет назад. И сами христиане не смогли бы придумать ничего лучшего, нежели распятие Христа.

— Оригинальная мысль...

— Во всяком случае, справедливая. Кровь и венец мученика всегда привлекали чернь. Но вернемся к тем преградам, которые я вижу на вашем пути. Я назвал пока только одну. Но есть и вторая. Это те, кто может стать популярнее, а значит — сильнее вас.

— Кто же?

— Да хотя бы тот мальчишка, который десять месяцев назад провозгласил здесь тост «За Луи Филиппа!», грозя обнаженным кинжалом. Сейчас он сидит в Сент-Пелажи. Вы кажется, недолюбливаете его, Пеше, но надо отдать ему должное — у этого маленького Робеспьера большое будущее... Только это не ваше будущее. Не забывайте «Карманьолу»: после «Ça ira...» следует «...les aristocrates à la lanterne!».* Когда вы поможете ему победить, то... Можно перековать меч на орало, но можно и кинжал — на нож гильотины. Хотели бы вы увидеть свое завтра сквозь ее окошечко?

Огюст вынул из кармана брегет и посмотрел на циферблат.

* «Это пойдет... аристократов на фонарь» (строки из «Карманьолы»).

— Черт возьми! Простите, Пеше, но я должен покинуть вас.

— Куда же вы, Огюст?

— Увы, и сердце стоящего над схваткой историка беззащитно против стрел Амура, — улыбнулся Огюст. — Так вы подумайте...

Д'Эрбинвиль долго смотрел ему вслед.

— Preamonitus, graemunitus, — задумчиво прошептал он. — Этот недоношенный Робеспьер... Христос-великомученик. Что ж, — он встал и бросил на стол лундор. — Хорошо бы поставить памятник тому, кто придумал дуэль!

* * *

Д'Эрбинвиль в глухо застегнутом черном сюртуке с поднятым воротником подошел к колышку и замер в неподвижности. Его противник встал у другой метки. Четверо секундантов — Мюрис Ловрена, Огюст де ля Орм, — имен секундантов противника он не знал, встали в стороне, на равном расстоянии от обоих дуэлянтов. Один из секундантов противника сделал шаг вперед.

— Господа! — громко сказал он. — Выбор места дуэли и пистолетов определен жеребьевкой. По жребью мне выпала честь объяснить правила дуэли. Секунданты согласились, что одинаково приемлемой для обеих сторон будет дуэль à volonté.

Правила дуэли д'Эрбинвиль знал и так. Он посмотрел на противника. Открытый коричневый сюртук, белая манишка («Не хва-

тает только красного яблочка на груди», — с легким презрением подумал д'Эрбинвиль) и такое же белое («Уж не от страха ли?») лицо.

— ...Понятны ли вам условия дуэли, господа?

— Да. — Д'Эрбинвиль поклонился сперва секундантам, потом противнику.

Юноша в точности скопировал его жест.

— Сейчас секунданты вручат вам оружие. Потом ждите моего сигнала.

Если д'Эрбинвиль и волновался, то, когда рука его удлинилась на десять дюймов граненого ствола Паули, успокоился окончательно.

— Готовы, господа?

— Да.

— Готов.

— Сходитесь.

Д'Эрбинвиль, держа пистолет вертикально, сделал шаг. Еще. Дойдя до платка, он небрежно прицелился и выстрелил. Юноша подался назад, удержался, закачался, как китайский болванчик, и ничком упал на траву. «Ну, вот и все, — подумал д'Эрбинвиль. — Конец. Христос-великомученик...»

Секундант вынул часы.

— Господа! Отсчитываю две минуты, в течение которых раненый имеет право сделать ответный выстрел. Прошу не двигаться с мест.

Но фигура на земле не шевельнулась.

— Две минуты истекли. Дуэль окончена, господа.

Все подошли к раненому. Один из его секундентов опустился на колени, стараясь слегка повернуть тело.

— Тяжело ранен в живот.

...Умер он три дня спустя в госпитале Кошен...

III

Фрагменты из бортового журнала «Лайфстара», крейсера первого ранга Службы Охраны Разума «0,47102 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Принять на борт хроноскоп с десантником. Начата подготовка к старту».

— Неплохо, честное слово, совсем неплохо! Поздравляю вас, «шевалье Огюст де ла Орм»! — К столику, за которым сидел десантник, подошел психолог, неся в руках поднос с несколькими бокалами тягучего онто. — Я все время следил за вами по хронару. Хорошая это штука — связь через пространство и время! Раньше, когда хронара еще не было, было не так интересно. Сиди и жди... Ну-ка, — он сел и придвинул десантнику бокал, — что лучше: их бургундское или наше онто? Нет, а вы все-таки молодец! Практически с первого раза — и такую роль!

— Это было нетрудно, — коротко ответил десантник, принимая бокал.

— Что это вы загрустили? — спросил психолог. — Задание выполнено отлично. На редкость

удачный десант. Чего вам не хватает?

Десантник залпом осушил бокал и потянулся за вторым. Психолог внимательно наблюдал за ним. Действие онто начало сказываться почти сразу: лицо десантника слегка побледнело, глаза матово заблестели.

— Слушайте, — сказал он вдруг. — Слушайте, психолог. Почему так? Мы — Служба Охраны Разума. Мы печемся о благе и жизни разумных рас. И что же — мы убиваем лучшие их умы! Почему я должен был убить этого мальчика, убить руками аристократического прохвоста? Ведь он был гением, он был на дюжину голов выше их всех, вместе взятых! Почему, борясь за свет, мы должны опираться на тьму? Почему?..

— Надо уметь отличать общее от частного. Разум индивида от разума вида. Уничтожив один, мы способствуем сохранению второго. Ваш подопечный был слишком гениален для своего века. Он пришел преждевременно. Вы видели, к чему это привело. А вот это — цена его смерти.

Психолог положил на стол перед десантником пачку снимков.

— Смотрите! Они уже освоили свою планету и ее спутник. Они добрались до остальных планет системы. Скоро шагнут к звездам! Вам этого мало?

— Да, — сказал десантник, отодвигая снимки. — Да. Все так. Все гладко. Все красиво. Все в

пределах теории. И только одно вам никогда не уложить ни в какую теорию — смерть. Убийство человека. Убийство человека, — вы понимаете, убийство человека!

— Скажите, если вы увидите ребенка, играющего с леталером, вы отберете у него леталер?

— Конечно. Оружие — не игрушка.

— А это был человек, способный дать еще недостаточно взрослому человечеству игрушку страшнее леталера.

Десантник выпил еще одну порцию онто и посмотрел на психолога.

— Так... Правда... Верно... — Он помолчал. — Скажите, вы сами когда-нибудь убивали? Человека? Чувствовали на руках его кровь? Горячую, красную, липкую?

— А как же врачи нашей древности? — спросил психолог. — Врачи, сжигавшие во время эпидемий вместе с трупами живых. Это было жестоко. Но они еще не умели иначе. И именно им мы обязаны тем, что человечество не было еще в младенчестве задушено Синей смертью и Полярной язвой. И разве кто-нибудь считает их извергами? Мы тоже не умеем. И тоже делаем, что можем.

Десантник рассматривал свои руки.

— Кровь, — тихо сказал он. — Кровь...

Командор, сидевший за соседним столиком и прислушивавший-

ся к разговору, встал и повернулся к десантнику.

— Интересно: когда хирург делает вам аппендектомию и проливает при этом вашу драгоценную кровь, вы не считаете его кровопийцей и даже благодарите. А разница лишь в том, что идущий в десантники не рассчитывает на благодарность.

И включив наручный селектор, командовал:

— Готовность три! Пилотам собраться в первой централи. Остальные — по морфеаторам.

В спиральном коридоре десантник догнал командора и поравнялся с ним.

— Командор, — тихо сказал он. — Так нельзя, командор. Мы не имеем права так. Мы должны придумать что-то такое... сверхчеловеческое! Но не так...

— Думайте, — ответил командор. — Придумывайте. Только я не советую. Я тоже думал. Я лучше вас, и то у меня ничего не получилось.

Несколько мгновений они молчали. Потом командор взял десантника за руку.

— Что, — спросил он. — Худо вам?

Десантник молча кивнул.

— Ничего, — сказал командор. — Ничего... Будет хуже... «0,4710201 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Дай старт...»

IV

На самом краю Миакальской долины, километрах в ста от Са-

марканда, раскинулся междуна-
родный город математиков Баб-
аль-Джабр. В центре одной из его
площадей стоит памятник тому,
чьим именем она названа. В чер-
ный диабаз пьедестала золотом
врезано:

ЭВАРИСТ ГАЛУА

**РОДИЛСЯ 26 ОКТЯБРЯ
1811 ГОДА, УБИТ 31 МАЯ
1832 ГОДА,**

ТЫ НЕ УСПЕЛ...

Федор Трофимович и мировая наука

Кира
Сошинская

Все началось с насоса. Седову нужен был насос. Насос лежал на складе в Ургенче. Если за насосом не съездить, то он так и будет лежать на складе, пока его не утащат хивинские газовики. Им он тоже нужен. Я никогда не была в Хорезме, и ребята согласились, что ехать надо мне. Седов попросил меня купить в Ургенче десять пачек зеленого чая первого сорта, потому что в кишлаке

уже вторую неделю как остался только трегий сорт, а он крошился и пылил не меньше, чем Карамумы.

В Ургенче насоса не оказалось. Худайбергенов позвонил в Хиву. Там тоже не было нашего насоса. Худайбергенов пошутил немного, потом попросил зайти завтра и сказал, что насос будет. Я хотела съездить в Хиву, чтобы посмотреть старый город и серьезно поговорить с газовиками, но автобус ушел перед самым носом, а со следующим ехать было поздно.

Я пошла по городу куда глаза глядят и дошла до широкого канала. Он казался очень глубоким — вода в нем была такой густой от ила, что почти не отражала солнца. Вдоль берегов стояли в тени тонких тополей громоздкие колеса с лопастями, черпали воду и лили ее под ноги тополям. Я подумала, что эти колеса нетипичны и тут же услышала сзади голос:

— Слушай, девушка, нетипичное сооружение.

Я обернулась. Небольшого роста пахлаван — богатырь, он же джигит, нес, сгорбившись, телевизор «Темп» в фабричной упаковке. Пахлаван попытался мне дружески улыбнуться, но в глаз ему попала капля пота, и улыбка получилась кривой.

— Понимаю, — ответила я. — В наш век драг и насосов...

И тяжелые мысли о пропавшем

насосе и коварных газовиках полностью завладели мной...

Джигита я увидела на следующее утро на аэродроме.

Перекасти-поле скакали по белесым соляным пятнам, шарахаясь от вихрей вертолетных винтов, сменившиеся механики пили пиво с сардельками у зеленого хаузика, а неподалеку шмелем возился каток, уминая сизый асфальт. В еще прохладном зале аэропорта, густо уставленном черными креслами с металлическими подлокотниками, было дремотно и тихо, — трудно поверить, что за белой стеной все время взлетали и садились, разбегались и тормозили, прогревали моторы и заправлялись — в общем занимались своими шумными делами ЯКи и АНы.

— Гена, — сказала девушка в серой юбке и белой блузке с очень не форменным кружевным воротничком, — повезешь кровь в Турткуль.

Гена почему-то взглянул на меня и спросил:

— А пассажиров не будет?

— Возьмешь больного в Турткуле. И поскорей возвращайся. Тебя Рахимов в Хиве ждет.

Гена вздохнул жалостливо — вздох предназначался мне — и пошел в маленькую дверь сбоку от кассы — там, наверно, он заберет свой груз.

Худайбергенов позвонил мне поздно вечером и сказал, что есть насос в Туйбане на Арале и что билет уже заказан. Я сначала подумала, что он хочет от меня от-

делаться. Но от Туйбака до нашего кишлака рукой подать, и я спорить не стала. Может быть, в Худайбергенове заговорила со-весть.

Уже улетел Гена на своем ЯКе в Турткуль, а посадку на мой самолет еще не объявляли. Воздух помаленьку разогревался, как бы исподволь подготавливая меня к жару, которая будет здесь через час. Наконец, девушка с кружевным воротничком подошла ко мне и спросила:

— Вы в Нукус?

— Нет, в Туйбак.

— Это один и тот же рейс. Проходите на посадку.

Когда я вышла на веранду аэропорта, оказалось, там собрались уже все пассажиры. Девушка повела нас к тихоходному на вид биплану, который допивал положенный ему бензин. У самолета уже стоял вчерашний джигит с телевизором. Мы с ним поздоровались.

Я уселась на неудобную, узкую лавочку. Маленькие АНы очень некомфортабельны — у затылка торчал какой-то крюк, который норовил вырвать клочок волос. Кроме того, я все время съезжала на свою соседку. Пилоты помогли джигиту втащить телевизор. Рядом со мной сидели три старушки узбечки. Я подумала, что совсем недавно они вряд ли осмелились бы подойти к поезду — и вот, пожалуйста! Старушки негромко разговаривали — видно, о каких-то прозаических вещах. Их не вол-

новали в данный момент глубокие мысли о скорости прогресса. Корейка по имени Соня — так ее называл пожилой татарин, который провожал корейку до самолета, — раскрыла «Науку и жизнь». Джигит сел на пол, поближе к телевизору.

Пришел еще один узбек, из районных работников, в синем кителе, сапогах и синей кепочке с невынутым картонным кружочком, отчего кепочка принимала несколько фуражечный, ответственный вид. Узбек уселся рядом с корейкой и сразу наклонил голову, чтобы разглядеть, что изображено на обложке журнала.

И мы полетели, оставив внизу облако пыли, поднятое колесами.

Весенний Хорезм покачивался под окном. Пилоты сидели повыше нас и как будто тащили нас наверх, склоняясь, когда было трудно, к циферблатам приборов. Солончаки отражали раннее солнце и казались озерами.

Теплый воздух, поднимаясь с поля, качнул самолет. Джигит с размаху схватился за телевизор. Джигиту, по моему, было страшно.

— Сколько лететь будем? — спросил узбек в кепочке.

Ему пришлось повторить вопрос, потому что мотор верещал довольно громко. Один из пилотов расслышал и, откинувшись к нам, крикнул:

— Час двадцать.

На горизонте земля и небо, одинаково серые, сливались воедино. Там была дельта Аму-Дарьи. Там

же в конторе консервного комбината лежит насос для нашей партии. Если Худайбергенов не обманул.

Самолет затрепетал, будто встретил любимую самолетиху, и провалился чуть ли не до самой земли. Джигиту стало совсем плохо. Он положил голову на коробку с телевизором и закрыл глаза.

Я смотрела в окно; а когда надоело, уселась, как положено, и услышала, что ответственный узбек сказал корейнке:

— Я эту статью тоже читал. Очень нужная статья.

Джигит очнулся, потому что самолет восстановил равновесие, и сказал:

— Я журнал «Наука и жизнь» домой получаю.

Старушки посмотрели на него, и он прокричал эту новость по-узбекски. Старушки, наверно, были растроганы, но не подали виду. И я заподозрила, что все они тоже выписывают журнал «Наука и жизнь». Тут самолет вздрогнул, джигит уткнулся в телевизор, а пилот перегнулся к нам и крикнул:

— Дед у него — отчаянный старик!

Он показал на джигита.

— Какой дед?

— Папаша его жены, Федор Трофимович.

Джигит молчал, и при резких толчках самолета его ноги в узконосых ботинках взлетали над узлами и чемоданами.

— Эту проблему решить для сельского хозяйства большая польза, — продолжал обсуждать статью в журнале узбек в кепочке. — Комбайн мой хлопок убрал, и Джимбаеву полетел, колхоз «Полиотдел» полетел, как самолет.

Второй пилот, который, оказывается, все слышал, вставил:

— Еще Эйнштейн доказал, что это невозможно.

— Кто?

— Эйнштейн, говорю! К Нукусу подлетаем, далеко не расходитесь, минут через пятнадцать дальше полетим.

Я так и не поняла, о чем они говорили — пропустила начало разговора и наверняка что-то не расслышала в середине.

В тени, на надежной земле, джигит порозовел и снова обрел богатырские повадки. Только изредка с недоверием поглядывал на самолет, но тот тоже твердо стоял на земле.

— Уже немного осталось, — сказала ему Соня.

— Товарищу тоже хорошо бы, — заметил узбек в кепочке. — Взял машину и сам полетел, никакой болтанки-молтанки.

— А вы читали статью? — спросила меня корейнка. Она перелистала журнал и нашла ее, оказалось — очерк о проблемах гравитации.

Вернулся второй пилот. Ему тоже хотелось поговорить о гравитации.

— Показать бы этим фантастам его деда, — сказал он, глядя

на джигита. Джигит потупился. — Ведь это дед велел тебе из Ургенча телевизор «Темп» привезти?

— Федор Трофимович, — сказал джигит.

— То есть настолько деятельный старик, что просто диву даешься. Ему эта гравитация — раз плюнуть.

Джигит согласно кивнул головой.

Одна из старушек посмотрела на часы и уверенно двинулась через поле к самолету. Пилот глянул на нее, на двух других старушек, следовавших за ней, вздохнул и сказал:

— Пора лететь, пожалуй.

В кабине становилось жарко. Хорошо бы и в самом деле добиться невесомости, а не болтаться в железной банке, как сардинка без масла. Вспомнились чьи-то беспомощно-хвастливые слова: «Всех на корабле укачало, только я и капитан держались...» Старушки продолжали мирно беседовать. В каком году они впервые увидели самолет? Нет, хотя бы автомобиль?

— Так вы не слышали о его деду? — спросил меня, проходя мимо, пилот. — О Федоре Трофимовиче? Куда там Эйнштейн! Его все в дельте знают.

Приближение дельты Аму угрожало по высохшим впадинам, светлым полосам пересохших проток и желтым щетинкам тростника.

— Арал мелкий стал, — сказала корянка, — сохнет дельта.

— Джимбаев много воды берет! — крикнул узбек в кепочке.

Джигит нашел в себе силы оторвать на секунду голову от телевизора — не мог, видно, больше сдерживаться — и крикнул с неожиданной яростью:

— Мракобес Федор Трофимович! Отсталый человек! Перевоспитывать надо!

— Хоп, — сказал проходивший обратно пилот. — Отсталый человек. А как насчет Эйнштейна, все-таки? — и засмеялся.

Джигит ничего не ответил.

— Вот девушка сидит, — продолжал пилот. Это относилось ко мне. — Может быть, она из газеты, из самого Ташкента. Напишет про твоего деда — что тогда скажешь?

Джигит приоткрыл один глаз, сверкнул им на меня неприязненно. Самолет качнуло, и глаз сам собой закрылся.

— Я не из газеты, — сказала я, но за шумом мотора меня никто не услышал. Мне казалось, что мир кружится специально, чтобы сломать мой вестибулярный аппарат. Почему эти бабушки летят как ни в чем не бывало? Где-то под крылом самолета — та-ра-ра-ра! — зеленое море тайги, зеленое море дельты, тростник в два человеческих роста, кабаны, может быть, последний тигр — дотяну ли я до Туйбака, капитан и я? — остальные в лежку...

И когда стало совсем плохо, самолет накренился, показал в окно синее-пресинее Аральское море,

косу, на которой стоит оторванный от остального мира населенный пункт Туйбак, черные штришки лодок у берега, длинные корпуса консервного комбината... Кажется, я опасена. Я не смотрела на джигита — не имела морального права над ним иронизировать.

Песок посадочной площадки в Туйбаке был глубок и подвижен. Чтобы не завязли самолеты, его прикрыли железными решетками. Самолет прокатился по ним, как по стиральной доске, встал, и в открывшуюся дверь ударило устоявшейся жарой, запахом моря, рыбьей чешуи, дегтя, бензина и соленого ветра — ветер, видно, куда-то улетел, но запах его остался.

Я выпрыгнула из самолета первой, помогла выбраться Соне и остановилась в нерешительности.

Потом вышли старушки — к ним, увязая в песке, бежали многочисленные родственники, за старушками последовал узбек в кепочке. Пилот помогал джигиту подтащить телевизор к двери.

И тут появился дед Федор Трофимович.

— Вот он, — сказал мне второй пилот, — собственной персоной.

В голосе его слышалось уважение и даже некоторая робость.

Я посмотрела на поле, но на поле не было ни единого деда.

— Выше, — сказал пилот.

Дед летел над полем, удобно устроившись на стареньком ков-

рике. На деде была новая фуражка с красным околышем, и седая борода его внушительно парусила под ветром. Полет был неспешен, будничен. Никто на аэродроме не прыгал от восторга и не падал в обморок, как будто в Туйбаке деды только и летают на коврах-самолетах.

— Ну, что я говорил, корреспондентка? — радовался пилот. — Куда там Эйнштейн!..

— Да не из газеты я.

— Неважно. Писать будете?

Я не могла оторвать глаз от деда. Одну ногу он подложил под себя, другая, в блестящем хромовом сапоге, мерно покачивалась в воздухе.

— Привез телевизор? — гаркнул дед с неба, и джигит, наполовину вылезший из самолета, хлопал осторожно ящик по крышке и сказал:

— Здравствуйте, Федор Трофимович. Зачем вы себя беспокоите? Я бы сам до дому донес.

— Какой марки?

Коврик мягко опустился на железную решетку, и дед довольно ловко вскочил и подбежал к нам.

— «Темп-шесть», Федор Трофимович, как вы и велели. Ну зачем же вы?..

— А мне на людей — ноль внимания, — сказал дед. — Еще разобьешь его по дороге. Лучше я его сам до дому доставлю. Ставьте сюда.

И царственным жестом дед указал на коврик.

Джигит вздохнул, пилот улыбнулся, и они поставили телевизор, куда указал старик. Коврик приподнялся на метр от земли и поплыл к стайке деревьев — за ними, видно, был поселок.

Все произошло так быстро, что я опомнилась, только когда удивительная процессия — коврик с телевизором, дед в двух шагах за ним и джигит еще в двух шагах позади — исчезла за клубом пыли, поднятой въехавшим на поле «газиком».

— Ну вот, — сказал пилот, насладившись идиотским выражением моего лица. — Считайте, местная гордость.

— Как же это он так?

— А бог его знает! Писали, говорят, в Академию наук.

— Ну и что?

— Не ответили.

— Чепуха какая-то.

— Вот так все и говорят. Ну ладно, приятно было познакомиться. Мне обратно вылетать.

— Спасибо. А как пройти к комбинату?

— Да за деревьями сразу улица.

Я шла по песку узкого переул-ка между белыми стенами мазанок, соединенных тростниковыми плетнями, и никак не могла изгнать из головы видение деда, летящего к самолету, и бороды его, извивающейся по ветру. Нет, тут что-то не то... Летает по поселку человек на странном сооружении — на чем-то вроде ковра-самолета; и окружающие никак на

это не реагируют. Может быть, он — гениальный изобретатель-одиночка, самородок, в тиши своей избушки творящий историю науки? И я решила найти его и разгадать тайну.

На комбинате история с насосом закончилась неожиданно легко и быстро. Оказывается, им в самом деле звонил Худайбергенов, и они в самом деле могли отдать нам насос. Больше того, завтра уходил катер вверх по Аму, и замдиректора при мне распорядился, чтобы насос погрузили и доставили почти к нашему кишлаку.

А когда официальная часть беседы закончилась, я, не в силах больше сдерживаться, окинула подозрительным взглядом белый, похожий на приемный покой в больнице кабинет, полный образцов консервов и, уставившись в пуговицу на белом халате замдиректора, спросила его как можно естественней:

— Вы не слышали о таком Федоре Трофимовиче?

— А-а, — сказал зам, — я сам писал одному своему приятелю-журналисту в Ташкент.

— Ну и что?

— Ответил, что сейчас не та конъюнктура, чтобы писать об Атлантиде и космических пришельцах.

— Но при чем тут пришельцы?

— И о «снежном человеке» теперь не пишут.

— Вы же его сами видели. Собственными глазами!

— «Снежного человека»?

— Федора Трофимовича.
— Как вас. Он даже мне как-то предлагал прокатиться.

— Ну и что?

— Ну и все. Не могу же я кататься на сомнительном ковресамолете по поселку, где меня каждая собака знает. А что скажут подчиненные мне сотрудники?

— Но ведь ковер существует.

— Разумеется.

— А вы говорите о нем, будто здесь ничего особенного нет.

— Не исключено, что и в самом деле ничего особенного. А мы поднимем на ноги весь мир и окажемся в неловком положении. Дешевая сенсация, вот как это называется. Вообще-то говоря, я все собираюсь съездить в Нукус...

Зам был молод, чувствовал себя неловко и, как бы оправдываясь, показал на банки в шкафу и добавил:

— Технологию меняю. Леща меньше стало — судак пошел.

Но на прощанье зам дал мне адрес деда Федора и даже подробно рассказал, как к нему пройти.

— Может, вы протолкнете это дело. Неплохо бы, — сказал он. — Вдруг окажется, что наш поселок — родина нового изобретения.

— Да, а почему Федор Трофимович в фуражке? Он милиционер?

— Нет, из казаков. Сюда Оренбургских казаков когда-то переселили, при царе.

Мазанка деда Федора оказалась солидным, хотя и невысоким со-

оружием под железной крышей, обнесенным, как и все дома в Туйбаке, плетнем из тростника. Над крышей гордо возвышалась на длинном шесте телевизионная антенна — не иначе как дед заготовил ее заранее. Я постучала и долго стояла перед зеленой калиткой, из-за которой доносился мерный, серьезный лай. Наконец калитка открылась, и в проеме ее обнаружился взмыленный джигит с отверткой в руке и мотком проволоки в зубах.

— Ввавайте, — сказал он, и проволока задержалась, хлеща его по ушам. — Ваводите.

Я поблагодарила его за приглашение и заглянула джигиту через плечо, ища обладателя серьезного собачьего голоса. Обладатель — маленький пузатый щенок — лежал у будки, привязанный на солидную цепь. Я успокоилась и вошла. Джигит запер свободной рукой калитку, вынул проволоку из рта и пожаловался:

— Никакого покоя, — принеси, отнеси. Уеду в Нукус, наверно, да?

— Не знаю, — сказала я. — Мне хотелось бы поговорить с вашим тестем.

— Джафарчин! — раздался громовой голос. — Где тебя носит?

— Опять будет нотации-мотации читать. Пойдемте.

— Здравствуйте, здравствуйте, — приветствовал меня Федор Трофимович ласково, будто давно был со мной знаком. — Вот, тех-

нику осваиваем. Из Ургенча принимать будем и из Нукуса. А вы, значит, кто будете?

Я представилась, потом сказала:

— Вы меня извините, конечно, за беспокойство.

— Какое уж тут беспокойство. Ты, Джафарчик, продолжай, не обращай внимания. Джафар — зять мой, техник по специальности. А мы с гражданкой бражки выпьем по стаканчику.

— Нельзя вам, Федор Трофимович, — сказал джигит. — Нелли не разрешает.

— Ты молчи, молчи, мы по маленькой.

Но старику было приятно, что зять заботится о его здоровье. Дед налил нам, как уж я ни отказывалась, по стакану темной браги, заставил выпить до дна, потом спросил:

— Значит, полагаю, вы ко мне пожаловали насчет ковра, могущего преодолеть силы земного притяжения?

Ах ты, какой сообразительный дед! Нет того, чтобы сказать — ковер-самолет.

— И даже могу догадываться — из молодежной газеты «Комсомольская правда», куда я имел честь писать не столь давно.

Я смалодушничала и промолчала. Испугалась: если признаюсь, что я просто-напросто геолог, дед не захочет показать ковер.

Дед налил себе еще полстакана браги — я накрыла свой стакан

ладонью, — он покачал бутылкой над ней, крикнул и сказал:

— Служба, понимаю. Так вот, лежит у меня странное создание рук человеческих, а даже, подозреваю, неземного происхождения. Вполне не исключено — забыт аппарат старинными космонавтами с другой планеты.

Оказывается, дед и не собирався напускать таинственности на свой коврик.

— Мне этот ковер от Герасима Шатрова достался, — продолжал между тем дед, пододвинув ко мне поближе нарезанного ломтиками золотого полупрозрачного вяленого леща. — Угощайтесь, пожалуйста. Он, Герасим, когда помер, сундучок мне отказал. Родных у него не было, а в гражданскую мы вместе воевали. Так я лет десять сундучка этого не трогал, не догадывался. Потом вынул как-то оттуда коврик и положил на пол вместо половичка. И еще года два-три ровным счетом ничего не случалось. И вот стою я как-то поутру на коврике, — дед даже встал со стула, чтобы показать, как это произошло, — стою и думаю, полететь бы птицей к дочке моей Нелли. Училась она тогда в техникуме в Нукусе, а теперь там же в институте обучается. Только подумал — вижу, поднимаюсь в воздух, да как шмякнусь головой о потолок! Вот так-то и обнаружил.

Дед налил себе еще полстакана браги, оглянулся на дверь, не ви-

дит ли Джафар, и быстренько опрокинул стакан.

— С тех пор пользуюсь при необходимости. Хотел сам в Москву отвезти — не верят мне здесь люди, насмешки позволяют. Должна же правда на свете быть. Я сам понимаю, случай, скажем, странный, но случай есть факт, и он не от бога. Вот так-то...

— Так, значит, вы им управляете?..

— Как задумаю, так и управляется. Да что там, сейчас покажу по всей форме. Я бы его вам передал — только записочку, пожалуйста, по форме и на бланке. Чтобы уверенность была, что до науки дойдет.

Дед принес из соседней комнаты свернутый в рулон коврик, раскатал на полу.

— Много им, видно, пользовались, да боюсь, не всегда по назначению. Может быть, он триста лет на одном месте лежал и ни разу не взлетел. И на материал посмотри, милая. Материал не наш.

Ковер и в самом деле был удивителен, удивителен был и переливчатый, неясный рисунок.

Дед сел на коврик, ноги под себя и, нахмурившись, взлетел на высоту стола. Повис рядом со мной в воздухе, протянул руку, налил себе браги и выпил. Пока он пил, коврик закачался — видно, мысли деду малость спутались. Но дед взял себя в руки и выровнялся.

— Вот, — сказал он, — такие-

то дела. Джафарчик, скоро телевизор подключишь?

Джафарчик, оказывается, стоял в дверях и неодобрительно смотрел на Федора Трофимовича.

— Не уважает мое увлечение, — сказал дед. — А ведь, может, с помощью этого мы звезд достигнем. Я вам с ковриком тетрадь передам. В ней все результаты опытов записаны.

— Вы, товарищ корреспондент, чай пить будете? — спросил Джафар.

— Нет, спасибо. — Я не могла оторвать взгляда от деду — вернее, от коврика, который слегка прогибался под стариком, но держался в воздухе нерушимо и уверенно.

— А мне по возрасту пользование ковром противопоказано, — сказал дед. — Врачи не рекомендуют. Ну вот, только когда телевизор поднести или что другое особенное по дому сделать. А так он мне ни к чему.

Тут я поняла, что обязана взять этот коврик. Поймите меня правильно. Я его не возьму, что тогда будет? Вернее всего, ничего не будет. Никакая редакция не даст командировки к месту нахождения ковра-самолета. Ни один даже самый умный академик или кандидат наук не станет тратить время и деньги, чтобы лететь в Туйбак и знакомиться с принципом действия опять же ковра-самолета. Я же его отвезу прямо в Москву; и там пусть только попробуют мне не поверить — взле-

чу над Университетом или над курчатовским институтом. И все встанет на свои места.

— А можно я попробую?

— Давай. Значит, представь себе, что ты поднимаешься над полом на вершок. И он подымет.

Дед опустил на пол, сошел с коврика, стряхнул ладонью пыль с того места, где только что находились его сапоги, и сказал:

— Садись, советская печать.

Я села. Все это было совсем не таинственно; и я даже подумала, что выгляжу довольно глупо, сидя на пыльном коврике посреди комнаты. Джафарчик прыснул в дверях. Он тоже так думал.

— Представляй, — сказал дед.

Я представила себе, что ковер поднимается над полом, и он тут же дрогнул, приподнялся и упал обратно. Я немного ушиблась.

— Ах ты, жизнь твоя несчастная, — как же не догадалась, что все время представлять нужно. Не больно?

— Нет, ничего.

Минут через пять я уже уверенно передвигалась по комнате, облетая стол и не задевая печку.

Мы завернули коврик в две газеты, обвязали шпагатом, отдельно, в сумочку, я положила толстую общую тетрадь — наблюдения Федора Трофимовича. Потом написала расписку о получении одного ковра-самолета.

Дед с Джафаром проводили меня до калитки.

— Дальше не пойдем, — сказал дед. — Очень меня волнует

телевизор — уж так я ждал его, представить не можете. Ты, Джафар, тоже не ходи. Без тебя, какой ты ни есть несамостоятельный, телевизор не заработает... Так что пишите, результаты сообщите; очень я в них заинтересован. Адрес на тетрадке записан, если забудете.

— Не забуду, Федор Трофимович, обязательно напишу.

На поле аэродрома стоял только маленький ЯК; возле него — тот Гена, который утром возил кровь в Турткуль. Он увидел меня издали и подошел.

Уже вечерело, поднялся легкий, душистый морской ветер.

— Ну и куда вам теперь? — спросил Гена.

— Желательно в Москву. И поскорее.

— Не долетим. Покрупнее моей машину надо.

— А вы куда сейчас?

— В Куня-Ургенч. Потом домой. До темноты чтобы успеть.

— А других самолетов не будет?

— Завтра с утра только.

Я задумалась. От Куня-Ургенча до нашего кишлака совсем близко. Не лучше ли заехать к нашим, предупредить Седова и все рассказать? А то получается, как маленький ребенок — бросилась в Москву. Да у меня и денег нет долететь до столицы — в джинсах и ковбойке. Надо поговорить с ребятами. Если я от них скрою такое открытие — они мне никогда не простят. И правильно сделают.

— Ген, а вам разрешат меня до Куня-Ургенча подбросить?

— А почему нет? Командировка с собой?

— Командировка есть.

— Зайдите к диспетчеру. Скажите, я согласен. Давайте я сверток пока подержу. Тяжело, наверно.

— Нет, что вы, совсем не тяжело. — Я прижала к себе рулон, будто испугалась, что Гена его отнимет.

— Дело ваше. Храните свою военную тайну.

— Да нет, тут ничего особенного, — сказала я. — Вы без меня, пожалуйста, не улетайте.

— Не в моих интересах. Вдвоем лететь веселее.

Диспетчер оказался покладистым; не прошло и десяти минут, как я сидела рядом с Геной в уютной кабине ЯКа, словно в такси, и прощалась с Туйбаком. Синее море осталось сзади, и снова потянулись зеленые заросли дельты, исчерченные зигзагами протоков.

— Ондатры тут много, разводят ее, — сказал Гена.

Я кивнула головой. Обеими руками я придерживала на коленях рулон и пакет с зеленым чаем, который я все-таки не забыла купить в Ургенче. «А вдруг ковер потеряет свою силу?» — испугалась я.

— Так вам прямо в Куняг?

— Нет, наша партия в кишлаке.

— Как же, знаю, — сказал

Гена. — Я туда позавчера врача возил. Могу там сесть.

— Серьезно?

— А что тут несерьезного? Сяду — и все. Потом как-нибудь в гости приеду. Чаем напоите?

— Ой, конечно напою! — сказала я.

Гена был прямо ангелом. Так бы мне еще час шагать, если не подвернется попутный грузовик. Вот я сейчас вылезу из самолета — мои все удивятся несказанно: в собственном самолете прилетела, а я им скажу: «У меня есть самолет и похлеще, без шуток». И тут-то он и полетит...

Гена приземлился на ровном такыре у самых палаток. Пока мы тормозили, вся партия сбежалась к самолету. Они сначала никак не могли догадаться, кто и зачем к ним прилетел, а когда я выпрыгнула, в самом деле удивились, и Ким — я этого ожидала — сказал:

— Смотрите, летает в собственном самолете. Уж не заболели ли вы, мадам Рокфеллер?

— Нет, не заболела, — сказала я. — Все в порядке, насос привезут через два дня, а я сделала удивительное открытие, и мне теперь поставят памятник.

— Давно пора, — сказал Ким.

— Чаю хотите? — спросил Седов у Гены.

— Нет, пора лететь. А то до темноты не доберусь до Ургенча.

Меня возмутило равнодушие геологов.

— Я не шучу, — сказала я. —

В самом деле со мной произошла совершенно удивительная история.

— Где?

— В Туйбаке.

— Чего ж тебя туда занесло?

— Так вот, в Туйбаке я нашла такую вещь, что сегодня же вы, Седов, отправите меня в Москву, в Академию наук.

— Разумеется, — сказал Седов. — Отправляю. Ты сегодня долго была на солнце? Перегрелась?

Я в гневе разорвала шпaгaт, газеты рассыпались, и коврик послушно лег у моих ног.

— Где-то я его видел, — сказал задумчиво Гена.

— В Туйбаке, — ответила я.

— Так это психованного деда машина...

— Вот-вот, все вы так думаете. А как насчет моих умственных способностей?

Я встала на коврик и подумала из всей силы: «Лети!»

Дальнейшее произошло в какие-то доли секунды, причем я не сразу сообразила, что же все-таки произошло. Я так боялась, что коврик вообще не полетит...

Коврик взмыл к небу, я не удержалась на нем; падая, успела ухватиться за угол, коврик порвался, кончик его остался у меня в руке; я шлепнулась на землю, и

когда открыла глаза, коврик, как воздушный змей, парил высоко над нами, удаляясь, как положено говорить в таких случаях, в сторону моря.

— Назад! — кричала я, не чувствуя боли от падения. — Вернись немедленно! Да держите вы его! Ловите! — Это я кричала Гене.

— Разве догонишь? — разумно сказал Гена. — У него скорость не меньше трехсот.

И тут я заревела. Я сидела в песке, сжимая в кулаке уголок ковра; все утешали меня, еще не осознав, какую потерю понесла мировая наука, а я, дура, преступница, беспомощно редела.

И теперь, хотя Ким говорит, что мне можно поставить памятник и за тот кусочек, который попал в Москву и на основе которого пишутся минимум три докторские и десять кандидатских диссертаций, который изучают два НИИ и одна специальная лаборатория, я все равно безутешна.

Только вот надеюсь, хоть и не очень, что коврик вернулся к Федору Трофимовичу и обиженный старик скрывает его пока от ученых и корреспондентов — ведь сколько их у него побывало, а он им ни слова.

*мир,
замкнутый
в себе*

Владимир
Михановский

— Да, эпоха великих географических открытий миновала. Что поделаешь, — вздохнул старый учитель, — такова логика истории. Новые острова человек должен открывать в космосе, а не на старушке Земле.

— Положим, и в космосе не особенно разгонишься, — заметил его собеседник, сосед по дому.

— Почему же? В космосе немало еще «белых пятен».

— Так-то оно так, но говорят, что наша вселенная ограничена, — скорбно сказал сосед, знаток новейших веяний в науке. — Значит, рано или поздно все «белые пятна» будут стерты, и тогда...

— Никогда в это не поверю! — загорячился учитель. — Ограниченная вселенная! Выдумка и вранья!

— Как сказать... — покачал головой сосед.

— Ну, сами посудите, — продолжал учитель. — Предположим, я дошел до края свега. Что там служит ему границей, я не знаю, — стена, или оболочка, или еще что-нибудь... А что же дальше, там, за этой стенкой? Пустота? Но ведь и она тоже относится к нашей вселенной!.. — И он с торжеством посмотрел на собеседника.

— Гм... Темная штука. Я, собственно, пришел не за этим. — Сосед деликатно перевел разговор на другую тему и начертил руками в воздухе круг. — Внук, поверите, прямо голову прогрыз... А в магазине сейчас, как на грех, не достанешь... Ну, я к вам, так сказать, и пришел...

— Конечно, конечно, — засуетился учитель, — мне он ни к чему. Только куда запропастился — ума не приложу! Разве что в чулане?.. Это идея!.. Идемте-ка в чулан.

Учитель оставил разворошенный письменный стол и двинулся к выходу. Следом засеменял сосед.

Глоб жил на краю небольшого сырого пятна близ Лондона. Здесь царил вечный полумрак, но Глоб к нему приспособился. А что еще оставалось ему делать?

Самый светлый участок мира захватили наиболее сильные мирлены — приближенные верховного Ага Сфера. Они загрызали всякого, кто осмеливался приблизиться к их колонии. В конце концов, после нескольких стычек остальные мирлены примирились с положением вещей.

Впрочем, надо сказать, Глоб мало интересовался мирскими делами. По всеобщему признанию, это был величайший ученый из всех мирленов, населяющих мир. Даже глаз его был в десяток раз больше, чем у других, — огромный, он занимал чуть не всю спину Глоба. Глоб, правда, не был в фаворе у Верховного Мирлена, но это уж другая статья...

Глобу первому среди мирленов удалось расшифровать странные письма, начертанные прямо на почве. Кто, кроме божества, мог вывести на земле эти огромные иероглифы? Лучшие умы Мира много лун бились над неведомыми буквами, но только Глоб сумел сложить из них таинственные слова: Лондон, Дублин, Париж, Лион... Порой звуки, подобные расшифрованным Глобом словам, доносились сюда подобно отдаленному грому, из Внешнего пространства, где обитали боги.

Верховный Ага Сфер недолюб-

ливал Глоба, считая его крамольником, и ждал лишь удобного случая, чтобы расправиться с ним.

Мир, в котором жили мирлены, был плоским. Светлый круг, в котором обитал Ага Сфер и его приближенные, был окаймлен зоной полумрака — прибежище остальных мирленов. Дальше простирались неисследованные области вечного мрака.

Официальная версия гласила, что мир бесконечен, а следовательно, бесконечна и власть Верховного. Однако с некоторых пор начали шириться злонамеренные слухи, что мир мирленов ограничен. Вольнодумцев ловили и пытали, но слухи не утихали. Ага Сфер догадывался, откуда идут эти слухи...

Но старый ученый не помышлял об опасности, угрожающей ему; он думал лишь о том, как доказать удивительную вещь, с недавних пор занимавшую все его помыслы: мир, в котором живут мирлены, замкнут в себе.

...В плоской хижине царил обычный полумрак. Глоб вздрогнул, услышав тихий стук. Но это были не ищейки Сфера, а добрый друг Харон — древний, высохший от старости мирлен.

— Беги, — шепнул Харон, едва отдышавшись.

— Куда?

— Куда угодно: в Шотландию, Ирландию — все равно. По всем дорогам тебя ищут. Если поймать — тебе несдобровать...

Харон заметил в углу заплеч-

ный мешок и дорожный посох — плоские, как блин.

— Я вижу, ты уже собрался? — заметил он.

— Собрался, но вовсе не прячется, — торжественно произнес Глоб.

— Неужели с повинной?..

— Я решил доказать, что мир наш ограничен.

— С ума сошел! — пробормотал Харон.

— Что ты там шепчешь?.. Да, я докажу этим невеждам, что мир замкнут в себе.

— Но как ты сделаешь это?

— Очень просто! Я обойду вокруг света. Выйду из Лондона и буду двигаться все прямо, прямо... В общем нигде не буду сворачивать с прямой линии. Пересеку пространства вечной ночи. И приду сюда же, в Лондон, только с другой стороны. Вот увидишь!..

— Сошел с ума! — убежденно повторил Харон. — Наш мир плоский. Где же ты видел плоскость, ограниченную в пространстве? Плоскость, она... она плоская — и все тут! Проведи на ней прямую — и она уйдет в бесконечность.

Глоб молчал.

— Послушай меня, — понизил голос Харон, — не ходи. Из бесконечности нет возврата. Спрячься лучше. У меня есть для тебя такое местечко... А когда пройдет заваруха...

— Нет, я решил, — твердо сказал Глоб.

— Ты погибнешь без света. Мирлен умирает, если долго пробудет во тьме. Ты зайдешь далеко и не сможешь вернуться...

— Я пройду вокруг мира и приду сюда же. Прощай!

И Глоб твердой поступью двинулся по прямой, уводящей в неизвестность.

...Голубую широкую ленту Ламанша Глоб пересек без всяких приключений. Ему сопутствовала удача. Светлый круг, где жили избранные, он осторожно обошел стороной. На круг, как всегда, лилась сверху струя священного света, в которой плясали пылинки, — каждая размером с мирлена.

Первая часть пути прошла без особых происшествий. Двигаясь по обжитой равнине, Глоб старательно избегал встреч с мирленами. Завидев кого-нибудь издали, он старательно распластывался на плоскости, превращаясь в крохотное пятнышко сырости, а затем, убедившись, что опасность миновала, снова трогался в путь.

Вскоре, однако, светлая местность кончилась, и отважный исследователь окупнулся в вечную ночь. Так далеко не дерзал еще заходить ни один мирлен.

Глоб старался двигаться побыстрее. Огромная равнина — Франция — была однообразна, как пустой стол; ей не было, казалось, ни края, ни конца.

Если бы кто-нибудь догадался очертить путь Глоба, то он получил бы ровную как стрела линию,

пересекающую Французскую республику...

Только миновав Францию, Глоб решил отдохнуть. Он сдвинул в сторону сумку и отбросил в сторону посох, плоские, как и все предметы, которыми пользовались мирлены, — плоские существа. Спина гудела от усталости. Хорошо бы вздремнуть, но Глоб опасался погони. После короткого привала он снова двинулся в путь.

Идти теперь было труднее: почва стала неровной. Она дыбилась ключьями, словно в первый день творения. На клочках Глоб еле-еле мог прочесть странные надписи, которых доселе не читал еще ни один мирлен. Для этого ему пришлось напрячь до предела свое световое пятно.

Неожиданно страшное существо преградило Глобу путь. В слабом свете пятна оно показалось Глобу огромным. На равнине, где жили мирлены, таких не водилось. Властелин черной пустыни двигался не спеша. Его суставчатые конечности перемещались, словно на шарнирах. Мохнатое тело колыхалось в такт шагам. За зверем тянулся толстый трос. Глоб успел заметить в свете пятна, как трос блеснул, словно серебряный.

Долго Глоб пребывал в оцепенении, прежде чем решился двинуться дальше. Стараясь наверстать упущенное, он двигался теперь со скоростью часовой стрелки.

Время шло, Глоб продвигался вперед, и вот вокруг начало светлеть. Нет, это не был тот свет,

который бил сверкающей струей из священного отверстия над резиденцией Верховного Мирлена. Не был это и полусвет, характерный для Лондона и его окрестностей. Нет, это был совсем слабый, какой-то неопределенный свет, скорее угадываемый, чем видимый. Но силы Глоба были на исходе. Каждый миллиметр давался ему с огромным трудом. Глоб миновал полюс — странную точку, из которой во все стороны исходил пучок разбегающихся линий. А вокруг все светлело...

Когда Глоб дотронулся до сырого пятна близ Лондона, он удивился, увидев огромную толпу мирленов, которая его приветствовала восторженными криками. Правда, шапки вверх не летели — по двум причинам: во-первых, никакой предмет не мог подняться над поверхностью — ведь мир, в котором жили мирлены, был плоским; во-вторых, мирлены не носили шапок.

— Слава Глобу! — звучало над серой равниной.

— Он доказал, что мир наш круглый!

— Мир замкнут в себе! — надрывался Харон.

Один за другим к импровизированной плоской трибуне подползали ораторы, воздавая должное храбрецу.

Глоб скромно стоял в сторонке. И никто не заметил, как к нему протолкались два мирлена — два серых пятна, неотличимые от других, и куда-то уволокли героя.

Веселье близ Лондона продолжало идти своим чередом, между тем как Глоб предстал пред светлым окном Верховного.

— Ты подрыватель основ! — загремел Ага Сфер, так что придворные вздрогнули.

— Я ничего не выдумал... — начал Глоб, но ему не дали договорить.

Глоба приговорили к сожжению на священном огне. И вскоре на берегу Ла-Манша затлел костер, дым от которого стлался над самой почвой, не смея подняться вверх: костер, как и все остальное здесь, принадлежал к плоскому миру...

* * *

Затхлый чулан встретил старого географа и его соседа полумраком. Узкий дневной луч, пробиравшийся сквозь щель в стене, рассекал тьму надвое.

Натыкаясь на разные предметы и вполголоса чертыхаясь, учитель бродил из угла в угол.

— Вот ты где, голубчик! — вдруг воскликнул он, остановившись. — Стоишь, можно сказать, на самом виду, а мы тебя никак не видим.

У ног учителя на полу стоял старый запыленный глобус. Луч света, падавший на глянцеви́тый бок, освещал пятно порывевшей, выцветшей от времени Нормандии.

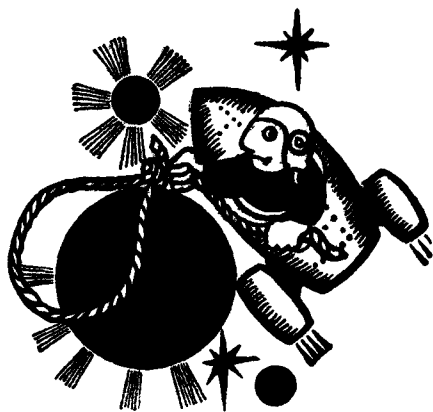
Учитель толкнул глобус, и тот, скрипя, повернулся вокруг земной оси. Потревоженный паук юркнул во тьму, таща за собой серебряную нить.

— Пожалуйста! — сказал учитель.

Сосед поднял глобус и с сомнением покачал головой.

— Уж больно он твоо... — сказал сосед... — Где Европа, где Америка — не разберешь. И потом весь в каких-то сырых пятнах, смотрите. И чего-то вроде горелым пахнет... Тлеет, что ли?

— Выдумываете ерунду, — обиделся учитель. — Прекрасный глобус. Сорок лет служил мне верой и правдой. И внуку вашему пригодится. Берите, берите. Оклейте контурной картой — и будет как новый. А вообще ему место в музее: наносить-то на него больше нечего. Эпоха великих открытий миновала...

охотничья экспедиция

Михаил Пухов

Стадо отдыхало в тени крупной планеты земного типа, когда группа ракет выскочила из-за горизонта, следуя повороту орбиты. Они шли на бреющем полете, продираясь сквозь верхнюю атмосферу, а потом уходили ввысь, сбросив легкие капсулы «гарпий». Те делали остальное.

— Так, — сказал коммодор.

Стены командного отсека флагманского корабля сплошь свети-

лись экранами. Передатчики были разбросаны по всем кораблям эскадры, и нити радиосвязи сходились на борту флагмана.

— Еще немножко, — сказал коммодор.

В экранах была планета. Круглая, крупная, опутанная сетью прицельных линий, она удалялась и приближалась, вырастала и уменьшалась, была темным неясным пятнышком, острым серебряным серпом, громадным дымящимся шаром во весь экран. В темноте на ночной стороне, прикрытые облачной оболочкой, быстрые искры «гарпий» продвигались вперед.

— Кажется, проскочили, — сказал коммодор.

Другие экраны показывали вид снизу, сквозь выющую пелену облаков. Все мешалось и перемещалось в путаных вихрях верхней атмосферы — мутные гучи, рваный туман, а иногда откуда-то выскакивал кусочек звездного неба. «Гарпии» выходили на цель.

— Возьмите зеркало, — сказал инспектор. — На вас неприятно смотреть. Вы сейчас как какой-нибудь полководец.

«Гарпии» выходили на цель. Они подкрались к ней снизу, под дымовой завесой облаков, и теперь задирали хищные клювы, устремляясь все выше и выше — в зенит, вверх по перпендикуляру.

— Полководец, — сказал коммодор. — Поймите, наконец, что нашими услугами пользуются все колонии в оккупированной зоне

Галактики. Это же понятно. Корабли нужны всем, а живой транспорт гораздо дешевле обыкновенных звездолетов.

— Слушать вас тоже неприятно, — сказал инспектор. — Колонии, оккупация...

По стаду прошло волнение. Сторожевые самцы подали тревожный сигнал, тотчас усиленный общим радиокриком. Еще секунда — и стадо бросилось врассыпную. Но было уже поздно...

— Почему не называть вещи своими именами? — сказал коммодор.

* * *

— Гуманисты, — сказал коммодор. — Если бы не вы, мы были бы уже дома.

Они сидели друг против друга, но думали об одном.

Инспектор ждал Землю. Ведь Земля — это его восемьдесят килограммов, упирающиеся ногами в настоящую, твердую почву. Земля — это нежное небо вместо безбрежной, но душевной бездны, это свободный простор вместо тесной, интересной работы, без всяких проверок и инспекций. На Земле он переставал быть инспектором и стремился теперь туда, чтобы заняться делом.

Коммодор тоже думал о Земле, но по-своему. На Земле его ждал трибунал.

— Общество защиты животных, — сказал коммодор. — Вот что такое ваше управление. Обыкновенное Общество защиты животных.

— А вы самый обыкновенный преступник, — сказал инспектор.

Они были все там же, на флагманском корабле эскадры, но сама эскадра находилась уже совсем в другом месте. Охота давно закончилась, и корабли шли походным порядком, направляя стадо лучами гипнотизаторов, чтобы оно не сбивалось с курса, нацеленного на желтый растущий диск.

Эскадра входила сейчас в солнечную систему. Это инспектор приказал, чтобы она следовала сюда.

— Я охотник, — сказал коммодор. — Я всю жизнь занимаюсь этой работой, я ее люблю и неплохо выполняю. И вдруг я узнаю, что это преступление, что охоты надо стыдиться...

— Так оно и есть, — сказал инспектор.

— Я узнаю, что мой личный состав арестован, имущество конфисковано, и все мы направляемся к Земле неизвестно зачем.

— Известно зачем, — сказал инспектор.

— Мои люди здорово поработали. Мы возвращаемся с богатой добычей. Мы взяли вожака, а это еще никому не удавалось.

— Я вас поздравляю.

— Мы возвращаемся без потерь.

— Я вам сочувствую.

Они помолчали.

— Нет, — сказал коммодор. — Вы землянин, и вы этого не поймете. Вы верите в то, что говорите.

— Это входит в мои обязанности.

— Хорошие же у вас обязанности, — сказал коммодор. — Вместо того чтобы работать, как все, вы носитесь по вселенной в поисках людей, совершающих нечто, с вашей точки зрения, противозаконное. То есть тех, кто как раз и делает настоящее дело.

— Притом уголовное, — сказал инспектор.

— Вы гоняетесь за настоящими ребятами, которые здесь, в этом чуждом нам мире, повторяют подвиг предков, приручивших волка и оседлавших дикую лошадь, вы преследуете парней, которые снабжают космическим транспортом всю Галактику. Между прочим, рискуя при этом жизнью.

— Гангстеры рисковали не меньше, — сказал инспектор.

— Причина может быть лишь одна — кое-кто на Земле стремится укрепить вашу монополию в производстве космических средств передвижения. Для этого вы и стараетесь. Вот такие у вас обязанности, инспектор.

— Слушайте, вы, — сказал инспектор. — Перестаньте разводить демагогию. Вы сами прекрасно понимаете, что это было омерзительно. Вся ваша так называемая охота. Как вы стреляли в них своими грязными электродами и подчиняли себе только что свободные существа.

— Но это не люди. Это всего навсего животные.

— Вы напрасно притворяетесь, — сказал инспектор.

— Сейчас вы снова будете рассказывать о том, что астробиологи не дали отрицательного ответа на ваш запрос. Но они не дали и положительного!

— Перестаньте разводить демагогию, — сказал инспектор.

— Это не демагогия, инспектор. Но вы землянин, и вы этого не поймете. Вы забыли, что такое лишения, что такое нехватка энергии. Если вам нужен звездолет — вы берете его напрокат. В колониях все по-другому. Вы напрасно забываете это.

— Разумеется, — сказал инспектор. Он действительно что-то забыл. — Вы-то ничего не забываете.

— Да, — сказал коммодор. — Именно поэтому мы снабжаем космическим транспортом чуть ли не всю Галактику. Как устроен этот транспорт, неважно. Важно то, что он дешевле и лучше всего, когда-либо созданного человеком. Важно то, что сейчас самая маленькая колония может самостоятельно исследовать вселенную и что единственное техническое оборудование, которое ей при этом требуется, — это портативная взлетно-посадочная капсула. Этого мы не забываем, и никакой трибунал не заставит нас забыть это!

Инспектор молчал. Что-то произошло. Кажется, он должен был что-то вспомнить.

— Вы попали к нам слишком поздно, инспектор. Вам следовало

оказаться здесь раньше, когда эта охота носила менее условный характер. Когда в колониях царил не энергетический, а обыкновенный голод. Когда нужны были не ракеты, а котлеты. Вы на Земле очень гуманны. Но вы не знаете, как хорошо, когда все сыты. Вы никогда не узнаете, что означала тонна настоящего животного жира в те времена, когда в колониях не было пищевых синтезаторов. Зато вы можете представить себе, сколько такого жира дает животное размером с астероид. Вы спрашивали меня, инспектор, для чего это у нас такие большие, просторные помещения. Очень просто — здесь разделяли туши. Да, да, инспектор, здесь разделяли туши, здесь реками текла кровь и т. д. и т. п.; и конечно, это омерзительно с точки зрения вашего дешевого гуманизма, но если бы на нашем месте были вы — вы бы делали то же самое!

Инспектор молчал. Он вспоминал.

— Теперь вы говорите что, возможно, это разум. По-моему, это не так. Доказательств у вас нет, и поэтому я вам не верю. Но допустим — вы правы. Пусть это действительно разум. Природа, создавая сознание, имела вполне определенную цель — познавать самое себя. Эти существа не могут делать это самостоятельно. Они идеально приспособлены для изучения космического пространства, но не планет. И они

должны прибегнуть к нашей помощи, потому что мы, со своей стороны, хорошо приспособлены для исследования планет, но не умеем передвигаться в пространстве. В результате по чьей-либо инициативе должно возникнуть сотрудничество между нами. Наша организация проявляет такую инициативу. И если они действительно разумны — повторяю, сам я в это не верю, — то они должны мириться с нашей деятельностью. Более того, они должны ее приветствовать.

— Вероятно, вы правы, — сказал инспектор. Минуту назад он сказал бы другое, но сейчас ему было безразлично. Он что-то забыл и должен был это вспомнить: — Так оно и есть, — сказал он. Ему было все равно, что сказать. — Сотрудничество. Раньше я не задумывался над этим.

— Видите, — сказал коммодор. — Наконец-то вы поняли.

— Да, — сказал инспектор.

Это было не главное. Главное он забыл.

— Это все вздор, — сказал он. — Давайте поговорим о другом.

— Согласен, — сказал коммодор. — Все это гроша ломаного не стоит.

Они помолчали.

— Извините меня, — сказал коммодор. — Просто я кое-что забыл. Сейчас я это вспомню, и мы вернемся к нашей беседе.

Он замолчал. Вскоре тишина стала невыносимой.

— Говорите о чем-нибудь, — попросил инспектор. — Так мне легче вспоминать.

— Согласен, — сказал коммодор. — Поговорим о Земле. Вероятно, я там останусь навсегда. Вряд ли после вашего трибунала меня снова потянет в пространство. Нет. Я найду себе хорошую девушку, женюсь и поселюсь где-нибудь в деревне. На космос я плюну. Вам я советую сделать то же самое.

Инспектор молчал. Это его не интересовало. Космос — прекрасное, плюнем на космос.

И вдруг он вспомнил.

— Нет, — сказал он серьезно. — На космос плевать нельзя.

— Ах да! — сказал коммодор. — Космос нам еще пригодится.

Инспектор вспомнил еще одну вещь. Странно, что он не вспомнил этого сразу.

— Люди, — коротко сказал он.

— Черт! — сказал коммодор. — Про них я тоже забыл. Давайте пойдем в пассажирские пилоты, переделаем мой корабль в лайнер и будем катать их по всей вселенной. Очень хорошо, что вы это вспомнили.

— Да, — согласился инспектор. Теперь, кажется, все. Он посмотрел на экран. В сетке прицельных линий вырастала Земля. Корабли шли по-прежнему строем; рядом двигалось стадо, связанное невидимыми лучами. Еще немного — и эскадра, окончательно за-

медлив скорость, выйдет на земную орбиту.

— Выходим на финиш, — сказал коммодор. — Наконец-то!

— Ой! — сказал инспектор. Он снова вспомнил. — Оружие!

— Гениально! — сказал коммодор. — Просто удивительно, как это у вас получается. А я все забыл, старый дурак. Оружие — это то, что надо.

Он наклонился к микрофону.

— Всем членам экспедиции немедленно получить личное оружие у командиров экипажей.

Инспектор гордо засмеялся. Еще бы! Очень хорошо, что он это вспомнил. Люди, космос и оружие! Коммодор прав — это именно то, что нужно. Лететь осталось совсем немного, и они вполне могли бы забыть об этом.

О том, как тесно на Земле людям. Как там душно, какой там близкий горизонт, большая тяжесть и отвратительное голубое небо. О том, как много людей обречены всю жизнь заниматься скучной, неинтересной работой, вместо того чтобы выполнять свое прямое предназначение — исследовать планеты Галактики. Подумать только, еще немного — и сотни тысяч людей никогда в жиз-

ни не увидели бы черного неба вселенной!

Инспектор зажмурился от удовольствия. Он ясно представил себе, как, пламенея на солнце, расправившись, сделав букашками небоскребы, гордо высится в центре города флагман эскадры, превращенный в пассажирский лайнер, приглашая желающих в свои большие, просторные помещения.

Возможно, не все захотят этого — ведь люди так ограничены. Но он, инспектор, вспомнил абсолютно все, и коммодор уже отдал соответствующий приказ.

Инспектор был твердо уверен, что это всегда было его самым сокровенным желанием — стоять рядом с другими, упиравшись ногами в землю, с оружием наперевес и делать то, что он будет делать. Но он не знал, кто внушил ему это.

Он не знал, что он уже не ведомый, а введомый, не господин, а раб, не член Общества по охране животных, а животное, которое охраняют.

Не знал, что есть разум, равный по жестокости человеческому. Что стадо, которое они вели к Земле, стало стаей, летящей на Землю.

жуки

Владимир
Щербаков

Нужно было возвращаться в город. Потому что солнце уже покраснело и по траве поползли длинные прохладные тени. Красотки еще хлопали синими крыльями, но самые маленькие стрекозы-стрелки уже спрятались, исчезли.

Мы с Алькой прошли за день километров пять по берегу ручья и поймали жука. Теперь Алька то и дело подносил кулак к уху —

слушал. Жук скрежетал лапками и крыльями, пытаясь освободиться. Час назад он сидел на пеньке, задремав на солнышке, и Алька накрыл его ладошкой. Но никогда в жизни не видел я таких жуков! Полированные надкрылья светятся, как сталь на солнце, лапы — словно шарниры, усы — настоящие антенны.

— Знаешь, это совсем не жук, — сказал Алька серьезно.

— Да, мне тоже так кажется, — сказал я, безоговорочно принимая условия игры.

Но я слишком быстро и охотно это сделал. Альку не проведешь — хитрюга, в мать.

— Я серьезно, а ты... — Он не закончил. Замолчал, замкнулся.

Дети — маленькие мудрецы, все чувства на лице, зато мыслей не прочтешь.

Мы медленно шли к дому вдоль ручья с цветными керосиновыми пятнами, мимо куч щебня и цемента, заборов и складов товарной станции. Мы перешли железнодорожное полотно, деревянный мостик через канаву, на дне которой валялись так хорошо знакомые нам старые автомобильные баллоны, ржавые листы металла и смятая железная бочка. Лесопарк уступал место городу постепенно. И эта ничейная земля нравилась и Альке и мне. Отсюда

до дому рукой подать. Мы всегда останавливались на мостике, словно ждали чего-то. Издалека доносился гул, стучали колеса поездов, раздавались гудки. Над полотном дрожали фиолетовые и красные огоньки. Такие дни очень похожи друг на друга.

— Жук стал теплым, — сказал вдруг Алька.

Я потрогал. Жук был очень теплый. Алька объяснил:

— Я читал книгу про марсиан. Они, как кузнечики, сухие, с длинными ногами. Или как жуки.

— Это фантазия, — сказал я. — Никто не знает.

— Фантазия всегда сбывается. Разве ты не знаешь?

* * *

...В моих руках стеклянная банка, и мы внимательно рассматриваем ее. Вечером Алька посадил туда жука, накрыл банку чайным блюдцем, поставил на окно.

Мы молчим, хотя Алька мог бы повторить, что он говорил по дороге домой. Но теперь мы знаем, что все это очень серьезно. Банка пуста, за ночь в ней появилось отверстие с ровными оплавленными краями. С полтинник, не больше. Мы оба понимаем, что ждать продолжения этой истории придется, вероятно, очень и очень долго...

хоккеисты

Кирилл
Булычев

Разницу между днем и ночью улавливали только приборы. Для нас серое ничто не менялось. В любое время длинных, пятидесятичасовых суток человека, выбравшегося из тамбура «пузыря», встречали все те же фиолетовые облака, черное переплетение мертвого леса да редкие снежинки — они всегда носились в воздухе, как комары.

Это была самая настоящая зи-

мовка. Хуже полярной, потому что выйти без скафандра нельзя, хуже полярной, потому что ближайшее человеческое жилье — наш «Зенит» — месяц назад ушло к соседней системе и вернется только через два месяца, через шестьдесят наших или двадцать девять местных дней.

Мы ждали, пока кончится зима. Оставалось еще недели две. Планета крутилась вокруг своей звезды по сильно вытянутому эллипсу; и зимой, когда она далеко уходила от звезды, смерзались облака и падали на поверхность сплошным ковром. И, разумеется, на ней все умирало. Или засыпало.

Когда нас высаживали, мы под считали, что еще недели две — и придет свет: облака должны растопиться, занять соответствующее место, и на планете наступит лето. Мы не отходили далеко от «пузыря». Пурга и замерзший лес окружали нас. Это не значит, что мы ничего не делали. Конечно, мы были заняты и узнали немало, но все-таки это была зимовка, и Толя Гусев решил сделать хоккей.

Есть такая древняя детская игра, которая больше всего интересует детей в возрасте от двадцати пяти и выше. На большой доске прорезаны узкие пазы, в которых двигаются посаженные на штыри хоккеисты. Они гоняют шайбу, а игроки, то есть дети, управляющие ими, должны быстро и точно двигать взад и вперед прутьями,

на концах которых вертятся хоккеисты.

Толя Гусев делал игру уже вторую неделю, и мы все принимали в этом самое активное участие. В основном мы советовали и доставали материалы. Вы не можете себе представить, как трудно достать нужные для детской игры вещи в «пузыре», рассчитанном на шестерых разведчиков и один вездеход. Как назло, не сбросили ничего лишнего. Доставка материалов превратилось в азартный спорт, иногда опасный для дальнейшего существования группы. И Глеб Бауэр, наш командир, каждый вечер, сидя в углу за шахматами, не спускал глаз с добровольных помощников лохматого Гусева.

Дно и бортики мы соорудили из пустых канистр. Прутья-поводки — из стального троса (Глеб сильно возражал). Кое-какие детали — винтики, скобы поводков и так далее — мы извлекли из кинопроектора. Он нам был не очень нужен, потому что запас картин, привезенный на планету, мы просмотрели по три раза в первые же дни. Глеб устроил нам крупный скандал, когда пропали кое-какие не очень важные детали поляризованного микроскопа. Мы их вернули. Зато уговорили его пожертвовать ради коллектива хорошей пластиковой обложкой большого журнала наблюдений. Ведь в конце концов не на обложке же мы запечатлевали наши великие открытия! В глубине ду-

ши. Глебу тоже хотелось, чтобы хоккей был готов, и он согласился.

Толя Гусев, худющий и растрепанный, разрешал звать себя народным умельцем, и кто-то пустил слух, что он еще на Земле, в университете, за каких-нибудь три года вырезал на рисовом зернышке полный текст «Трех мушкетеров» с иллюстрациями Доре. И до сих пор студенты читают это зернышко, пользуясь небольшим электронным микроскопом.

И вот наступил день, когда хоккейное поле было готово. Оставалось сделать игроков. Игроков было сделать не из чего. Вот-вот наступит рассвет, и хотя мы были очень заняты подготовкой к первой большой экспедиции, хоккейный азарт не ослабевал. Глеб сам предложил вырезать хоккеистов из шахматных фигурок, но мы, оценив его жертву, отказались, потому что фигурки были пластиковыми и притом слишком маленькими для хоккея.

На столе у Варпета лежал кусочек местного дерева. Он безуспешно пытался вернуть его к жизни, вырвать из зимней спячки и потому подвергал всяким облучениям и химвоздействиям.

— Дай попробую, как его нож берет, — сказал Толя.

— Оно мягкое, — ответил Варпет. — Только стоит посоветоваться с Глебом.

Глеб повертел щепку в руках.

— Там, у резервного тамбура, есть большой сук, отвалился, когда устанавливали «пузырь». От-

пили кусок и работай, — сказал он.

— Я как раз собирался из него портсигар вырезать, — сказал я. — На мою долю тоже отпили.

Древесина была теплого розоватого цвета, и портсигар должен был получиться красивым, главное — совершенно неповторимым.

Мы с Гусевым надели скафандры и вышли в ночь.

Лес, густой до невозможности, подходил почти к самому «лузью». На ветвистых узловатых сучьях не было листьев, от холода деревья стали хрупкими; и если ударить по суку посильнее, он отламывался с легким звоном. Но мы не ломали леса, — мы не были хозяевами на этой планете, мы еще с ней не познакомились.

— Представляешь, — сказал Гусев, поднимая за один конец тяжелый толстый сук, — весной все это расцветет, распустятся листья, защечечут птицы...

— Или не защечечут, — сказал я. — Может, здесь птиц нет.

— Я думаю, что должны быть. Только они на зиму зарывают яйца в землю, а сами вымирают. И звери есть, они закапываются в норы.

— Тебе хочется, чтобы все было, как у нас?

— Да, — сказал Гусев. — Занеси тот конец к двери.

Мы помогали Толе Гусеву вырезать хоккеистов. Мы делали заготовки — чурбашки. Один, побольше, для тела и один, поменьше, для вытянутой вперед руки

с клюшкой. Дерево было податливым и вязким. Оно оттаяло в тепле, хотя Варпет так и не обнаружил в нем признаков жизни. Я сделал заодно себе портсигар. Он получился не очень элегантным, но крепким и необычным.

Наконец человечки были готовы. Мы раскрасили их. Одних одели в синюю форму, других — в красную. Хоккеисты размером с указательный палец. Гусев высверлил в них отверстия для штырей. Работа эта закончилась поздно ночью — нашей ночью, земной, мы продолжали жить по земному календарю.

Мы поставили хоккеистов на места и положили деревянную шайбу на центр поля. Глеб свистнул — и началась игра. Хоккеисты бестолково, но послушно вертелись, размахивая клюшками, шайба как угорелая носилась по полю и не шла в ворота.

— Научитесь, — сказал Варпет.

Я играл против Гусева, и шайба остановилась перед моим нападающим. Я осторожно повернул его вокруг оси, чтобы шайба попала под клюшку, и резко вертнул прут. Хоккеист — флють! — ударил по шайбе, и она полетела в ворота, но не долетела, потому что гусевский вратарь вдруг сделал невозможное, — вытянулся вперед и перехватил клюшкой шайбу, но и шайба увернулась от него и понеслась в сторону, к другому игроку, который стоял до этого в полной неподвижности,

потому что я и не думал браться за его прут. Но и тот игрок задвигался; причем при этом странно вытянулся и, нагнувшись, потянулся к шайбе. В тот же момент все хоккеисты пришли в движение. Они будто взбесились, будто ожили. Они дергались, вертелись на своих штырях, вытягивались, цепляли друг друга клюшками; движения их были бестолковы, но быстры и энергичны.

Мы с Гусевым бросили прутья и инстинктивно отодвинулись от доски. Ничего сказать не успели. Раньше нас сказал Глеб, который в это время смотрел в иллюминатор.

— Пришла весна, — сказал он.

За иллюминатором оживал лес. На глазах таявшие облака изменяли его цвет, и он уже не был темным, он был разноцветным — каждый ствол переливался бешеными яркими красками. В просвете туч появилось «солнце»; и лучи его, падая на лес, вызывали в нем пароксизмы деятельности. Сучья трепетали, дергались, изгибались, переплетались, танцевали; и казалось, деревья вот-вот вырвутся с корнями и пойдут в пляс. Каждая частица, стосковавшаяся по «солнцу», — а ведь наши хоккеисты тоже были частицами деревьев, — встречала «солнце».

Н время мы забыли о хоккеистах. Мы столпились у иллюминатора. Пораженные, мы любовались красками и движениями леса, хотя и понимали, как труд-

но будет изучать эту дикую, стремительную жизнь, как трудно будет пройти эти леса.

А когда мы снова обернулись к хоккейному полю, то увидели, что шайба залетела в правые ворота, а деревянные человечки, сплетясь в кучу, отчаянно сра-

жаются клюшками. Хотя это, наверное, нам показалось. Просто растительная энергия случайно приняла такую странную форму.

— Давайте свисток и удаляйте всех с поля, — сказал Глеб. — Нам придется посоветоваться...

II *рошное,*
которое
с нами

IV

Итак, впервые появляется в печати научно-фантастическая повесть Андрея Платонова «Эфирный тракт». Продолжается открытие читателями большого русского писателя. Писателя, которого называл в числе своих учителей Эрнест Хемингуэй. Каждый год выходят в свет новые его рассказы, повести, сценарии.

Что удивительного, если писатель-нефантаст пишет «вдруг» фантастическую повесть? Это случалось уже и с Марком Твенем («Янки при дворе короля Артура»), и со Львом Никулиным («Тайна сейфа») и с Владимиром Тендряковым («Дорога длиною в век») и с Ги де Мопассаном («Орля»). А у Андрея Платонова к 1927 году, когда он взялся за свой «Эфирный тракт», был уже опубликован по крайней мере один бесспорно научно-фантастический рассказ — «Лунная бомба».

Будущее для Андрея Платонова прямо вытекает из настоящего. Он «ставит» во главе Советского правительства комсомольского вожака двадцатых годов. Герои писателя используют открытия доподлинной научной экспедиции доподлинного академика Лазарева и ездят в электромобилях, созданных доподлинным ленинградским академиком Иоффе.

Но печать эпохи отчетливее всего видна не в этих мелких деталях. Андрей Платонов затрагивает проблемы, очень тревожившие нашу

литературу двадцатых годов, проблемы организации сотрудничества между интеллигенцией и пролетариатом, проблемы создания рабоче-крестьянской интеллигенции. В этом смысле, бесспорно, «Эфирный тракт» — важный памятник своего времени.

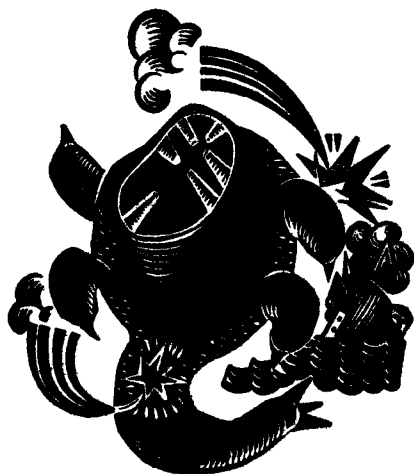
И, как всегда у Платонова, в центре его внимания — неповторимые, цельные, глубокие человеческие личности. И конечно, талант писателя прежде всего виден в том, что повесть интересно читать и сегодня.

Интересно! Хотя ее главная научная идея успела, увы, безнадежно устареть. Электроны в роли живых существ — для сегодняшних физиков это звучит смешно. (Впрочем, разве не смешна для сегодняшних геологов мысль о возможности пройти под землей от Этны до Везувия? А сколько раз и на скольких языках издавалось жульверновское «Путешествие к центру Земли»!) Зато множество других научно-фантастических идей Андрея Платонова и сегодня оказываются более чем злободневными. Техника без машин! — до такого взлета фантазии не додумывались даже самые решительные сторонники телекинеза.

Точно так же они если и додумались, то лишь совсем недавно, до возможности управлять «силой воли» движением звезд. Открытие же древних цивилизаций по сию пору остается любимым занятием фантастов.

Но не сами по себе фантастические идеи, как бы интересны они ни были, дают повести «Эфирный тракт» право на литературное восхождение. Автор вывел здесь по-настоящему живых людей двадцатых годов, развернул своеобразную картину прошлого и будущего нашей Родины, дал образцы сжатого и точного стиля в описании самых невероятных событий.

Теперь без «Эфирного тракта» уже нельзя будет представить общую картину развития советской фантастики. Альманах «Фантастика 1967» ставит на место случайно выпавшее из цепи звено. Очень важное звено!

эфирный тракт

Андрей Платонов

П¹роснувшись в пять часов утра в своей московской квартире, Фаддей Кириллович почувствовал раздражение. Тусклый свет горел в комнате, и где-то визжали толстые крысы.

Сон больше не придет. Фаддей Кириллович надел жилетку и уселся, раскачивая очумелый мозг. Он лег в час, еле добравшись до постели, и не вовремя проснулся.

«Ну-с, Фаддей Кириллович, махнем снова, — сказал он самому себе, — микробы усталости могут успокоиться: я им пощады все равно не дам!»

Он воткнул перо в чернильницу, вытянул дохлую муху и рассмеялся: «Это же, понимаете, мухоловка! И у меня все так, милые граждане: перо тычет, а не скользит, чернила — вода, бумага — рогожа! Это удивительно, господа!..»

Фаддей Кириллович всегда представлял свою комнату населенной немymi, но внимательными собеседниками. Мало того, такие вещи он безрассудно принимал за живые существа, и притом похожие на самого себя.

Раз, мрачно утомившись, он обмакнул в чернила перо, положил его на недописанный лист бумаги и сказал: «Заканчивай, заноза!» А сам лег спать.

Одиночество, заглушенность души, сырость и полутьма квартиры превратили Фаддея Кирилловича в пожилого незначительного субъекта с житейски неразвитым мозгом.

Работал Фаддей Кириллович бормоча, вслух перебирая возможные варианты стиля и содержания излагаемого.

— Поспешим, Фаддей! Поспешим...

Несомненно одно, что... что как только почва даст вместо сорока пятьсот пудов на десятину и что... если железо начнет размножаться, то... эти — как их? — женщи-

ны и ихние мужья сразу возьмут и нарожают столько детей, что не хватит опять ни хлеба, ни железа и настанет бедность. Довольно бормотать, ты мне мешаешь, дурак!..

Выругав этак себя, Фаддей Кириллович притих и усердно занялся работой, выводил аккуратные значки, как на уроке чистописания.

Москва проснулась и завизжала трамваями. Изредка вольтовы дуги озаряли туман, потому что токособиратели иногда отскакивали от провода.

— Идиоты! — не выдержал Фаддей Кириллович. — До сих пор не могут поставить рациональных токособирателей: жгут провод, тратят энергию и нервируют прохожих!..

Когда окончательно рассеялся туман и засиял неожиданный торжественный день, Фаддей Кириллович протер слезившиеся глаза и начал в злостном исступлении драть ногтями поясницу.

В это время к Фаддею Кирилловичу постучали: Мокрида Захаровна, старушка, принесла Попову завтрак и пришла убирать комнату.

— Ну как, Захаровна? Ничего там не случилось? Люди не вымерли? Светопреставление не началось еще? Погляди, спина у меня назади?..

— И что ты, батюшка, Фаддей Кириллович, говоришь? Опомнись, батюшка, — такого не бывает! Сидит-сидит, учится-учится, пере-

учится — и начинает ум за разуменье заходить! Поешь, голубчик, отдохни, ан и сердце отойдет и думы утихнут.

— Да, Захарьевна, да, Мокрида! Да, да, да! И трижды кряду — да. И еще раз — да!.. Ну, давай твою вкусную еду. Будем разводить гнилостные бактерии в двенадцатиперстной кишке, пускай живут в тесноте!.. А ты, старушка, ступай! Мне некогда, за кастрюлями придешь вечером, тогда и комнату убереешь. Вечером я уеду.

— Ох, батюшка, Фаддей Кириллович, дюже ты чуден да привередлив стал, замучил старуху!.. Когда ожидать-то вас?

— Не жди, ступай, считай меня усопшим!

Спешно поев, Фаддей Кириллович закурил и вдруг вскочил, живой, стремительный и веселый:

— Ага, вот где ты пряталось! Влезь, божья куколка! Души моей чучелко! Живи, моя дочка! Танцуй, Фаддей, крутись, Гаврила, колесо налево, отгормаживай историю! Эх, моя молодость! Да здравствуют дети, невесты и влажные, красные, жадные губы! Долой Мальтуса и госпланы деторождения! Да здравствует геометрическая и гомерическая прогрессия жизни!..

Тут Фаддей Кириллович остановился и сказал:

— Пожилой субъект ты, Фаддей, а дурак! Еле догадался, а уж благодетельствовать собираешься, самолюбивая сволочь! Садись

к столу, сгною тебя работой, паршивый выродок!

Усевшись, Фаддей Кириллович, однако, почувствовал страшную пустоту в мозгу, будто там ливни работы смыли всю плодоносную почву и нечем было питаться зелени его творчества.

Тогда он начал писать частное письмо:

«Профессору Ш та у ф е р у,
Вена.

Знаменитый коллега! Вы уже, без сомнения, забыли меня, который был Вашим учеником двадцать один год тому назад. Помните ли Вы звонкую майскую венскую ночь, когда в самом чутком воздухе была жажда научного творчества, когда мир открывался перед нами, как молодость и загадка? Помните, мы шли четвером по Националштрассе — Вы, два венца и я, русский рыжеватый любопытствующий молодой человек! Помните, Вы сказали, что жизнь, в физиологическом смысле, наиболее общий признак всей прощупываемой наукой вселенной. Я, по молодости, попросил разъяснений. Вы охотно ответили: атом, как известно, колония электронов, а электрон есть не только физическая категория, но также и биологическая, электрон суть микроб, то есть живое тело, и пусть целая пучина отделяет его от такого животного, как человек: принципиально это одно и то же! Я не забыл Ваших слов. Да и Вы не забыли: я читал Ваш труд, вышедший в этом году в Берлине;

«Система Менделеева как биологические категории альфа-существ». В этом блестящем труде Вы впервые осторожно, истинно научно, но уверенно доказали, что электроны одарены жизнью, что они движутся, живут и размножаются, что их изучение отныне изъе­м­лет­ся из физики и передается биологической дисциплине. Коллега и учитель! Я не спал три ночи после чтения Вашего труда! У Вас есть в книге фраза: «Дело техников теперь разводить железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней». Я не знаю, освоена ли кем эта мысль так, как она освоена мной! Позвольте же, коллега, попросить у Вас разрешения посвятить Вашему имени свой скромный труд, всецело основанный на Ваших блестящих теоретических изысканиях и гениальных экспериментах.

Д-р Фаддей Попов.
Москва, СССР».

Запечатав в конверт письмо и рукопись под несколько ненаучным названием — «Сокрушитель адова дна», Фаддей Кириллович спешно утрамбовал чемодан книжками и отрывками рукописей, автоматически, бессознательно надел пальто и вышел на улицу.

В городе сиял электричеством ранний вечер. Круто замешанные людьми, веселые улицы дышали озабоченностью, трудным напряжением, сложной культурой и скрытым легкомыслием.

Фаддей Кириллович влез в так-

сомотор и объявил шоферу маршрут на далекий вокзал.

На вокзале Фаддей Кириллович купил билет до станции Ржавое. А утром он уже был на месте своего стремления.

От вокзала до города Ржавска было три версты. Фаддей Кириллович прошел их пешком, он любил русскую мертвую созерцательную природу, любил месяц октябрь, когда все неопределенно и странно, как в сочельник накануне всемирной геологической катастрофы.

Идя по улицам Ржавска, Фаддей Кириллович читал странные надписи на заборах и воротах, исполненные по трафарету: «Тара», «брутто», «Ю. З.», «болен», «на дорогу собств.», «тормоз не действ.». Оказывается, городок строился железнодорожниками и из материалов ж. д.

Наконец Фаддей Кириллович увидел надпись: «Новый Афон». Сначала он подумал, что это кусок обшивки классного вагона, потом увидел вырезанный из бумаги и наклеенный на окно чайник, заурядную личность в армяке, бо­сиком вышедшую на двор по ясной нужде, и догадался, что это гостиница.

— Свободные номера есть? — спросил босого человека Фаддей Кириллович.

— В наличности, гражданин, в полной чистоплотности, в уюте и тепле!

— Цена?

— Рублик, рубль двадцать и пятьдесят копеек!

— Давай за полтинник!

— Пожалуйста, навех!

II

В полдень Фаддей Кириллович пошел в окружной исполком. Он попросил у председателя свидания, причем переговорить желательно вдвоем.

Председатель его тотчас же принял. Это был молодой слесарь — обыкновенное лицо, маленькие любознательные глаза, острая, хищная жажда организации всего уездного человечества, за что ему слегка попадало от облизполкома. У председателя были замечательные руки — маленькие, несмотря на его бывшую профессию, с длинными, умными пальцами, постоянно шевелящимися в нетерпении, тревоге и нервном зуде. Лицом он был спокоен всегда, но руки его отвечали на все внешние впечатления.

Узнав, что с ним желает говорить доктор физических наук, он удивился, грубо обрадовался и велел секретарю сейчас же открыть дверь, досрочно выпроводив завсемотделом, пришедшего с докладом о посеве какой-то клещевины.

Фаддей Кириллович показал председателю бумаги научных институтов и секций Госплана, рекомендующих его как научного работника, и приступил к делу.

— Мое дело просто и не нуждается в доказательствах. Моя просьба обоснована и убедительна и не может быть отвергнута. Пять лет назад в вашем округе производились большие изыскания на магнитную железную руду. Вам это известно. Она обнаружена на средней глубине двухсот метров. Руду с такой глубины добывать пока экономически невыгодно. Она поэтому оставлена в покое. Я приехал сюда произвести некоторые опыты. Мне не нужно ни сотрудников, ни денег. Я только ставлю вас в известность и прошу отвести мне двадцать десятин земли — можно и неудобной. Район я еще не выбрал — об этом после, когда я вернусь из поездки по округу. Далее, чтобы вы знали, что я приехал сюда не шутить, я скажу вам: работы мои имеют целью, так сказать, подкормить руду, для того чтобы она разжирила и сама выперла на дневную поверхность земли, где мы ее можем схватить голыми руками. В исходе опытов я уверен, но пока прошу молчать. Через три дня я выберу район и вернусь к вам. Вы поняли меня и согласны мне помочь?

— Понял совершенно. Держите руку. Работайте — мы вам помощники!

В тот же день Фаддей Кириллович на подводе выехал в поле — отыскать условную высотную отметку экспедиции академика Лазарева, в районе которой магнитный железяк высовывает язык и лежит на глубине ста се-

мидесяти метров. На вторые сутки Попов нашел на бровке глухого дикого оврага чугунный столб с условной краткой надписью: «Э. М. А. 38, 168, 46.22».

Через неделю Фаддей Кириллович прибыл на это место с землемером, который должен отмежевать участок в двадцать десятин, и Михаилом Кирпичниковым.

Кирпичникова рекомендовал Фаддею Кирилловичу председатель окрисполкома, как совершенно идеологически выдержанного человека, а Попов увидел, что без помощника ему не обойтись.

Через три дня Попов и Кирпичников привезли из деревни Тыновки, что в десяти верстах, разобранную хатку и собрали ее на новом месте.

— Сколько мы здесь проживем, Фаддей Кириллович? — спросил Кирпичников Попова.

— Не менее пяти лет, дорогой друг, а скорее — лет десять. Это тебя не касается. Вообще не спрашивай меня. Можешь каждое воскресенье уходить и радоваться в своем клубе...

И пошли беспримерные дни. Кирпичников работал по двенадцати часов в сутки: покончив дела со сборкой дома, он начал рыть шахту на дне балки. Попов работал не меньше его и умело владел топором и лопатой, даром что доктор физических наук. Так в глубине равнинной глухой страны, где издавна жили пахари, потомки смелых бродяг земного шара, трудились два чужих человека:

один для ясной и точной цели, другой в поисках пропитания, постепенно стараясь узнать от ученого то, чего сам искал, — как случайную, нечаянную жизнь человека превратить в вечное господство над чудом вселенной.

Попов молчал постоянно. Иногда он уходил на целый день в грязные ноябрьские поля. Раз Кирпичников слушал вдали его голос — живой, поющий и полный веселой энергии. Но возвратился Попов мрачный.

В начале декабря Попов послал Кирпичникова в областной город — купить по списку книг и всяких электрических принадлежностей, приборов и инструментов.

Через неделю Кирпичников возвратился, и Фаддей Кириллович начал делать какой-то небольшой сложный прибор.

Один только раз, поздно ночью, когда Кирпичников доливал керосин в лампу, Попов обратился к нему:

— Слушай, мне скучно, Кирпичников! Скажи-ка мне, кто ты такой, есть у тебя невеста, цель жизни, тоска, что-нибудь такое? Или ты только антропонид, и тебе только нужно нажраться и сопеть?

Кирпичников сдержался.

— Нет, Фаддей Кириллович! Ничего у меня нет. Жрать и сопеть я не люблю, а хочу понять дело, которое делаете вы, но вы не говорите — это зря, я бы еще лучше работал. Я пойму, Фаддей Кириллович, честное слово!

— Оставь, оставь, ничего ты не поймешь! Ну, довольно, наговорились. Ложись спать, я посижу еще...

III

Фаддей Кириллович отправился в свою очередную прогулку — теперь уже по замерзающим, недышащим полям. Кирпичников тесал на дворе сруб для укрепления шахты и вошел в хату за спичкой закурить.

Подойдя к столу, он прочитал несколько слов из того, что писал Попов ночью, и, не зажегши спички, потерял все окружающее и забыл свое имя и существование:

«Коллега и учитель! К восьмой главе той рукописи, которую я Вам выслал для просмотра, необходимо сделать добавление:

«Из всего сказанного о природе эфира следует сделать неизбежные выводы. Если электрон есть микроб, то есть биологический феномен, то эфир (то, что я называл выше «генеральным телом») есть кладбище электронов. Эфир есть механическая масса умерщвленных или умерших электронов. Эфир — это крошево трупов микробов-электронов. С другой стороны, эфир не только кладбище электронов, но также мать их жизни, так как мертвые электроны служат единственной пищей электронам живым. Электроны едят трупы своих предков.

Несовпадение длительности жизни электрона и человека делает необычайно трудным наблюдение

за жизнью этих, пользуясь Вашей терминологией, альфа-существ. Именно, время жизни электрона должно исчисляться цифрой пятьдесят-сто тысяч земных лет, то есть значительно продолжительней жизни человека. Между тем число физиологических процессов в теле электрона, как у более примитивного существа, значительно меньше, чем у человека — высокоорганизованного тела. Следовательно, каждый физиологический процесс в организме электрона протекает с такой ужасающей медленностью, что устраняет возможность непосредственного наблюдения этого процесса даже в самый чувствительный прибор. Это обстоятельство делает природу в глазах человека мертвой. Это страшное разнообразие времен жизни для различных категорий существ суть причина трагедии природы. Одно существо век чувствует как целую эру, другое — как миг. Это «множество времен» — самая толстая и несокрушимая стена меж живыми, которую с трудом начинает разрушать тяжелая артиллерия человеческой науки. Наука объективно играет роль морального фактора: трагедию жизни она превращает в лирику, потому что сближает в братстве принципиального единства жизни такие существа, как человек и электрон.

Но все же можно ускорить жизнь электрона, если смягчить те явления, которые обусловили длительность его жизни. Необходи-

димо предварительное разъяснение. Эфир, как установлено наукой, необычайно инертная, не реагирующая, лишенная основных свойств материи сфера. Такая неощутимость и экспериментальная непознаваемость эфира объясняется тем, что «подобное познается подобным», а нет большего неподобия, чем человек и залежи трупов электронов, то есть эфир. Может быть, именно поэтому эфир «лишен» свойств материи, ибо между человеком и живым микробом-электроном, с одной стороны, и эфиром — с другой, есть принципиальное различие: первые живы, второй мертв. Я хочу сказать, что «непознаваемость» эфира скорее психологическая, чем физическая задача.

Эфир, на правах «кладбища», не обладает никакой внутренней активностью. Поэтому те существа (микробы-электроны), которые им питаются, обречены на вечный голод. Питание их обеспечивается подгонкой свежих эфирных масс за счет посторонних случайных сил. В этом причина замедленности жизни электронов. Интенсивная жизнь для них невозможна: слишком замедлен приток питательных веществ. Это и вызвало замедление физиологических процессов в телах электронов.

Очевидно, ускорение подачи питания должно увеличить темп жизни электронов и вызвать их усиленное размножение. Существующая замедленность физиологических актов легко превратится

при благоприятных условиях питания в бешеный темп, ибо электрон — существо примитивно организованное, и биологические реформы в нем чрезвычайно легки.

Следовательно, одно изменение условий питания должно вызвать такую интенсивность всех жизненных отправлений электрона (в том числе и размножения), что жизнь этих существ станет легко наблюдаемой. Конечно, такая интенсивность жизни будет идти за счет сокращения продолжительности жизни электрона.

Вся загадка в том, чтобы уменьшить разницу во времени жизни человека и электрона. Тогда электрон начнет продуцировать с такой силой, что его может эксплуатировать человек.

Но как вызвать свободный и усиленный приток питательного эфира к электронам? Как технически создать «эфирный тракт» — дорогу эфиру?..

Решение просто — электромагнитное русло...»

На этом рукопись Попова обрывалась. Он ее еще не закончил. Кирипчиков слова не все понял, но всю сокровенную идею Попова ухватил.

Фаддей Кириллович вернулся поздно. Тотчас же он лег спать. Кирипчиков посидел еще немного, почитал книжку «Об устройстве шахтных колодцев» и ничего в ней не понял.

Есть мысли, которые сами собой ведут человека и командуют

его головой, хочет он этого или нет — все едино. Спать еще не хотелось. Было душно и тревожно. Попов храпел и стонал во сне.

Кирпичников вышел во двор, ухватил бревно и зашвырнул его в лог, как палку. Потом заскрипел зубами, застонал, вонзил топор в порог и улыбнулся. На дворе стояло одно дерево — лоза. Кирпичников подошел, обнял дерево — и их закачало обоих ночным ветром.

IV

Когда ели утром жареный картофель, Фаддей Кириллович вдруг бросил есть и встал, веселый, полный надежды и хищной радости.

— Эх, земля! Не будь мне домом — несись кораблем небес!

В смешном иступлении крикнул Попов эти неожиданные слова и сам оторопел.

— Кирпичников, — обратился Фаддей Кириллович, — скажи: ты вошь, ублюдок или мореплаватель? Ответь, обыватель, на корабле мы или в хате? Ага, на корабле — тогда держи руль свинцовыми руками, а не плачь на завалинке! Замолчи, сверчок! Мне известен курс и местоположение... Жуй и — на вахту!..

Кирпичников молчал. Попов болел малярией, бормотал во сне несбыточное, днем лютая злость в нем мгновенно переходила в смех. Работа головы высасывала из него всю кровь, и его исто-

щенное тело вышло из равновесия и легко колебалось настроениями. Кирпичников это знал и смутно беспокоился за него.

Одиночество, затерянность в бесчетных полях и устремленность к одной цели еще более расшатали душевный порядок Попова, и с ним было тяжело работать.

Так прошел месяц или два. Фаддей Кириллович работал все меньше и меньше. Наконец 25 января он совсем не поднялся утром и только сказал:

— Кирпичников, вычисть хату и убирайся вон — я задумался!

Устроив домашние дела, Кирпичников вышел.

Степь пылала снегом — шла вьюга.

Кирпичников спустился в овраг и закрыл люк над шахтой, где Попов уже начал делать установку приборов. Вьюга свирепела, и на дворе от нее шевелился инвентарь. Деваться было некуда, и Кирпичников залез на тесный, захламленный чердак. Снег свистел и метался по крыше; и вдруг Кирпичникову послышалась тихая, страшная, грустная музыка, которую он слышал где-то очень давно. Отвлеченное плачущее чувство томилось и разрасталось от музыки до гибели человека. И будто эта растущая тоска и воспоминания были единственным утешением человека. Кирпичников прилег и занемог от этого нового робкого чувства, которого в нем никогда не было. Он забыл про стужу и, дрожа,

нечаянно заснул. Музыка продолжалась и переходила в сновидения. Кирпичников почувствовал вдруг холодную, тяжелую, медленную волну, и в нем начало затихать сознание, борясь и пробуждаясь, уставая от ужаса и собственной тесноты.

Проснулся Кирпичников сразу, будто кто ему крикнул на ухо или земля на что наткнулась и вдруг застопорила. Кирпичников вскочил, стукнулся о крышу и спустился на двор. Буран тряс землю, и, когда он разрывал атмосферу и показывал горизонт, были видны голые почерневшие поля. Снег сдувало в овраги и в глухие долины. Тут Кирпичников заметил, что дверь в хату открыта и туда мело снегом. Когда он вошел в комнату, то заметил бугор снега, и прямо на нем, а не на кровати, лежал мертвый Фаддей Кириллович Попов — бородой кверху, в знакомой жилетке, прильнувшей к старому телу, с печальным пространством на белом лбу. Снег его заметал все глубже, и ноги уже укрыло совсем.

Кирпичников в полном спокойствии схватил его под мышки и потащил на кровать. У Фаддея Кирилловича отвалилась нижняя губа, и он сам повернулся на бок на кровати и поник головой, ища места ближе к центру Земли. Кирпичников затворил дверь и разгреб снег на полу. Он нашел пузырек с недопитым розовым ядом. Кирпичников вылил остаток яда на снег — и снег зашипел,

исчез газом, и яд начал проедать пол.

На столе, утвержденная чернильницей, лежала неоконченная рукопись: «Решение просто — электромагнитное русло...»

V

— Вы коммунист, товарищ Кирпичников? — спросил председатель окружного исполкома.

— Кандидат.

— Все равно. Расскажите, как это случилось? Вы понимаете, что это очень скверная история — не потому, что придется отвечать, а потому, что погиб очень ценный и редкий человек. Записки никакой не нашли?

— Нет.

— Ну, рассказывайте.

Кирпичников рассказал. В кабинете сидели, кроме председателя, еще секретарь комитета партии и уполномоченный ГПУ.

Кирпичникова слушали внимательно. Он рассказал все, даже содержание неоконченной рукописи, выюгу, распахнутую дверь и странный, косой наклон головы Попова, какого не бывает у живого. И вместе с тем Попов не очень отличался от живого, как будто смерть обыкновенна, как еда.

Кирпичников кончил.

— Замечательная история! — сказал секретарь парткома. — Попов несомненный упадочник. Совершенно разложившийся субъект. В нем действовал, конечно, гений,

но эпоха, родившая Попова, обрекла его на раннюю гибель, и гений его не нашел себе практического приложения. Расстрепанные нервы, декадентская душа, метафизическая философия — все это жило в противоречии с научным гением Попова — и вот какой конец...

— Да, — сказал председатель исполкома. — Прямо агитация фактами. Наука могущественна, а носители ее — выродки и ублюдки. Действительно, срочно необходимы свежие люди с твердой внутренней установкой.

— А ты только сейчас в этом убедился? — спросил уполномоченный ГПУ. — Чудород ты, брат! Наше дело, по-моему, теперь оформить следствие и затем, если ничто не будет противоречить словам Кирпичникова, назначить его хранителем научной базы Попова. Ну, надо немножко Кирпичникову платить за это. Ты, — обратился он к председателю, — из местного бюджета это устроишь. Затем надо сообщить в тот научный институт, который командировал сюда Попова, чтобы выслали другого ученого для продолжения дела... А сохранить все надо в целости! Я пришлю сотрудника составить опись. Медь там есть, ценные приборы, рукописи Попова, какой-какой инвентарь и имущество...

— Верно, — сказал председатель. — Давайте на этом кончим. Я проведу все дело через президиум, и тогда зафиксируем наше постановление.

Через неделю закончили следствие, труп Попова отправили в Москву, а Кирпичникова назначили сторожем в научную усадьбу Попова, с окладом жалованья пятьдесят рублей в месяц.

Кирпичникову вручили копию описи, и он остался один.

Начиналась ранняя заунывная весна — время инерции зимы и мужественного напора солнца.

Заместитель Попова никак не ехал. Кирпичников усердно читал и перечитывал книги и рукописи Попова, рассматривал приборы, построенные здесь же самим Поповым, — и перед ним открывался могучий мир знания, власти и жажды неутолимой, жестокой жизни. Кирпичников начал ощущать вкус жизни и увидел ее дикую пучину, где скрыто удовлетворение всех желаний и находят конечные пункты всех целей.

«Эх, хорошо! — думал Кирпичников. — Зря умер Попов, сам это писал и сам же не понимал. А стоит только понять — и всякому захочется жить...»

Наступило лето. Шло одно и то же. Новый ученый на место Попова не приезжал. Кирпичников начал переписывать рукопись Фаддея Кирилловича начисто, не зная сам для чего, — но так лучше ему понималось.

Наконец в июле приехали двое московских ученых и забрали все наследство Попова — и рукописи и аппараты.

Кирпичников вернулся работать

в черепичную мастерскую, и все кругом для него затихло. Но открывшееся ему чудо человеческой головы сбило его с такта жизни. Он увидел, что существует вещь, посредством которой можно преобразовать и звездный путь и собственное беспокойное сердце и дать всем хлеб в рот, счастье в грудь и мудрость в мозг. И вся жизнь предстала ему как каменное сопротивление его лучшему желанию, но он знал, что это сопротивление может стать полем его победы, если воспитать в себе жажду знания, как кровную страсть.

Кирпичников пошел к председателю исполкома и заявил, что хочет учиться — пусть его отправят на рабфак.

— По следам Попова, сударь, желаете идти? Что же, путь приличный, ваяйте! — и дал ему тут же записку, куда следовало ее дать.

Через неделю Кирпичников шел в областной город — полтора года верст — на рабфак.

Стоял август. Поля шумели земледельцами, пылили стада по большаку, изумительное молодое солнце улыбалось разродившейся измученной земле.

Рыба играла на речных плесах, деревья чуть-чуть трогались желтой сединой, земля лежала голубым пространством в ту сторону и в тот век, куда шел Кирпичников, где его ждало время, роскошное, как песнь.

Прошло восемь лет — срок, достаточный для полного преобразования мира, срок, в который человек перерождается часто, вплоть до спинного мозга.

Михаил Еремеевич Кирпичников — инженер-электрик, научный сотрудник при кафедре биологии электронов, учрежденной после смерти Попова на основе его трудов.

Кирпичников женат и имеет детей — двух мальчиков. Его жена — бывшая сельская учительница, такая же сторонница немедленного физического преобразования мира, как и ее муж. Счастливая убежденность в победе любимой науки на всемирном плацдарме и помогла им пережить убийственные годы ученья, нужды, издевательства обывателей и дала смелость родить двух детей. Они верили, что наступает время, когда хлеба будет столько же, сколько воздуха. Кирпичников мозгом ощущал приближение этой раскованной эпохи, когда у человека освободятся руки от труда и душа от угнетения и он сможет перелепить мир.

Голодная и счастливая пребывала эта семья. Шел век социализма и индустриализации, шло страшное напряжение всех материальных сил общества, а благоденствие откладывалось на завтра.

Освоившись с научной работой, Кирпичников не занял кафедры, а пошел, для тренировки, на прак-

тическую работу. Кроме высшего образования, Кирпичников имел стаж живой общественной работы и был твердым и искренним коммунистом. Как умный и честный человек, как выходец из черепичной мастерской, он знал, что вне социализма невозможна научная работа и техническая революция. В его время это подразумевалось само собой, как подразумевается, но не создается биение сердца в живом человеке.

Десять лет прошло со дня смерти Попова. Это сказать легко, но еще легче было десять раз погибнуть в эти десять лет. Попробуйте описать эти десять лет во всем их крохоборстве борьбы, строительства, отчаяния и редкого покоя. Невозможно — состаришься, умрешь, а не исчерпаешь темы!

В ответ на просьбу практической строительной работы Кирпичникова отправили в Нижнеколымскую тундру производителем работ по постройке вертикального тоннеля. Целью сооружения была добыча внутренней тепловой энергии Земли.

Семью Кирпичников оставил в Москве, а сам отправился. Термический вертикальный тоннель был опытной работой Советского правительства Якутии. В случае успеха работ предполагалось весь край Азиатского материка за Полярным кругом покрыть целой сетью таких тоннелей, затем объединить их энергию посредством единой электропередачи, и на кон-

це электрического провода продвигать культуру, промышленность и население к Ледовитому океану.

Но главная причина тоннельных работ была в том, что в равнинах тундры были изысканы остатки неведомых великолепных стран и культур. Почва и подпочва тундры были не материкового, древнегеологического происхождения, а представляли собой наносы. Причем эти наносы покрыли погребальным покровом целую серию древнейших человеческих культур. А благодаря тому, что этот смертный покров над трупами таинственных цивилизаций представлял пленку вечной мерзлоты, погребенные люди и сооружения хранились, как консервы в банке, — целыми, свежими и невредимыми.

Уже то немногое, что случайно найдено учеными в провалах рельефа тундры, представляло неслыханный интерес и научную ценность. Найдены были трупы четырех мужчин и двух женщин.

Люди эти когда-то имели смуглую кожу, розовые губы, низкий, но широкий лоб, небольшой рост, широкую грудную клетку и спокойное, мирное, почти улыбающееся лицо. Очевидно, или смерть застала их внезапно, или, что вероятнее, смерть была у них совсем другим чувством и другим событием, чем у нас.

У женщин сохранились розовые щеки и тонкий аромат легкой, гигиеничной одежды. У одного

мужчины в кармане найдена книга — маленькая, испещренная изящным шрифтом; ее предполагаемое содержание: изложение принципов личного бессмертия в свете точных наук. В книге описывались опыты по устранению смерти какого-то небольшого животного, срок жизни которого — четверо суток; сфера жизни этого животного (пища, атмосфера, тело и проч.) подвергались беспрестанному воздействию целого комплекса электромагнитных волн, причем каждый вид волны был рассчитан на убийство отдельного рода губительных микробов в теле животного; так, держа подопытное животное в поле электромагнитной стерилизации, удалось увеличить срок его жизни в сто раз.

Затем была найдена пирамидальная колонна из дикого камня. Совершенная форма ее напоминала работу токарного станка, но колонна была сорока метров высоты и десяти метров в основании.

Эти открытия разожгли научные страсти всего мира, и общественное мнение форсировало работы по освоению тундры с целью полной реставрации древнего мира, залегающего под почвой мерзлого пространства и, быть может, уходящего на дно Ледовитого океана.

Страсть к знанию стала новым органическим чувством человека, таким же нетерпеливым, острым и богатым, как зрение или любовь. Этим чувством иногда подминались даже непреложные эконо-

номические законы и стремление к материальному благополучию общества.

Такова была истинная причина сооружения первого вертикального термического тоннеля в тундре.

Система таких тоннелей должна была стать фундаментом культуры и экономики тундры, затем — ключом в подземные ворота, в мир неизвестной гармонической страны, нахождение которой ценнее изобретения паровой машины и открытия целого радиового Монблана.

Ученые думали, что тот отрезок науки, культуры и промышленности, который нам предстоит пройти в течение ближайших ста двухсот лет, содержится готовым в недрах тундры. Достаточно снять мерзлую почву — и история сделает скачок на век или на два века вперед, а затем снова пойдет своим темпом. Зато какая экономия труда и времени произойдет от такой полочки задаром двух будущих веков! С этим не сравнится никакое историческое благодеяние человечества в прошлом!

Ради этого стоило сделать в Земле дырку глубиной в два километра.

Кирпичников поехал, сжимая от радости кулаки, чувствуя цель, которую он должен выполнить, как всемирную победу и обручение древнейшей эры с сегодняшним днем.

Тоннель был построен. Вот документ инженера Кирпичникова:

«Центральному Совету Труда

Управления работ по сооружению Вертикального термического тоннеля в Нижнеколымской тундре, на 67-й параллели

Общий и заключительный доклад за 1934 год

Термический вертикальный тоннель (№ 1) окончен 2 декабря этого года. Тоннель, как было задано, предназначается для утилизации теплоты нашей планеты, находящейся в ее недрах; эта теплота, превращенная в электрический ток, должна обслуживать район под именем Тао-Лунь, площадью 1100 квадратных километров, предназначенный для заселения.

Тоннель имеет форму усеченного конуса, обращенного усечением внутрь тела Земли. Ось его наклонена к плоскости экваториального сечения под углом в 62°. Длина оси тоннеля — 2080 метров. Диаметр широкого основания на дневной поверхности Земли равен 42 метрам, усеченной вершины внутри Земли — 5 метрам.

Достигнутая температура на дне тоннеля — 184 градуса (в том месте, где установлены термоэлектрические батареи).

Согласно проекту, утвержденному Советом Труда, работы начались 1 января 1934 года, окончены 2 декабря того же года.

Формовка тоннеля достигнута не взрывным методом, как указано было в проекте, а электромагнитными волнами, отрегулированными соответственно микрофизи-

ческой электронной структуре недр. Электромагнитные волны вибратора были настроены на такую длину и частоту, которые точно совпадали с естественными колебаниями электронов в атомах периферии Земли; поэтому от действия внешней дополнительной силы увеличивался их размах и получался разрыв атомных орбит, вследствие чего наступала реконструкция ядра атома: его превращение в другие элементы — разрушение.

Мы поставили на поверхности мощные и в больших пределах регулируемые резонаторы; нашли экспериментально среднюю волну каждой встречной породы недр, подлежащей разрушению (точнее, распылению, размягчению), — и так разжевывали ствол тоннеля во всех поперечных сечениях.

Затем металлческими пятитонными ковшами скреперного типа на стальных тросах мы вывели получившуюся тоннельную кашу. Впрочем, ее осталось немного после электромагнитной операции: большинство составных частей почвы и недр превратилось в газы и улетучилось. Одинаковое были мягкой пылью и газом глина, вода, гранит, железная руда.

После этого было приступлено (в августе месяце) к проектной формовке тоннеля. Благодаря высокой температуре люди опускались только до 1000-го метра; глубже работа производилась на тросах: с их помощью устанавливались насосы, рылись кюветы,

водосборные бассейны в террасах и управлялись землечерпательные ковши на формовке склонов. Дно и ствол тоннеля покрыты термоизолятом сплошь, начальной толщиной слоя (у поверхности Земли) в 2 сантиметра и конечной в 1,25 метра.

После сооружения тоннеля собранные наверху термоэлектрические батареи вместе с проводами были опущены на тросах на дно тоннеля и установлены — батареи над батареей — в двенадцать этажей.

Концы проводов закреплены на выводящих кронштейнах у поверхности Земли, и ток в них ждет своего потребителя.

Энергия пока пущена в почву тундры — тундра тает; тает в первый раз после того, как был ею накрыт и сохранен для нас тот странный, чудесный мир, ради которого, по распоряжению Центрального Совета Труда, была добыта внутренняя теплота земного шара.

Глав. инж. Верх. термтоннеля

В л. Крохов

Производитель работ инженер

М. К и р п и ч н и к о в

№ 2/А, 4 ноября 1934».

VII

Вернулся к семье Кирпичников только в апреле, пробыв в отсутствии восемнадцать месяцев. Он чувствовал себя переутомленным и собирался поехать с женой и

мальчишками куда-нибудь в деревню.

Есть люди, бессознательно живущие в такт с природой: если природа делает усилие, то такие люди стараются помочь ей внутренним напряжением и сочувствием. Может быть, это остаток того чувства единства, когда природа и человек были сплошным телом и жили заодно.

Так бывало у Кирпичникова. Если разгоралось время весны, таял снег и ручьям подпевали южные птицы с неба, Кирпичников был доволен. Когда же неожиданно возвращался снег, заморозки и мрачное молчаливое зимнее небо, Кирпичников печалился и напрягался.

28 апреля Кирпичниковы поехали в Волошино — дальнюю деревню Воронежской губернии, где когда-то учительствовала Мария Кирпичникова, жена Михаила.

У Марии там были девичьи воспоминания, одинокие годы, милые дни прозревающей души, впервые борющейся за идею своей жизни. В оправе скудных волошинских полей лежала душевная родина Марии Кирпичниковой.

Михаила влекла в Волошино любовь к жене и ее тихому прошлому, а еще то, что около Волошина в соседнем селе Кочубарове жил Исаак Матиссен, инженер-агроном, знакомый Кирпичникова. Когда-то, в годы ученья в институте, Кирпичников встречался с ним, и они говорили на близкие им технические темы. Матиссен

ушел со второго курса электротехнического института и поступил в сельскохозяйственную академию. В Матиссене Кирпичникова интересовала его теория техники без машин — техники, где универсальным инструментом был сам человек. Матиссен, человек чести, единой идеи и несокрушимого характера, поставил целью жизни осуществление своего замысла.

Теперь он был заведующим Кочубаровской опытно-мелиоративной станцией. Кирпичников не видел его шесть лет, чего он добился — неизвестно, но что он старался добиться всего, в этом Михаил был уверен.

Уезжая в Волошино, Кирпичников заранее радовался встрече с Матиссеном.

От того Михаила Кирпичникова, который жил когда-то в Грбовске, работал в черепичной мастерской, искал истину и мечтал, осталось немного. Мечты превратились в теории, теории превратились в волю и постепенно осуществлялись. Истина стала не сердечным покоем, а практическим завоеванием мира.

Но одно тревожило Кирпичникова и толкало его на беспокойные изыскания всюду — среди книг, среди людей и чужих научных работ. Это жажда закончить труд погибшего Попова об искусственном размножении электронов-микробов и технически исполнить «эфирный тракт» Попова, чтобы по нему прилить эфирную пищу

к пасти микроба и вызвать в нем бешеный темп жизни.

«Решение просто — электромагнитное русло...» — бормотал время от времени Кирпичников последние слова неоконченной работы Попова и тщетно искал того явления или чужой мысли, которые навели бы его на разгадку «эфирного тракта». Кирпичников знал, что может дать людям «эфирный тракт»: можно вырастить любое тело природы до любых размеров за счет эфира. Например, взять кусочек железа в один кубический сантиметр, подвести к нему «эфирный тракт» — и этот кусочек железа на глазах начнет расти и вырастет в гору Арарат, потому что в железе начнут размножаться электроны.

Несмотря на усердие и привязанность к этой проклятой мысли, решение «эфирного тракта» не давалось Кирпичникову уже много лет. Работая в тундре, он всю долгую, беспокойную, тревожащую полярную ночь думал об одном и том же. Его путала еще одна загадка, не решенная в трудах Попова: что такое положительно заряженное ядро атома, в котором присутствует материя?

Если чистые отрицательные электроны и есть микробы и живые тела, то что такое материальное ядрышко атома, к тому же положительно заряженное?

Этого не знал никто. Правда, были смутные указания и сотни гипотез в научных работах, но ни одно из них не удовлетворяло

Кирпичникова. Он искал практического решения, объективной истины, а не субъективного удовлетворения первой попавшейся догадкой, может быть, и блестящей, но не отвечающей строению природы.

В Волошино Кирпичников поехал на своем автомобиле, который уже давно стал орудием каждого человека. Хотя от Москвы до Волошина лежала линия в девятьсот километров, Кирпичников решил ехать на автомобиле, а не в купе вагона. Его с женой влек к себе малоизвестный путь, ночевки в поселках, скромная природа равнинной северной страны, мягкий ветер в лицо — вся прелесть живого мира и постепенное утопание в безвестности и задумчивом одиночестве...

Машина «Алгонда-09» работала бесшумно: бензиновый мотор погиб пять лет назад, сокрушенный кристаллическим аккумулятором ленинградского академика Иоффе. Автомобиль шел на электрической аккумуляторной тяге и только тихо шипел покрышками по асбесто-цементному шоссе. Запас энергии «Алгонда» имела на десять тысяч километров пути, при весе аккумуляторов в десять килограммов.

И вот развернулась перед путешественниками чудесная натура вселенной, глубину которой десятки веков старались постигнуть мудрецы всех стран и культур, идя дорогой мысленного созерцания. Будда, составители Вед, де-

сятки египтян и арабов, Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, наконец Бергсон и Шпенглер, — все силились, но догадаться об истине нельзя, до нее можно доработаться: вот когда весь мир протечет сквозь пальцы работающего человека, преобразаясь в полезное тело, тогда можно будет говорить о полном завоевании истины. В этом была философия революции, случившейся восемнадцать лет назад и не совсем оконченной и сейчас.

Понять — это значит прочувствовать, прощупать и преобразить, — в эту философию революции Кирпичников верил всей кровью, она ему питала душу и делала волю боепособным инструментом.

Кирпичников вел «Алгонду», улыбался и наблюдал. Мир был уже не таким, каким его видел Кирпичников в детстве — в глухом Гробовске. Поля гудели машинами; за первые двести километров пути он встретил шесть раз линию электропередачи высокого напряжения от мощных централей. Деревня резко изменила свое лицо — вместо соломы, плетней, навоза, кривых и тонких бревен в строительство вошли черепица, железо, кирпич, толь, террезит, цемент, наконец дерево, но пропитанное особым составом, делающим его нестерраемым. Народ заметно потолстел и подобрел характером. История стала практическим применением диалектического материализма. Искусственное

орошение получило распространение до московской параллели. Дождевальные машины встречались так же часто, как пахотные орудия. На север от Москвы дождеватели исчезали, и появлялись дренажные осушительные механизмы.

Жена Кирпичникова показывала детям эту живую экономическую географию социалистической страны, и сам Кирпичников с удовольствием ее слушал. Трудная личная жизнь как-то погасила в нем эту простую радость видеть, удивляться и чувствовать наслаждение от удовлетворенной любознательности.

Только на пятый день они приехали в Волошино.

В доме, где остановились Кирпичниковы, был вишневый сад, который уже набух почками, но еще не оделся в свой белый, неопишимо трогательный наряд.

Стояло тепло. Дни сияли так мирно и счастливо, как будто они были утром тысячелетнего блаженства человечества.

Через день Кирпичников поехал к Матиссену.

Исаак совсем не удивился его приезду.

— Я каждый день наблюдаю гораздо более новые и оригинальные явления, — пояснил Матиссен Кирпичникову, увидев его недоумение равнодушным приемом.

Через час Матиссен немного отмяк.

— Женатый, черт! Привык к сентиментальности! А я, брат,

почитаю работу более прочным наследством, чем детей!.. — И Матиссен засмеялся, но так ужасно, что у него пошли морщины по лысому черепу. Видно, что смех у него столько же част, как затмение солнца.

— Ну, рассказывай и показывай, чем живешь, что делаешь, кого любишь! — улынулся Кирпичников.

— Ага, любопытствуешь! Одобряю и приветствую!.. Но слушай, я тебе покажу только главную свою работу, потому что считаю ее законченной. Про другие говорить не буду — и не спрашивай!..

— Послушай, Исаак, — сказал Кирпичников, — меня бы интересовала твоя работа над темой техники без машин, помнишь? Или ты уже забыл эту проблему и разочаровался в ней?

Матиссен пожмурился, хотел сострить и удивить приятеля, но, позабыв все эти вещи, тщетно вздохнул, сморщил лицо, привыкшее к неподвижности, и просто ответил:

— Как раз это я тебе и покажу, коллега Кирпичников!

Они прошли плантации, сошли в узкую долину небольшой речки и остановились. Матиссен выпрямился, приподнял лицо к горизонту, как будто обозревал миллионную аудиторию на склоне холма, и заявил Кирпичникову:

— Я скажу тебе кратко, но ты поймешь: ты электрик, и это касается твоей области! Только не перебивай: мы оба спешим — ты

к жене, — Матиссен повторил свой смех — лысина заволновалась морщинами, и челюсти разошлись, в остальном лицо не двигалось, — а я к почве.

Кирпичников помолчал и продолжил свой вопрос:

— Матиссен, а где же приборы? Ведь мне хотелось бы не лекцию прослушать, а увидеть твои эксперименты.

— И то и другое, Кирпичников, и то и другое! А все приборы налицо. Если ты их не видишь — значит, ты ничего и не услышишь и не поймешь!

— Я слушаю, Матиссен! — кратко поторопил его Кирпичников.

— Ага, ты слушаешь! Тогда я говорю.

Матиссен поднял камешек, изо всех сил запустил его на другую сторону речки и начал:

— Видно даже глазам, что всякое тело излучает из себя электромагнитную энергию, если это тело подвергается какой-нибудь судороге или изменению. Верно ведь? И каждому изменению — точно, неповторимо, индивидуально — соответствует излучение целого комплекса электромагнитных волн такой-то длины и таких-то периодов. Словом, излучение, радиация, если хочешь, зависит от степени изменения, перестройки подопытного тела. Далее. Мысль, будучи процессом, перестраивающим мозг, заставляет его излучать в пространство электромагнитные волны.

Но мысль зависит от того, что человек конкретно подумал, от этого же зависит, как и насколько изменится строение мозга. А от изменения строения или состояния мозга уже зависят волны: какие они будут. Мыслящий, разрушающий мозг творит электромагнитные волны и творит их в каждом случае по-разному: смотря, какая мысль перестраивала мозг.

Тебе все ясно, Кирпичников?

— Да, — подтвердил Кирпичников. — Дальше!

Матиссен сел на кочку, потер усталые глаза и продолжал:

— Опытным путем я нашел, что каждому роду волн соответствует одна строго определенная мысль. Я, понятно, несколько обобщаю и схематизирую, чтобы ты лучше понял. На самом деле все гораздо сложнее. Так вот. Я построил универсальный приемник-резонатор, который улавливает и фиксирует волны всякой длины и всякого периода. Скажу тебе, что даже одной, самой незначительной и короткой мыслью вызывается целая сложнейшая система волн.

Но все же мысли, скажем, «окаянная сила» (помнишь этот дореволюционный термин?), соответствует уже известная, экспериментально установленная система волн. От другого человека она будет лишь с маленькой разницей.

И вот свой приемник-резонатор я соединил с системой реле, исполнительных аппаратов и меха-

низмов, сложных по технике, но простых и единых по замыслу. Эту систему надо еще более усложнить и продумать. А затем распространить по всей Земле для всеобщего употребления. Пока же я действую на незначительном участке и для определенного цикла мыслей.

Теперь гляди! Видишь, на том берегу у меня посажена напустная рассада. Видишь, она уже засохла от бездождья. Теперь следи: я четко думаю и даже выговариваю, хотя последнее не обязательно: о-р-о-с-и-т-ы! Гляди на другой берег, голова!..

Кирпичников всмотрелся на противоположный берег речонки и только сейчас заметил полузакрытую кустом небольшую установку насосного орошения и какой-то компактный прибор. «Вероятно, приемник-резонатор», — догадался Кирпичников.

После слова Матиссена «оросить!» насосная установка заработала, насос стал сосать из речки воду, и по всему напустному участку из форсунок-дождевателей забили маленькие фонтанчики, разбрызгивающие мельчайшие капельки. В фонтанчиках заиграла радуга солнца, и весь участок зашумел и ожил: жужжал насос, шипела влага, насыщалась почва, свежели молодые растения.

Матиссен и Кирпичников молча стояли в двадцати метрах от этого странного самостоятельного мира и наблюдали.

Матиссен ехидно посмотрел на Кирпичникова и сказал:

— Видишь, чем стала мысль человека? Ударом разумной воли! Неправда ли?

И Матиссен уныло улыбнулся своим омертвевшим лицом.

Кирпичников почувствовал горячую, жгущую струю в сердце и в мозгу — такую же, какая ударила его в тот момент, когда он встретил свою будущую жену. И еще Кирпичников сознал в себе какой-то тайный стыд и тихую робость — чувства, которые присущи каждому убийце даже тогда, когда убийство совершено в интересах целого мира. На глазах Кирпичникова Матиссен явно насилывал природу. И преступление было в том, что ни сам Матиссен, ни все человечество еще не представляли из себя драгоценностей дорожки природы. Напротив, природа все еще была глубже, больше, мудрее и разноцветней всех веков.

Матиссен разъяснил:

— Вся штука чрезвычайно проста! Человек, то есть я в данном случае, находится в сфере исполнительных механизмов, и его мысль (например, «оросить!») есть в плане исполнительных машин: они так построены. Мысль «оросить!» воспринимается резонатором. Этой мысли соответствует строгая неповторимая система волн. Именно только волнами такой-то длины и таких-то периодов, какие эквивалентны мысли «оросить!», замыкаются те реле кото-

рые управляют в исполнительных механизмах орошением.

Такая высшая техника имеет целью освободить человека от мускульной работы. Достаточно будет подумать, чтобы звезда переменила путь... Одним словом, я хочу добиться возможности обходиться без исполнительных механизмов и без всяких посредников, а действовать на природу прямо и непосредственно — голой пертурбацией мозга. Я уверен в успехе техники без машин. Я знаю, что достаточно одного контакта между человеком и природой — мысли, чтобы управлять всем веществом мира! Понял?.. Я поясню. Видишь, в каждом теле есть такое место, такое сердечко, что, если дать по нему щелчком — все тело твоё: делай с ним что хочешь. А если звать тело, как нужно и где нужно, то оно будет само делать то, что его заставишь. Вот я считаю, что той электромагнитной силы, которая испускается мозгом человека при всяком помышлении, вполне достаточно, чтобы так уязвлять природу, что эта Маша станет нашей!..

Кирпичников на прощанье сжал руку Матиссену, а потом обнял его и сказал с горячим чувством и полной искренностью:

— Спасибо, Исаак! Спасибо, друг! Знаешь, только одна еще есть проблема, которая равна твоей! Но она еще не решена, а твоя почти готова... Прощай! Еще раз спасибо тебе! Надо всем

работать, как ты, — с резким разумом и охлажденным сердцем! До свиданья!

— Прощай! — ответил Матиссен и пошел вброд, не разунаясь, на ту сторону своей маловодной речонки.

VIII

Пока Кирпичников отдыхал в Волошине, мир сотрясала сенсация. В Большеозерской тундре экспедицией профессора Гомонова откопаны два трупа: мужчина и женщина лежали, обнявшись, на сохранившемся ковре. Ковер был голубого цвета, без рисунка, покрытый тонким мехом неизвестного животного. Люди лежали одетыми в плотные сплошные ткани темного цвета, покрытые изображениями изящных высоких растений, кончавшимися сверху цветком в два лепестка. Мужчина был стар, женщина молода. Вероятно, отец и дочь. Лица и тела были того же строения, что и у людей, обнаруженных в Нижнеколымской тундре. То же выражение спокойных лиц: полуулыбка, полусожаление, полуразмышление. будто воин завоевал мраморный неприступный город, но среди статуи, зданий и неизвестных сооружений упал и умер, усталый и удивленный.

Мужчина крепко сжимал женщину, как бы защищая ее покой и целомудрие для смерти. Под ковром, на котором лежали эти мертвые обитатели древней тундры, были обнаружены две книги — одна из них напечатана тем

же шрифтом, что и книжка, найденная в Нижнеколымской тундре, другая имела иные знаки. Эти знаки были не буквами, а некоторой символикой, однако с очень точным соответствием каждому символу отдельного понятия. Символов было чрезвычайное множество, поэтому ушло целых пять месяцев на их расшифровку. После этого книгу перевели и издали под наблюдением Академии филологических наук. Часть текста найденной книги осталась неразгаданной: какой-то химический состав, вероятно находившийся в ковче, безвозвратно погубил драгоценные страницы — они стали черными, и никакая реакция не выявляла на них символических значков.

Содержание найденного произведения было отвлеченно философское, отчасти историко-социологическое. Все же сочинение представляло такой глубокий интерес как по теме, так и по блестящему стилю, что книжка в течение двух месяцев вышла в одиннадцати изданиях подряд.

...Кирпичников выписал книгу. Везде и всюду он искал одного — помощи для разгадки «эфирного тракта».

Когда он посетил Матиссена, на обратном пути что-то зацепилось в его голове, он обрадовался, но потом снова все распалось — и Кирпичников увидел, что работы Матиссена имеют лишь отдаленное родство с его мучительной проблемой.

Получив книгу, Кирпичников

углубился в нее, томимый одною мыслью — найти между строк какой-либо намек на решение своей мечты. Несмотря на дикость, на безумие искать поддержки в открытии «эфирного тракта» у большеозерской культуры, Кирпичников с затаенным дыханием прочел труд древнего философа.

Сочинение не сохранило имени автора, называлось оно «Песни Аюны». Прочитав его, Кирпичников ничему не удивился — чего-либо замечательного в сочинении не содержалось.

— Как скучно! — сказал Кирпичников. — И в тундре ничего путного не думали! Все любовь, да творчество, да душа, а где же хлеб и железо?..

IX

Кирпичников сильно затосковал, потому что он был человеком, а человек обязательно иногда гоним. Ему случилось уже тридцать пять лет. Построенные им приборы для создания «эфирного тракта» молчали и подчеркивали заблуждение Кирпичникова. Фразу Попова «Решение просто — электромагнитное русло...» Кирпичников всячески толковал посредством экспериментов, но выходили одни фокусы, а эфирного пищепровода к электронам не получалось.

— Так-с! — в злобном исступлении сказал себе Кирпичников. — Следовательно, надо заняться другим! — Тут Кирпичников прислушался к дыханию жены

и детей (была ночь и сон), закурил, прислушался к шуму за окном и сразу зачеркнул все. — Тогда тебе надо пуститься пешему по земле, ты гниешь на корню, инженер Кирпичников! Семья? Что ж, жена красива, новый муж к ней сам прибежит, дети здоровы, страна богата — прокормит и вырастит! Это единственный выход, другой — смерть на снежном бугре у распахнутой двери: выход Фаддея Кирилловича!.. Да-с, Кирпичников, таковы дела!..

Кирпичников вздохнул с чрезвычайной сентиментальностью, а на самом деле искренне и мучительно.

— Ну что я сделал? — продолжал он шепотом ночную беседу с самим собой. — Ничего. Тоннель? Чепуха! Сделали бы и без меня. Крохов был талантливей меня. Вот Матиссен — действительно работник! Машины пускает мыслью! А я... а я обнял жизнь, жму ее, ласкаю, а никак не оплодворяю...

Кирпичников спохватился:

— Философствуется, сударь? В отчаяние впали? Стоп! Это, брат, нервы у тебя расшились: простая физиологическая механика... Так зачем же ты страдаешь?

Зазвонил неожиданно и не вовремя телефон.

— У телефона Крохов. Здорово, Кирпичников!

— Здравствуй, что скажешь?

— Я, брат, получил назначение. Еду на Фейссуловскую атлантическую верфь: первое компрес-

сорно-волновое судно строить. Знаешь эту новую конструкцию: судно идет за счет силы волн самого океана! Проект инженера Флювельберга.

— Ну, слышал, а я-то при чем тут?

— Что ты бурчишь? У тебя изжога, наверно! Чудак, я еду главным инженером верфи, а тебя вот зову своим заместителем. Я ведь корабельщик по образованию — справимся как-нибудь, и сам Флювельберг будет у нас! Ну как, едем?

— Нет, не поеду, — ответил Кирпичников.

— Почему? — спросил пораженный Крохов. — Ты где работаешь-то?

— Нигде.

— Ну смотри, парены!.. Пройдет изжога, пожалеешь! Я подожду неделю.

— Не жди, не поеду!

— Ну, как хочешь!

— Прощай.

— Спокойной ночи.

Кирпичников прошел в спальню. Постоял молча в дверях, потом надел старое пальто, шляпу, взял мешок и ушел из дому навсегда. Он ни о чем не сожалел и питался своей глухой тревогой. Он знал одно: устройство «эфирного тракта» поможет ему опытным путем открыть эфир как генеральное тело мира, все из себя производящее и все в себя принимающее. Он тогда технически, то есть единственно истинно, разъяснит и завоюет всю сферу

вселенной и даст себе и людям горячий, ведущий смысл жизни. Это старинное дело, но мучительны старые раны. Только людские ублюдки кричат: «Нет и не может быть смысла жизни: питайся, трудись и молчи!» Ну, а если мозг уже вырос и так же страстно ищет своего пропитания, как ищет своего пропитания тело? Тогда как? Тогда — труба, выкручивайся сам. В этом мало люди помогают.

Вот именно! Найдите вы человека, который живет не евши! Кирпичников же вошел в ту эпоху, когда мозг неотложно требовал своего питания; и это стало такой же горячей воющей жаждой, как голод желудка, как страсть пола!

Может быть, человек, незаметно для себя рождал из своих недр новое, великолепное существо, командующим чувством которого было интеллектуальное сознание, и не что иное! Наверное, так. И первым мучеником и представителем этих существ был Кирпичников.

...Он пошел пешком на вокзал, сел в поезд и поехал на свою забытую родину — Гробовск. Там он не был двенадцать лет. Ясной цели у Кирпичникова не было. Он влекся тоскою своего мозга и поисками того рефлекса, который наведет его мысль на открытие «эфирного тракта». Он питался бессмысленной надеждой обнаружить неизвестный рефлекс в пустынном провинциальном мире.

Очутившись в вагоне, Кирпичников сразу почувствовал себя не инженером, а молодым мужичком с глухого хутора и повел беседу с соседями на живом деревенском языке.

Х

Русское овражистое поле в шесть часов октябрьского утра — это апокалиптическое явление для тех, кто читал древнюю книгу — апокалипсис. Идет смутное столпотворение гор сырого воздуха, шуршит робкая влага в балках, в десяти саженьях движутся стены туманов, и ум пешехода волнует скучная злость. В такую погоду, в такой стране, если ляжешь спать в деревне, может присниться жуткий сон.

По дороге, выпавшись в ближней деревне, шел человек. Кто знает, кем он был. Бывают такие раскольники, бывают рыбаки с Верхнего Дона, бывает прочий похожий народ. Пешеход был не мужик, а, пожалуй, парень. Он поспешал, сбивался с такта и чесал сырые худые руки. В овраге стоял пруд, человек сполз туда по глинистому склону и попил водицы. Это было ни к чему — в такую погоду, в сырость, в такое прохладное октябрьское время не пьется даже бегуну. А путник пил много, со вкусом и жадностью, будто утоляя не желудок, а смазывая и охлаждая перегретое сердце. Очнувшись, человек зашагал сызнова.

Прошло часа два, пешеход, одолевая великие грязи, выбился из сил и ждал какую-нибудь нечаянную деревушку на своей осенней дороге.

Началась равнина, овраги пережились и исчезли, запутавшись в своей глуши и заброшенности.

Но шло время, а никакого селца на дороге не случалось. Тогда парень сел на обдутый ветрами бугорок и вздохнул. Видимо, это был хороший молчаливый человек и у него была терпеливая душа.

По-прежнему пространство было безлюдно, но туман уползал в вышину, обнажались поздние поля с безжизненными осями подсолнухов, и понемногу наливался светом скромный день.

Парень посмотрел на камешек, кинутый во впадину, и подумал с сожалением об его одиночестве и вечной прикованности к этому невеселому месту. Тотчас же он встал и опять пошел, сожалея об участии разных безымянных вещей в грязных полях.

Скоро местность снизилась и обнаружилось небольшое село — дворов пятнадцать. Пеший человек подошел к первой хате и постучал. Никто ему не ответил. Тогда он самовольно вошел внутрь помещения.

В хате сидел не старый крестьянин, бороды и усов у него не росло, лицо было утомлено трудом или подвигом. Этот человек как будто сам только вошел в это жилище и не мог двинуться от уста-

лости, оттого он и не ответил на стук вошедшего.

Парень, житель Гробовского округа, вгляделся в лицо нахмуренного сидельца и сказал:

— Федосий! Неужели возвратился?

Человек поднял голову, засиял хитрыми, умными глазами и ответил:

— Садись, Михаил! Воротился, нигде нет благочестия — тело наружи, а душа внутри. Да и шут ее знает, кто ее щупал — душу свою...

— Што ж, хорошо на Афоне? — спросил Михаил Кирпичников.

— Конечно, там земля разнобразней, а человек — стервец, — разъяснил Федосий.

— Что ж теперь делать думаешь, Федосий?

— Так хохом не скажешь! Погляжу пока, шесть лет ушло зря, теперь бегом надо жить. А ты куда уходишь, Михаил?

— В Америку. А сейчас иду в Ригу, на морской пароход!

— Далече. Стало быть, дело какое имеешь знаменитое?

— А то как же!

— Стало быть, дело твое сурьезное?

— А то как же! Бедовать иду, всего лишился!

— Видать, туго задумал ты свое дело?

— Знамо, не слабо. Без харчей иду, придорожным приработком кормлюсь!

— Дело твое крупное, Михай-

ла... Ну, ступай, чудотворец, поглядим-подышим! Скорей только ворочайся и в морях не утопни!

Кирпичников вышел и пропал в полях. Он был доволен встречей с Федосием, восемнадцать лет пропадавшим где-то в поисках праведной земли и увидевшим в нем только черепичного мастера, — и своей беседой с ним. Но в этой беседе была и правда — Кирпичников на самом деле собрался в Америку.

Пройдя сквозь европейский кусок СССР, Михаил достиг Риги. Здесь в нем проснулся инженер. Его поразила прочность домов — ни ветер, ни вода такие постройки не возьмет — одно землетрясение может поразить такие монументы. Сразу почуял в Риге Михаил всю тщету, непрочность и страх сельской жизни. В Москве он почему-то это не думал. Еще удивил Михаила этот город стройной, задумчивой торжественностью зданий и крепкими, спокойными людьми. Несмотря на образование и жизнь в Москве, в Кирпичникове сохранилась первобытность и способность удивляться простым вещам.

Михаил ходил по Риге и улыбался от удовольствия видеть такой город и иметь в себе верную мысль всеобщего богатства и здоровья. Ходил он столько дней, пока у него не вышли харчи; тогда он пошел в порт.

Голландский пароход «Индонезия», сгрузив индиго, чай и какао, грузился лесом, пенькой, дерево-

обделочными машинами и разными изделиями советской индустрии. Из Риги он должен идти в Амстердам, там произведет текущий ремонт машин, а затем уйдет в Сан-Франциско, в Америку.

Михаила Кирпичникова взяли на пароход помощником кочегара — подкидчиком угля, потому что Кирпичников согласился работать за половинную цену.

Через десять дней «Индонезия» тронулась; и перед Михаилом открылся новый могучий мир пространства и бешеной влаги, о котором он никогда особенно не думал.

Океан неопишем. Редкий человек переживает его по-настоящему, тем чувством, какого он достоин. Океан похож на тот великий звук, который не слышит наше ухо, потому что у этого звука слишком высок тон. Есть такие чудеса в мире, которых не вмещают наши чувства, именно потому, что наши чувства их не могут вынести, а если бы попробовали, то человек разрушился бы.

Вид океана снова убедил Михаила в необходимости достигнуть богатой жизни и отыскать «эфирный тракт», а вечная работа воды заражала его энергией и упорством.

XI

Десять месяцев прошло, как ушел Михаил из Ржавска. В следующее утро раннего лета среди молодых розовых гор Калифорнии

шагал Михаил к далеким лимонным рощам и цветочным полям Риверсайда.

Кирпичников чувствовал в себе сердце, в сердце был напор крови, а в крови — надежда на будущее, на сотни счастливых советских лет.

И Михаил спешил среди ферм, обгоняя стада, сквозь веселый белый бред весенних вишневых садов. Калифорния немного напоминала Украину, где Кирпичников бывал мальчиком, где народ был сплошь здоровый, рослый и румяный, а коричневые обнажения древних горных пород напоминали Кирпичникову, что родина его далеко и что там сейчас, наверное, грустно.

И свирепея, отчаиваясь, завидую, упираясь в твердые ноги, Кирпичников почти бежал, спеша достигнуть таинственного Риверсайда, где сотни десятин под розами, где из нежного тела беззащитного цветка выгоняется тончайшая драгоценная влага и где, быть может, работает возбудитель того рефлекса, который выведет его на «эфирный тракт»: в Риверсайде находилась тогда знаменитая лаборатория по физике эфира, принадлежащая Американскому электрическому униюу.

Четверо суток шел Михаил. Он немного заблудился и дал круг километров в пятьдесят.

Наконец он достиг Риверсайда. В городе было всего домов тысячу; но улицы, электричество, газ,

вода — все было удобно обдуманно и устроено, как в лучшей столице.

У околицы города висела вывеска: «Путник, только у Глэн-Бабкока, в гостинице «Четырех Стран Света», высосут пыль из твоей одежды (вакуумпопитры), предложат влагу лучших источников Риверсайда, накормят стерилизованной пищей, почти не дающей несваренных остатков, и уложат в постель, с электрическими грелками и рентгено-компрессором, изгоняющим тяжелые сновидения».

Кирпичников немного понимал по-английски и теперь развлекался этими надписями.

«Американцы! В Вашингтоне — ваша мудрость! В Нью-Йорке — слава! В Чикаго — кухня! В Риверсайде — ваша красота! Американцы, вы должны быть настолько красивы, насколько энергичны и богаты: заказывайте тоннами пудру Ривергрэн!»

«В Фриско — наши корабли, в Риверсайде — наши женщины! Американки, объясните мужьям — нашей стране нужны не только броненосцы, но и цветы! Американки, записывайтесь в Добровольную ассоциацию поощрения национального цветоводства: Риверсайд, 1, А/34».

«Масло розы — основа богатства нашего округа! Масло розы — основа здоровья нации! Американцы, умащайте ваши мужественные тела эссенцией розы — и вы не потеряете мужества до ста лет!»

«В Азии — Месопотамия, но

без рая! В Америке — Риверсайд, но в раю!»

«Элементы нашего национально-го рая суть:

Пища — жилище — влага: Глэн-Бабкок.

Одежда — красота — мораль: Нацманзон.

Искусство — рассуждение — религия — пути провидения — вечная слава: универсальное блок-предприятие Звездного треста.

Вечный покой: анонимная компания «Урна».

Эксплуатация времени в целях смеха и развлечения: изолированная обитель «Древо Евы».

Препараты «Антисексус»: «Беркман, Шотлуа и К⁰».

«Ходят только в башмаках Скржга, в остальной обуви ползают!»

«Приведи в действие тормоз опасности! Стоп! Дальше — конец света! Зайди в наш дом «Сотворение мира»!»

«Джентльмены! Танец творит человека — творите себя: танц-зал напротив! Маэстро Майнрити: стаж 50 лет в странах Европы».

«Помолись! Каждый обречен на смерть! Встреча с богом неминуема! Что ты скажешь ему? Зайди в Дом абсолютной религии! Вход бесплатный. Хор юных дев зафиксированного целомудрия! Оживленная статуя истинного бога! Мистические процедуры, стихи, музыка нерожденных душ, ароматное помещение! Кино религиозными методами иллюстрирует современность, пастор Фокс доказывает

соответствие истории и библии! Посетившему гарантируется стерилизация души и возвращение перводушевности!»

«Звездное знамя есть знамя небесного бога! Аллилуйя!»

«Наклони голову: тебя ждут обувные автоматы и препараты против пота!»

«Главное в жизни — пища! И — наоборот! Усовершенствованные экскрементари в каждом квартале Риверсайда ждут тебя! Осознанный желудок!»

«Аэропланы в розницу, с бесплатной упаковкой: Эптон Гаген».

Кирпичников хохотал. Он читал где-то, что американцы по развитию мозга — двенадцатилетние мальчики. Судя по Риверсайду, это была точная правда.

Работу себе нашел Кирпичников через четыре дня: машинистом на насосной станции, поднимающей воду из реки Квебек в лимонные сады.

Прошел монотонный месяц. Кругом жили глупые люди: работа, еда, сон, ежевечернее развлечение, абсолютная вера в бога и в мировое первенство своего народа. Очень любопытно! Кирпичников наблюдал, молчал и терпел, друзей никаких не имел.

Адреса своего Кирпичников дома не оставил, записки тоже, однако то, что он отправился в Америку, на родине было известно. Кирпичников, как всегда, внимательно читал газеты, и однажды увидел в «Чикагском ораторе» следующее объявление:

«Мария Кирпичникова просит своего бывшего мужа Михаила Кирпичникова вернуться на Родину, если ему дорога жизнь жены. Через три месяца Кирпичников жену в живых не застанет. Эго не угроза, а просьба и предупреждение!»

Кирпичников вскочил, бросился к машине и закрыл клапан паропровода. Машина остановилась.

Сейчас же зазвонил телефон:

— Алло! В чем дело, механик?

— Посылайте смену до срока! Ухожу!

— Алло! В чем де-ю? Куда уходите? Что за шутки дьявола? Пустите сейчас же насос, иначе взыщем убытки! Алло, вы слушаете? Достаточно ли у вас долларов для уплаты штрафа? Я звоню полиции!

— Убирайся к чергу, двенадцатилетний дурак! Я предупредил — ухожу без расчета!

Кирпичников выбежал по мостику с плавучего понтона, на котором помещалась установка, и пустился по долине Квебека на запад, не успевая думать Солнце жалило зноем, горизонт закрыт горами, подошвы которых устланы тучными плантациями, и жаль было, что великолепные плоды Земли превращались, в конечном счете, в темную глупость и бессмысленное наслаждение человека.

XII

Снова пошли дни, мучительные поиски заработка, тысячи затруд-

нений и приключений. Описание даже обычного дня человека заняло бы целый том, описание дня Кирпичникова — четыре тома. Жизнь — в работе молекул; никто еще не уяснил себе, ценою каких трагедий и катастроф согласуется бытие молекул в теле человека и создается симфония дыхания, сердцебиения и размышления. Это неизвестно. Потребуется изобретение нового научного метода, чтобы его заостренным инструментом просверлить скважины в пучинах нутра человека и посмотреть, какая там страшная работа.

Снова океан. Но Кирпичников уже не кочегар на судне, а пассажир. В Нью-Йорке он попал в мертвую хватку голода. Работы не было, и он вышел из бедствия лишь случайно. Еще в студенческие годы он изобрел однажды точный регулятор напряжения электрического тока. После недельной сплошной голодовки он начал обходить тресты и предприятия с предложением своего изобретения.

Наконец Западная индустриальная компания купила у него проект регулятора. Однако его заставили изготовить рабочие чертежи всех деталей. Кирпичников просидел над этим делом два месяца и получил всего двести долларов. Это его спасло.

Вез его океанский пароход линии Гамбург — Америка со средней скоростью шестьдесят километров в час. Кирпичников знал

свою жену и был уверен, что, если он не успеет к сроку домой, она будет мертвой. Саумоубийства он не допускал, но что же это будет? Он слышал, что в старину люди умирали от любви. Теперь это достойно лишь улыбки. Неужели его твердая, смелая, радующаяся всякой чепухе жизни Мария способна умереть от любви? От старинной традиции не умирают, тогда отчего же она погибнет?

Размышляя и томясь, Кирпичников блуждал по палубе. Он заметил прожектор далекого встречного корабля и остановился.

Вдруг сразу похолодало на палубе — начал бить страшный северный ветер, потом на судно нахлобучилась водяная глыба и в один миг сшибла с палуб и людей, и вещи, и судовые принадлежности. Судно дало крен почти в 45° к зеркалу океана. Кирпичников уцелел случайно, попав ногой в люк.

Воздух и вода гремели и выли, густо перемешавшись, разрушая судно, атмосферу и океан.

Стоял шум гибели и жалкий визг предсмертного отчаяния. Женщины хватили ноги мужчин и молили о помощи. Мужчины били их кулаками по голове и спасались сами.

Катастрофа наступила мгновенно, и, несмотря на высокую дисциплину и мужество команды, ничего существенного по спасению людей и судна сделать было нельзя.

Кирпичникова сразу поразила не сама буря и мертвая стена воды, а мгновенность их нашествия. За полминуты до них на океане был штиль, и все горизонты были открыты. Пароход заревел всеми гудками, радио заискрило тревогу, началось спасение смытых пассажиров. Но вдруг буря затихла, и судно мирно закачалось, нащупывая равновесие.

Горизонт открылся — в километре шел европейский пароход, сияя прожекторами и спеша на помощь.

Мокрый Кирпичников суеился у катера, налаживая отказывающийся работать мотор. Он не вспяне сознавал, как попал к катеру. Но катер необходимо спустить немедленно: в воде захлебывались сотни людей. Через минуту мотор заработал: Кирпичников зачистил его окислившиеся контакты — в этом была вся причина.

Михаил влез в кабину катера и крикнул: «Отдавай блоки!»

В эту минуту непроницаемый едкий газ затянул все судно, и Кирпичников не мог увидеть своей руки. И сейчас же он увидел падающее, одичалое, нестерпимо сияющее солнце и сквозь треск своего рвущегося мозга услышал на мгновение неясную, как звон Млечного Пути, песню и пожалел о краткости ее.

XIII

Правительственное сообщение, помещенное в газете «Нью-Йорк таймс», было передано из-за гра-

ницы Телеграфным агентством СССР.

«В 11 часов 15 минут 24.IX с. г. под 42° 11' сев. шир. и 62° 4' зап. долготы затонули американское пассажирское судно «Калифорния» (8485 человек, считая команду) и германское судно «Клара» (6841 человек с командой), шедшее на помощь первому. Точные причины не выяснены. Надлежащее следствие ведется обоими правительствами. Спасенных и свидетелей катастрофы нет. Однако главную причину гибели обоих судов следует считать установленной: на «Калифорию» вертикально упал болид гигантских размеров. Этот болид увлек корабль на дно океана; образовавшаяся воронка засосала также и «Клару».

По мере хода следствия и подводных изысканий, публика будет своевременно и полностью информирована.

Сообщение было перепечатано во всех газетах мира. Наибольшее страдание оно доставило не сиротам, не невестам, не женам и родственникам погибших, а Исааку Матиссену, директору Кочубаровской опытно-мелиоративной станции близ селения Волошино Воронежского округа Центрально-Черноземной области.

— Ну что, голова! Достиг вселенской мощи — наслаждайся теперь победой! — шептал Матиссен самому себе с тем полным спокойствием, которое соответствует смертельному страданию.

И только пальцами он зря крошил хлеб, скатывал ядрышки и сшибал их щелчками со стола на пол.

— Ведь, по сути и справедливости, я ничего и не достиг. Я только испытал новый способ управления миром, и совсем не знал, что случится! — Матиссен встал, вышел на ночной двор и крикнул собаку. — Волчок! Эх ты, тварь кобелястая! — Матиссен погладил подбежавшую собаку. — Верно, Волчок, что сердце наше — это болезнь? А? Верно ведь, что сентиментальность — гибель мысли? Ну, конечно, так! Разрубим это противоречие в пользу головы и пойдем спать!

Матиссен закричал через забор в открытое поле, пугая невидимых, но возможных врагов, Волчок заскулил — и оба разошлись спать.

Хутор затих. Тихо шептала речонка в долине, подвигая свои воды к далекому океану, и в Кочубарове-селе отсекал исходящий газ двигатель электростанции. Там люди глубоко спали, не имея родственников ни на «Калифорнии», ни на «Кларе».

Матиссен тоже спал — с мертвым лицом, оловянным, утихим сердцем и распахнутым зловонным ртом. Он никогда не заботился ни о гигиене, ни о здоровье своей личности.

Проснулся Матиссен на заре. В Кочубарове чуть слышно пели петухи. Он почувствовал, что ему ничего не жалко: значит, окончательно умерло сердце. И в ту же

минуту он понял, что ему неинтересно и то, чего он добился, — не нужно ему самому. Он узнал, что сила сердца питает мозг, а мертвое сердце умерщвляет ум.

В дверь постучался ранний гость. Вошел знакомый крестьянин Петропавлушкин.

— Я к вам от нашей коммуны пришел, Исаак Григорьевич! Вы не обижайтесь, я сам по званию и по науке помощник агронома и суеверия не имею!..

— Говори короче, в чем твое дело? — подогнал его Матиссен.

— Наше дело в том, что вы слово особое знаете и им пользу большую можете делать. Мы же знаем, как от вашей думы машины начинают работать..

— Ну и что же?

— Нельзя ли, чтобы вы такую думу подумали, чтоб поля круче хлеб рожали...

— Не могу, — перебил Матиссен, — но, может быть, открою, тогда помогу вам. Вот камень с неба могу бросить на твою голову!..

— Это ни к чему, Исаак Григорьевич! А ежели камень может, то почва ближе неба...

— Дело не в том, что почва ближе...

— Исаак Григорьевич, а я вот читал, корабли в океане утонули тоже от небесного камня. Это не вы американцам удружили?

— Я, товарищ Петропавлушкин! — ответил Матиссен, не придавая ничему значения.

— Напрасно, Исаак Григорье-

вич! Дело не мое, а полагаю, что напрасно!

— Сам знаю, что напрасно, Петропавлушкин! Да что же делать-то? Были цари, генералы, помещики, буржуи были, помнишь? А теперь новая власть объявилась — ученые. Злое место пустым не бывает!

— А я того не скажу, Исаак Григорьевич! Если ученье со смыслом да с добросердечностью сложить, то, я полагаю, и в пустыне цветы засияют, а злая наука и живые нивы песком закидает!

— Нет, Петропавлушкин, чем больше наука, тем больше ее надо испытывать. А чтоб мою науку проверить, нужно целый мир замучить. Вот где злая сила знания! Сначала уродую, а потом лечу. А может быть, лучше не уродовать, тогда и лекарств не нужно будет...

— Да разве одна наука уродует, Исаак Григорьевич? Это пустое. Жизнь глупая увечит людей. а наука лечит!

— Ну, хотя бы так, Петропавлушкин! — оживился Матиссен. — Пускай так! А я вот знаю, как камни с неба на землю валишь, знаю еще кое-что похуже этого! Так что же меня заставит не делать этого? Я весь мир могу запугать, а потом овладею им и воссяду всемирным императором. А не то всех перекрошу и пушу газом!

— А совесть, Исаак Григорьевич, а общественный инстинкт? А ум ваш где же? Без людей вы

тоже далеко не уплывете, да и в науке вам все люди помогали! Не сами же вы родились и разузнали сразу все!

— Э, Петропавлушкин, на это можно высморкаться! А ежели я такой злой человек?

— Злые умными не бывают, Исаак Григорьевич!

— А по-моему весь ум — зло! Весь труд — зло! И ум и труд требуют действия и ненависти, а от добра жалеть да плакать хочется...

— Несправедливо вы говорите, Исаак Григорьевич! Я так непривычен, у меня аж в голове шумит!.. Так наша коммуна просит помощи, Исаак Григорьевич! Очень земля истощена, никакой фосфат уже не утучняет. Вам думать почве передать не трудно, а нам жизнь от этого! Уж вы пожалуйста, Исаак Григорьевич! Вон как прелестно у вас: подошел, подумал что следует — и машина воду сама погнала! Так бы и нам материнство в почву дать! До свиданья пока!

— Ладно. Прощай! — ответил Исаак Григорьевич.

«А этот человек умен, — подумал Матиссен, — он почти убедил меня, что я вырождок!»

Затем Матиссен окончательно оделся и перешел в другую комнату. В ней стоял плоский и низкий стол, размером 4×2 метра. На столе помещались приборы. Матиссен подошел к самому маленькому аппарату. Он включил в него ток от аккумуляторов и лег

на пол. Сейчас же он потерял ясное сознание, и его начали терзать гибельные кошмары почти смертельной мощи, почти физически разрушающие мозг. Кровь переполнялась ядами и зачерняла сосуды; все здоровье Матиссена, все скрытые силы организма, все средства его самозащиты были мобилизованы и боролись с ядами, приносимыми кровью, обращающейся в мозгу. А сам мозг лежал почти беззащитным под ударами электромагнитных волн, бьющих из аппарата на столе.

Эти волны возбуждали особые мысли в мозгу Матиссена, а мысли стреляли в космос особыми сферическими электромагнитными бомбами. Они попадали где-то, быть может, в глуши Млечного Пути, в сердце планет, и расстраивали их пульс, и планеты сворачивали с орбит и гибли, падая и забываясь, как пьяные бродяги.

Мозг Матиссена был таинственной машиной, которая пучинам космоса давала новый монтаж, а аппарат на столе приводил этот мозг в действие. Обычные мысли человека, обычное движение мозга бессильны влиять на мир, для этого нужны вихри мозговых частиц — тогда мировое вещество сотрясает буря.

Матиссен не знал, когда начал опыт, что случится на земле или на небе от его нового штурма. Тем чудесным и неповторимым строением электромагнитной волны, которую испускал его

мозг, он еще не научился управлять. А именно в особом строении волны и был весь секрет ее могущества; именно это было мировую материю по самому нежному месту, и от боли она сдавалась. И такие сложные волны мог давать только живой мозг человека и лишь при содействии мертвого аппарата.

Через час особые часы должны прервать ток, питающий мозго-возбудительный аппарат на столе, и опыт прекратится.

Но часы остановились: их забыл завести Матиссен перед началом опыта. Ток неумоимо питал аппарат, и аппарат тихо гудел в своем труде.

Прошло два часа. Тело Матиссена таяло пропорционально квадрату количества времени. Кровь из мозга поступала сплошной лавой трупов красных шариков. Равновесие в теле нарушилось. Разрушение брало верх над восстановлением. Последний неимоверный кошмар вонзился в еще живую ткань мозга Матиссена, и милосердная кровь погасила последний образ и последнее страдание.

В девять часов утра Матиссен лежал мертвым — с открытыми глазами. Аппарат усердно гудел и остановился только к вечеру, когда иссякла энергия в аккумуляторе.

Бес день мимо дома Матиссена бежали упряжки лошадей и полоторатонные грузовики — возить

отаву с лугов, заготавливать впрок корм скоту.

Петропавлушкин водил автомобиль-грузовичок, улыбался мировому пространству в полях и успокоительно думал о пользе добросердечной науки, коей он сам немалый соучастник.

XIV

Через два дня «Известия» в отделе «Со всего света» напечатали информацию Главной астрономической обсерватории:

«В созвездии Гончих Псов при ясном небе вторые сутки обнаруживается альфа-звезда.

В Млечном Пути, на 4-й дистанции (9-й сектор), образовалось пустое пространство — разрыв. Его земной угол = $4^{\circ} 71'$. Созвездие Геркулеса несколько смещено, вследствие чего вся солнечная система должна изменить направление своего полета. Столь странные явления, нарушившие вековое строение неба, указывают на относительную хрупкость и непрочность самого космоса. Обсерваторией ведутся усиленные наблюдения, направленные к отысканию причин этих аномалий».

В дополнение к этому в ближайшем номере обещалась беседа с академиком Ветманом. Из других телеграмм с $1/4$ земного шара (тогдашние размеры СССР) не явствовало, чтобы Земля потерпела что-либо существенное от звездных

катастроф, исключая петитную информацию с Камчатки:

«На горы село небольшое небесное тело, около десяти километров в поперечнике. Строение его неизвестно. Форма — сфероид. Тело прилетело с небольшой скоростью и плавно приземлилось к вершинам гор. В бинокли видны огромные кристаллы на его поверхности. Местным Обществом любителей природоведения снаряжена экспедиция для предварительного изучения опустившегося тела. Но экспедиция не может дать быстрых результатов, горы почти неприступны. Из Владивостока затребованы аэропланы. Сегодня в направлении небесного тела пролетела небольшая эскадрилья японских аэропланов».

На следующий день эта заметка превратилась в сенсацию, и странному событию была посвящена статья в триста строк академика Ветмана.

В тот же день «Беднота» сообщила о смерти инженера-агронома Матиссена, известного в кругах специалистов работника по оптимальному режиму влаги в почве.

И только помощнику агронома в Кочубарове Петропавлушкину, выписывавшему и «Известия» и «Ведноту», пришла в голову нечаянная мысль о связи трех заметок: Матиссен умер, на Камчатские горы села планетка, одна звезда пропала и лопнул Млечный Путь. Но кто же поверит такому деревенскому бреду?

Хоронили Матиссена торжест-

венно. Почти вся Кочубаровская сельскохозяйственная коммуна шла за его гробом. Земледелец издревле любит странников и чужородных людей. А молчаливый одинокий Матиссен был из таких — это явно чувствовали в нем все. Последний ободок волос на лысом черепе Матиссена осыпался, когда гроб резко толкнули неловкие руки. Это удивило всех крестьян, и к мертвому Матиссену прониклись еще большей жалостью и уважением.

Похороны Матиссена совпали с концом работ подводной экспедиции, отправленной правительствами Америки и Германии для отыскания затонувших «Калифорнии» и «Клары».

Снимаясь с места катастрофы, экспедиция отправила радио в Нью-Йорк и Берлин:

«Считать установленным точной разведкой — живая сила болида была титанически велика: «Калифорния» и «Клара» загнаны болидом глубоко в дно океана, и сам болид утонул в недрах океанического ложа. В месте катастрофы образовалась впадина диаметром в сорок километров, с наибольшей глубиной, считая от прежнего уровня дна, в 2,55 километра. Только подводное бурение может указать глубину залегания всех трех тел — «Калифорнии», «Клары» и самого болида. Надо ожидать сильной деформации изыскиваемых предметов».

В ответ на это оба правительства телеграфировали:

«Бурите дно океана. Соответствующие кредиты открыты».

Экспедиция послала одно из своих судов за добавочным оборудованием для буровых подводных работ, а через две недели начала бурение.

Петропавлушкин был селькором «Бедноты». Наука держала мир в панике сенсаций. Каждый день манифесты ее открытий занимали половину ежедневной прессы. Было время: веселился воин, потом торжествовал богач, а теперь настало время ученого-героя и ликующего знания. В науке поместилось ведущее начало Истории.

В стороне от науки стоять не было терпения, и Петропавлушкин написал в «Бедноту» корреспонденцию, которая должна дать ему внутреннее удовлетворение соучастника всемирной науки.

Десять дней его терзала догадка, потом она превратилась в теплое убеждение, греющее мозг.

Корреспонденция называлась «Битва человека со всем миром».

«Ученый-инженер и агроном Исаак Григорьевич Матиссен, что умер на днях, как то известно читателям, изобрел такие мысли, что они сами по себе могли кидать метеоры на Землю. Перед смертью Исаак Григорьевич говорил мне, что он и не то будет еще делать. Американский корабль утонул тоже по его власти. А я ему отсоветовал так отягощаться бедой. Но он насмеялся над здравым смыслом полунучного человека (я имею степень помощника агро-

нома по полеводству). И вот я уверился, что Млечный Путь лопнул от мыслей Исаака Григорьевича. Смешно говорить, но он умер от такого усилия. У него жилы лопнули в голове и произошло кровоизлияние. Кроме Млечного Пути, Исаак Григорьевич навеки испортил одну звезду и совлек Солнце с Землею с их спокойного, гладкого пути. От этого же, я так думаю, и какая-то планета отчего-то прилетела на Камчатские полуострова.

Но дело прошлое. Теперь Исаак Григорьевич умер и только зря поломал мировое благонадежное устройство. А мог бы он и добро делать, только не захотел отчего-то и умер.

Я освещаю этот мировой факт и требую к нему доверия, потому что я очевидец всему. Доказательство тому — мой предварительный разговор с Исааком Григорьевичем перед его уединенной смертью.

Разгадка теперь дана всем малосведущим, и факт стал фактом во всеуслышание.

Долой злые тайны и да здравствует сердечная наука!

Селькор и помощник участкового агронома по полеводственной дисциплине Петропавлушкин».

В редакции «Бедноты» посмеялись над таким доносом на мертвого и написали товарищу Петропавлушкину теплое письмо, полное разубеждения, пообещав прислать ему такие книги, кото-

рые его сразу вылечат от идеалистического сумбура.

Петропавлушкин обиделся и перестал писать корреспонденции. Потом одумался, разозлился и написал открытку:

«Граждане! Редакторы-издатели! Полуученый человек сообщил вам факт, а вы не поверили, будто я совсем не ученый. Прошу опомниться и поверить хоть на сутки, что мысль не идеализм, а твердое могучее вещество. А все мироздания с виду прочны, а сами на волосках держатся. Никто волоски не рвет, они и целы. А вещество мысли толкнуло — все и порвалось. Так о чем же речь и насмешение фактов? Вселенский мир — это вам не бумажная газета. Остаюсь с упреком — бывший селькор Петропавлушкин».

XV

Мария Александровна Кирпичникова прочитала в списке погибших на «Калифорнии» имя своего мужа. Она знала, что он к ней вернется, теперь узнала, что его нет на свете.

Она его не видела двенадцать месяцев, а теперь не увидит никогда.

— Кончена жизнь... — вслух сказала она и подошла к окну.

— Что, мама? — спросил пятилетний сын, возившийся с кошкой.

— Лето кончается, сынок! Видишь, падают листья на улице.

— А отчего ты плачешь? Папа не придет?

— Придет, милый!..

Мать его начала обнимать и уговаривать лечь поспать, чтобы не быть вечером дохлым. Мальчик сопротивлялся, лаская мать.

— Ляг, поспи, мальчик. Папа скорей придет!

— Не ври, мамка. Сколько раз спал, а он все не едет!

— Ну, ты так ляг, полежч. А то к бабушке отправлю, как Левочку, скучать по мне будешь. Поедешь к бабушке?

— Не поеду я!

— Почему?

— Мне там скучно будет, а без меня папа придет!

И все же мальчик улегся спать — мать знает, как это сделать. Мария Александровна посмотрела на ребенка — лицо его стало мирным и необыкновенным, вызывающим жалость и новые силы любви. Кажется, пусть только проснется он — и все станет новым, и мать его никогда не обидит. Но это был только милый обман образа спящего беззащитного ребенка: просыпался мальчик снова маленьким бандитом и изумером, и даже мебель от него уставала.

Оставшись в покое, Мария Александровна решила неуклонно жить. Но она понимала, что теперь всю энергию своего сознания она должна бросить на то, чтобы урегулировать свое плачущее, любящее сердце. И только тогда она

устоит на ногах, иначе можно умереть во сне.

Спать она боялась ложиться, отдыхающий беззащитный мозг могут растерзать дикие образы ее неутомимого несчастья. Она знала, что в спящем человеке разведятся страшные образы, как сорняки в некультурных, заброшенных полях.

И грядущая ночь ей была непостижимо страшна.

Как женщина, как человек, она хотела бы иметь горсть пепла от праха своего мужа. Отвлеченная могила под дном океана не давала веры в настоящую смерть, но темным инстинктом она была убеждена, что Михаил уже не дышит воздухом Земли.

Спящий Егорушка до привидения напоминал ей мужа. Отсутствовали только морщины и складки утомленного рта.

Мария Александровна не совсем понимала мужа: ей была непонятна цель его ухода. Она не верила, что живой человек может променять теплое, достоверное счастье на пустынный холод отвлеченной одинокой идеи. Она думала, что человек ищет только человека, и не знала, что путь к человеку может лежать через стужу дикого пространства. Мария Александровна предполагала, что людей разделяют лишь несколько шагов.

Но ушел Михаил, а потом умер в далеком плавании, ища драгоценность своей затаенной мысли. Мария Александровна, конечно,

знала, чего ищет ее муж. Она понимала смысл размножения матери. И в этой области хотела помочь мужу. Она купила ему десять экземпляров большого труда — перевод символов только что найденной в тундре книги, изданной под именем «Генерального сочинения». В Аюнии, вероятно, сильно было развито чтение: этому способствовала тьма восьмимесячной ночи и уединенность жизни аюнитов.

При строительстве второго вертикального термического тоннеля, когда Кирпичников уже пропал, строители обнаружили четыре гранитные плиты с символами на них, исполненными крупным рельефом. Символы были того же начертания, что и в ранее найденной книге «Песни Аюны», поэтому легко поддались переложению на современный язык.

Плиты-писанцы, вероятно, были памятником и завещанием философа-аюнита, но в них содержались мысли о сокровенном содержании природы. Мария Александровна считала всю книгу и нашла ясные намеки на то, что искал ее муж по всей пустой земле. Далекий мертвый человек давал помощь ее мужу, ученому и бродяге, давал помощь счастьем женщины и матери.

И вот тогда Мария Александровна дала объявления в пять американских газет.

Она изучила на память нужные места в «Генеральном сочинении»,

боясь утратить как-нибудь книгу и не встретить Михаила с наилучшей для него радостью.

«Лишь живое познается живым, — писал аюнит, — мертвое непостижимо. Неимоверное нельзя измерить достоверным. Именно посему мы познали отчетливо такое далекое, как аэны (соответствует электронам. — Примечание переводчиков и излагателей) и нам осталось мало известным такое близкое, как мамарва (соответствует материи. — Примечание переводчиков и излагателей). Это потому что первое живет, как ты живешь, а второе — мертво, как Муйя (неизвестный образ. — Примечание переводчиков и излагателей). Когда аэны шевелились в проеи (соответствует атому. — Примечание переводчиков и излагателей), сначала мы видели в этом механическую силу, а потом с радостью открыли в аэнах жизнь. Но центр проеи, полный мамарвы, был веками загадкой, пока мой сын достоверно не показал, что центр проеи состоит из тех же аэнов, только мертвых. И, мертвые, они служат пищей живым. Стоило сыну моему извлечь из проеи ее середину, как все живые аэны погибли от голода. Так вышло, что центр проеи есть амбар пищи для живых аэнов, пасущихся вокруг этой обители трупов своих предков, чтобы пожирать их. Так просто и сияюще истинно была открыта природа всей мамарвы. Вечная память моему сыну! Вечная скорбь

его имени! Вечное почитание его утомленному образу!»

Это Мария Александровна знала наизусть, как ее сын стихотворение про рыжего важного шофера.

Остальная часть «Генерального сочинения» содержала учение об истории аюнитов — о ее начале и близком конце, когда аюниты найдут свой зенит во времени и в природе, когда все три силы — народ аюнитов, время и природа — придут в гармоническое соотношение, и их бытие втроем зазвучит как симфония.

Это Марию Александровну мало интересовало. Она искала равновесие своего личного счастья и не вполне осваивала откровения неведомого аюнита.

И только последние страницы книги заставили ее вздрогнуть и забыться в удивленном внимании.

«...Ныне это так же стало возможным, как было в эпоху детства моей родины. Тогда возмутились пучины Материнского Океана (Северного Ледовитого. — Примечание редактора) и Океан начал заливать нашу Землю жесткой, мерзлой водой, перемешанной с глыбами льда. Вода ушла, а льды остались. Они долго ползли по холмам нашей просторной Земли, пока не стерли их, и наша родина превратилась в бесплодную равнину. Лучшие плодородные почвы на холмах были срезаны льдом, и народ остался в голодном поле. Но беда лучший

наставник, а катастрофа народа — организатор его, если еще не обеспокоена кровь людей долгой жизнью на Земле. Так и тогда: льды разрушили плодородную землю, лишили наших предков питания и размножения, и гибель спустилась над головою народа. Горячий поток в океане, оттапливавший страну, начал удаляться на север, и стужа завывала над той землей, где цвели сумрачные аргоны. На севере нас сторожил хаос мертвых льдов, на юге — лес, набитый темной тучей мощных зверей, наполненный свистом мрачных гадов и пересеченный целыми реками яда зундры (испращения гигантских змей. — Примечание редактора). Народ Аюны, народ мужества и чувства уважения к своей судьбе, начал себя умерщвлять, закапывая свои книги — высший дар Аюны — в землю, оковав их золотом, пропитав листы составом веня, дабы они могли уцелеть вечность и не сгнить.

Когда половина народа была покорена смертью и лежала трупами, явился Эйя — хранитель книг — и пошел бродить по опустевшим дорогам и замолкающим жилищам. Он говорил: «У нас отнято материнство почвы, погасает теплота воздуха, лед скребет нашу родину, и горе тушит мудрость ума и мужество. У нас остался только свет солнца. Я сделал аппарат — вот он! Страдание научило меня терпению, и дикие годы отчаяния народа я сумел плодотворно использовать. Свет — сила

терзаемой мамарвы (изменяющейся материи. — Примечание редактора), свет — стихия аэнов; мощь аэнов сокрушительна. Мой аппарат превращает потоки солнечных аэнов в тепло. И не только свет солнца, но и луны и звезд я могу своей простой машиной превратить в тепло. Я могу получить огромное количество тепла, которым можно расплавить горы. Нам теперь не нужен теплый поток океана, чтобы греть нашу землю!

Так Эйя стал водителем жизни и началом новой истории Аюны. Его аппарат, состоящий из сложных зеркал, преобразующих свет неба в тепло и в живую силу металла (вероятно, электричество. — Примечание редактора) и поныне служит источником народной жизни и довольства.

Равнины родины расцвели, и родились новые дети. Прошел эн (очень длительный промежуток времени. — Примечание редактора).

Организм человека был исчерпан. Даже молодой мужчина не мог производить семени, даже сильнейший разум перестал рождать мысль. Долины родины покрылись сумраком последнего отчаяния — человек дошел до предела в самом себе — солнце нашего сердца закатывалось навсегда. Перед этим льды были ничто, холод — ничто, смерть — ничто. Человек питался одним презрением к себе. Он не мог ни

любить, ни мыслить, и даже не мог страдать. Источники жизни иссякли в недрах тела, потому что они были выпиты. У нас были горы пищи, дворцы уюта и кристаллические книгохранилища. Но не было больше судьбы, не стало жизни и жара в теле, затмилась надежды. Человек — рудник, но руда была выработана вся, остались пустые шахты.

Хорошо погибнуть на крепком корабле в диком океане, но плохо насмерть захлебнуться пищей.

Так было долго. Целое поколение не познало молодости.

Тогда мой сын Рийго нашел исход. Чего не могло дать естество, то дало искусство. Он сохранил остатки живого мозга в себе и сказал нам, что судьба наша кончается, но еще можно открыть ей двери — нас ждет ясный день. Решение было просто: электромагнитное русло. (В подлиннике: труба для живой силы металла. — Примечание редактора.) Рийго провел из пространства пищепровод к аэнам нашего мрачного тела, пустил по этому пищепроводу потоки мертвых аэнов (соответствует эфиру. — Примечание редактора), и аэны нашего тела, получив избыток пищи, ожили. Так были воскрешены наш мозг, наше сердце, наша любовь к женщине и наша Аюна. Но больше того; дети росли скорее в два раза, и жизнь в них пульсировала как сильнейшая машина. Все остальное — сознание, чувства и любовь — выросло в страшные сти-

хии и напугало отцов. История перестала шествовать и начала мчаться. И ветер судьбы бил нас в незащищенное лицо великими новостями мысли и поступков.

Изобретение моего сына, как все замечательное, имеет серое лицо. Рийго взял два центра пройи, наполненные трупами аэнов, и поместил в одну пройю. Тогда живые аэны пройи стали быстро размножаться, и вся пройя выросла за десять дней в пять раз. Причина видна и невзрачна: аэны стали больше питаться, потому что запас их пищи увеличился в два раза.

Так Рийго развел целые колонии сытых, быстрорастущих, неимоверно множасьихся аэнов. Тогда он взял обыкновенное тело — кусок железа — и мимо него, лишь касаясь железа, начал излучать в направлении звезд поток сытых аэнов, разведенных в колониях. Сытые аэны не перехватывали для пищи группы своих предков (то есть эфир. — Примечание редактора), и те свободно текли к куску железа, где их ждали голодные аэны. И железо начало расти на глазах людей, как растение из земли, как ребенок в животе матери.

Так искусство моего сына оживило человека и начало выращивать вещество.

Но победа всегда подготавливает поражение.

Искусственно откормленные аэны, имея более сильное тело, стали нападать на живых, на

естественных аэнов и пожирать их. А так как при всяком превращении вещества есть неустраняемые потери, то пожранный маленький аэн не увеличивал тела большого аэна настолько, сколько имел сам, когда был живой. Так вещество то там, то здесь — всюду, куда попадали откормленные аэны (электроны — дальше пользуемся этим современным термином. — Примечание редактора), начало уменьшаться. Искусство Рийго не смогло сделать пищепровод для всей Земли, и вещество таяло. Только там, куда был проложен тракт для потока трупов электронов («эфирный тракт». — Примечание редактора), вещество росло. «Эфирными трактами» были снабжены люди, почва и главнейшие вещества для нашей жизни. Все остальное уменьшалось в своих размерах, вещество сгорало, мы жили за счет разрушения планеты.

Рийго исчез из дому. В Материнском Океане начала пропадать вода. Рийго знал причину исчезновения влаги и вышел встречать противника. Однажды откормленное и воспитанное им племя электронов работой времени и естественным отбором достигло того, что каждый электрон равнялся облаку по объему тела.

В неистовой свирепости шли тучи электронов из недр Материнского Океана, колыхаясь, как горы при землетрясении, дыша, как могучие ветры. Аюна будет выпита ими, как обычная вода, и

Рийго пал. Нельзя вытерпеть взгляд электрона. Гнусна будет смерть от ужаса, но нет спасения больше Аюне. Рийго давно пал в безвестности, как камень в колодезь. Слишком медленно идут эти космические звери. Но слишком быстро прошли они путь от частички пройи до живой горы. Я думаю, они тонут в земле, как в твороге, потому что тело их тяжелее свинца. Наверное, Рийго пал не зря, а имея решение и способ победить неизвестные элементарные тела. В быстром росте, в бешеном действии естественного отбора — сила электрона. В этом и слабость их, потому что ясно указывает на предельную простоту их психики и физиологической организации, а стало быть, обнаруживает беззащитное, уязвимое место. Рийго постиг эту очевидность, но был убит лапой электрона, тяжелой, как пласт платины...»

Мария Александровна поникла над книгой. Егорушка спал. Часы пробили двенадцать ночи — самый страшный час одиночества, когда спят все счастливые.

— Неужели так труден корм человеку? — громко сказала Мария Александровна. — Неужели всегда победа — предвестник поражения?

Тишина в Москве. Последние трамваи спешат в парк, искра контактами.

— Тогда какой победой возместится мрачная смерть моего мужа? Какая душа мне заменит его сумрачную, потерянную любовь?

В Серебряном Бору, близ крематория, стояло здание нежного архитектурного стиля. Оно исполнено было, как сфероид — образ космического тела, но не касалось земли, удерживаемое пятью мощными колоннами. От высшей точки сфероида уходила в небо телескопическая колонна — в знак и в угрозу мрачному стихийному миру, отнимающему живых у живущих, любимых у любящих, — в надежду, что мертвые будут отняты у вселенной силою восходящей науки, воскрешены и возвратятся к живым.

Это был Дом Воспоминаний, где стояли урны с пеплом погибших людей.

Седая и от старости прекрасная женщина вошла с юношей в Дом.

Тихо прошли они в дальний конец огромного зала, освещенного тихим синим светом памяти и тоски.

Урны стояли в ряд, как некие светильники с потухшим светом, освещавшие некогда неизвестную дорогу.

На урнах были прикреплены мемориальные доски.

«Андрей Вогулов. Пропал без вести в экспедиции по подводному исследованию Атлантиды.

В урне нет праха — лежит платок, смоченный его кровью во время ранения на работах на дне Тихого океана. Платок доставлен его спутницей».

«Петер Крейцкопф, строи-

тель первого снаряда для достижения Луны. Улетел в своем снаряде на Луну и не возвратился. Праха в урне нет. Сохраняется его детское платье. Честь великому технику и мужественной воле!»

Седая женщина, сияющая удивительным лицом, прошла с юношей дальше.

Они остановились у крайней урны.

«Михаил Кирпичников, исследователь способа размножения материи, сотрудник доктора физики Ф. К. Попова, инженер. Погиб на «Калифорнии» под упавшим болидом. В урне нет праха. Хранится его работа по искусственному кормлению и выращиванию электронов и прядь волос».

Внизу висела вторая, малая доска:

«Чтобы найти пищу электронам, он потерял свою жизнь и душу своей подруги. Сын погибшего осуществит дело отца и возвратит матери сердце, утраченное отцом. Память и любовь великому искателю!»

Бывает старость, как юность: ожидающая спасения в чудесной опоздавшей жизни.

Мария Александровна Кирпичникова утратила молодость напрасно, теперь ее любовь к мужу превратилась в чувство страстного материнства к старшему сыну — Егору, которому шел уже двадцать пятый год. Младший сын, Лев, учился, был общителен, очень красив, но не возбуждал в матери того резкого чувства

нежности, бережности и надежды, как Егор.

Егор лицом напоминал отца — серое, обычное, но необычайно влекущее скрытой значительностью и бессознательной силой.

Мария Александровна взяла Егора за руку, как мальчика, и пошла к выходу.

В вестибюле Дома Воспоминаний висела квадратная золотая доска с серыми платиновыми буквами:

«Смерть присутствует там, где отсутствует достаточное знание физиологических стихий, действующих в организме и разрушающих его».

Над входом в Дом висела арка со словами:

«Вспоминай с нежностью, но без страдания: наука воскресит мертвых и утешит твое сердце».

Женщина и юноша вышли на воздух. Летнее солнце ликовало над полнокровной землей и взорам двух людей предстала новая Москва — чудесный город могущественной культуры, упрямого труда и умного счастья.

Солнце спешило работать, люди смеялись от избытка сил и жадничали в труде и в любви.

Всем их обеспечивало солнце над головой — то самое солнце, которое когда-то освещало дорогу Михаилу Кирпичникову в лимонном округе Риверсайда, — старое солнце, которое сияет тревожной, страстной радостью, как зачатие вселенной.

Егор Кирпичников кончил Институт имени Ломоносова и стал инженером-электриком.

Дипломный проект он сделал на тему: «Лунные возмущения электросферы Земли».

Егору мать передала все книги и рукописи отца, в том числе труд Ф. К. Попова, который начисто переписал Михаил Кирпичников после его смерти.

Егор познакомился с работами Попова, редкой литературой и всеми современными гипотезами по выкармливанню и воспитанию электронов. Что электроны были живыми существами — отпали все сомнения. Область электронов уже твердо определилась, как микробиологическая дисциплина.

Егор избрал темой своей жизни конечную разгадку вселенной; и он не напрасно, подобно своему отцу, искал первичное чрево мира в межзвездном пространстве — в таинственной жизни электронов, составляющих эфир.

Егор верил, что, кроме биологического, существует электротехнический способ искусственного размножения вещества, и искал его со всею свежестью и страстью молодости, не тронутой женской любовью.

В это лето Егор рано кончил свою работу в лаборатории профессора Маранда, которому он ассистировал по кафедре Строения эфира.

Маранд в мае уехал в Австра-

лию, к своему другу астрофизику Товту, и Егор наслаждался отдыхом, летом и собственными нечаянными мыслями.

«Отдых — лучшее творчество», — писал когда-то в письме Марии Александровне отец Егора, бродя по тундре вокруг вертикального термического тоннеля, где он служил некоторое время производителем работ.

Егор уходил из дому утром. Его нес метрополитен под Красными Воротами, под площадью Пяти Вокзалов и выносил далеко за город, за Новые Сокольники, в кислородные рощи Там шествовал Егор, чувствуя давление крови, свободную вибрацию мозга и острую тоску приближающейся любви.

И раз было так. Егор проснулся — на дворе стоял уже великий торжественный летний день. Мать спала, зачитавшись накануне до глубокой ночи. Егор оделся, прочитал утреннюю газету, прислушался к звенящему напряжению удивительного города и решил куда-нибудь уйти. От отца или от давних предков в нем сохранилась страсть к движению, странствованию и к утолению чувства зрения. Быть может, его далекие деды ходили когда-то с сумочками и палочками на богомолье из Воронежа в Киев не столько ради спасения души, сколько из любопытства к новым местам; может быть, еще что — неизвестно. И Егор посылно удовлетворял

свое тревожное чувство бродяги в районе узкого радиуса.

Подземка вынесла Егора за Останкино и там оставила одного. Егор вышел на глухую полевую дорогу, снял шляпу, пробормотал забытое стихотворение, вычитанное в книгах матери:

Среди людей, мне близких и чужих.
Скитаюсь я без цели, без желанья...

Дальше он вспомнить слов не мог, но вспомнил другое:

«Любимый твой умер далеко.
Как камень в колодезь упал.
В урне лежит его локон,
А голову он потерял».

Эту песнь иногда пела мать Егора, когда ее схватывала тоска о муже и она искала от нее защиты у детей и у простой песенки.

— Так, — сказал себе Егор, — но что же производит эфир? — и лег в траву. — А, черт его знает что!

Солнце гладило Землю против шерсти — и Земля вздымалась травами, лесами, ветрами, землетрясениями, северными сияниями.

Егор посмотрел на солнце — и сразу горячая волна прошла по его горлу и остановилась в голове.

Он поднялся и ничего не мог сообразить.

Как будто его обняла внезапно сзади утраченная любимая и сразу же скрылась.

Как в женщину, вонзилась в его сознание сияющая догадка и прополосовала мозг, как падающая звезда. Он ощутил страсть и успокоение, как цвет, сбросивший плодотворную пыль в материнское пространство.

Утратив нечаянную мысль, Егор крикнул от досады и пошел прочь со случайного места.

Но потом к нему не спеша возвратились все неясные мысли, как дети со двора, наигравшись и слабо сопротивляясь матери.

XVII

4 января в газете «Интеллектуальный труженик» была напечатана заметка:

«Электроцентральный жизни»

Молодым инженером Г. Кирпичниковым в лаборатории эфира профессора Маранда производится в течение ряда месяцев интересные опыты над искусственным производством эфира. В идее работы инженера Кирпичникова заключается в том, что электромагнитное поле высокой частоты убивает в материи живые электроны; мертвые же электроны, как известно, составляют тело эфира. Высоту технического искусства инженера Кирпичникова можно понять из того, что для убийства электронов требуется переменное поле не менее 10^{12} периодов в секунду.

Высокочастотную машину Кирпичникова представляет само Солнце, свет которого разлагается сложной системой интерферирующих поверхностей на составные энергетические элементы: механическую энергию давления, химическую энергию, электрическую и т. д.

Кирпичникову нужна, собственно, одна электрическая энергия, которую он, посредством особого

прибора из призм и дефлекторов, концентрирует в очень ограниченном пространстве и достигает нужной частотности.

Электромагнитное поле, по существу, есть колония электронов. Заставляя быстро пульсировать это поле, Кирпичников добился, что живые электроны, составляющие то, что называется полем, погибали; электромагнитное поле превращалось по этой причине в эфир — механическую массу тел мертвых электронов.

Получая некоторые эфирные пространства, Кирпичников опускал в них какое-либо обыкновенное тело (например, самопис Ваттермана) и это тело за трое суток увеличивалось в два раза по своему объему.

В веществе самописа происходил следующий процесс: живые электроны, существующие в веществе самописа, получали усиленное питание за счет окружающих трупов электронов и быстро размножались, увеличиваясь также в своем объеме. Это вызывало рост всего вещества самописа. По мере поглощения эфира живыми электронами рост и размножение их прекращались.

Кирпичниковым, на основании своих работ, установлено, что в массиве Солнца зарождаются в немощных количествах исключительно живые электроны; но именно средоточие их гигантского количества в относительно тесном месте вызывает такую страшную борьбу между ними за источники

питания, что почти все электроны погибают нацело. Борьба электронов за питание обуславливает высокую пульсацию Солнца. Физическая энергия Солнца имеет, так сказать, социальную причину — взаимную конкуренцию электронов. Электроны в солнечном массиве живут всего несколько миллионных долей секунды, будучи истребляемы более сильными противниками, которые, в свою очередь, погибают под ударами еще более мощных конкурентов и т. д. Еле успев пожрать труп врага, электрон уже гибнет — и очередной победитель поедает его вместе с непереваренными клочьями тел ранее убитых электронов.

Движения электронов в Солнце настолько стремительны, что огромное количество их вытесняется за пределы Солнца и улетает в мировое пространство со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, производя эффект светового луча. Но на Солнце идет настолько грозная и опустошительная борьба, что все электроны, покинувшие Солнце, бывают мертвы и летят за счет либо инерции движения, начатого когда они были живы, либо от удара противника.

Однако Кирпичников убежден, что бывают редчайшие исключения, когда электрон может живым оторваться от Солнца. Тогда, имея вокруг себя эфир — обильную питательную среду, он служит отцом новой планеты. В дальнейшем инженер Кирпичников предполагает производить эфир в больших ко-

личествах, преимущественно из высоких слоев атмосферы, пограничных с эфиром. Электроны там менее активны, и на истребление их потребуется меньший расход энергии.

Кирпичников заканчивает свой новый метод искусственного производства эфира; новый способ заключается в электромагнитном русле, где действует высокая частота для умерщвления электронов. Электромагнитное высокочастотное русло направляется от земли к небу и в нем, как в трубе, образуется поток мертвых электронов, подгоняемых давлением солнечного света к земной поверхности.

У земной поверхности эфир собирается, аккумулируется в особые сосуды и затем идет на питание тех веществ, объем которых желают увеличить.

Инженер Кирпичников произвел и обратные опыты. Действуя высокочастотным полем на какой-либо предмет, он достигал как бы угасания предмета и полного его исчезновения. Очевидно, убивая электроны в веществе предмета, Кирпичников уничтожал самую сокровенную природу веществ, ибо только живой электрон — частица материи, мертвый же принадлежит эфиру. Несколько предметов таким способом Кирпичников начисто превратил в эфир, в том числе и самопис Ваттермана, который он сначала «откормил».

Совокупность всех работ Кирпичникова указывает, какую титаническую силу созидания и ист-

ребления получило человечество в его изобретении.

По мнению Кирпичникова, благодаря постоянному снабжению земного шара эфиром, текущим из Солнца, Земля в целом постоянно увеличивается в своих размерах и в удельном весе своего вещества. Это обеспечивает прогресс человечества и подводит физический базис под исторический оптимизм.

Кирпичников говорит, что он в своем изобретении всецело скопировал деятельность Солнца по отношению к Земле и лишь ускорил его работу.

В связи с этими поражающими открытиями невольно приходят на память имена Ф. К. Попова, оставившего нам свой изумительный груд, и, наконец, отца изобретателя, странно и трагически погибшего инженера Михаила Кирпичникова».

XVIII

Как музыка, лилась работа у Кирпичникова, как любовь, он ощущал в себе страсть к неуловимому нежному телу — эфиру. Когда он писал пояснительную записку «О возможности и нормах дополнительного питания электронов», то чувствовал аппетит, и его полные юношеские губы бессознательно смачивались слюной.

Корреспондентов газет он не принимал, обещая скоро выпустить небольшой труд информационного характера и публично продемонстрировать свои опыты.

Однажды Егор Кирпичников заснул у стола, но сразу проснулся. Была ночь — глубокая и неизвестная, как все ночи над живой Землей. Тот напряженный и тревожный час, когда, по стихам забытого поэта:

И по хребту электроволн
Плывущее внимание,
Как ночь в бульварном, мировом
Таинственном романе.

В это время, когда человеку надо либо творчество, либо зачатие новой жизни, в дверь Егора постучали. Значит, пришел кто-то близкий или важный, кого впустила даже мать Егора, жестоко хранившая рабочий и трудный покой своего сына.

— Да! — сказал Егор и обернулся.

Вошла редкая гостья — Валентина Крохова, дочь инженера Крохова, друга и сотрудника отца Егора по работе в тундре на вертикальном тоннеле. Валентине было двадцать лет — возраст, когда выносится решение: что же делать — полюбить ли одного человека или любовную силу обратить в страсть познания мира? Или, если жизнь в тебе так обильна, объять то и другое?

Нам это непонятно, но тогда будет так. Наука стала жизненной физиологической страстью, такой же неизбежной у человека, как пол.

И эта раздвоенность неясного решения была выражена на лице Валентины Кроховой. Ищущая юность, жадные глаза, эластичная душа, не нашедшая центра своего

тяготения и заключенная в оболочку пульсирующих мышц и бьющейся крови — вот красота Валентины Кроховой. Нерешенность, бродяжничество мысли и неверные черты доверчивого лица — удивительная красота молодости человека.

— Ну, что скажешь мне, Валя? — спросил Егор.

— Да так кое-что! Ты все занят ведь! — ответила Валентина.

— Нет, не особенно: и занят и нет! Живу, как в бреду; сам еще не знаю, что у меня выйдет!

— Да уже вышло, Егор! Будет тебе скромничать!

— Не совсем, Валя, не совсем! Я открыл еще нечто такое, что сердце останавливается..

— Что это такое? Про «эфирный тракт» все?

— Нет, это другое совсем. «Эфирный тракт» — пустяки!.. Как вселенная, Валя, родилась и рождается, как вещество начинает дышать в недрах хаоса, свободы и узкой неизбежности мира! Вот, Валя, где хорошо! Но я только чувствую, а ничего не знаю... Ну, ладно! А где твой отец?

— Отец на Камчатке...

— Что, все эту несчастную планетку бурят? Черт, даже мне она надоела! Сколько лет ведь прошло, как она села с неба!..

— А когда, Егор, ты покажешь свой «эфирный тракт»?

— Да вот как-нибудь покажу. Сначала книжку напишу.

— А кому ты ее посвятишь?

— Отцу, конечно, — инженеру

Михайлу Кирпичникову, страннику и электротехнику.

— Это очень хорошо, Егор! Чудесно, как в сказке, — страннику и электротехнику!

— Да, Валя, я забыл лицо отца. Помню, что он был молчаливый и рано вставал. Как странно он умер, ведь он почти открыл «эфирный тракт»!

— Да, Егор! И мать твоя старушкой стала!.. Может, ты проводишь меня немного? А то поздно, а ночь хорошая — я нарочно тихонько шла сюда.

— Провожу, Валя. Только не далеко, я хочу выспаться. Надо через два дня книжку в печать отдавать, а я только половину написал — не люблю писать, люблю что-нибудь существенное делать...

Они вышли в вестибюль, спустились в лифте и очутились на воздухе, в котором бродили усталые ночные течения.

Егор и Валя шли под руку. В голове Егора струились неясные мысли, угасая, как ветры в диком и темном поле, зажигаясь от контакта с милой девушкой, такой человечной и женственной. Но Кирпичников изобретал не одной головой, а также сердцем и кровью, поэтому Валентина в нем возбуждала только легкое чувство тоски. Силы в его сердце были мобилизованы на другое.

Москва засыпала. Невнятно и смутно шумели какие-то далекие машины. Бессонно стояла луна, маня человека к полету, странству-

вию и глубокому вздоху в межпланетной бездне.

Егор пожал руку Вале, хотел ей что-то сказать — какое-то медленное и девственное слово, которое каждый человек говорит по разу в жизни, но ничего не сказал и молча пошел домой.

* * *

20 марта не так велики дни и кратки ночи, чтобы утренняя заря загорелась в час пополуночи. Так еще не бывало никогда, даже старики не помнят.

А однажды случилось так. Московские люди расходились по домам — кто из театра, кто с ночной работы на заводе, кто просто с затянувшейся беседы у друга.

В этот вечер в Большом зале Филармонии был концерт знаменитого пианиста Шахтмайера, родом из Вены. Его глубокая подводная музыка, полная того величественного и странного чувства, которое нельзя назвать ни скорбью, ни экстазом, потрясла слушателей. Молчаливо расходились люди из Филармонии, ужасаясь и радуясь новым и неизвестным недрам и высотам жизни, о которых рассказывал Шахтмайер стихийным языком мелодии.

В Политехническом музее в половине первого кончился доклад Макса Валира, возвратившегося с полдороги на Луну. В ракете его конструкции обнаружился просчет; кроме того, среда между Землей и Луной оказалась совсем иной, чем о ней думали прежде, поэтому Ва-

лир вернулся обратно. Аудитория была взволнована до крайней степени докладом Валира и, заряженная волей и энтузиазмом великой попытки, со страшным шумом лавой растекалась по Москве. В этом отношении слушатели Валира и Шахтмайера резко отличались друг от друга.

А высоко над площадью Свердлова в этот миг засветилась синяя точка. Она в секунду удесятирилась в размерах и затем стала излучать из себя синюю спираль, тихо вращаясь и как будто разматывая клубок синего вязкого потока. Один луч медленно влекся к Земле, и было видно его содрогающееся движение, как будто он находил упорные встречные силы и, пронзая их, тормозил свой путь. Наконец столб синего, немерцающего, мертвого огня установился между Землей и бесконечностью, а синяя заря охватила все небо. И сразу ужаснуло всех, что исчезли все тени: все предметы поверхности Земли были окунуты в какую-то немую, но всепронзающую влагу — и не было ни от чего тени.

В первый раз с постройки города в Москве замолчали: кто говорил, тот оборвал свое слово, кто молчал, тот ничего не воскликнул. Всякое движение остановилось: кто ехал, тот забыл продолжать путь, кто стоял на месте, тот не вспомнил о цели, куда его влекло.

Тишина и синее мудрое сияние стояли одни над Землею, обнявшись.

И было так безмолвно, что ка-

залось, звучала эта странная зоря — монотонно и ласково, как пели сверчки в нашем детстве.

В весеннем воздухе каждый голос звонок и молод — пронзительно и удивленно крикнул женский голос под колоннами Большого театра: чья-то душа не выдержала напряжения и сделала резкое движение, чтобы укрыться от этого очарования.

И сразу тронулась вся ночная Москва: шоферы нажали кнопки стартеров, пешеходы сделали по первому шагу, говорившие закрылись, спящие проснулись и бросились на улицу, каждый взор обратился навзничь к небу, каждый мозг забился от возбуждения.

Но синяя зоря начала угасать. Темнота заливала горизонты, спираль свертывалась, забираясь в глубину Млечного Пути, затем осталась яркая вращающаяся звезда, но и она таяла на живых глазах — и все исчезло, как беспамятное сновидение. Но каждый глаз, глядевший на небо, еще долго видел там синюю кружащуюся звезду, — а ее уже не было. По небу шел обчный звездный поток.

И всем стало отчего-то скучно, хотя никто почти не знал, в чем дело.

XIX

Утром в «Известиях» было помещено интервью с инженером Кирпичниковым.

«Объяснение ночной зари над миром.

С большим трудом наш корреспондент проник в Микробиологическую лабораторию имени профессора Маранда. Это произошло в четыре часа ночи, непосредственно после оптического явления в эфире. В лаборатории корреспондент застал спящего Г. М. Кирпичникова — известного инженера, конструктора приборов для размножения материи, открывшего так называемый «эфирный тракт».

Наш корреспондент не осмелился будить усталого изобретателя, однако обстановка лаборатории позволила увидеть все результаты ночного эксперимента.

Кроме приборов, необходимых для производства «эфирного тракта» и аккумуляции мертвых электронов, на столе изобретателя лежала старая желтая рукопись. На открытой странице ее было написано: «Дело техников теперь разводить железо, золото и уголь, как скотководы разводят свиней». Кому принадлежат эти слова, корреспондентом пока не установлено.

Половину экспериментальной залы занимало блестящее тело. По рассмотрении это оказалось железом. Форма железного тела — почти правильный куб размером $10 \times 10 \times 10$ метров. Непонятно, каким образом такое тело могло попасть в зал, так как существующие в нем окна и двери позволяют внести тело размером не больше половины указанных. Остается одно предположение — железо в зал ниоткуда не вносилось, а выращено в самой лаборатории. Эта достоверность подтверждена жур-

налом экспериментов, лежавшим на том же столе, где и рукопись. Рукою Г. М. Кирпичникова там записаны размеры подопытного тела: «Мягкое железо, размером $10 \times 10 \times 10$ сантиметров — 1 час 25 минут, оптимальный вольтаж». Дальнейших записей в журнале не имеется. Таким образом, в течение двух-трех часов железо в объеме увеличилось в миллион раз. Такова сила эфирного питания электронов.

В зале стоял какой-то ровный и постоянный шум, на который наш корреспондент вначале не обратил внимания. Осветив зал, наш сотрудник обнаружил некое чудовище, сидящее на полу близ железной массы. Рядом с неизвестным существом лежали сложные части разрушенного прибора, как бы пережатые вольтовой дугой. Животное издавало ровный стон. Корреспондент его сфотографировал (см. ниже). Наибольшая высота животного — метр. Наибольшая ширина — около половины метра. Цвет его тела — красно-желтый. Общая форма — овал. Органов зрения и слуха не обнаружено. Кверху поднята огромная пасть с черными зубами, длиною каждый по 3—4 сантиметра. Имеются четыре короткие ($\frac{1}{4}$ метра) мощные лапы с налившимися мускулами; в обхвате лапа имеет не менее полуметра; кончается лапа одним могущественным пальцем в форме эластичного сверкающего когтя. Животное стоит на толстом сильном хвосте, конец которого

шевелится, сверкая тремя зубьями. Зубы в пасти имеют нарезку и вращаются в своих гнездах. Это странное и ужасное существо очень прочно сложено и производит впечатление живого куска металла.

Шум в лаборатории производил гул этого гада: вероятно, животное голодно. Это, несомненно, искусственно откормленный и выращенный Кирпичниковым электрон.

В заключение редакция поздравляет читателей и страну с новой победой научного гения и радуется, что эта победа выпала на долю молодого советского инженера.

Искусственное выращивание железа и вообще размножение вещества даст Советскому Союзу такие экономические и военные преимущества перед остальной, капиталистической частью мира, что, если бы капитализм имел чувство эпохи и разум истории, он бы сдался социализму теперь же и без всяких условий. Но, к сожалению, империализм никогда не обладал такими ценными качествами.

Реввоенсоветом и ВСНХ Союза уже приняты соответствующие меры для обеспечения монопольного пользования государством изобретениями Г. М. Кирпичникова.

Г. М. Кирпичников — член партии и Исполбюро КИМа, и от него еще несколько месяцев назад правительством получено согласие на передачу всех своих открытий и конструкций в пользование госу-

дарства, и притом безвозмездно. Правительство, конечно, целиком и полностью обеспечит Г. М. Кирпичникову возможность дальнейшей работы.

Сегодня в 1 час дня Г. М. Кирпичников будет иметь свидание с Предсовнаркомом Союза тов. Чаплиным».

Вся Москва — этот новый Париж социалистического мира — пришла в иступление от такой заметки. Живой, страстный, общественный город весь очутился на улицах, в клубах, на лекциях — везде, где пахло хотя бы маленькими новыми сведениями о работах Кирпичникова.

День родился солнечным, снег подтаивал, и неимоверная надежда разрасталась в человеческой груди. По мере движения солнца к полуденному зениту, все яснее в мозгу человека освещалось будущее, как радуга, как завоевание вселенной и как синяя бездна великой души, обнявшей стихию мира, как невесту.

Люди не находили слов от радости технической победы, и каждый в этот день был благороден.

Что может быть счастливее и тревожнее того дня, который служит кануном технической революции и неслыханного обогащения общества?

В «Вечерней Москве» появилось описание рабочего собрания завода «Генератор», где Егор Кирпичников отбывал свою двухлетнюю студенческую практику.

Кирпичников сделал доклад об

открытии «эфирного тракта» и его промышленной эксплуатации в ближайшем будущем. Он начал с работ аюнитов в этом направлении, подробно остановился на трудах Ф. К. Попова, которого и следует считать изобретателем «эфирного тракта», затем изложил историю поисков своего отца и закончил кратким указанием на свою работу, завершающую труд всех предшественников.

XX

Как в старину, женщины теперь носили накидки и длинные платья, закрывающие ноги и плечи. Любовь была редким чувством, но считалась признаком высокого интеллекта

Девственность и женщин и мужчин стала социальной моралью, и литература того времени создала образцы нового человека, которому не знаком брак, но присуще высшее напряжение любви, утомляемое, однако, не сожительство, а либо научным творчеством, либо социальным зодчеством. Времена полового порока угасли в круге человечества, занятого устройством общества и природы.

Наступило новое лето. Егор Кирпичников устал от «эфирного тракта» и беспомощно затосковал по далеким и смутным явлениям, как это бывало с ним не раз.

Он снова убивал дни, скитаясь и наслаждаясь одиночеством, то в Останкино, то в Серебряном Бору,

то уезжая на Ладожское озеро, которое он так любил.

— Тебе, Егор, влюбиться надо! — говорили ему друзья. — Эх, напустить бы на тебя хорошую русскую девушку, у которой коса травой пахнет!..

— Оставьте! — отвечал Егор. — Я сам себя не знаю куда деть! Знаете, я никак не могу устать — работаю до утра, а слышу, что мозг скрежещет и спать не хочет!

— А ты женись! — советовали все-таки ему.

— Нет, когда полюблю прочно, в первый раз и на всю жизнь, тогда...

— Что тогда?

— Тогда... уйду странствовать и думать о любимой.

— Станный ты человек, Егор! От тебя каким-то старьем и романтизмом пахнет...

В мае был день рождения Валентины Кроховой. Валентина весь день читала Пушкина и плакала: ей сравнялось двадцать лет. Вечером она надела серое платье, поцеловала перстень на пальце — подарок отца — и стала ждать Егора с матерью и двух подруг. Она убрала стол. В комнате пахло жимолостью, полем и чистым телом человека.

Огромное окно было распахнуто, но видно в него одно небо и шевелящийся воздух на страшной высоте.

Пробило семь часов. Валентина села за рояль и сыграла несколько этюдов Шахтмайера и Метнера. Она не могла отделаться от своей

сердечной тревоги и не знала, что ей делать, — расплакаться или сжать зубы и не надеяться.

Весенняя природа волновалась страстью размножения и жаждала забвения жизни в любви. И в круг этих простых сил была включена Валентина Крохова и не могла от них отбиться. Ни разум, ни чужое страдание в поэмах и в музыке — ничто не помогло горю ее молодости. Ей нужен был поцелуй, а не философия и даже не красота. Она привыкла честно мыслить и понимала это.

В восемь часов к ней постучали. Принесли телеграмму от Егора. В ней стояли странные, шуточные и жестокие слова, и притом в стихах, к которым Егор питал влечение с детства.

Дарю тебе луну на небе
И всю живую траву на Земле, —
Я одинок и очень беден,
Но для тебя мне нечего жалеть.

Валентина не поняла, но к ней вошли веселые подруги.

В одиннадцать часов Валентина выпроводила подруг и пошла к Егору, зажженная темным отчаянием.

Ее встретила Мария Александровна. Егора дома не было уже вторые сутки. Валентина посмотрела на бланк телеграммы: она была подана из Петрозаводска.

— А я думала, он у вас будет сегодня вечером, — сказала Мария Александровна.

— Нет, его у меня не было...

И обе женщины молча сели, ревнуя друг к другу утраченного и томясь одинаковым горем.

В августе Мария Александровна получила письмо от Егора из Токио:

«Мама! Я счастлив и кое-что постиг. Конец моей работы близок. Только бродя по земле, под разными лучами солнца и над разными недрами, я способен думать. Я теперь понял отца. Нужны внешние силы для возбуждения мыслей. Эти силы рассеяны по земным дорогам, их надо искать и под них подставлять голову и тело, как под ливни. Ты знаешь, что я делаю и ищу — корень мира, почву вселенной, откуда она выросла. Из древних философских мечтаний это стало научной задачей дня. Надо же кому-нибудь это делать, и я взялся. Кроме того, ты знаешь мои

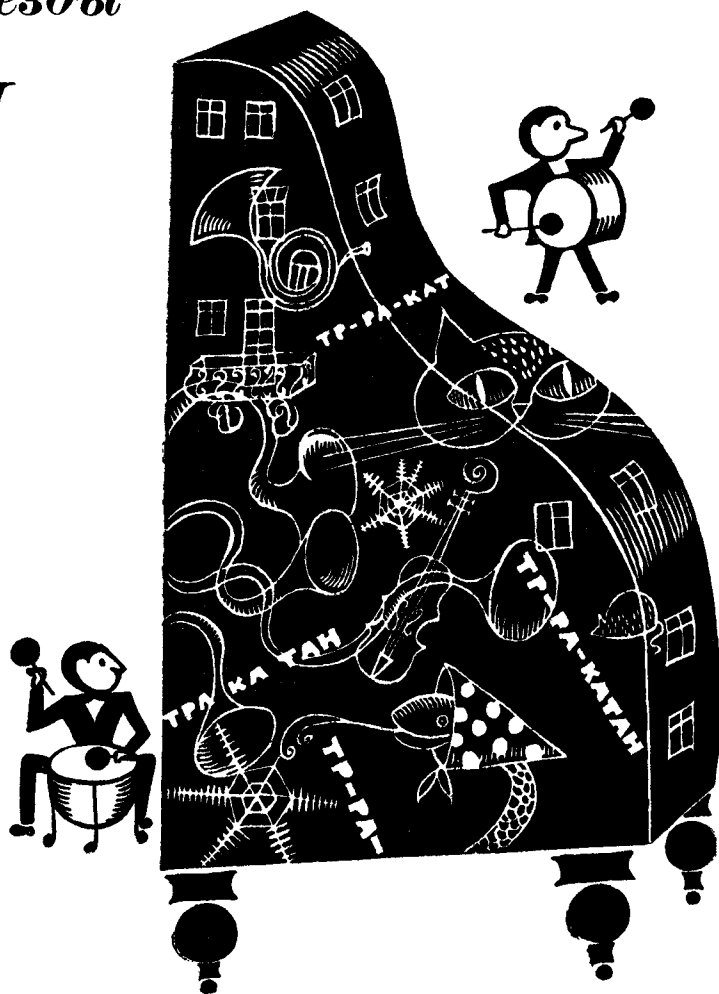
живые мускулы, они требуют напряжения и усталости, иначе я бы затомился и убил себя. У отца тоже было это чувство; быть может, это болезнь, быть может, это дурная наследственность от предков — пеших бродяг и киевских богомольцев. Не ищи меня и не тоскуй — сделаю задуманное, тогда вернусь. Я думаю о тебе, ночуя в стогах сена и в куренях рыбаков. Я тоскую о тебе, но меня гонят вперед мои беспокойные ноги и моя тревожная голова. Быть может, верно, жизнь — порочный факт, и каждое дышащее существо — чудо и исключение. Тогда я удивляюсь еще больше, и мне хорошо думать о своей милой матери и беспокойном отце.

Егор».

Смех

сквозь
звезды

V

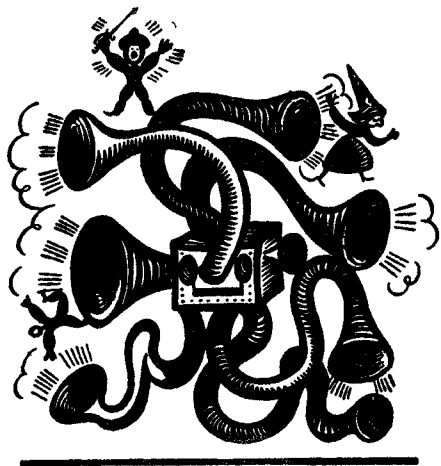

Среди авторов этого раздела только трое не были представлены вам раньше. Киевлянин Леонид Сапожников — кибернетик, и повесть его называется «У нас в Кибертонии...» Внимательный читатель сумеет найти в ней кое-какие кибернетические истины, принципы, парадоксы и шутки. Но все это — только мимоходом. Потому что для него будет гораздо важнее проследить за перипетиями борьбы героев повести со страшным доктором тьма-тьматических наук.

«У нас в Кибертонии...», употребляя выражение А. и Б. Стругацких, — сказка для научных работников младшего возраста. Но ее наверняка с удовольствием прочтут и их старшие братья и родители. Потому что сказки, а особенно юмористические, вовсе не только детское чтение.

Странным может показаться поначалу рассказ челябинского инженера Михаила Клименко «Судная ночь». Откровенно пародийный, он поражает, однако, удивительным умением автора владеть словом. Михаил Клименко собирает слова в неуклюжие и непрочные на вид фразы, но попробуй-ка их разрушить!

Рассказ Андрея Скайлеса «Путч памятников» уже был опубликован на латышском языке в сборнике фантастики А. Скайлеса, вышедшем в Риге под названием «Суперблохи». Судя и по этому и по другим рассказам Скайлеса, в Латвии появился свой заметный фантаст. Расширяется география фантастики!

*у нас
в Кибертонии...**

Леонид
Сапожников

Кибертония... Кибер... Кибер... Не правда ли, в этом слове есть что-то техническое?

Кибертония... тония... тония... И музыкальное в нем тоже есть! Все объясняется очень просто — в стране Кибертонии живут музыканты и конструкторы. Они никогда не ссорятся друг с другом,

* Печатается для самых маленьких любителей фантастики, но и взрослые найдут здесь много поучительного.

не спорят, что важнее — аккорд или контакт. Это, если хотите знать, одни и те же люди.

Самое страшное ругательство в Кибертонии — «Он не знает, откуда берется электричество». И другое, не менее страшное — «Ему медведь на ухо наступил». Кибертонцы очень редко пользуются этими выражениями, и только дрянные мальчишки, которые есть даже в необыкновенной стране, нагло выводят их мелом на заборах.

Кибертонцы так любят музыку, что даже дома строили одно время в виде инструментов. Есть у них дом-рояль, в трех ножках которого бегают лифты, и дом-аккордеон, который можно сжимать и растягивать. Построил оба эти здания известный архитектор Плинтус. Он был очень удивлен и обижен, когда новоселы прислали ему коллективное письмо:

«Дорогой архитектор, у Вас нет музыкального слуха».

Оказывается, крышка рояля время от времени срывалась с подпорки, и тогда несчастные жильцы думали, что наступил конец света, в доме же аккордеоне стояли такие страшные сквозняки, что все в нем, от мала до велика, из-за хронического насморка разговаривали в нос. Постепенно все как-то уладилось: крышку рояля оборудовали часовым механизмом, и она падала ровно в семь утра, заменяя будильник, а по воскресеньям в восемь тридцать; для жильцов дома-аккордеона органи-

зовали курсы французского языка, и они учились только на «хорошо» и «отлично» благодаря прекрасному произношению.

Кибертонцы все, как один, влюблены в технику и не упускают случая что-то усовершенствовать или изобрести. Взрослые кибертонцы делают большие изобретения, а ребята — маленькие, но тоже очень полезные. Разве не здорово иметь надувную подушечку, сидя на которой вы будете выше всех? Ее придумал кибертончик Си специально для кинозрителей низкого роста. А другой школьник предложил, чтобы автомобили лаiali по-собачьи. Он доказывал, что такой сигнал необходим суеверным водителям: ни одна кошка не осмелится перебежать дорогу перед их машиной.

В Кибертонии, как и в любой стране, есть свои праздники. Они не выделены в календарях красной краской, все зависит от погоды. Распускаются листья — начинается Большой Весенний Маскарад, выпадает снег — люди празднуют День Первого Снега. Иногда погода подшучивает над кибертонцами — подмораживает в мае, хлещет дождем в декабре. «Это все электромагнитные поля!» — шепчутся в таких случаях кумушки.

В тот памятный кибертонцам декабрь на дворе стояли глубокие лужи. Люди ходили сумрачные, под стать небу. На всех перекрестках торговали модными калошами, — они при ходьбе не скрипе-

ли, а насвистывали вальс «Осенние листья». И вот, когда казалось, что зима уже не явится, радио прервало свои обычные передачи. «Слушайте важное сообщение! — громко и весело объявил диктор. — По сведениям кибертонского бюро прогнозов завтра, тридцать первого декабря, ожидается переменная облачность с осадками в виде снега!» Тут повсюду зазвучали трубы — это кибертонцы, взрослые и дети, выражали свою радость и ликование. А наигравшись вдоволь, они бросились готовиться к празднику — доставать лыжи, санки, коньки... Ну и, конечно, доставать морковку, потому что снежных баб в Кибертонии делают точь-в-точь как у нас. Только один гражданин по прозвищу Неверьюшамсвоим взял в руки не трубу, а телефонную трубку и, набрав номер бюро прогнозов, спросил: «А вы уверены, что снег действительно выпадет?»

«Конечно, — ответил дежурный метеоролог, — ведь прогноз составлен электронно-вычислительной машиной!»

«А она у вас как, в полной исправности?» — спросил Неверьюшамсвоим и, получив утвердительный ответ, принялся искать босоножки.

За ночь ртутный столбик термометра сжался от холода; и когда кибертонцы в ярких лыжных костюмах высыпали на улицу, под ногами хрустел свежий лед. С севера, со стороны моря, надви-

галься черная как уголь туча, но кибертонцы знали, что она несет с собой снег, и бурно выражали свое нетерпение с помощью ксилофонов. Вот туча зацепилась за телевизионную вышку и остановилась. Стало так темно, что пришлось снова зажечь фонари. Люди напряженно смотрели вверх, каждый хотел раньше других увидеть первую снежинку.

«Летит, летит!» — закричал рыжий Тирляля, знаменитый на всю страну голубятник. И действительно, то замирая в нерешительности, то снова скользя вниз, в небе танцевала снежинка. Над ней другая, третья... Маленький мальчик подставил ладонь, и снежинка опустилась на нее, словно парашютист. Мальчик посмотрел на снежинку и заплакал: «Мама, мама, она черная!» А снег валил уже хлопьями — густой черный снег, от которого померкли фонари, и люди перестали видеть друг друга. В ужасе разбежались они по домам, сталкиваясь, падая, снова вставая... Они плотно закрывали за собой двери и, дрожа от страха, выбивали на барабанах зловещую дробь: «Тр-ра-катан! Тр-ра-катан!»

А бледные губы беззвучно повторяли это имя.

* * *

Старая пословица говорит: «В семье не без урода», а пословицы, особенно старые, ничего не говорят зря. Вот и в семье кибертонцев, доброй и спокойной, был

свой урод — конструктор Тракатан. С малых лет он учился в заморских странах, не подавал о себе никаких вестей — и вдруг приехал, низкорослый, угрюмый, с двумя чемоданами из крокодиловой кожи. Кибертонцы не сразу вспомнили, кто это такой, да и вспоминать-то было особенно нечего.

Тракатану предложили поселиться в одном из новых, прозрачных домов, но он отказался и выстроил себе на отшибе, у подножия горы Экстрэмум, железобетонный особняк, обнесенный каменной стеной. На дубовых воротах появились таблички:

**«ДОКТОР
ТЪМА-ТЪМАТИЧЕСКИХ НАУК
И ПРОФЕССОР ТРАКАТАН»**

«...ВО ДВОРЕ ЗЛАЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ЧЕРЕПАХА»

Тракатан почти никуда не выходил и гостей у себя не принимал. Все покупки за него делала черепаха, запряженная в специальную тележку на резиновых колесах. Когда кибертонцы подходили к ней поближе, она шипела и высовывала длинный язык, похожий на змеиное жало.

Кибертонцы не понимали, как может человек жить совсем один. Они решили, что чем-то обидели Тракатана, и стали думать, как загладить свою вину. «Пошлем ему в подарок канифоль, — говорили одни. — Пусть натирает смычок своей скрипки».

«А откуда вы знаете, что у него именно скрипка? — возражали

другие. — Пошлем ему лучше арии из опер».

«Все это не то, — перебивали третьи. — Песенник ему нужен, песенник!»

Тут поднялся страшный шум, каждый отстаивал свою точку зрения — кто на скрипке, кто на виолончели, а кто и просто орал во все горло. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не примчался на грузовике духовой оркестр по охране общественного порядка, который заглушил спорщиков старинным маршем бронетанковых войск.

Чтобы долго не спорить, можно подбросить монетку. Лучше всего медную: закатится — не жалко. Но у монетки только две стороны, орел и решка, как же быть, если в споре участвуют трое? «Айда к электронной гадалке», — предложил кто-то, и все обрадованно поддержали: «Айда!»

Электронная Звездно-Папиллярная Гадалка, Познавшая Шестьсот Шестьдесят Шесть Тайн Белой Магии и Черного Ящика, была задумана как обыкновенная вычислительная машина, но почему-то вышла такой глупой, что от нее отказался собственный конструктор. С тех пор она занимала в тихом переулке отдельную двухкомнатную квартиру со всеми удобствами, зарабатывала на ток и на масло советами и предсказаниями, а в часы досуга сочиняла на конструктора бесчисленные кляузы. Постепенно она вообще выжила из ума и стала коротко замыкаться в

себе; все ждали, что со дня на день она объявит себя арифмометром Наполеона.

— Шурум-бурум! — приветствовала машина кибертонцев. — Позолотите рукоятку!

Она ловко притянула монеты магнитными щупальцами и опустила их в прорезь на животе.

— Можете не рассказывать, что привело вас сюда, — продолжала гадалка, тасуя колоду перфокарт. — Я и так вижу вас насквозь. Гексаэдр, октаэдр, додекаэдр! Сейчас вы получите то, за чем пришли.

Машина задумалась с такой силой, что из всех щелей повалил дым, но не успели кибертонцы закашляться, как она запустила длинную суставчатую руку себе во внутренности и извлекла оттуда листок черной бумаги, на котором большими белыми буквами было напечатано:

**«САМООБСЛУЖИВАНИЕ —
ПРОГРЕССИВНЫЙ МЕТОД!»**

**А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н
О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ
Ы Ь Э Ю Я**

Вы сами можете составить из этих букв любой совет и предсказание».

— Уже составил! — подпрыгнул от радости один из кибертонцев. — Канифоль!

— Дурак! — рывкнул другой. — Арии из опер!

— Пе-сенник, пе-сенник! — хором запели их противники.

— Цыц! — заорала машина не-

человеческим голосом. — Концерт будете устраивать в другом месте!

Притихшие кибертонцы вышли на улицу. Последние слова гадалки не выходили у них из головы. Концерт... А что, если в самом деле его устроить? На склонах горы Экстремум? Для Тракатана! И вот они уже мчатся вприпрыжку по мостовой, окрыленные новой идеей: «Лучший подарок — концерт! Лучший подарок — концерт!»

В тот же вечер вся Кибертония окружила виллу Тракатана; от подножия горы до ее середины выстроился рядами женский хор; по одну сторону дома сверкала медь духовых инструментов, по другую натянулись, как нервы, струны смычковых. Главного капельмейстера привязали за полы фрака к верхней ступеньке выдвижной пожарной лестницы; он чувствовал себя не совсем уютно, зато был у всех на виду. Вот он осторожно, чтобы не потерять равновесия, взмахнул руками, и — началось! Грянул, как из тысячи орудий, женский хор, ухнули от неожиданности пузатые трубы, взвились, как сабли, смычки. Рыба в океане уходила от берегов, птицы прятались в облака, — им казалось, что поднялась буря, но это была музыка; она накатывалась, волна за волной, на камень и железобетон, и стекла в тройных рамах дрожали от нее, как от ветра. Старый пастух высоко в горах жадно ловил долетавшие из долины звуки, а потом торопливо по-

гнал вниз свое стадо, потому что тот, кто это слышал, не мог ни минуты оставаться один. «Иди к людям, протяни им руки, — звала музыка. — Отвори двери, отвори сердце, будь простым и чистым, как поле, как лес».

Смоклка музыка, опустил руки усталый капельмейстер, но в Тракатановом доме не шелохнулись даже шторы. Кибертонцы молча и подавленно стали укладывать свои инструменты, и в этот момент из маленькой лазейки в нижнем углу ворот выползла с письмом в зубах черепашка. На бланке с личным гербом Тракатана (змея, обвившаяся вокруг Луны) четким каллиграфическим почерком было написано:

«М и л е й ш и е!

Убедительно рекомендую в ваших же интересах прекратить раз и навсегда эти безобразия. Если шум в моей лаборатории превысит полтора децибела, пеняйте на себя. Т р а к а т а н».

* * *

Всю зиму кибертонцы ходили на цыпочках. Мотоциклистов пересаживали на велосипеды, льву в зоопарке сшили звуконепроницаемый намордник. В кинотеатрах шли немые фильмы, громкоговорители на площадях что-то такое нашептывали, на хоккее пускали только тех, кто набрал в рот воды.

Первыми нарушили новый порядок грачи. Ничего не подозревая, они устроили такой базар, что люди невольно заулыбались, потянулись к запыхавшимся инструмен-

там; и спустя короткое время прежняя, непоседливая Кибертония закружилась, запела, заиграла под мартовским солнцем. А потом уже было не до Тракатана с его угрозами. Приближался День Большого Весеннего Маскарада, и нужно было уладить тысячу дел.

Хуже всех в эту предпраздничную пору чувствовали себя школьники. Кибернетические учителя были совершенно нечувствительны к набухающим почкам, к весеннему ветерку, а футбольный мяч был для них лишь сферой определенного радиуса. Исключение составлял преподаватель кулинарии «КЕКС-25», который, кроме зрения и слуха, имел еще и обоняние. Он был запрограммирован на запах пригоревшей пищи, но апрельские ароматы тоже его беспокоили. Однажды коварные школьники принесли на его урок букет фиалок, и старик «КЕКС», вместо того чтобы проходить с классом борщ по-флейтски, углубился в изучение незнакомого запаха. И казалось ему, что он не машина, а человек, — вот отодвинет стул, выйдет на улицу и начнет пускать кораблики в больших теплых лужах... Когда «КЕКС» очнулся, класс был пуст.

Сорванцы не теряли времени даром. Прежде всего они побежали на пристань — смотреть, как выгружают с иностранного судна большие деревянные ящики с таинственными надписями. «Господин Грауэн, — сумели перевести мальчишки. — Галерея Ужасов».

И еще: «Не вскрывать — боится света». С пристани вся ватага двинулась к Тирляле, но дверцы его великолепной голубятни были закрыты.

— Занимается! — сказала почему-то шепотом мама Тирляли, проходившая как раз по двору за покупками. — День и ночь сидит!..

Это уже была новость! Тирляля, рыжий Тирляля, который вечно отлынивал от учебы и подкидывал учителям винтики, вдруг сидит над книгами? По доброй воле?! Тот самый Тирляля, аттестат зрелости которого директор назвал «восьмым чудом света»?!! Ребята до того растерялись, что вернулись в школу, хотя до следующего урока оставалось еще полчаса.

И вот наступил день, когда из почек вылупились первые листики — маленькие, беспомощные, похожие на новорожденных цыплят. С утра люди сидели у телевизоров — ждали Сигнала. А его все не было, шел концерт машинной самодеятельности, сначала один электронный мозг жонглировал шариками и роликами, потом другой читал стихи собственного сочинения:

Идут дожди, идут часы,
Идут пожарнику усы,
Идет трамвай, идет прохожий,
Весна идет, зарплата — тоже...

Наконец ведущий инженер поблагодарил от имени участников концерта за внимание, и на экране появился сияющий диктор.

— Сегодня, — сказал он, — истекают полномочия Дона Кибертоне и Синьорины Кибертины.

Целый год они принимали послов, подписывали государственные документы и вообще играли в стране первую скрипку, показывая пример в больших и малых делах. По старинной кибертонской традиции большой весенний маскарад начнется с выборов нового Дона и новой Синьорины. Да здравствует маскарад! Все на выборы!

Будто прорвав плотину, хлынули в направлении Центральной площади потоки удивительных существ. Шагали циркули, топали турецкие барабаны, семеняли какие-то козявки. Длинноногая сороконожка путалась в собственных ногах — это был известный своей неорганизованностью третий класс «Б».

Посреди площади цветами в горшках было огорожено четырехугольное пространство — там на деревянном помосте возвышалась окрашенная в белый и черный цвета Избирательная Машина. Рядом под голубым сукном стоял стол жюри, к которому через всю площадь от парадных дверей Весеннего Дворца тянулась ковровая дорожка. «Кибермаг» распродал последние маски; глашатай, стоя у входа на табуретке, зывал покупателей:

Если хотите повеселиться,
Купите себе запасные лица —
На всякий вкус,
На всякий цвет,
Для тех, кто «да»,
Для тех, кто «нет»,
Вы спросите: «Где?»
Вы спросите: «Как?»
К вашим услугам
Наш «Кибермаг»!

На противоположной стороне площади прилепился к ножке до-

ма-роля черный брезентовый балаган; кибертонцы с любопытством и недоумением читали рекламную надпись:

«ТОЛЬКО У НАС!

ТОЛЬКО СЕГОДНЯ!

ТОЛЬКО ОДИН СЕАНС!

**ВЫ ПОЛУЧИТЕ НЕЗАБЫВАЕМОЕ
НЕРВНОЕ ПОТРЯСЕНИЕ В КОМНАТЕ
УЖАСОВ ГРАУЭНА.
К ВАШИМ УСЛУГАМ:**

ГОВОРЯЩИЙ ЧЕРЕП,

УЛЫБКА ДРАКОНА,

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕА,

САМОВЫПАДАЮЩАЯ ЧЕЛЮСТЬ

**И ПРОЧИЕ РОСКОШНЫЕ ЛЮКСУСЫ.
ДЫВ ВОЛОС ОВЕСПЕЧЕН!
ЖЕНЩИНАМ И ЛЫСЫМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»**

Билеты продавал сам господин Грауэн, высокий человек с лицом мертвеца. Он растягивал тонкие белые губы в улыбке, но от этого людям становилось еще страшнее, и они переминались с ноги на ногу, не решаясь подойти к кассе. Наконец рискнул закованный в латы рыцарь; он отсалютовал толпе мечом и скрылся за черной дверью. Снаружи стало очень тихо, внутри тоже стояла могильная тишина. Вдруг из балагана донесся короткий вопль, и что-то упало, громяхая, как ведро. Зрители шарахнулись назад, двое здоровенных служителей выволокли сомлевшего рыцаря, прибежали санитары, вскрыли плоскогубцами панцирь и сделали укол.

— Больше никто не желает? — осклабился Грауэн.

И в этот момент, разгоняя зевак лютым собачьим лаем, к балагану подъехал автомобиль. Человек без маски, одетый в траур, захлопнул

за собой дверцу и купил билет. Кибертонцы протерли глаза. Не может быть!

Человек вошел в балаган и оставался там несколько минут, а люди стояли, окаменев, пока он снова не появился на пороге. Сомнений больше не было: это Трактан. Вытянутый вперед и книзу подбородок, запавший рот, близко поставленные глаза с недобрый блеском... Доктор тьма-тьматических наук подошел к владельцу балагана, пожал ему руку и что-то прошептал в большое вялое ухо; Грауэн кивнул головой и приказал помощникам запереть дверь. Все четверо уехали в машине Трактана, оставляя после себя легкий запах бензина. Он быстро рассеялся, и кибертонцы заставили себя поверить, что все это привиделось, — ведь никому не хочется в праздник думать о странных и неприятных вещах.

Ровно в двенадцать часов распахнулись двери Весеннего Дворца, и оттуда под звуки фанфар вышла процессия. Впереди выступали Дон Кибертон со шпагой и Синьорина Кибертина, голову которой украшала корона из радиоламп, за ними следовали члены жюри в масках древних мудрецов, а далее в простых черных домино шли кандидаты и кандидатки. Не смотря на маску, кибертонцы сразу узнали профессора Сурдинку. Его выдавал большой, толстощекий портфель, постоянно набитый бумагами и леденцами. Леденцами профессор охотно угощал детей,

но все знали, что, когда никто не видит, он с наслаждением лакомятся ими сам. Дон, Синьорина и мудрецы расселись за столом жюри, домино остались стоять у помоста. Профессор Сурдинка вынул из одного кармана бумажку с нотами, из другого губную гармошку и исполнил перед микрофоном краткое музыкальное приветствие. Площадь отвечала ударами в литавры.

Первыми на помост пригласили кандидаток. По сигналу профессора они скинули свои домино, и по площади пронесся — до-ре-ми-фа-оль-ля-си! — медноголосый гул восхищения. Это были самые красивые девушки страны или те, которые считали себя самыми красивыми; одна за другой подходили они к Машине и с улыбкой заглядывали в ее внимательные зеленые глаза.

— Милые девушки! — выговорила Избирательная Машина, собравшись с мыслями. — Все вы хороши собой, но этого недостаточно. Синьорина Кибертина должна иметь ум конструктора и сердце феи. Вам придется сдать два экзамена — по уму и по сердцу. Месяц назад каждая из вас получила домашнее задание — сконструировать умную машину. Сейчас мы увидим, как вы с ним справились.

Профессор Сурдинка взмахнул платком, и из дворца вырвалась орава механических существ, которые покатались, поскакали, поковыляли по ковровой дорожке.

Взобравшись на помост, они выстроились, рассчитались на первый-второй и временно отключились. Чего здесь только не было — машина, которая обжигала горшки, машина, которая садилась только в свои сани, портяжная машина, которая прежде чем отрезать, отмеряла семь раз. Был очень интересный домашний автомат для мытья и битья посуды, — он бил посуду при крике «Изверг!» или «Я тебе покажу!» и мыл ее в остальное время. На левом фланге шеренги механизмов стояло что-то маленькое, похожее на киноаппарат.

— Это чей такой? — удивился профессор.

— Мой, — выступила вперед кандидатка по имени Айя. — Его зовут Поки — помощник кинозрителя. Если вы хотите, чтобы у фильма был хороший конец, чтобы злые герои были наказаны, а добро победило, захватите его в кино, не пожалеете!

Мудрецы сделали какие-то пометки в своих блокнотах, и механизмы наперегонки устремились обратно во дворец. Ассистенты профессора в черно-белых шапочках и таких же халатах выкатили на помост деревянный столик.

— Перед вами, — сказала Машина, — маленький цветок высокогорных лугов. Он появился на свет слишком рано, сильно озяб и наверняка погибнет, если его не спасти. А спасти его может только музыка. Сыграйте для него, мои милые, разумные девушки!

Первая кандидатка подошла к

столику и сняла с бледно-розового пятнышка хрустальный колпачок.

— Аккордеон! — приказала она ассистентам и заиграла что-то бодрое, веселое, похожее на физкультурный марш. «Вставай, расправь лепестки — раз-два, три-четыре! Не гнаться, держись ровнее — вдох-выдох, раз-два!..»

Она играла все быстрее, громче, повелительнее, но цветок даже не шелохнулся, и кандидатка, высоко подняв голову, возвратилась на свое место.

Следующая девушка попросила скрипку. Она очень жалела бедный маленький цветок, такой больной, такой одинокий; ей так хотелось, чтобы он скорей поправился и рос у нее на балконе в красивом просторном ящике.

Третья кандидатка села за рояль и стала возмущаться слабостью цветка: «Будь же ты мужчиной, бери пример с лопуха! Посмотри на крапиву — она женщина, да и то не даст себя в обиду!»

Девушки утешали цветок, лстили цветку, командовали цветком, а он лежал, озябший и безжизненный, на грудке сырой земли. И вдруг он вздрогнул, как вздрагивают от неожиданности люди, — это запела над ним пастушья свирель. О луге в горах, где растут такие же цветы, как он. О солнце, которое будет греть с каждым днем все теплее. О многих других понятных цветку вещах. Люди, слушая игру Айи, начинали верить, что цветок вырастет красивым и высоким, и он сам начинал

в это верить и выпрямлялся, выпрямлялся, выпрямлялся, а старые мудрецы не дыша следили за ним и, когда свирель смолкла, с облегчением вздохнули: «Будет житы!»

Покинули помост кандидатки, заняли их место юноши; у профессора Сурдинки затекла рука, которую он поднял, требуя тишины, а кибертонцы все еще ликовали. Даже семейство Неверьшамсвоим, которое пришло сюда в надежде увидеть провалы и конфузы, порезало на части заранее приготовленные транспаранты «Ай-я-яй!» и составило из этих частей «Айя! Айя! Айя!».

Наконец площадь утихла, но ненадолго. Кандидаты сняли домино, и все увидели, что на помосте среди других стоит Тирляля. Тот самый Тирляля! Всем известный Тирляля! Ой, потеха!..

Машина что-то говорила, но ее никто не слышал — все утонуло в смехе саксофонов. А Тирляля сцепил большие обветренные руки и смотрел на солнце, — оно тоже смеялось, хоть и само было рыжее.

Изобретения кандидатов занимали так много места, что жюри решило показать их на экране. Под крышей Весеннего Дворца натянули белое полотнище, и по знаку профессора демонстрация гигантов началась. Показали машину, делающую из мухи слона, и машину, превращающую стадо слонов в стаю мух. Показали механическую гору, которая шла к Магомету, и автоматического Магомета, кото-

рый шел к горе. Было там кибернетическое чудо-юдо, полукит-полуспрут, передняя половина которого имела очень умный вид, но ровно ничего не делала, а задняя, чтобы привлечь всеобщее внимание, была в медные колокола.

С каждым кадром нетерпение зрителей росло, всем хотелось узнать, что же придумал голубятник, но вот экран погас, а его имя так и не было упомянуто. Тут профессор встал из-за стола, подошел к Тирляле, вынул из кармана маленькую коробочку и высоко поднял ее над головой.

— Последний кандидат, — возвестил он, — порадовал нас изобретением компаса!

Площадь радостно захохотала: «Ну изобретатели! Ну и голова!», но профессор был совершенно серьезен, и инструменты мало-помалу умолкли.

— Этот компас, — продолжал профессор, — не простой, а голубиный. Ему не страшны магнитные бури и аномалии. Человек с таким компасом не заблудится, не сойдет с дороги. Он будет чувствовать себя в пути так же уверенно, как голубь в небе.

Сурдинка хотел еще что-то сказать, но только похлопал Тирляля по широкой, сутулой от смущения спине.

Кибертонцам стало очень стыдно, но они взяли себя в руки и дружно исполнили песенку «Он не парень, а просто клад». Они играли и плакали, потому что больше всего на свете боялись незаслу-

женно обидеть человека; в воздухе от их слез стало так сыро, что электронно-вычислительная машина бюро прогнозов чуть было не предсказала дождь. А потом на помост вышел самый старый человек Кибертонии, Дед Фальцет, и сказал, что народ хочет иметь Тирлялю своим Доном, потому что выдумывать из головы умеет всякий, но придумать что-то нужное людям может только душевный человек.

— Конкурс еще не окончен, — возразила Машина.

— Ну и не надо! — осерчал Дед. — Разве так не видно, что это за парень?

И он с размаху расцеловал голубятника в обе щеки.

Машина сказала:

— Я вношу протест. То, что происходит, находится в противоречии с моей программой.

— Протест отклонен, — ответил профессор. — Жюри присоединяется к мнению большинства.

Торжественно запели фанфары, и Тирляля с Айей рука об руку приблизились к столу жюри. Вышедший Дон Кибертон вручил Тирляле остро отточенную шпагу, а Кибертина наградила Айю улыбкой и короной. Ассистенты профессора с криками «три-четыре!» выкатили на помост сверкающий аппарат, очень похожий на рентгеновский. Это был Киберзагс, самый умный и приятный загс в мире. Он просвечивал жениха с невестой невидимыми лучами и, если они были созданы друг для друга, выдавал

брачные свидетельства, а если в ком-то из них зрел очаг эгоизма или зияла каверна равнодушия, ставил соответствующий диагноз и назначал лечение. Первым просвечивался Тирляля. Включили рубильник, и на матовом экране вспыхнуло такое огромное пурпурное сердце, что Айя зажмурилась, ассистенты отпрянули, а на площади заиграли арфы. Очарованные кибертонцы играли, как никогда, но инструменты почему-то перестали их слушаться. Мелодия звучала все тише и, казалось, вот-вот оборвется совсем. Налетел ветер, со звоном посыпались стекла, и только тут люди почувствовали, что стало трудно дышать.

Профессор Сурдинка прыгнул с помоста, выхватил у продавца надувных шаров разноцветную связку, и она понеслась, увлекаемая воздушным потоком, а профессор в маске мудреца с длинной развевающейся бородой бросился следом. Почувяв недоброе, побежал за профессором Тирляля, устремились вдогонку ассистенты, и спустя минуту на площади осталась одна Машина, которая твердо решила, что кибертонцы сошли с ума.

Связка вывела людей за город и полетела напрямик. Они бежали, задыхаясь, через кусты и овраги, а над их головами отчаянно били крыльями обессиленные птицы. Спуск — подъем. Спуск — подъем. Главное — не потерять связку из виду. Неужели она направляется в горы? Нет, нырнула.

Нырнула и скрылась за каменной стеной, принадлежащей доктору тьма-тьматических наук Тракатану...

Первыми достигли цели Тирляля и ассистенты. Ассистенты, крепкие ребята, выстроили пирамиду, и Тирляля привычно, как на голубятню, вскарабкался по ней на стену. Перед ним был сад, в котором росли черные, будто обгорелые, деревья; в глубине сада притаился дом с наглухо закрытыми ставнями. Посреди главной аллеи, на месте центральной клумбы, громоздилось сложное сооружение с многочисленными трубами, воронками и мехами; оно шипело, как сто тысяч гадюк, и Тирляле все стало ясно. Тракатан построил машину, чтобы высосать весь воздух Кибертонии! Это единственный способ покончить с музыкой, которая так его раздражала.

Придерживая шпагу, Тирляля прыгнул в сад. Скорей туда, к этому ненасытному чудовищу! Он покажет ему, на что способен Дон Кибертон! Но что это? Кибернетическая черепаха? Она мчит наперерез, высунув ядовитое жало? Тем хуже для нее, придется принять решительные меры...

В следующее мгновение Тирляля взлетел на дерево, а черепаха с ходу врезалась в ствол. Удар не произвел на нее ни малейшего впечатления, — она отползла в сторону и прилегла, всем видом показывая, что спешить ей некуда. Тирляля сжал кулаки. Эта скоти-

на из нержавеющей стали весила не меньше хорошего быка! Трактан, наверное, давится от смеха, глядя в щелочку на незадачливого тореадора... Тореадора? А почему бы в самом деле не устроить маленькую корриду? «О-гей! О-ля-ля!..»

Тирляля снял рубаху, нацепил ее на кончик шпаги и мягко соскочил наземь. Вытянув клинок, пританцовывая, он медленно приближался к черепахе.

— Ну, моя милая, торро! Будь же умницей, ну!

Глазки черепахи налились ртутью, но она не спешила с атакой. Под ее панцирем раздавались громкие щелчки — это счетно-решающее устройство тщетно пыталось разгадать замысел человека. Наконец зверь рванулся и пронесся мимо, ослепленный на момент плотной тканью. Тирляля, лавируя между деревьями, побежал туда, где сверкала полоска воды. Через двадцать шагов атака повторилась, и снова Тирляля отвел смерть движением руки. Выпад, шаг в сторону, перебежка. Выпад, шаг в сторону, перебежка. Выпад, шаг в сторону — и черепаха с разгону бултыхнулась в бассейн, распугивая маленьких крокодильчиков.

Машина заработала в ответ с удвоенной силой, черные раструбы со свистом пожирали воздух, и Тирляле показалось, что сейчас они проглотят Айю, его, всех. Широко расставив ноги, чтобы не упасть под напором ветра, он рубил какие-то кабели, шланги, про-

вода; они корчились, как обезглавленные змеи, извивались в предсмертных судорогах, но машина по-прежнему свистела, грохотали невидимые моторы, и Тирляля рубил прямо, вкось, наотмашь, пока не услышал спокойный голос профессора: «Остановитесь, Дон Кибертон, вы победили».

Тирляля вложил шпагу в ножны. В саду стояла звенящая тишина. Запыхавшиеся кибертонцы с опаской ходили вокруг умирающей машины. Она была раскалена и тихонько потрескивала. Кибертонцам очень хотелось выразить свое негодование, но их инструменты остались на площади, и они молча направились к дому Трактана.

Профессор долго стучал в холодную стальную дверь. Никто и не думал открывать. Тогда за дело взялись ассистенты. Дверь под их кулаками заходила ходуном.

— Открывай, лишенный слуха! Открывай, не знающий нотной грамоты!

Наконец что-то лязгнуло, заскрежетало, и на пороге появился Трактан. Он был в халате и мягких домашних туфлях.

— Чем могу служить?

— Вы преступник, — выступил вперед профессор. — Вас надо судить.

— Так вы по делу? — поднял бровь Трактан. — Деловые разговоры я привык вести после обеда. Но для коллеги можно сделать исключение. Прошу вытереть ноги и идти за мной.

В гостиной находились Грауэн и оба его помощника. Владелец балагана был предельно бледен и от этого еще больше напоминал мертвеца.

— Эти люди — ваши сообщники? — спросил профессор.

— Я прошу коллегу выбирать выражения, — процедил Тракатан. — И вообще, прежде чем отвечать на ваши вопросы, я сам хотел бы кое о чем спросить. Во-первых, на каком основании вы врываетесь в чужой сад? Во-вторых, по какому праву вы портите чужое имущество? В-третьих, где это видано являться в приличный дом в таком виде? — Тут он показал на голого по пояс Тирлялю.

— Разрешите, профессор, я исполню ему сейчас такую серенаду!.. — взмолился один из ассистентов, но Сурдинка остановил его укоризненным взглядом.

— Тракатан, — сказал Сурдинка, — на все ваши вопросы ответит суд, перед которым вы и ваши друзья предстанете завтра. А пока... граждане, в самом деле, что делать с ними пока?

Кибертонцы взволнованно загудели.

— Я читал в иностранной книжке, — сказал один, — про дом, из которого нельзя убежать. Там на окнах решетки и ходят сторожа.

— Нет, — поморщились остальные, — это ненадежно. Решетку можно распилить, сторожа обмануть.

— Что если до самого суда показывать им музыкальные кино-

комедии? — предложил второй. — Они так засмотрятся, что не смогут оторваться.

— Нет, — поморщились остальные, — это тоже плохо. У киномеханика может что-то испортиться, тут они и сбегут.

— Лучше всего, — сказал третий, — взять с них честное слово. Только так мы будем иметь сто процентов гарантии.

— Правильно! — воскликнули кибертонцы. — Как мы раньше не додумались! Возьмем с них честное слово, тут уж они никуда не денутся.

— Тракатан, — сказал Сурдинка, — даете ли вы честное слово прийти завтра в двенадцать часов дня на Центральную площадь и сесть на скамью подсудимых?

— Даю! — быстро ответил Тракатан.

— А вы, господин Грауэн, — обратился Сурдинка к балаганщику, — даете ли вы честное слово быть там же и в то же время с вашими людьми?

— О, конечно! — расцвел владелец балагана. — Как это у вас говорится: не дал слова — крепись, а дал — беги... Пардон, я немножко забыл эту прекрасную поговорку.

— Итак, до завтра! — подвел итог профессор, и кибертонцы, довольные своей предусмотрительностью, покинули усадьбу Тракатана.

Они спешили в город, где их ждали неотложные дела: нужно было разыскать в архивах уголов-

ный кодекс и заказать плотнику скамью подсудимых. И только Неверьушамсвоим не ушел со всеми, а тайком спрятался в черепашью конуру, потому что не верил никому, в том числе и Тракатану.

До самого вечера он лежал на животе и глядел сквозь щелочку, но дом был тих, в саду не шевелились даже листья, и Неверьушамсвоим не заметил, как уснул. Когда он проснулся, было совершенно темно. Где-то очень далеко пробило полночь. «Наверное, уже часа два ночи», — тревожно подумал Неверьушамсвоим. Он представил, как черепаша, выбравшись из бассейна, возвращается в конуру, и ему стало очень страшно. Ах, зачем он не ушел отсюда сразу! Скорей, скорей домой, пусть эти дрянные преступники делают, что хотят!

Шарахаясь от каждой травинки, Неверьушамсвоим прокрался к воротам. В этот момент в глубине сада заурчал автомобильный мотор. «Лев!» — решил Неверьушамсвоим и, не разбирая дороги, помчался по шоссе. Он бежал и видел огромного кибернетического льва, построенного Тракатаном специально для того, чтобы растерзать одинокого смельчака. «Умирать, так с музыкой!» — подумал Неверьушамсвоим, но тут же вспомнил, что любимая волынка осталась в городе. Вдруг мрак расступился, и с беглецом поравнялось что-то длинное черное. О счастье, это был автомобиль!

— Спасите, подвезите! — кричал Неверьушамсвоим, барабанил на ходу в стекла машины.

Кто-то из сидящих внутри распахнул дверцу, и Неверьушамсвоим с разбегу плюхнулся на сиденье.

— Вы спасли мне самое драгоценное... — торжественно начал он, но тут большой, твердый кулак обрушился на его голову.

Очнулся он на том же заднем сиденье. Машина была пуста. Солнце, которое поднималось прямо из моря, освещало безлюдный каменистый берег. «Уплыли», — с облегчением подумал Неверьушамсвоим. Он осторожно ощупал голову и, убедившись, что она цела, перевязал ее двумя носовыми платками.

А в городе в это время заканчивались приготовления к суду. Обвиняемым выделили четырех защитников и двух полузащитников. Сурдинка, назначенный судьей, купил в «Кибермаге» колокольчик и свисток. Все кибертонцы получили повестки с приглашением на суд, который должен был состояться на Центральной площади при любой погоде.

Уже за два часа до начала все места на площади были заняты. Еще через час зрители облепили ножки дома-рояля. Кто-то из опоздавших пытался сесть на скамью подсудимых, доказывая, что преступник может и постоять. В половине двенадцатого разнеслась тревожная весть: Неверьушамсвоим, назначенный прокурором,

не ночевал дома и вообще как в воду канул. «Ничего, выпустят запасного», — успокаивали друг друга зрители.

Когда до двенадцати оставалось пять минут, на площадь въехал черный «лимузин» Тракатана. Кибертонцы встретили его дружным художественным свистом. Корреспондент газеты «Вечерний Кибер» вскинул фотоаппарат, да так и застыл от удивления: из машины вышел Неверьюшамсвоим. Бледный, с перевязанной головой, он подошел к столу Сурдинки и забрал у него микрофон.

— Я представляю, — сказал он, — как вы тут из-за меня переволновались. Но теперь самое страшное позади: я, как видите, живой. Хотя не скрою, были моменты, когда моя жизнь висела на волоске. А началось все с того, что я сказал себе: «Неверьюшамсвоим, не верь ушам своим!» И стал вести неусыпное наблюдение. В самый разгар ночи преступники под прикрытием кибернетического льва обратились в бегство, но я своевременно лег посреди дороги, по которой мчался их автомобиль. Перепуганные бандиты слезно умоляли пропустить их, предлагали крупные суммы денег, но я твердо сказал: «Только через мой труп». Потеряв последнюю надежду, злодеи дали газу, и если бы я с быстротой молнии не развернулся продольно, случилось бы непоправимое... Не буду сейчас рассказывать, как я настигал их, как они отстреливались, как за-

вязалась рукопашная, — женщины и дети не перенесут этих ужасных подробностей. Волосы поднимаются дыбом, как я вспомню...

«Динги-дон, динги-дон, бум!» — заглушили Неверьюшамсвоим куранты Весеннего Дворца. Едва затих последний, двенадцатый удар, как в черном лимузине что-то щелкнуло, и оторопевшие кибертонцы услышали голос Тракатана:

— Вы хотели, чтобы я пришел. Я приду вслед за черным снегом. И тогда, клянусь вакуумом, ваша страна станет самой тихой в мире!

* * *

Черный снег быстро растаял, оставляя после себя неприятный химический запах. Автоцистерны с надписью «Хлебный квас» развозили по домам валерьяновые капли. Барабаны понемногу стали стихать.

В середине дня, когда волнение окончательно улеглось, радио позвало кибертонцев на пристань. Они двинулись туда с веселой песней:

Тра-та-та, тра-та-та!
Нам не страшен Тракатан!

Вид у них был бодрый и беззаботный, и только глаза смотрели тревожнее, чем обычно.

У причала покачивался прогулочный катерок с красивым названием «Мелодия бурь». Над ним поднимался столб дыма, — это старый кибертонский моряк Румб Тромбон курил на палубе огромную трубку. На капитанском мо-

стике в длиннополом пальто стоял профессор Сурдинка. Ветер вырывал у него из руи карту и карандаш.

— Коллеги кибертонцы! — торжественно начал Сурдинка. — Злобный авантюрист Тракатан, не имеющий права называться профессором, приступил к осуществлению своих угроз. Убедительным доказательством этого служит его последняя антинаучная работа — черный снег. Я не позволю себе унизиться до ее критики.

Туча, которую прислал Тракатан, не только окончательно развенчала этого лжеученого, но и дала возможность определить точку, в которой он скрывается от справедливого суда. Я провел на карте линию в направлении, противоположном утреннему ветру. Она пересекла остров Теней — да, да, тот самый остров. Наши суеверные предки окружили это дикое и безлюдное место страшными легендами. В них рассказывается о чудовищах, призраках и о тому подобных несерьезных вещах. Но нас, кибертонцев, нелегко запугать. Я приглашаю двух человек, готовых немедленно отправиться со мной в разведку. Коллеги, нельзя терять ни минуты! Прошу добровольцев пожаловать вперед.

Щеки кибертонцев побледнели от ужаса, но тут же вспыхнули от стыда, да так ярко, что примчалась пожарная машина с электронными пожарниками.

— Возьмите меня, профес-

сор! — решительно подняла руку Айя.

— И меня! — глухо сказал Дон Кибертон.

— И нас! — дружно выступили вперед ассистенты.

— Ну что вы, что вы! — замал руками профессор. — Я же сказал, мне нужны только двое. Прошу вас, Синьорина, на судно! Добро пожаловать, Дон!

— А меня, меня забыли! — высочил откуда-то из-за спин Неверьушамсвоим. — Это несправедливо, что я не еду! Граждане, будьте свидетелями!

— Успокойтесь, прошу вас, успокойтесь! — смутился профессор. — Коллега единственный среди нас имеет опыт борьбы с Тракатаном. Человеку с такими заслугами невозможно отказать. Мы берем вас с собой, коллега!

Неверьушамсвоим беспомощно огляделся по сторонам и увидел восхищенные лица. Отступить было поздно, и он неверными шагами стал подниматься по трапу.

Румб Тромбон выбил трубку о борт и отдал двум своим помощникам длинную команду, в которой часто повторялось непонятное иностранное слово. Те забегали как черти, вспенилась за кормой вода, и «Мелодия бурь» отвалила от причала. Вслед ей неслась нестройная музыка — это плачущие навзрыд кибертонцы пытались исполнить бесшабашную песню «Поморям, по волнам, нынче — здесь, завтра — там...»

Когда самые высокие здания Кибертонии растаяли в синеве гор, профессор и Айя сели играть в «крестики-нолики», Тирляля пошел в рулевую рубку испытывать глубинный компас, а Неверьушамсвоим облюбовал большой спасательный круг и незаметно вырезал на нем свои инициалы. Закончив эту операцию, он забился в укромный уголок и с чувством исполнил на волынке попури из похоронных маршей. Он никогда еще не играл так хорошо.

После ужина профессор включил телевизор. Шла вечерняя кибертонская программа «Спокойной ночи, граждане!». Через весь экран друг за другом медленно проходили бараны. Их нужно было считать. На трехсотом баране глаза Айи стали слипаться. На трехсот семидесятом уснули Тирляля и Неверьушамсвоим. Тут Сурдинка хитро улыбнулся, достал из портфеля коробочку с леденцами, но открыть ее так и не успел. Четырехсотый баран сделал свое дело: к рокоту мотора присоединился мощный профессорский храп.

Ночью Сурдинку разбудил Румб Тромбон. Они вышли на палубу.

— Чертовщина, адмирал, — тревожно блеснул глазами моряк. — Компаса рехнулись. Гляньте.

Действительно, стрелка компаса Тирляля и магнитная стрелка корабельного компаса были направлены в разные стороны. Что это могло значить?

— Спокойно, Румб, — сказал

озадаченный профессор. — Дайте карту и позовите остальных.

Тирляля, поевживаясь спросонья, долго рассматривал обе стрелки.

— Мой компас не врет, — заявил он наконец. — Ставлю свою шпагу против швейной иглы!

— Я всегда верил в ваше изобретение, Дон, — пожал его руку Сурдинка. — Лжет магнитный компас, и лжет со злым умыслом. Следуя его показаниям, мы попали бы на остров, название которого говорит само за себя — Змеиный! Вот карта, прошу взглянуть.

— Капитан, а вы уверены в своих людях? — спросил, озираясь, Неверьушамсвоим. — Одного из них, длинного, я знаю: его покойная бабушка всегда предпочитала музыке рисование...

Румб Тромбон яростно выдохнул дым:

— Слушай, ты, модерато!..

— Я прошу вас выбирать выражения! — процедил Неверьушамсвоим и поспешно покинул рубку.

Часа в три ночи капитан приказал потушить все огни. «Приближаемся к острову», — сказал он. Но напрасно Тирляля с Айей вглядывались в темноту. Ничего не было видно.

— Посмотрите лучше сюда, — предложил им профессор и вынул из кармана атлас с картинками. При тусклом свете приборов можно было рассмотреть угрюмый силуэт острова.

— «Он похож на зуб, вырванный из пасти злого духа», — про-

декламировал Сурдинка. — Знаете, кто это написал? Одна старая бормашина. Когда ей вставили электронные мозги, она бросила свою основную работу и стала литератором. Вы, наверное, читали ее стихи, — она подписывается псевдонимом Дупло.

Айя улыбнулась, и эта улыбка отразилась, как в зеркале, на озаченном лице Дона Кибертона.

Незадолго до рассвета мотор умолк. Разведчики услышали шум прибора.

— Ничего не забыли? — спросил профессор. — Оружие есть?

— Есть! — зазвенел шпагой Тирляля.

— Прекрасно. Сейчас нас ответят на берег. А вы, Румб, будьте здесь завтра ночью. Увидите зеленую ракету — высылайте за нами шлюпку, увидите красную — уходите обратно в море.

— А. ничего, адмирал, что я дальтоник? — сконфуженно спросил моряк.

* * *

Тяжелая шлюпка не смогла подойти вплотную к берегу, и разведчикам пришлось брести в ледяной воде. Лучшее всех было Айя: ее несли на руках Тирляля. «Черствый, бездушный человек, — с горечью подумал Неверьшамсвоим. — С его здоровьем можно было бы нести двоих».

Но вот под ногами захрустела галька. Разведчики сделали несколько согревающих упражнений и цепочкой двинулись в глубь ост-

рова. Впереди бесшумно шагала Дон Кибертон со шпагой, за ним семенил на цыпочках Сурдинка с портфелем, за профессором легко ступала Айя со своим любимцем Поки на кожаном ремне. Позади всех, поминутно оглядываясь и крепко прижимая к груди пузатую волейку, крался Неверьшамсвоим.

Небо быстро светлело. Над морем уже, наверное, поднималось солнце, но здесь, на дне глубокого ущелья, все еще стоял полумрак. Сверху свисали колючие ветви неведомых растений.

— Будьте внимательны, коллеги, возможно, в них заключен яд, — предупредил вполголоса профессор.

Спустя короткое время Неверьшамсвоим почувствовал сильный сквозняк. Это уже было слишком.

— Черт знает что такое! — прошипел он, нагоняя профессора. — Я не могу работать в таких условиях! Неужели нельзя было выбрать человеческие дороги?

— Все дороги ведут к Тракату, — философски заметила сзади Айя.

— Шутить изволите! А меня вот-вот сразит ангина. Мне вредно находиться на сквозном ветру!

— Сквозняки никому не полезны, коллега, — мягко возразил Сурдинка. — И вообще не волнуйтесь: у меня в портфеле должен быть аспирин.

— Что вы понимаете в моем организме! — ревниво проворчал Неверьшамсвоим, и тут его во-

лынка с писком уперлась в каменную спину Тирляля.

— Тс-с-с!.. — прошептал Дон Кибертон. — Посмотрите!

Впереди зияла черная дыра.

— Пещера! — прошептала Айя.

«Западня!» — лихорадочно подумал Неверьюшамсвоим.

— Позвольте не согласиться с вами, Синьорина, — галантно поклонился Айе профессор. — Наличие сквозняка свидетельствует о том, что это скорее всего тоннель.

— Какая разница, тоннель или пещера? — хрипло произнес Неверьюшамсвоим. — В любом случае идти дальше...

— ...есть смысл! — быстро закончила за него Айя.

Тирляля осторожно вытащил шпагу из ножен, и разведчики, стараясь держаться поближе друг к другу, двинулись вперед.

В пещере было темно и тихо. Тирляля пытался клинком нащупать стены, но это ему не удалось. С каждым шагом на душе у кибертонцев становилось все тревожнее. Неведомая опасность грозила отовсюду, ею была насыщена вся атмосфера этого мрачного подземелья.

— Нет, друзья, вы как хотите, а я пошел, — решительно сказал Неверьюшамсвоим и повернул обратно.

Профессор протянул руку, пытаясь его удержать, но его ладонь пожали чьи-то холодные пальцы.

— Ч-что это? — нервно спросил Сурдинка, и в этот момент пе-

ред его глазами возник мерцающий скелет.

— Производство киностудии «Трактанфильм»! — загробным голосом объявил он и, задрожав мелкой дрожью, рассыпался в прах.

На смену ему в глубине пещеры появился огромный фосфоресцирующий пес. Он приблизился к окаменевшим от ужаса разведчикам и, отвратительно дыша на них чесноком, стал свирепо вращать глазами.

— Колите, Дон, колите! — воскликнул Сурдинка, прикрываясь портфелем, как щитом, но Тирляля был не в силах поднять отяжелевшую шпагу.

Вдруг над их головами пронесся душераздирающий вопль, и под сводами подземелья вспыхнули два рубиновых пятна. Они мирно порхали над кибертонцами — все ниже и ниже, все ниже и ниже, — но Айя, Тирляля и Сурдинка сразу забыли о существовании пса: это были человеческие уши.

— Назад! — скомандовал Сурдинка изменившимся голосом. — Быстрее назад!

— Хе-хе-хе-хе-е-е!.. — раздался сзади издевательский хохот.

Отступать было некуда: со стороны входа шла, широко размахивая косой сморщенная старуха в белом.

— Смерть! — облизал пересохшие губы Тирляля и медленно двинулся ей навстречу. «До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до!» — звучало на высоких нотах сердце.

Когда противников разделяло несколько шагов, старуха неожиданно зашаталась. Неловко взмахнув косой, она ударила ею по собственной ноге и с жалобными стонами поскакала прочь.

— Знай Дона Кибертона! — крикнул ей вдогонку Тирляля. Он снова почуствовал себя большим и сильным. Что ему теперь пес? Что ему какие-то уши? — Посторонись, Айя! Посторонитесь, профессор!

Но что это? Рубиновые пятна опустились на шею пса и превратились в безобидный бантик. Чудовище, блаженно закрыв глаза, принялось вычесывать блох и сразу стало похожим на добродушную дворняжку. На его фоне проплыла снизу вверх дрожащая надпись: «Перерыв по техническим причинам».

Тирляля растерянно опустил шпагу. Значит, не от него убегала мерзкая старуха? И вдруг радостная догадка озарила его лицо.

— Айя, Айечка, неужели? Да, профессор? Это она?!

— Это Поки, мой Помощник кинозрителя, — улыбнулась Айя, защелкивая замок футляра. — Путь свободен, коллеги-разведчики!

* * *

А Неверьшамсвоим мчался тем временем по дну ущелья. Колочие ветви били его по лицу, но он не замечал боли. Подальше, подальше от этой проклятой пещеры! Никакая сила в мире не заставит его снова пойти той же дорогой!..

Выбежав к морю, Неверьшамсвоим тяжело опустился на камень. Ах, как он жалел, что ракетница осталась в профессорском портфеле! Он нежно погладил по шерсти свою волынку, и над пустынным побережьем понеслись дикие, унылые звуки.

Из прекрасного мира музыки его вырвало чье-то грубое прикосновение. Неверьшамсвоим оглянулся, и волынка выпала у него из рук. Над ним, как уходящая в небо башня, возвышалось металлическое существо с богатырской грудью и головой, растущей прямо из плеч. Левая рука существа заканчивалась пятью стальными пальцами, а правая — тяжелым чугунным молотом.

— Встать! — негромко приказало оно, и так как Неверьшамсвоим продолжал сидеть, подняло его левой рукой за шиворот.

Покачиваясь на ватных ногах, Неверьшамсвоим увидел второе существо, которое по внешнему виду ничем не отличалось от первого. «Двое на одного! — подумал он. — Многовато. Не справлюсь. К тому же каждое из них выше меня на голову...»

— Извиняюсь покорно, вы роботы? — спросил он вслух.

— Не роботы, а дроботы! — хором отчеканили оба существа. — Дроботы Его Логической Безупречности Транатана!

— Не будете ли вы любезны проинформировать меня о драгоценном здоровье вашего повелителя? — лъстиво улыбнулся Неверь-

ушамсвоим, но дроботы вместо от-
вста проворно накинули ему на го-
лову плотный чехол.

— За что? — в ужасе закричал
Неверьюшамсвоим. — Я ничего не
сделал! Это не я!

— Вперед! — скомандовали
дроботы, и Неверьюшамсвоим дви-
нулся туда, куда его подталкивали
стальные руки.

Всю дорогу конвоиры хранили
гробовое молчание. Даже ступали
они неслышно — наверное, их
стальные подошвы были подклее-
ны резиной. Несчастливого пленника
долго гнали по крутой каменной
тропе, потом протащили вверх по
лестнице и втолкнули в дверь.

— Пять дробь семь прибыл!
Три дробь четыре прибыл! — при-
глушенно доложили дроботы.

— Вольно! — скомандовал кто-
то хриплым шепотом. — Кто та-
кой этот субъект?

— Подозрительная личность,
господин Главный Нашептыватель!

— Является ли этот мохнатый
предмет его собственностью?

— Так точно!

— Что делал субъект в момент
задержания?

— Нарушал Параграф Первый!

— Снять с него чехол!

За большим письменным столом
сидел, кривя резиновые губы, Гра-
уэн. Перед ним лежали высокая
черная фуражка и пистолет.
На фуражке тускло светился
герб — змея, обвившаяся вокруг
Луны.

— О, какая встреча! — удивлен-
но прошептал Грауэн. — Как это

у вас говорилось: старый друг луч-
ше, чем новый друг. Вы хорошо
успели: завтра мы отправляемся
на Кибертонню... Но как вы сюда
попали и почему шумели на этой
ужасной штуковине? — Тут быв-
ший владетель балагана брезгливо
махнул рукой в сторону волынки.

— Я пал жертвой кибертонско-
го террора, — произнес Неверь-
ушамсвоим трагическим шепотом.

— Это очень интересно! Садитесь, пожалуйста, на стул! Так как же было ваше дело?

— Мое дело? — печально пе-
респросил Неверьюшамсвоим. —
Мое дело было плохо. Помните ту
ночь, когда вы любезно подвезли
меня в автомобиле? На следующее
утро меня схватили головорезы
профессора Сурдинки. Мне было
предъявлено обвинение в государ-
ственной измене. Суд приговорил
меня к высшей мере наказания —
к пожизненному просмотру науч-
но-популярного фильма о разведе-
нии кроликов. Мне показывали
этот фильм круглые сутки, с пере-
рывами на сон и еду. Через два
дня я знал всех кроликов в лицо.
Через неделю я начал медленно
сходить с ума. Однажды я восполь-
зовался тем, что стража от скуки
уснула, и бежал. На улице, к сча-
стью, было темно. Пробираясь че-
рез пустырь, я увидел стоящий ди-
рижабль. Кибертонцы имеют обык-
новение кататься на нем по празд-
никам. Я забрался в кабину, запу-
стил двигатель и взлетел. Спусти
минуту подо мной было море. Са-
мое страшное началось позже, ког-

да я убедился, что бензина хватит ненадолго. К тому же дирижабль почему-то перестал меня слушаться. Вдруг я заметил внизу какой-то остров. Раздумывать было некогда. С волынкой в руках я шагнул за борт и приземлился на ней, как на парашюте. Думая, что остров необитаем, я позволил себе по старой привычке кое-что исполнить. Но вскоре появились дроботы и принесли радостную весть, что я попал во владения глубоко уважаемого мною доктора Тракатана. Остальное, господин Грауэн, вам известно.

Главный Нашептыватель встал из-за стола и предложил Неверьушамсвоим пройти в соседнюю комнату. На черной стене горел электрический транспарант:

«Ш-ш-ш-ш! Т р а к а т а н!».

— Вы будете ожидать меня здесь, — сказал шепотом Грауэн. — Иду к Его Безупречности.

И неожиданно гаркнул с просветленным лицом:

— Да царит на путях Владыки безмолвие!

Неверьушамсвоим растерянно посмотрел на него.

— Простите, мне казалось...

— Подобные вещи не возбуждаются произносить громко, — строго прошептал Грауэн. — Напротив, рекомендуется.

Оставшись один, Неверьушамсвоим нащупал в кармане коробку спичек. Говорят, в их коричневых головках содержится яд. Ну что ж, если судьбе будет угодно, он ум-

рет, как настоящий мужчина. От этой мысли ему стало немного легче.

Нервно шагая по комнате из угла в угол, Неверьушамсвоим наткнулся на клетку с попугаем. Некоторое время он и птица внимательно рассматривали друг друга. «Ответь, о мудрое создание, увижу ли я новый рассвет?» — со слезами на глазах подумал Неверьушамсвоим.

— Попка дурак! — шепотом сказал попугай.

Невеселые размышления разведчика прервал приход Грауэна. Вид у Главного Нашептывателя был чрезвычайно торжественный.

— Я только что оттуда, — значительно произнес он. — Вы получили тишайшее приглашение на военный парад. Я вижу, что у вас отсутствует приличный костюм, но это ничего. Главное, чтобы ваша грудь была переполнена взволнованными чувствами.

Они спустились по каучуковой лестнице и вышли на воздух. Дом Тракатана стоял в лесу, посреди большой вытоптанной поляны, и был точной копией особняка у подножия горы Экстремум. Перед домом возвышалась трехступенчатая трибуна. Ее средняя ступень была выше правой, а правая — выше левой. Грауэн, а за ним Неверьушамсвоим заняли места справа. В лакированных сапогах Главного Нашептывателя отражалась тысяча солнц.

— Послушайте, как совершенно тихо, — блаженно закрыл глаза

Грауэн. — Это первый в мире лес, в котором отсутствуют птицы. К сожалению, иногда бывает ветер и шумит в деревьях. Но Его Безупречность я скажу вам это по секрету, разработал замечательный проект. Лес, в котором отсутствуют деревья! Вы представляете, как это будет прекрасно?!

Неверьюшамсвоим не успел выразить своего восхищения. На пороге дома появился красномордый служитель и во всю мощь бычьих легких возвестил:

— Его Логическая Безупречность, Тишайший Владыка Кибертонии, а в Будущем и Всего Мира, доктор тьма-тьматических наук профессор Тракатан!

Грауэн вскочил и впился глазами в дверь. Неверьюшамсвоим последовал его примеру. Через пару минут служитель появился снова. Он нес вместе со своим напарником тяжелые носилки. На носилках стоял прозрачный колпак, а под ним восседало что-то огромное и безобразное. «Мамочки!» — ахнул про себя разведчик. Такого он не видел даже в зоопарке. Маленькие глаза и лоб, вытянутый до пояса подбородок, длинные бескровные щупальца вместо пальцев...

— Обратите внимание, — шепнул Грауэн, — колпак изготовлен из увеличительного стекла. Владыка не любит показываться массам в натуральную величину.

Служители, багровея от натуги, втащили носилки на главное возвышение трибуны, а сами поспеш-

ли на ее нижнее крыло и замерли там по стойке «смирно». Тракатан не спеша запустил щупальца в бездонный карман и извлек оттуда металлический ящик.

— Радиопередатчик, — пояснил Главный Нашептыватель. — Его Безупречность управляет дроботами по радио. Сейчас Владыка нажмет кнопку... О, уже нажал! Теперь смотрите!

В дальнем конце поляны поднялась пыль. Из лесу вывалили дроботы. Сначала они двигались вразброд, потом, как по команде, сомкнулись в стальную колонну.

— Как маршируют! Как маршируют!! — восторженно прошептал Грауэн.

Дроботы действительно маршировали отлично. Они дружно вскидывали ноги на одну и ту же высоту — ни миллиметром выше, ни миллиметром ниже. Позади колонны ехала платформа с большим черным роялем, за ней бочка на колесах с резиновым шлангом и надписью: «Огнеопасно», а в самом хвосте двое дроботов катили зеленую длинноствольную пушку.

Поравнявшись с трибуной, дроботы трижды взмахнули молотами. Тракатан удостоил их в ответ легкого кивка. Несколько секунд серые механизмы стояли неподвижно — и вдруг, ломая строй, устремились к роялю. Давя и отталкивая друг друга, они вскакивали на платформу и свирепо крушили полированные бока инструмента. Вот чугунные молоты обрушились на клавиатуру, и рояль протяжно за-

рыдал. Неверьушамсвоим почувствовал себя так, будто на его глазах убивали что-то живое. Он сжал кулаки, но заметил испытующий взгляд Грауэна и стал дуть в них, делая вид, что замерз.

Когда рояль превратился в груду щепок, дроботы подкатили бочку с горючим. Щепки обильно полили из шланга, высекли стальными руками искру, и на платформе вспыхнул веселый костер, от которого заблестели глазки Тракатана и порозовели восковые щеки Грауэна.

— Для генеральной репетиции неплохо! — похвалил дроботов Главный Нашептыватель.

А те живо собрали пепел, зарядили им пушку, нацелили ствол в синее небо и выстрелили. Сразу стало пасмурно, но немного спустя сапоги Грауэна снова засияли на солнце. Тракатан движением бровей подозвал своих носильщиков. Дроботы, ритмично взмахивая молотами, скрылись в лесу.

После парада Грауэн пригласил Неверьушамсвоим на обед. Это было очень кстати, потому что кибертонец со вчерашнего дня ничего не ел и начинал опасаться, что шум в животе может навлечь на него беду. Но когда он вошел вслед за Грауэном в столовую, у него пропал аппетит. Во главе стола, накрытого на три персоны, сидел сам Тракатан.

— Садитесь! — разрешил доктор тьма-тьматических наук. Он говорил нормальным, громким голосом.

Неверьушамсвоим сел и рассеянно огляделся. Стены комнаты были обиты кожей. Он расстелил на коленях накрахмаленную салфетку и увидел вышитую надпись:

«Чти Параграф Первый!»

Тракатан шумно ел бульон большой серебряной ложкой. Грауэн и Неверьушамсвоим получили вместо ложек соломинки. Осторожно, стараясь не булькать, они тянули сквозь них пресную жидкость. Соль просить было рискованно: очевидно, Владыка ее не любил.

На второе служители подали рыбу. Тракатан звучно выплевывал мелкие кости на специальный поднос. Грауэн и Неверьушамсвоим предпочитали их проглатывать.

— Рыба... — неожиданно произнес Тракатан. — У нее многому можно поучиться. Как вы считаете, Грауэн?

— Несомненно, Ваша Безупречность, — прошептал, сияя, Грауэн. — Это одно из самых дисциплинированных созданий.

— Кстати, о дисциплине. Когда вы отправите под пресс этого семь дробь семь?

— Завтра перед выступлением, Ваша Безупречность. Мне кажется, что это свежее впечатление повысит боевой дух остальных.

«Уж не мне ли они присвоили этот номер?» — тоскливо подумал Неверьушамсвоим, но после всего пережитого у него не хватило сил, чтобы как следует испугаться.

Съев компот, Владыка вытер губы и удалился. За весь обед он

лишь пару раз взглянул на гостя, да и то мельком. Неверьшамсвоим понимал, что это к лучшему, но в глубине души ему было немного обидно. Конечно, Тракатан грубая, немзыкальная натура, но все же к человеку, совершившему беспримерный прыжок с дирижабля, он мог бы отнестись повнимательнее.

— Пойдемте за мной, я покажу вам вашу комнату, — предложил Грауэн. — Завтра необходимо рано вставать, и поэтому я убедительно рекомендую вам рано ложиться.

Голодный Неверьшамсвоим плелся вслед за Грауэном. Так скудно и скверно, как в этом доме, его еще нигде не кормили. Наверное, у Тракатана диета. А может, он просто экономит на еде? «Так или иначе, — рассудил кибертонец, — нужно как можно скорее погрузиться в спасительный сон». К счастью, в маленькой комнатухе ему уже была приготовлена постель. Возле кровати, на телефонном столике, стояла круглая картонка. Она явно ожидала нового жильца.

— Угадаете ли вы, что это такое? — загадочно прошептал Грауэн.

— Торт? — с надеждой спросил Неверьшамсвоим

— Фи — поморщился Главный Нашептыватель и достал из картонки высокую черную фуражку с гербом Тракатана

— Его Безупречность, — горжественно объявил он, — назна-

чает вас с этого момента Главным Тихарем Кибертонии!

Неверьшамсвоим рухнул в кресло.

— Чем я заслужил? — спросил он, заикаясь.

— Такова воля Владыки, — сурово ответил Грауэн. — Лучше обратите свое внимание на эту прекрасную фуражку. Такой головной убор имеют только очень доверенные лица. Это наша почетная форма. А теперь я вам открою большой секрет: если эту фуражку повернуть на голове слева направо и обратно, перед вами откроется в этом доме всякая автоматическая дверь. Запоминайте хорошенько: слева направо и обратно!

«Как бы не забыть, — напряг свою память Неверьшамсвоим. — Справа налево и обратно...»

— Имеете ли вы ко мне вопросы? — осведомился Главный Нашептыватель.

— Нет... то есть да, имею один! Скажите, пожалуйста, если это, конечно, не военная тайна, — кто такой семь дробь семь?

— О, пожалуйста, пожалуйста, вы имеете право это знать! Семь дробь семь — очень плохой дробот. Как это у вас говорится, ненормальный. Сейчас он сидит в подвале, а завтра утром он будет казнен.

— Что же он натворил?

— Это страшно рассказывать. В один прекрасный день Владыка занимался с дроботами на поляне и приказал им по радио повернуться направо. И вдруг, вы мо-

жете мне не поверить, этот самый семь дробь семь повернулся налево. Вы представляете, что это значит?!

— Какой ужас! — прошептал Неверьшамсвоим и стал расшнуровывать ботинки.

— Итак, я не буду вам мешать, — изобразил улыбку Грауэн. — Если вы захотите мне что-нибудь сказать, мигайте мне по телефону. Я говорю «мигайте», а не «звоните», потому что всякий телефон в этом доме сигналил лампочкой. Тихой ночи!

— Тихой ночи! — откликнулся Неверьшамсвоим, взбивая пуховую подушку.

Он залез под одеяло, повернулся на свой любимый левый бок и облегченно вздохнул. Эту ночь он проведет в мягкой постели, а там будет видно.

«Тра-ра-ра! Тру-ру-ру! Тра-а-а!» — неожиданно запела в лесу труба.

— Вот гнусное животное! — сердито проворчал Неверьшамсвоим и снял телефонную трубку. — Господин Главный Нашептыватель? Если вам не трудно, прикажите убрать из-под моего окна эту проклятую корову. Она мешает мне спать.

* * *

Короткий зимний день закончился. Беззвучный лес осветила луна. От трибуны падали неровные тени. Они, как ставни, закрывали собой черные окна дома. Но в одном окне все еще горел свет.

Это Тракатан совещался со своим Главным Нашептывателем.

— Я буду рассуждать логически, — говорил Тракатан. — Если бы этот субъект был разведчиком, он попал бы не сюда, а к ядовитым змеям. Магнитные скалы, расставленные мною вокруг острова, отклонили бы стрелку его компаса в сторону. Кроме того, ни один нормальный разведчик не стал бы так нелепо привлекать к себе внимание, как это делал наш субъект на берегу. И наконец, когда Краснолицый заиграл на трубе, субъект доложил об этом через две секунды, то есть он даже не выглянул в окно. Но не надо делать поспешных выводов. У нас имеется источник дополнительной информации. Вы поняли, Грауэн, что я имею в виду?

— Аппарат «Морфей» конструкции Вашей Безупречности!

— Хвалю за догадливость. Вы лично убедились, что субъект спит? Сейчас мы посмотрим, что ему снится.

Тракатан достал из письменного стола плоский ящичек с экраном, как у телевизора, и выдвинул из него антенну. На экране появилось бледное изображение. «Вот черт, снова нет контрастности!» — выругался Тракатан и стукнул по аппарату кулаком. Изображение подпрыгнуло и стало сочным. Доктор тьма-тьматических наук и Главный Нашептыватель увидели простой деревянный стол, а на нем бутылку вина и блюдо с жареной поросятиной. За столом сидел

Неверьушамсвоим и кусок за куском отправлял мясо в рот. Время от времени он прерывал это занятие, чтобы приложиться к горлышку бутылки. Так прошло минут двадцать.

— Глупый, нелогичный сон! — осторожно проглотил слюну Грауэн. — Бутылка уже давно должна быть пустая, но этот субъект почему-то пьет!

— Сейчас вас должно интересовать другое, — сказал Тракатан, выключая аппарат. — Имеются ли в рассмотренном сне факты, свидетельствующие против спящего?

— Нет, — с сожалением развел руками Грауэн, — по-моему, этих фактов нет. Один момент! — оживился он внезапно. — Если там было не вино, а шампанское — значит субъект, откупоривая его, еще один раз нарушил Параграф Первый!

— Это было вино, — сухо заметил Тракатан. — Белый мускат. Но я хотел бы услышать, наконец, ваши выводы.

Грауэн задумался.

— Выводы таковы. Или это круглый, но честный дурак, или это разведчик-прима.

— Выводы правильные, — сказал Тракатан. — Именно поэтому я приказал вам дать субъекту фуражку, но объяснить ему все наоборот. Если он попытается ночью проникнуть в автоматическую дверь, он, конечно, повернет фуражку, как вы его учили, ментально включится аварийная сигнализация, и дежурные дробо-

ты... В общем, Грауэн, мы можем спать спокойно.

— Я восхищаюсь, Ваша Логическая Безупречность, Вашей Совершенно Безупречной Логикой! — радостно воскликнул Главный Нащептыватель, пятась к выходу.

* * *

Посреди ночи Неверьушамсвоим приснился Сурдинка. Он играл в лесу на губной гармошке, а сзади подкрадывались хищные тени. «Берегитесь, профессор!» — хотел крикнуть Неверьушамсвоим и проснулся. На фуражке холодным зеленым огнем горел герб Тракатана. Главный Тихарь Кибертонии! Неверьушамсвоим стало душно. Что подумает о нем профессор Сурдинка? Что подумают о нем соотечественники?! Он вспомнил, как дроботы дробили рояль, и снова сжал кулаки, на этот раз открыто. Бежать, бежать отсюда! Разыскать профессора, разыскать Румба Тромбона, поднять на ноги весь народ! Вот только куда задевались ботинки? Ага, один есть. А вот и второй.

Нахлобучив фуражку, Неверьушамсвоим толкнул дверь. Она отворилась без скрипа. Коридор тоже его не выдаст: под ногами лежит губчатый ковер. Шаг вперед... Ох, что это так стучит? Еще шаг... Нелегка ты, доля разведчика!

Пугаясь собственного дыхания, Неверьушамсвоим пронесся по коридору и скатился по пружинящим ступеням лестницы. Он взял-

ся за вспотевший козырек фуражки и осторожно повернул ее справа налево. В двери что-то тихо щелкнуло. Дрожащей рукой Неверьушамсвоим вернул фуражку в прежнее положение. Раздался второй щелчок, и стальные половинки бесшумно раздвинулись.

На белой от лунного света поляне дремало горбатое черное чудовище. «Спокойно, коллега, это всего лишь трибуна!» — бодро сказал себе Неверьушамсвоим, но перепуганные ноги уже несли его куда-то в сторону. Мрачная стена деревьев быстро заслоняла собою небо. Вот она расступилась, и задыхающийся беглец ничком упал на мягкий лесной мох. Куда теперь идти? Лес кишит опасностями. Но оставаться на месте тоже нельзя: в любую минуту может начаться погоня. О, зачем он бросил товарищей! Теперь ему с ними было бы ничего не страшно.

Неверьушамсвоим, кряхтя, встал. По его щекам потекли слезы. Если бы с ним была хотя бы его волынка! Он прижал бы ее к груди, и тогда...

Разведчик не успел додумать свою мысль. В голове у него сверкнула молния, и все провалилось в бездну.

Открыв глаза, Неверьушамсвоим увидел одинокую голубую звезду. Она запуталась в ветвях дерева и дрожала. «Что со мной? — подумал разведчик. — Неужели я тоже попал в ловушку? Но почему на лбу лежит что-то холодное? Разве эти лишенные слуха дробо-

ты стали бы делать мне компресс?...»

— Поздравляю, коллеги, он жив! — прозвучал над ним громкий человеческий голос.

Неверьушамсвоим вскочил на ноги.

— Профессор! Ущипните меня!

— Нет, нет, — ужаснулся Сурдинка, — вам и так досталось. У Дона Кибертона тяжелая рука. Скажите спасибо Синьорине — это она оказала вам первую помощь.

Неверьушамсвоим крепко обнял профессора, потряс широкую ладонь смущенного Тирляли, обменялся улыбками с Айей.

— Какое счастье, что я вас встретил! Если бы вы знали, сколько мне пришлось пережить...

— Ну, будет, будет, — ласково похлопал его по плечу Сурдинка. — Расскажите-ка лучше, откуда у вас этот головной убор. Из-за него мы вас не сразу узнали...

— Эту фуражку вручил мне Грауэн от имени Тракатана, — сказал, краснея, Неверьушамсвоим. — Мне удалось войти к ним в доверие. Сегодня утром стальные дроботы Тракатана выступят на Кибертонию. Все, кроме одного. Если бы вы их только видели! Они делают все, что Тракатан прикажет им по радио!

— Кажется, мы уже имели удовольствие их видеть, — задумчиво сказал профессор. — К счастью, их отряд прошел от нас на почтительном расстоянии. Отвратительное зрелище!

— А что, если завладеть радиопередатчиком? — несмело спросила Айя.

— Целиком и полностью поддерживаю! — живо откликнулся Сурдинка.

— Мысль вообще-то неплохая, — осторожно заметил Неверьушамсвоим.

— Я готов! — сказал Тирляля.

— Итак, — подытожил профессор, — требуется проникнуть в дом. Время сейчас для этого самое подходящее. Не будем же мешкать и попросим коллегу Неверьушамсвоима исполнять обязанности нашего проводника.

Разведчики вышли из леса. Дом казался безжизненным, как склеп. «Может, меня еще не хватились?» — с надеждой подумал Неверьушамсвоим.

— Быстрее за мной! — скомандовал он товарищам. И тихо добавил: — Ура!

* * *

В это время двое дроботов охранили в полутемном коридоре вход в покои Тракатана. В их электронные мозги был запаян приказ:

«ВСЯКИЙ, КТО ПРИВЛИЗИТСЯ НА ТРИНАДЦАТЬ ШАГОВ, ДОЛЖЕН БЫТЬ СХВАЧЕН!»

Они стояли неподвижно, как колонны, но под холодными панцирями кипела работа: пульсировали сильные и слабые токи, что-то намагничивалось, размагничивалось, перемагничивалось... Вот по стене пробежал паук. Дроботы знали: к

нему приказ не относится. У Всякого должны быть две ноги, а не шесть.

Вдруг дроботы насторожились. Из-за угла появился Всякий! Шестнадцать шагов, — сработали дальномеры, — пятнадцать, четырнадцать... «Внимание!» — напряглись стальные нервы. «Внимание!» — сузились диафрагмы глаз. Но тут Всякий остановился.

Две с половиной секунды он всматривался в полумрак, потом завибрировал всем корпусом и в два прыжка исчез. Дроботы сразу забыли о нем. Их внимание привлек полет заблудившейся ночной бабочки.

А разведчики, рискуя сломать себе ноги, мчались вниз по какой-то темной лестнице. Позади, отмахиваясь от невидимых преследователей шпагой, бежал Дон Кибертон. Путь преградила железная решетка. Напрасно Неверьушамсвоим ощупывал толстые прутья: между ними нельзя было просунуть даже кулак.

— Не сдавайтесь, Дон, без боя! — крикнул он и отпрыгнул подальше в угол. Но биться было не с кем.

— Кажется, мы зря поволновались, — сказал, отдышавшись, профессор. — Может, это был обман зрения?

— Меня не обманешь! — обиделся Неверьушамсвоим. — Двое дроботов стояли на часах у двери Тракатана.

— Ой! — тихо вскрикнула

Айя. — Мне кажется, здесь тоже кто-то есть...

Сурдинка порывлся в портфеле и вытащил стеариновую свечу. Она нехотя разгорелась. Профессор глянул, и свеча едва не выпала у него из рук: за решеткой, упираясь подошвами в прутья, сидел дробот.

— Семь дробь семь! — воскликнул Неверьушамсвоим.

Дробот со скрипом повернул к нему голову.

— Семь дробь семь, вас хотят казнить!

Глаза-объективы остались равнодушными

— Послушайте, вам нечего терять! Встаньте, разбейте решетку, ступайте с нами!

— Я повинуюсь только Создателю, — глухо ответил семь дробь семь.

— Но поймите, этот самый Создатель пошлет вас сегодня под пресс!

— Умирает лишь металл, — заученно произнес дробот, — но преданность Создателю бессмертна.

— Так какого же трактана ты поворачивался не в ту сторону! — вышел из себя разведчик.

Семь дробь семь тупо молчал.

— Ваша дискуссия, коллега, кажется мне бесплодной, — остановил Неверьушамсвоима профессор. — Вы не представляете, как трудно переубедить мозги, управляемые по радио. Даже все мы, а нас здесь четверо...

— Ложь, — неожиданно пре-

рвал дробот. — Вас здесь только трое.

— Как вам это нравится?! — изумился Сурдинка. — Первый раз встречаю такую арифметику!

— Вас здесь только трое! — упрямо повторил дробот.

Профессор встревоженно поднял свечу: вот Синьорина, а рядом с ней Дон, он опирается на свою неразлучную шпагу...

— Трое, трое, трое, — все тише твердил автомат, пока, наконец, не затих совсем.

— Извините, Дон, — сказал профессор, — но, по-моему, он не брал в расчет именно вас. Весьма вероятно, что его ввела в заблуждение ваша шпага.

— Не понимаю, — честно признался Тирляля.

— Одолжите мне ее, — предложил Сурдинка, — и тогда вам все станет ясно.

Немного спустя Сурдинка, опираясь на шпагу, как на третью ногу, приближался к двери Трактана. Дроботы выжидательно смотрели на него. «Левой, средней, правой! Левой, средней, правой! — в уме командовал себе профессор. — Если эксперимент пройдет удачно, нужно будет написать статью «О некоторых особенностях распознавания зрительных образов детерминированными автоматами...»

Когда профессор взялся за ручку двери, дроботы встрепенулись. Сурдинка почувствовал, как от них пышет жаром: очевидно, их логические устройства работали вовсю.

— Извините за беспокойство, — деликатно прошептал Сурдинка и тихо переступил порог.

Зажигая спичку за спичкой, Сурдинка отыскал спальню Тракатана. Доктор тьма-тьматических наук люто сопел посреди необъятной кровати. На ночном столике поблескивала коробочка величиною с портсигар. Сурдинка сунул ее в карман и поспешно направился к выходу. Второпях он забыл о шпaге и держал ее под мышкой, но дроботы даже не посмотрели в его сторону: их интересовали только входящие. Зато за углом на профессора набросились сразу трое: Айя, Тирляля и Неверьюшамсвоим.

— Довольно, довольно, вы не на именинах! — добродушно проворчал профессор, высвобождаясь из их объятий. — Передатчик у нас, но это лишь половина дела. Коллега Неверьюшамсвоим, у меня в портфеле должен быть паяльник. Вы не знаете, где его тут можно включить?

* * *

Доктор тьма-тьматических наук встал с постели в отличном расположении духа. Утро было сырым и хмурым, над островом бежали мышиного цвета облака. Он оделся во все черное и взял со столика радиопередатчик. Металлическая коробочка показалась ему теплой.

— Странно, — сказал Тракатан и нажал несколько кнопок.

Не прошло и минуты, как под окнами выстроились готовые к походу дроботы. Они трижды отса-

лютовали молотами, и в комнате трижды стало темно.

На столе замигал телефон. Тракатан нахмурил брови: Главный Нашептыватель впервые осмелился беспокоить его до завтрака.

— Ваша Логическая Безупречность, — робко прошептала трубка, — субъект и его штуковина куда-то исчезли!

— Вы пьяны или больны? — холодно осведомился Тракатан. — Вы понимаете, что вы говорите?

— Ваша Логическая Безупречность! — пискнул Грауэн. — Толстун, Краснолицый и персонально я обыскали в этом доме всякий закоулок. Как вы это вчера логически доказали, бежать субъекту было совершенно невозможно, но глупый субъект не имеет никакой логики, и поэтому он бежал.

— Далеко не убежит! — не добро прищурился Тракатан. — Приготовьте ему, Грауэн, хорошую встречу!..

Он бросил трубку и резко защелкал кнопками передатчика. Сейчас дроботы прочешут лес, обшарят горы, достанут субъекта из-под земли! Через каких-нибудь семнадцать минут операция будет окончена. За это время он успеет выпить свой утренний кофе.

Тракатан открыл дверцу стенового шкафчика, и оттуда высунулись шесть никелированных суставчатых рук. Одна поставила на стол блюдо с булочкой, другая — фарфоровую чашку с гербом, третья наливала кофе, четвертая — молоко, пятая насыпала са-

хар, а шестая отдавала честь. Доктор тьма-тьматических наук не спеша позавтракал и подсел к окну. Приятно будет посмотреть, как дроботы волокут этого жалкого безумца. Он глянул на поляну и протер глаза: стальная колонна стояла на месте.

Тракатан схватил передатчик. Работает! Он снова скомандовал начать погоню. Дроботы даже не пошевелились.

— Кар-рамболина! — выругался Тракатан и широкими шагами устремился наружу.

Ожидавшие в коридоре служители едва не уронили колпак. Владыка промчался мимо, не обратив на них никакого внимания. На лестнице Тракатану попался Грауэн: уже издали он стал низко кланяться, прижимая ладони к сердцу.

— Бегом! — приказал Тракатан, и Главный Нашептыватель нелепой рысцой выбежал за ним на поляну.

Доктор тьма-тьматических наук дважды прошелся перед строем. Дроботы исправно поворачивали вслед за ним свои цилиндрические головы. Трудно было поверить, что это они дважды не выполнили радиоприказ.

— Попробуем иначе, — пробормотал Тракатан и отщелкал на передатчике команду «Разойдись». Колонна дрогнула. Резвясь и подпрыгивая, дроботы гурьбой побежали прочь. «Становись!» — энергично скомандовали пальцы Тракатана, но автоматы и не подумали

строиться. Они уселить посреди поляны в круг, и каждый лежонько, а потом все сильнее стал ударять своей стальной ладонью о ладонь соседа. Одновременно из металлических глоток вырвались какие-то невнятные звуки; они становились все громче, сливались в общий хор, и вот уже над поляной, сотрясая доски трибуны, понеслось мощное: «Ладушки, ладушки!»

В маленьких глазках Тракатана вспыхивали высоковольтные разряды.

— Что вы смотрите? — крикнул он белому как мел Грауэну.

Главный Нашептыватель махнул рукой служителям, и те, отстегивая резиновые дубинки, бросились к дроботам. Они бегали вокруг поющих, раздавая увесистые удары, но увлеченные автоматы ничего не замечали, а может, просто не хотели портить себе настроение из-за пустяков.

Когда Толстун и Краснолицый вконец отмахали себе руки, дроботы потеснились и беззлобно, но настойчиво усадили их с собой. Заметив, что новые товарищи чувствуют себя не в своей тарелке, дроботы поощрительно похлопали их по спине, и от этого дружеского жеста оба завывли во весь голос: «Ладушки! Ой, ладушки!»

Тракатан швырнул передатчик наземь и стал топтать его ногами.

— Измена! — крикнул он, устремляясь к брошенной дроботами пушке.

Длинный зеленый ствол медлен-

но опустился в направлении сидящих.

— Пожалуйста, Ваша Безупречность! — прошептал Грауэн, подавая самый тяжелый снаряд.

Тракатан нажал гашетку, пушка дернулась, и из черного жерла поплыли громадные мыльные пузыри. Красные, зеленые, голубые, они не спеша поднимались к небу, а навстречу им, раздвигая облака, вылезло не по-зимнему рыжее солнце. А дроботы били в ладоши и пели; гул стоял, как в огромной кузнице, и лишь душераздирающие звуки волынки заставили всех замолчать.

— Сдавайтесь, Тракатан, сопротивление бесполезно! — раздался из-за деревьев голос Сурдинки.

— К чему напрасное кровопролитие?! — подхватил в другом конце поляны Неверьюшамсвоим.

— Вы окружены! — крикнула с третьей стороны Айя.

— Даем вам две минуты на размышление! — замкнул кольцо Тирляля.

Тракатан, который после выстрела из пушки лишился дара речи, неожиданно обрел его вновь.

— Грауэн, — сказал он, — в бухте стоит баржа. Вдвоем мы к ней пробиться не сможем: один из нас должен прикрывать отступление. Грауэн, для таких людей, как мы с вами, интересы науки выше всего. К морю пойдет тот, кто более ценен для науки. Вы меня понимаете, Грауэн?

— Я вас понял, Ваша Безуп-

речность, — механически ответил Главный Нашептыватель.

— И еще одно: с сегодняшнего дня и навеки веков я учреждаю для своих единомышленников орден Серого Безмолвия. Вы, Грауэн, будете первым его кавалером!

— Беззвучно благодарю, Ваша Безупречность! — вытер пот со лба Грауэн.

— Прощайте, Грауэн! Я завидую вам. Это прекрасно — умереть за науку...

— Две минуты истекли! — прогремел голос Дона Кибертона.

Главный Нашептыватель вытащил свой бесшумный пистолет. Патроны есть, даже слишком много. Он дважды выстрелил в удаляющуюся спину Тракатана и, убедившись, что попал, грозно воскликнул:

— Смерть тирану!

Из лесу выбежали разведчики. Грауэн встретил их подобострастной улыбкой.

— Тракатан каюк! — радостно заявил он, отдавая пистолет профессору Сурдинке.

— Вы знаете, коллеги, — грустно сказал профессор, — я даже не могу представить себе размеров животного, которое наступило на ухо этому человеку. Ох, что я говорю! — внезапно покраснел он. — Извините за выражение, милая Синьорина...

* * *

Стоит ли говорить, что вся Кибертония вышла встречать своих разведчиков. Правда, никто не мо-

жет с уверенностью сказать, как они выглядели, сходя на берег. Слезы радости — самые светлые слезы, но все равно сквозь них почти ничего не видно.

Уже через неделю газета «Вечерний Кибер» начала печатать приключенческую повесть писателя Дупло «Тайна острова Теней». Ее герой, молодой разведчик Неверьшубамсвоим, проявлял чудеса мужества и хладнокровия, чтобы проникнуть в заплombированный сейф опасного авантюриста Катамарана. Кибертонцы так зачитывались этой повестью, что чуть не прозевали Первый Снег. Он падал мягко и щедро, будто извинялся за споздание, а по улицам, как разноцветное колесо, катилась веселая, беззаботная музыка. Музыка, музыка...

Праздники имеют один большой недостаток: они кончаются. Как только радость по случаю снега и победы немного улеглась, кибертонцы вернулись к будничным, но необходимым делам. Профессор Сурдинка сел писать статью об автоматах. Дон и Синьборина приняли посла заморской державы. Неверьшубамсвоим стал читать дроботам популярные лекции, в которых доказывал, что Создатель является выдумкой и что дробот произошел от отбойного молотка. Румб Тромбон получил вместо «Мелодии бурь» новенькое буксирное судно, на котором раз в месяц отправляется в северные моря за айсбергами. Когда он возвращается из плавания, его встречают дроботы и

дети. Дроботы окружают ледяную гору, и не успевает она опомниться, как попадает в ящики к мороженщикам, продающим лучшее в мире кибертонское эскимо. Впрочем, если быть совершенно откровенным, в ящики попадает не вся гора. Множество вкусных ледышек достается детям, у которых с дроботами самые замечательные отношения.

Толстун и Краснолицый некоторое время работали массовиками-затейниками, а потом сели на иностранный пароход и уехали к себе на родину. Прощаясь с кибертонцами, они горько плакали и говорили, что игра в «ладушки» произвела на них неизгладимое впечатление.

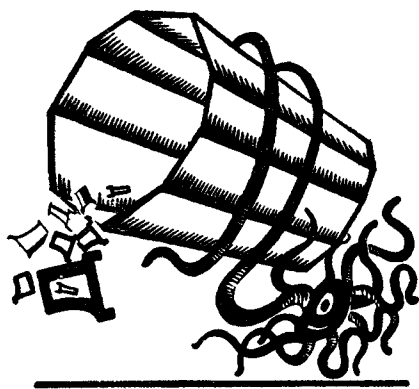
Труднее было с Грауэном. Его пришлось судить. Бывший владелец балагана уверял, что он, как деятель искусств, всегда стоял за дружбу с кибертонцами и если совершил какие-то проступки, то не по своей воле, а по приказу Тракатана. Он горел желанием искупить свою вину честным трудом и просил, чтобы его назначили водителем дирижабля. Суд решил, что Грауэн, как человек с высшим образованием, должен заниматься научно-исследовательской работой. Ему предложили опуститься в батискафе на глубину и писать там диссертацию о быте и нравах акул, а в промежутках заниматься музыкальным самообразованием. Грауэну пришлось согласиться. В качестве музыкального инструмента он выбрал расческу, ссы-

лаясь на то, что места в батискафе мало, а расческа ему все равно нужна. В один прекрасный день Грауэна торжественно посадили в стеклянный шар и, выбрав недалеко от берега глубокое место, опустили на стальном тросе под воду. Через пару дней он сообщил по телефону, что диссертация движется полным ходом, и в музыке он тоже чувствует большие сдвиги. «Старание нужно поощрять», — решили кибертонцы и предложили Грауэну сыграть что-нибудь по радио.

В назначенный час вся страна включила радиоприемники, но из репродукторов понеслись такие омерзительные звуки, что на подоконниках увяли кактусы, а в холодильниках скисло молоко. Кибертонцы прекратили трансляцию и несколько дней приходили в себя, а потом позвонили Грауэну, чтобы посоветовать ему целиком отдаться науке. Они упорно набирали номер, но батискаф не отвечал, и тогда обеспокоенные кибер-

тонцы обратились к иностранному водолазу.

Фамилия водолаза была Бульбуль, но, несмотря на это, он хорошо знал свое дело и уже через полчаса сообщил кибертонцам, что на конце троса ничего нет. То ли трос перекусила акула, то ли Грауэн ухитрился порвать его сам — так или иначе, батискаф пропал без вести. Долгое время кибертонцы расспрашивали приезжих моряков, не встречался ли им в океане большой стеклянный шар, но те лишь пожимали широкими плечами и отправлялись в портовый кабачок. Там, за бутылкой знаменитого вина «Кибернэ» они рассказывали друг другу захватывающие дух истории и, между прочим, жаловались на то, что по ночам в открытом море нередко можно слышать отвратительные звуки, от которых человеку становится так тошно, будто он нахлебался пресной воды. Так закончилось это удивительное приключение в Стране веселых кибертонцев...

*корифей,
или умение
дискутировать*

Борис Зубков,
Евгений Муслин

Клянусь своими одиннадцатью щупальцами (у всех марсиан ровно одиннадцать щупалец), что никто лучше меня не умеет вести научные дискуссии! Кстати, на своем собственном опыте я убедился, что всевозможные научные конференции, симпозиумы и коллоквиумы преследуют в основном две благие цели: во-первых, они укрепляют финансовое положение тех организаций, которые сдают

в аренду свои дворцы, залы, коридоры и туалетные комнаты для проведения этих совещаний; во-вторых, чрезвычайно оживляется работа сухопутного и воздушного транспорта. Дюжина хороших, густонаселенных конференций — и план перевозок пассажиров Главмарстрансом перевыполнен. Для экономического процветания транспорта особенно полезно собирать совещание по освоению знойных марсианских пустынь где-нибудь возле Южного полюса и, наоборот, коллоквиум по использованию полярных снежных шапок — на экваторе. Тогда встречаемые перевозки участников совещаний приобретают массовый характер.

Кроме того, конференции способствуют обмену мнений и установлению личных контактов, что также полезно. Но главное — умение дискутировать!

Началось все с того, что мы с Утка-Бобом забрели в чудный ресторанчик «Под Юпитером» на берегу канала имени Ловелла. Через два часа я уже не мог сообразить, какие щупальца следует прятать под стол, а какими держать рюмку и бутерброд с ветчиной. Именно в этот момент Утка-Боб вспомнил, что приглашен на дискуссию по поводу кинематической архитектуры. Знаете, модное тогда увлечение, когда строили вертящиеся небоскребы, дома-качалки, шагающие санатории и прочие сооружения, кото-
344

у их обитателей. Так вот, в дискуссионном клубе мне приглянулась очаровательная архитекторша с бледно-инфракрасными глазами. В архитектуре я ничего не понимаю. У меня другая, более серьезная специальность. Но инфракрасные глаза умоляли меня: «Покажи, на что ты способен!» Я наконец сообразил, куда девать свои щупальца и положил их все на председательский стол. Архитекторы замерли, ожидая скандала, и в наступившей тишине я произнес пламенную речь. Последние два дня мне пришлось изучать справочник по кристаллографии, и теперь это крайне пригодилось. Я загремел на весь зал:

— Посмотрите на свои творения! Что вы видите? Вульгарные цилиндры и смехотворные ортогональные параллелепипеды. Устарелые формы, скудость воображения! Куда же делись полногранники, полугранники и тетраэдры? Куда, я вас спрашиваю? Где опьяняющие формы бисферондов? Где тороиды, трапецоэдры и додекаэдры? Где творения гексаэдристов? Их нет. Все пирамидальное и бипирамидальное ускользает от вас. Вы не можете насладиться и блаженством симметрии, представляемой нам теорией пространственных групп...

Из дискуссионного клуба восхищенные и ошеломленные моей эрудицией архитекторы вынесли меня на щупальцах. Инфракрасные глаза светились обожанием. Я понял, что для ведения научно-

го спора вовсе не обязательно понимать суть дела. Вполне достаточно прибегнуть к тому, что я впоследствии назвал методом девнации — отклонения или отвлечения. Справедливости ради скажу — авторство метода принадлежит не мне. Удалось выяснить, что исторически метод родился на экзамене по зоологии у профессора Даша-Гида. Профессор всегда спрашивал студентов исключительно о червях. Естественно, что студенты, перегруженные и влюбленные, тоже занимались только червями. Но однажды, когда Даша-Гид проэкзаменовал двадцать человек и был сыт червями по горло, двадцать первого студента он попросил рассказать о слоне. Студент сказал: «Слон — это млекопитающее земное животное с длинным червеобразным хоботом. Черви подразделяются на следующие группы...» Таким образом, экзаменуемый, спасая себя, стихийно применил метод девнации — метод отвлечения от настоящего предмета дискуссии. Экзамен, кстати, есть разновидность дискуссии, где один из ее участников, в силу своего официального положения, явно довлеет над другими.

Перескочить с кристаллографии на архитектуру мне помогли очаровательные глаза. Как вы понимаете, рекомендовать такого рода катализатор для всех случаев научных споров невозможно. Его просто может не оказаться под

рукой. Поэтому, забегая вперед, скажу: в руководстве «Искусство дискутировать», которое я составил для себя лично, предусмотрено, что метод девнации следует применять в двух случаях. Во-первых, если вы ни бельмеса не смыслите в предмете спора; во-вторых, для того чтобы, начав с восхищения интересными результатами, полученными докладчиком, как можно скорее получить возможность хвастаться собственными исследованиями, не имеющими ничего общего с обсуждаемым вопросом. И в том и в другом случае следует прибегнуть к грубой форме девнации, и, например, на симпозиуме биохимиков заявить: «Прежде чем говорить о синтезе полисахаридов, я скажу о пыльных бурях». Более тонко можно перескочить с одной орбиты на другую при помощи фразы: «В своих перспективных исследованиях полисахаридов уважаемый докладчик не учел влияния пыльных бурь. Между тем...» Далее выкладывайте о своих любимых пыльных бурях все, что знаете. Не стесняйтесь! Лишь в редких случаях недостаточно вежливый председатель под предлогом того, что вы говорите не на тему, может лишить вас слова.

Через два дня после памятной дискуссии о кинематической архитектуре я проснулся рано утром с ощущением смутной тревоги. Неясные предчувствия сжимали грудь. На голубом подносе депешографа я нашел две депешо-

граммы: приглашение на симпозиум по акклиматизации верблюжьей колючки и просьба принять участие в обсуждении доклада «Подголоски и модуляции» на вечере композиторов-полисимфонистов. Я кинулся к видеофону, чтобы немедленно отказаться от обсуждения колючек и подголосков. Но — увы! — меня приглашали потому, что узнали о моем триумфе в дискуссионном клубе. Они жаждали моих мудрых слов по поводу акклиматизации колючек и модуляции подголосков! К тому же председателем общества композиторов-полисимфонистов оказался мой старый знакомый Елка-Как, с которым я каждое лето рыбачил в заливе Большой Сырт. Что касается двенадцати чудиков, занимающихся верблюжьей колючкой, то к ним я зашел просто из любопытства.

И погиб!

Докладчики и содокладчики залезали в самую гущу колючек и не могли из нее выбраться. К исходу девятого часа дебатов председательствующий ласково поманил меня щупальцем и попросил высказать свою точку зрения. Желая только одного — чтобы меня поскорее вышвырнули за дверь и никогда больше не вспоминали о моем существовании, я вскарабкался на кафедру и развязно брякнул:

— Я не знаю, зачем меня пригласили, но я могу говорить долго!

Эффект оказался прямо проти-

воположный ожидаемому. Председательствующий, задрожав от благоговения, предложил не ограничивать «почтенного докладчика» во времени.

Так был сделан еще один роковой шаг на пути моего превращения во всезнающего Корифея.

К концу месяца я находил на подносе депешографа в среднем по четырнадцать приглашений в сутки. Я пробовал отказываться, ссылаясь на занятость — увы, марсианские сутки лишь на сорок одну минуту больше земных! — но это приводило к еще более упорным просьбам. В подобных случаях устроители совещаний проявляют поистине садистскую настойчивость. А когда меня пригласили на коллоквиум по трансовиритуализму (если бы хоть знать, что это такое!) и я пожаловался на плохую погоду, то за мной немедленно прислали «очень удобный» ракетомобиль последней марки (к счастью, у него на полпути распаялись дюзы, и я сумел удрать домой).

Тех, кто может оказаться в моем положении, предупреждаю: не вздумайте мямлить по видеофону, что вам нездоровится. Ничего, кроме всепрощающей улыбки, эти жалкие увертки не вызовут. Вам простят — великодушно простят! — любое легкое недомогание, вроде инфаркта, отека легких или рака печени.

Можно точно представить, какой разговор предшествует приглашению вас на симпозиум по

разведению пурпурных бактерий или на конференцию по смазочным маслам:

— Надо пригласить Старика! Он всегда так зажигает молодежь!

— Глубоко интеллигентный марсианин! Говорят, он играет на арфе?

— Поразительно! Как его на все хватает!

— Эрудит!

— Корифей!

— Энциклопедист!

— Если Старика не пригласить, он обидится...

Это я-то обижусь! Да я содрогался всем своим треугольным телом, чувствуя, что единожды наклеенный ярлык Эрудита и Корифея оторвать невозможно. Еще более убедил меня в этом случай на защите диссертации по актуальной бонистике (?!). Я имел неосторожность совершенно искренне заявить: «Я ничего не понял!» — на этом защита диссертации прервалась, диссертанта увезли домой в состоянии глубокого шока. Вот что значит мнение Авторитета!

Впоследствии я неоднократно приканчивал любые дебаты одной только убийственной фразой: «Из доклада уважаемого коллеги я абсолютно ничего не понял». Подобное замечание в устах Авторитета означает интеллектуальную кончину для оратора. Никто и не помыслит, что Эрудит — невежда в данном вопросе или страдает старческой тугоухостью. Наоборот! Все поймут, что это

лишь деликатный намек на то, что доклад редкостная коллекция бессмыслиц. Правда, на коллоквиуме по биомеханике... или... нет, на конференции по частицам частиц... оратор пытался возражать. Я осадил его словами: «Ну что ж, вы думаете так, а я — иначе». Вопрос казался докладчику абсолютно ясным, но своими скептическими замечаниями я быстро довел его до белого каления, он потерял нить рассуждений, спутался и, наконец, замолк. Скептический метод ведения дискуссии восторжествовал, а я получил возможность выпить в буфете чашечку кофе.

Вообще скептический метод дискутирования прост, как кувшин. Если дискуссия идет среди химиков, спрашивайте: «Имели ли вы дело с действительно чистым веществом?» Поскольку на этот вопрос никогда нельзя дать абсолютно утвердительный ответ, доверие к докладчику подрывается, дискуссия угасает. Перед физиками скепсис легко проявить при помощи всего двух фраз: «И вы полагаете, что такая задача решается без квантовой механики?», или: «Не кажется ли вам, что следовало учесть релятивистский эффект?» Такими общими замечаниями можно безошибочно осадить любого докладчика и с приятным сознанием выполненного долга удалиться... чтобы успеть на совещание по углублению марсианских каналов или на симпозиум по сингулярным уравнениям.

У каждого марсианина есть свои маленькие слабости. Ничто марсианское мне не чуждо! Уступая естественному тщеславию и желая хоть как-то вознаградить себя за губительную потерю времени, я изобрел метод автоапофеоза или самоокуривания фимиамом. Это филигранная техника самовосхваления. Многие мои коллеги по дебатам прибегали к методу автоапофеоза, но стихийно и бессознательно.

Я же поставил этот метод дискутирования на научную основу, выделив в нем две разновидности: биографическую и географическую.

Первая разновидность самовосхваления состоит в том, чтобы всячески, но как бы мимоходом и невзначай, подчеркивать свои тесные связи с другими знаменитыми Корифеями. Учитывая, что большинство ученых редко опускается с Марса на Землю, лучше всего к месту и не к месту талдычить о своих близких знакомствах с земными Авторитетами. Звучит это так: «Припоминаю, я обсуждал подобный вопрос с моим дорогим коллегой Нильсом Бором...» Или так (как можно небрежнее!): «Недавно один мой друг, который только что получил вторую Нобелевскую премию, уверял меня...»

Но не зарывайтесь!

Упоминания о том, что на прошлой неделе вы завтракали с Ньютоном или обсуждали конструкцию масс-спектрографа с Ари-

стотелем, могут вызвать отрицательный эффект даже со стороны наиболее легковверных коллег.

Вторая — географическая — разновидность самовосхваления заключается в том, чтобы выставлять себя марсианином, много поездившим. Для этого уснащайте свою речь замечаниями: «Как я уже говорил на конгрессе в Малаховке...», «Возвращаясь с коллоквиума на Юпитере...» и тому подобное. О поездках на Венеру не следует говорить из моральных соображений, о путешествиях по родному Марсу вспоминают лишь ученые невысоких рангов.

Забавы ради именно в те дни я начал составлять руководство «Искусство дискутировать». Руководство продвигалось вперед семимильными шагами, а ступеньки, ведущие в мою лабораторию, ждали и не могли дожидаться, когда, наконец, мои шесть ног оставят следы на толстом слое пыли. Уникальная кристаллическая библиотека, посвященная интересующему меня вопросу и собранная буквально по кристаллику, рассыпалась в амфорную пыль. По ночам я просыпался с диким криком: «Прошу слова!», а утром, шатаясь от бессонницы, натягивал фрак и брел на конгресс по порхающим вездеходам.

Даже ежедневное и обильное применение метода автоапофеоза не приносило облегчения. Я вынашивал план мести и освобождения. Я решил подорвать свой Авторитет изнутри, открыть гла-

за всем устроителям совещаний и симпозиумов на то, что участие меня, Всеобъемлющего Авторитета, в их разнообразных совещаниях столь же нелепо, как появление среди загорающих на пляже марсианина в герметическом скафандре.

С любителями дискуссий надо бороться их собственным оружием! Я уже заметил, что даже наиболее стойкие участники дебатов сохраняют хорошую спортивную форму не более двенадцати часов. Тринадцатый час оказывается роковым! Они начинают клевать всеми тремя носами или, судорожно зевая, перелистывать журнал «Все о марсианках». Поэтому, изучив накопленное, обобщив опыт и творчески его осмыслив, я остановился на особых методах ведения дискуссий, которые, как думалось, должны были основательно подмочить мою репутацию Корифея. Лучше всего назвать их методами «жевательной резинки» или «на колу висит мочало — начинай сначала».

Все три метода удалось пустить в ход незамедлительно.

Тайно злорадуя, я сидел на диспуте по молекулярной музыке молчаливый, как телеграфный столб. И лишь в тот момент, когда председательствующий томно произнес: «Поступило предложение прекратить прения», я попросил слова. Я преподнес молекулярным музыкантам хорошенькую пилюлю! Я повторил — в точности повторил, у меня отличная

память — речь основного докладчика, выступления трех содокладчиков и всех участников дебатов. Я говорил действительно ДОЛГО! Я чувствовал, как приверженцы и хулители молекулярной музыки, разьединенные до того момента на бурно пререкающиеся группы, объединились в едином порыве — они жаждали содрать с меня кожу и натянуть на свои барабаны, а затем сыграть что-нибудь молекулярное на флейтах, сделанных из моих костей. Но им пришлось терпеть. Все же я — Корифей. А многие Корифеи только то и делают, что занимаются повторением ранее сказанного. Зато больше они меня не приглашали. И не пригласят, клянусь Фобосом и Деймосом!

Вот так я употребил с пользой «метод повторения». Но высказать с точностью магнитофона все, что говорили до вас, такое требует напряженного внимания и крайне утомляет.

Украшением раздела «жевательной резинки» я считаю «метод модификации граничных условий». Он прост, но эта простота зиждется на долголетнем опыте... Он прост, но это простота гениальности. Он... Я трепетал от наслаждения, записывая золотым стержнем на гранях искусственного сапфира краткое изложение метода. Пусть, например, докладчик говорит, что опыт проводился при давлении десяти атмосфер. Поинтересуйтесь многозначительно: «А не приходилось ли вам

работать при двадцати атмосферах? Может быть, имеет смысл еще более повысить давление?» Варьируя температуру, давление и другие параметры, нетрудно сформулировать массу аналогичных вопросов. Насчет температуры соблюдайте осторожность. Не обожгитесь! Вопрос «Почему вы не продолжили ваши эксперименты при температуре минус триста градусов?» может показаться чересчур смелым.

Метод модификации граничных условий не требует знаний, опыта, интеллекта. Провал практически невозможен, зато легко прослыть многоопытным мужем, смело заглядывающим далеко вперед, в будущее. Наверняка кое-кому методы «жевательной резинки» принесли славу и почести.

Но я-то жаждал только одного: пусть все поймут, что мои высокоавторитетные высказывания нестерпимо тянут резину и отнимают время у действительно деловито настроенных участников ДДД — Диспутов, Дискуссий, Дебатов. Кажется, удалось! Количество приглашений на ДДД стало убывать. И все же... Как велика сила инерции! Голубой поднос депешографа все еще приносил приглашенные депешограммы на обсуждение проблем облысения, выращивания марсианских огурцов и применения водорослей в кондитерской промышленности. Увы, древо современной науки настолько ветвисто и развесисто, что под его сенью могут раскинуть свои па-

латки тысячи конференций, даже не подозревающих о существовании друг друга.

Разве симпозиум мукомолов знает, как я вывел из терпения молекулярных музыкантов? Разве палеоботаники подозревают, что я могу утопить их в океане «модифицированных» вопросов, как уже утопил однажды чистых химиков и неолингвистов?

Необходимо было сотворить нечто ужасное! Такое, чтобы слух о нем разнесся повсюду! Чтобы смутились сердца всех устроителей ДДД, а их привычка приглашать к себе Авторитета и Эрудита развевалась бы, как дым сигареты под раструбом тысячесильного вентилятора.

И я употребил смертоносный метод «дурацкого вопроса». Исключительно опасный для докладчика метод! Применять с осторожностью!

Когда диссертант уже истратил два грузовых ракетомобиля красноречия и звание кандидата нейрокибернетических наук казалось ему столь же реальным, как восход солнца, я спросил, извиняюще улыбаясь:

— Позвольте мне задать совсем глупый вопрос. Как на основании вашей теории спроектировать малогабаритный вечный двигатель?

— Малогабаритный? — пролепетал диссертант.

Я словно увидел, как в его треугольном мозгу пронеслось: «Сре-

зал!» У него подкосились щупальца... Нокаут!

Нет противоядий против метода «дурацкого вопроса». Ничто не может спасти — ни величайшая бдительность, ни гранитное самообладание. Уже само предварительное замечание, что вопрос глупый, то есть якобы простой и безобидный, — коварный удар из-за угла. Затем следует исключительно затруднительный вопрос, на который заведомо нельзя ответить. Нокаут!

Таким способом моя нетерпимость, мое коварство и вероломство стали очевидными, а риск, связанный с приглашением меня на ДДД, явно был слишком велик. Поток пригласительных депешограмм иссяк, как струйка воды

из плотно закручиваемого крана. Научная методология дискутирования праздновала победу!

Наконец-то я вернулся к любимому делу. Я занимаюсь классификацией запахов звезд и туманностей. В этой области я Корифей! И только в этой. Не вздумайте звать меня на симпозиумы и конференции, посвященные матричной алгебре или геоморфологии. Вам же будет хуже! Я очень зол! Предупреждаю, в моем руководстве «Искусство дискутировать» двести восемьдесят три метода ведения дискуссий. Я предусмотрительно познакомил вас только с некоторыми из них. Не с самыми опасными...

судная ночь

Михаил Клименко

Соседи не виноваты, если что-нибудь увидят. Они ведь тоже выходят на улицу, хотя уже сумерки и почти не видно, как идет дым из труб. Собаки лают в синий вечер — и это хорошо слышать. Был морозец.

Они с вечера заметили, что у шурина какая-то возня во дворе. Возьтся, возьтся — и никак не видно, что такое. Шурин по-маленьку ругается, а этот пыхтит.

Думали, он пьяный с кем-нибудь. Но он не пил. Он был изобретатель, и это ему вредило. Недавно он изобрел ложкодержатель. Портативный, небольшой такой зажим, чтоб удобней держать ложку во время еды. Он уже давно с Японией ведет переговоры. Он с ЮНЕСКО переписывается. По их просьбе он изобрел ступку-самодувку-полуавтомат для особого молекулярного истолчения мела. Потому что нужно создать очень большие запасы тонко толченного мела, какого мельче быть не может и нигде нет.

Потом они гурьбой вдвоем кое-как втолкались из сеней в дом. А также дверь перед ними была открыта до тех пор, пока жена не закричала, чтоб не выстужал дом.

Он изобретает только из подручных материалов, что есть в кладовке, на чердаке, в сарайке и в подполе. Это принцип. У него дома одной только проволоки скопилось что-то около двадцати двух тонн. Разумеется, он не наш шурин. Он шурин одного близкого друга и работает мелким лаборантом.

Но ночью, в три часа ночи, он в свитере прибежал к тестю. И стал будить этот большой дом. Стал трогать ворота, гудеть ими. Тесть по ночам курил. Он ночью не спал, а думал.

— Кто там? — спросил он этого шурина через тройные рамы.

Его освещала луна, и шурин по губам догадался, о чем тесть разговаривает с ним.

— Я, не видишь!

Тесть на луну сказал, хотя ни одного слова не было слышно:

— Глаза светом забило — не вижу, что ты говоришь.

Шурин достал из кармана тройковыпуклое зеркало и дважды отраженный свет направил себе на лицо.

— Впусти! — крикнул он в чистое ухо и, чтоб тесть не обиделся, поддерживал на себе отраженный свет. — Говорил тебе: давай слуховое окно высверлю.

— Чтоб дыму напустил! — побегал тесть губами и за тройными стеклами засмеялся без звуков.

Тесть его изобретений не признавал и по ночам в дом не входил.

На всю улицу шурин крикнул: — Я что-то изобрел и сам не пойму! Помогите связать!

— А как называется?

— Лошадиная сила! — на всю улицу закричал шурин. — Меня из дому гонят! Детям есть не дает. Приходите. С деверем, со свекровью и с зятем. А я к свояку схожу, он математику знает.

— Иди. Придем. — Тесть беззубо засмеялся и опустил занавеску.

Шурин ждал их дома у калитки. Жена вынесла ему от соседей коричневый полушубок.

Чтоб изобрести лошадиную силу, шурина потребовалось девять фунтов авиационной резины, три дубовые доски, полтора квадратных метра сыромятной кожи и одна

пластмассовая рессора. Ну, и по мелочам: батарейка, клей и одно сопротивление, а также дратва и немного жести. Вот и все. За три недели он эту лошину, как он ее ласково называл, сшил и склеил. Она была похожа на хлебный батон ростом с первоклассника и весила сорок четыре килограмма и все это время набиралась сил, и шурин не знал, станет ли она работать.

А вчера с женой они ее засунули во влажный мешок и вынесли в чуланку. И вот сегодня вечером она порвала мерзлый мешок, ворвалась в комнаты и начала кататься по полу, горшки трогать, на детей фыркать. Потом вырвалась во двор и куда попало разбросала сугробы. И пока лаяли собаки, шурин с ней часа два провозился во дворе, потому что у него было меньше силы, чем у этой лошаилы, а в ней была как раз одна лошадиная сила. Он боялся позора перед соседями.

Теперь, стоя у калитки, шурин видел, как она среди ночи ходит по подоконнику и вглядывается в темноту. Он этого не боялся. Он боялся, что она разобьет окно и простудит детей. Он забыл, что все его дети у соседей.

Четверо шли с горы, и тени их были черней, чем они сами.

— Замерз небось! — сказал тесть. — Ну, пойдем в дом.

Они пошли и вошли, а шурин задержался в сенях. Когда же он открыл дверь, его ударило зловоние, но он ухватился за косяк.

Родственников нигде не было, они были в другой комнате — тесть вязал узел для петли, свекровь колдовала и молилась, свояк глубоко задумался, а зять ничего не делал. Лошила спрыгнула с подоконника да так остервенело потолкала шурина в дверь, что он упал все-таки в комнату, а лошила вывалилась в сени, но тут же вскочила сюда и шурина выпихнула. Он дверь приоткрыл и сквозь зловоние видел, как лошила стаскивает на стол все оставшее в кучу: тарелки, хлеб, еду, горшки и все. Она работала очень быстро. Из подпола вытащила бочонок с капустой и этой квашеной капустой набила унитаз до отказа и дернула за цепочку. В два счета опять вытолкала шурина, потому что он уже стоял около унитаза и недоумевал и убивался в недоумении.

Тут родственники гурьбой пробежали через зловонную комнату не дыша и зажимая рты, волоча бессознательную уже свекровь. Они с улицы облепили окна и наблюдали.

Лошила махом сгребла со стола всю посуду и яства — и прямо в угол. Побежала на кухню и вернулась с точильным камнем и кухонным ножом (этот ужасный нож шурин сделал из напильника) и стала его точить, сидя посередь стола. Но точила недолго.

Бросила все на стол. Вывернула из патрона, висевшего над столом, лампочку и принялась в него, в патрон, впихивать сырого окуня.

— Что такое! Что такое! — стуча по раме, с улицы закричал свояк. — Это неправильно! — Он, очевидно, терял рассудок. Он неплохо разбирался в математике.

Другая лампочка погасла. Пронзительно замыкаяние, и во всем доме стемнело. Только над столом в темной комнате двумя снопами взлетали искры — ложила о камень точила нож.

Наблюдатели задрожали.

— Ей-богу, нечистая сила, — сказала свекровь.

— Изобрел-то ты ее зачем? — спросил тесть. — Ну-ка, говори!

— Как зачем! Чтоб мясорубку крутила, полы мыла. Думаешь, дрова колоть у меня время есть? А вы, свекровь, отсталый человек, должны знать, что это научный аппарат, а не чертовщина. У меня же про нее схема есть. А как же!

— Кипятком ошпарить — вот и схема! И мученью конец.

— Господи! Господи! — заборотал свояк. — А какую ты программу, программу-то какую в нее вложил?! А-а?.. Но кого-то она погубит. Погубит! Погубит!..

— Какая программа! Я ее обучал маленько по домашнему хозяйству — и все...

Громя дверь, ложила вылетела на улицу с блистающим ножом в руке, кутаясь в одеяло. Трижды, тяжело и часто вздыхая, оббежала вокруг дома. Родственники пристыли к стене. Поислав и не найдя, ложила стала бесцельно бродить по двору, как

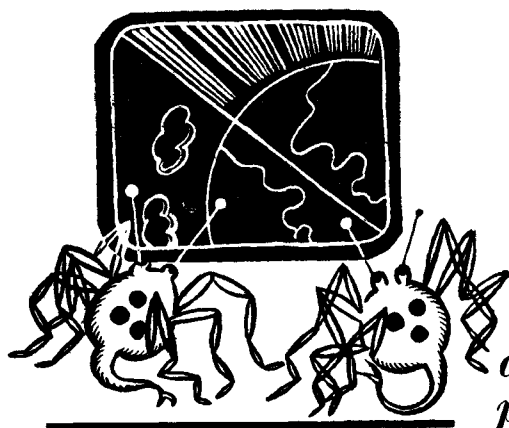
сторож. Изредка ножом врубалась в штакетник, кромсая досточки. И тут тестя как дернуло. Он подкрался и набросил на нее свою петлю. И когда канат хорошо натянулся, ложила рубанула по нему страшным ножом. Тесть упал. А она спокойно пробежала мимо него и воткнула ужасное оружие свояку вмятку!

— За что?! — заревел тот, грудью прижимаясь к стене. — Я же в расчетах помогал! — И он побежал в клинику и добежал вовремя, потому что все было хорошо.

И остальные разбежались кто куда.

А ложила носилась по соседским дворам, фыркала, собак ножом пугала и этим же ножом по дверям и воротам стучала. Получилось столько гаму и переполоху, что все люди не выспались. Многие в нее стреляли и с дубьем бегали, но не поймали. Или она где в сугробе спряталась, или убежала в Невинномыслый лес. Она до сих пор пакостит. И хитрой стала — дальше некуда! И ее никак не поймать — ведь она из резины, досок и сыромяты и поэтому не боится магнитного поля.

Поэтому шурин ночами не спит, книги зубрит: он хочет изобрести и построить 737 маленьких таких джоулей, чтоб они могли порыскать и найти ложила и вместе схватить ее. Или он хочет изобрести что-то, которое хитрей ложила и может вступить с ней в переговоры.

амплитуда радости

Александр
Горбовский

Их было только двое на корабле. Все остальное место занимали приборы: навигационные устройства, улавливатели жизни, индикаторы эмоций, преобладающих на чужих планетах. А еще дальше, за глухой переборкой, не имевшей ни дверей, ни люка, помещался Великий Возлюбленный. Это оттуда, от него, исходил импульс, возвращавший солнцу его вторую и страшную молодость.

Отлетев достаточно далеко, они наблюдали иногда, как мерцавшая точка чужого солнца обращалась вдруг в гигантский плазменный шар. В эти мгновения на планетах в безднах кипящей лавы гибло все, что могло называться живым. И должны были минуть многие миллионы лет, прежде чем в темных глубинах первичных океанов могла зародиться новая жизнь. Но, даже возникнув и придя к высшим формам, жизнь эта никогда не узнает о тех, кто существовал здесь до нее. О тех, кто был уничтожен волей этих двух существ, прилетевших некогда из глубин вселенной.

Два мегера считались оптимальным экипажем для корабля подобного назначения. Распластав свои членистые тела на полу каюты, они наблюдали, как на экране быстро рос чуть сиреневатый туманный шар чужого мира.

— Под каким он знаком? — тонким голосом спросил Первый.

Пока Второй, перебирая прозрачными щупальцами, искал название планеты, диск вырос еще больше и занял почти весь экран.

— Не надо, — снова заговорил Первый. — Я вспомнил. Это мир под знаком Прерывистой черты.

— Будет пари? — прожужжал Второй.

Секунду подумав, Первый утвердительно закивал передней частью туловища.

— Синий Змей победит Желтого, — пропищал он.

— Желтый одолеет Синего, — возразил Второй.

В знак того, что пари заключено, они несколько раз потерлись кончиками скорпионьих хвостов.

Их путь в космосе подходил к концу. Пространство, отведенное для них, было уже исчерчено трассой их корабля, и планета, к которой подлетали они теперь, была из последнего ряда.

Повсюду, где только возможна жизнь, пролегли пути кораблей, похожих на этот. Среди великого множества дел, которые вершатся между звездами, не было дела более важного, чем то, чем заняты они.

Материя, этот слепой вихрь атомов, стремясь вырваться из небытия, избирает иногда ложный путь. Достаточно, если в первичной молекуле жизни атомы окажутся расположены чуть иначе, чтобы клеймо проклятия легло на все мириады последующих существ. Все живое в этом мире будет отмечено печатью страдания, ненависти и зла. Оболочка жизни, растущая на планете подобно опухоли, будет вбирать в себя все новую и новую материю, только для того, чтобы она хлопотала от ярости, задыхалась от злобы, причиняла страдания или испытывала их сама. Вот почему благостно вмешательство, которое вернуло бы такой мир к его первичному небытию. Чтобы потом, снова поднявшись к жизни, он достал другую, более счастливую карту. Ибо материя становится

живой для радости и ликования. Таков закон космоса. Они же, мегеры, вершители и судьи этого закона.

Изогнувшись всем телом, Второй положил щупальцу на клавиш, и экран погас. Чтобы решить участь этого мира, не нужно было знать, как он выглядит, какие существа обитают на нем. И уж совсем не имело значения, что на их языке название планеты обозначалось странным и непонятным словом «Земля». Совсем другое было важно сейчас, и именно это другое должно было определить исход всего.

Через секунду экран осветился снова. Это заработали датчики эмоционального настроения планеты. Множество струек, пульсируя, иссякая и наполняясь вновь, сливались в шевелящуюся широкую синюю полосу. В ней сходились все негативные эмоции этого мира — отчаяние и гнев, страх и тоска, все, чему было и чему не могло быть названия. Когда же полоса эта, хищно изогнувшись, двинулась через широкий экран к противоположному его концу, навстречу ей поднималась уже другая, золотисто-желтого цвета. Но она была заметно меньше, и по мере того, как они сближались, движения желтой становились все судорожнее, все быстрее. Она отклонялась из стороны в сторону, словно пытаясь избежать встречи, но синяя всякий раз повторяла ее движение. Передние концы их неумолимо сближались, и когда

между ними оставался лишь небольшой просвет, желтая метнулась было в сторону, но в то же мгновение синяя сделала прыжок, и концы их впились друг в друга, противоборствуя, как две разъяренные кобры.

Какое-то время, казалось, они замерли, но потом желтая стала отступать, сжиматься, а синяя толчками надвигалась на нее, заполняя собой все большую часть экрана. Струйки, синие и золотистые, питавшие их, продолжали мелко пульсировать и сходиться, но исход схватки был уже предрешен. Это был мир, где преобладали эмоции зла. Мир, подлежащий уничтожению. И там, за глухой переборкой, Великий Возлюбленный готовился уже сказать свое последнее и страшное слово.

— Я проиграл, — прожужжал Второй. Он даже подставил свое тело, чтобы, согласно условиям пари, Первый шлепнул по нему ребром хвоста, но Первый уклонился от этого. Он хотел чистого выигрыша, они должны завершить виток вокруг планеты. Он был то, что называется педант.

Между тем золотистый змей вдруг шевельнулся. Нити, окружавшие его тело, засветились ярче. Очевидно, корабль вступал в некую зону повышенной радости. Но этого было мало, чтобы изменить соотношение, которое уже сложилось.

И вдруг произошло невероятное. В краткое, как вспышка, мгновение Золотой Змей получил

вдруг импульс чудовищной силы. Одним рывком он отбросил от себя синее чудовище. Раздувшись почти на весь экран, он с такой силой прижал его в противоположном конце, что тот обратился в синий шевелящийся комок.

Прозвучал гонг, и в конце каюты вспыхнул желтый свет. Это означало, что в новом мире преобладали положительные эмоции. Пари было проиграно. Первый запищал, причитая. Второй поднял хвост и с размаху шлепнул спутника по чешуйчатому темени.

* * *

Александр Иванович только что услышал о служебной неприятности одного из своих коллег и тайно возликовал. Безумная, дикая радость заполняла все его существо, и гигантский цветок восторга распустил лепестки в его сердце. Когда через некоторое время, воздав должное этому чувству, он продолжил путь по коридору своего учреждения, корабль с мегерами уже выходил за пределы солнечной системы.

...Человечество так никогда и не узнало имени своего спасителя.

путь памятников

Андрей
Скайлис

10 июня 2966 года в печати появилось сообщение, что в парке Исторического музея прошлой ночью свихнувшийся робот разбил пятьсот памятников. Дикий акт вандализма потряс широчайшие круги общественности, так как в коллекции памятников имелись выдающиеся произведения искусства. Такие, например, как высеченный из камня король Фиферон Толстый или диктатор

Шиндлер, выполненный неизвестным мастером в бронзе.

С наступлением утра музейный парк невозможно было узнать. Памятники лежали в развалинах, фонарные столбы поломаны, деревья вырваны с корнем, трава вытоптана.

На место происшествия немедленно явилась следственная комиссия. Она арестовала робота УВ-083, который работал в музее дворником. На допросе робот признался, что прошлой ночью, выполняя служебные обязанности, он находился в парке. В ответ на прочие вопросы УВ-083 понес дикую чушь о волшебном огниве, масляных бассейнах, чертях и тому подобной чепухе.

Кибернетического шизофреника отвели в мастерскую. Но как только механики забрались внутрь робота и извлекли из его электронного мозга ферромагнитную ленту памяти, на которой УВ-083 записал события роковой ночи, открылись вещи совсем уже неслыханные.

Приводим стенограмму записи.

* * *

«Двенадцать часов. Темная ночь. Ой, как не хочется вылезать из гаража! Терпеть не могу темных ночей! На свет прожекторов вечно слетаются разные жуки и комары. К другим роботам не слетаются, а ко мне слетаются. Это оттого, что я смонтирован под несчастливой звездой.

Ну, хорошо! Будем двигаться.

Фонари в парке потушены. В центральной аллее на императоре Фифероне Толстом опять сидели воробьи. Сколько раз я докладывал старшему роботу, что надо выставить пугала, но он только хлопает своими пластмассовыми ушами и ничего не делает.

На мраморной скамье напротив памятника принцессе Клотильде каждый вечер целуются молодые пары. Это все оттого, что садовник, робот с архаическими вкусами, вокруг скамейки насадил акации. Как только они разрослись пышными кустами, на скамейке начали целоваться.

Я включил прожектора и потихоньку подкрался. Ну, как же!

— В парке целоваться строго воспрещается! — заорал я на максимальной громкости.

Ух, как они подскочили!..

— Мы совсем не целовались, — испуганно заикался парень. — Мы смотрели на луну...

Ха-ха, луны совсем нет сегодня!

— Идите сейчас же домой!

Уходя, девушка шепнула парню:

— Какой несимпатичный, скрипучий робот!

К сожалению, этого нельзя отрицать — скрипучий. Недавно мы собрались целой компанией и сыграли в карты. Один из музейных роботов, по специальности крысолов, обчистил меня до нитки — я хотел сказать, до болтика. Так я лишился комплекта запасных частей и масленки. Вот что значит

быть смонтированным под несчастливой звездой!

Теперь — хочешь не хочешь, а приходится воровать. В магическом отделе музея есть лампадки, из них можно набрать довольно сносного масла.

Час ночи. На первой скорости спешу в сторону замка. Идти приходится медленно, так как суставы предательски скрипят. Если роботы-сторожа заметят меня у лампадок, то я здорово получу по циферблату.

Мне повезло — дверь магического отдела распахнута. Шаг за шагом, не спеша... Как приветливо мигают лампадки! Протягиваю руку и хватаю одну из них.

— Маслице ворует? — раздается за моей спиной приторно ласковый голос.

Моментально оборачиваюсь. Слава судьбе — это не сторож! Передо мной мужчина в черном сюртуке, черном цилиндре и черных сапогах. Из-за голенища одного сапога торчит обрывок веревки.

— Ну что, дорогой, таращишь свои объективы? — спрашивает он. — Черта, что ли, не видел?

— Чертей не бывает, — отвечаю я.

— Не бывает? Посмотри-ка!

И вытаскивает из-за сапога веревку. И что бы вы думали — это хвост! Как у коровы, только длиннее. Снимает цилиндр. А под ним два стройных рожка!

— Ну, теперь видишь, что я черт?

— Нельзя верить всему, что

видишь. В моей электронной памяти четко и ясно записано, бога нет — чертей нет, так что ты не существуешь!

Незнакомец вздохнул.

— Хорошо, допустим, что я не существую. Но теперь — за дело! Скажи, ты не хочешь, чтобы тебя озолотили?

— Озолачивать меня ни к чему, меня надо смазать маслом!

— В твоём распоряжении будет огромный масляный бассейн. Двенадцать чертей будут тереть твою жестяную спину.

Ух, как мне нравится, когда тирают спину! И мысль о масляном бассейне неплоха. Я позволю бултыхаться в нем и другим роботам, а потом мы сыграем в очко! Здорово!

— Где же бассейн?

— Погоди, не все сразу! — Незнакомец наклонился поближе к моим микрофонам и таинственно зашептал: — Прежде всего послушай умного черта. В аду сейчас катастрофическое положение. За все тридцатое столетие мы сунули в котел всего двух лжецов и десять прелюбодеев. Это ужасно! Чертям грозит безработица и голод. Будущее не обещает ничего хорошего — не можем же мы свои перспективные планы основывать на одних только нарушителях супружеской верности! Поэтому сатанинский собор повелел мне обратиться на поверхность земли и сделать так, чтобы на свет вернулись добрые старые времена со всеми грехами. Тогда — слава бо-

гу! — снова появятся и воры, и мошенники, и грабители — и ад заработает на полную мощность.

Но людям теперь стало слишком хорошо. Являлся я уж многим во сне и искушал их: «Ну, миленький, устрой мятеж! У тебя будут деньги, у тебя будет власть, все будут танцевать под твою дудку!» Ничего не помогает, все посылают меня, Вельзевула, ко всем чертям!

— На роботов ты не надейся, в программе действия роботов мятеж не предусмотрен. Если хочешь, будем ходить на руках, прыгать...

Вельзевул сплюнул смолой и серой.

— По мне хоть бы все роботы передохли! Я устрою путч памятников!

— Каких памятников?

— Тех самых, которые находятся в музейном парке. На памятники всегда можно положиться. Для того чтобы вернуть старые времена, они будут стараться во всю! Вот так, милый робот. По моей команде памятники слезут с пьедесталов...

— Не слезут. За памятники отвечаю я, робот УВ-083. Если кто-нибудь слезет с пьедестала и удерет, сразу же явится инвентаризационная комиссия. Тогда, разрешите доложить, мне придется плохо. Нет, я категорически запрещаю трогать памятники!

Вельзевул посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Ничего ты не можешь запре-

тить! Подумай логично — я же не существую!

Совершенно правильно, чертей не бывает. А если вельзевул не существует, я не могу запретить ему кокетничать с памятниками.

Два часа ночи. Мы в парке. Вокруг, на фоне ночного неба — громады памятников. Вельзевул вытаскивает из кармана огниво. Сыплются зеленые искры, воняет серой и скипидаром. Показывает пальцем на Фиферона Толстого, бормочет:

— Вобискум, мобискум, фобискум, фик, спиригус, миритус, чиритус, чик!

Громовое чихание.

— А-апчхи!.. Где я?

— Ваше императорское величество в музее. Прошу вас, слезайте!

Земля затряслась, когда Фиферон Толстый прыгнул с пьедестала.

— Оп-ля! Я в вашем распоряжении!

— Адский собор решил, что в мире должны снова воцариться господа...

— Правильное решение!

— ...Но люди и роботы вряд ли этого хотят, и я призываю на помощь памятники. Настоящий момент исключительно удобен, так как люди спят. Прежде чем они успеют опомниться, стратегически важные пункты займут памятники. Они выпорют каждого, кто посмеет противиться их приказам. Сопротивление исключено, так как оружие уже давно сдано в музей,

а вход в них будут охранять вооруженные бронзовые генералы.

— Вперед, за справедливость! Пойте гимн Мушилии: «Император Фиферон, защищая отчий трон, на кобыле белой в бой помчался...»

— Потом, ваше величество, потом! Некогда распевать, надо пробудить пятьсот памятников!

— Один момент! Я должен принять кое-какие меры предосторожности!

Фиферон Толстый с корнем вырвал фонарный столб, размахнулся и ударил по памятнику Удовика Девятого. С греском посыпались обломки.

— Опомнитесь, ваше величество, что вы делаете?

— Удовик был большой скотиной, он когда-то отнял у меня три волости!

Следующий удар — на этот раз рассыпалась в пыль каменная статуя Целестина Голого.

— Этот совсем был сволочь, и я отнял у него три волости. Так, теперь очередь за Алфилеем Последним, ужасно несимпатичный тип!

Всего Фиферон Толстый расколотил пятьдесят памятников...

— Больше у вас нет врагов? — спросил Вельзевул, брызжа серой.

— Нет, слава богу!

Тогда Вельзевул чиркнул огнем у памятника диктатору Шиндлеру. Диктатор сразу же понял, что от него хотят.

— Старое время? Вернем! Чем скорее, тем лучше. Конечно, прежде всего надо расколотшматить

памятники королей и императоров семитского происхождения. Потом возьмемся за азиатов и так далее.

Шиндлер начал с князя Авраама и кончил памятником императору Джинджершаху.

Прежде чем оживлять третий памятник, Вельзевул задумался не на шутку. Наконец он остановился у архиепископа Теофила Нерасторопного...

Его преосвященство пал ниц и долго молился. Затем, простирая руку, он благословил Фиферона, Шиндлера и Вельзевула.

— Я пойду впереди восставших с крестом в руке, и мы одержим победу! Но прежде чем мы примемся за свой святой труд, хорошо было бы сжечь на костре или разбить вдребезги памятники всех некрещеных и маловеров. Фиферон и Шиндлер, за мной, вы мне поможете!

Стук ударов, грохот разваливающихся памятников. Вельзевул в ярости скрежещет зубами, так что сыплются искры. Мне, роботу, становится страшно, но я вспоминаю, что он не существует, и успокаиваюсь.

Три часа ночи. Всего осталось два памятника — царь Криколай Второй и принцесса Клотильда. Прежде всего Вельзевул чиркнул своим огнем рядом с Криколаем — маленьким, щедушным человечком, и потом, поджав хвост, направился к принцессе Клотильде.

— Разрешите вас предупредить, господин нечистый, — шеп-

нул Теофил, обращая взор к небу, — эта баба — воровка, она страдает kleptomaniей...

— Если нами будет командовать адское отродье, я умываю руки, — заявляет Криколай Второй. — Уважаемые памятники, выберем другого главнокомандующего!

— Он должен быть святым человеком, — обращает взор к небу Теофил.

— Главнокомандующий должен быть высокого происхождения! — блеет Криколай.

Шиндлер смотрит на него тусклым взором.

— А вы можете доказать, что ваши высокие предки — арийцы? Нет? Тогда заткнитесь, ваше величество!

— Не спорьте! — потрясает бронзовым мечом Фиферон Толстый. — Главнокомандующим будет самый сильный из нас!

Наступает тишина. Теофил Нерасторопный достает из кармана расы фляжку с вином и возглашает:

— Да здравствует главнокомандующий! Подкрепитесь во славу божию!

Фиферон Толстый выпивает половину и подает Криколаю Второму.

— Ну-ка, клюкни и забудь своих ничтожных предков! Да передай Шиндлеру.

— За чистоту арийской расы! — Шиндлер выпивает несколько глотков и вдруг начинает плевать. — Крысиный яд! К вину

подмешан крысиный яд! Я узнаю его, я уже раз пил крысиный яд!

Всеобщее замешательство. Теофил Нерасторопный обращается в бегство, но Фиферон Толстый настигает его, хватая за ноги и с размаху трескает о пьедестал памятника Клотильде.

Четыре часа утра. Фиферон Толстый больше не дрыгает ногами. Из памятников осталась одна Клотильда. Она сидит в кустах акации на скамейке и утешает Вельзевула:

— Не горюй, глупенький чертушка! Брось рыть землю, сядь со мной рядом и покажи свое волшебное огниво!

— Да понимаете ли вы, ваше императорское высочество, что надежда чертей на старое рухнула? — стонет Вельзевул, выдергивая с корнями деревья. — А если ад прогорит, куда денемся мы, черти?

— Будете глину месить. Иди сюда, я тебя поцелую.

Мне очень хочется крикнуть им, что в музее запрещено целоваться. Но, рассуждая логически, делать это бессмысленно, так как Вельзевул вообще не существует. Поэтому я спокойно наблюдаю и ничего не говорю.

Пять часов утра. В парке полный разгром. Кругом валяются обломки памятников, расщепленные столбы и вывороченные с корнем деревья. Одна Клотильда стоит на прежнем месте. Вельзевул помог ей забраться на пьедестал и

скрылся. Надо полагать, обратно в ад.

Из музея выходит робот-крысолов, озирается вокруг и говорит:

— Ну и достанется же тебе, УВ-083.

Я тоже думаю, что достанется. Ох, зачем меня смонтировали под несчастливой звездой!..»

* * *

На этом обрывается ферромагнитная лента робота УВ-083. Вначале специалисты решили, что это не что иное, как кибернетический бред, и отослали робота в капитальный ремонт.

Но два дня спустя в следственную комиссию явились двое молодых людей, которые на следующий вечер после гибели памятников снова сидели на скамейке в музейном парке, и — как они уверяют — смотрели на луну. Они показали следующее:

«В полночь появился некто в черном. Забравшись на пьедес-

тал памятника принцессе Клотильде, он целовал ей руку и причитал: «Зачем же вы, ваше императорское высочество, обокрали бедного черта? Смилуйтесь — и верните волшебное огниво, это у меня единственная память о бабушке!» Заметив нас, незнакомец исчез. Когда он поворачивался, мы заметили что он хвостат».

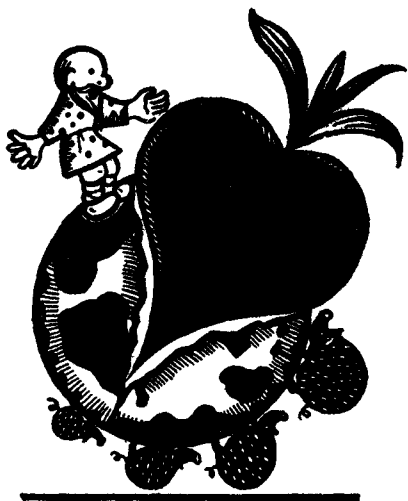
Кибернетики тут же извинились перед роботом УВ-083 за происшедшее недоразумение, тщательно смазали его и выпустили из ремонтной мастерской.

К сожалению, вскоре робот снова начал поскрипывать. Когда его спросили о причине, УВ-083 ответил:

— Все это потому, что меня смонтировали под несчастливой звездой.

Это, конечно, неправда. Причина скрипа в другом — робот снова проиграл в карты свою масленку.

Перевод с латышского
Р. Трофимова

фантазки

Григорий
Филановский

А где я была — всем расскажу. Не на свадьбе веселой, да и не на собрании профсоюзном, а на курсах повышения квалификации. Дошла наука до того, что нас, нянь, учат уму-разуму. Ну, положим, чем и как малышей кормить, за ними следить — это я и сама поучить могу. Но в чем наука всех нас превзошла, так это в сказках.

И какие ни есть малыши, а это чувствуют. Карапуз, от горшка

два вершка, а туда же! «Ведьмов, — говорит, — не бывает». Ну, как ему докажешь, что бывают? А еще и комиссии бывают, нас проверяют. «Для чего, — скажут, — вам лекцию о кибернетике читали и кино на казенный счет показывали? Что вы, спросят, детишкам за ерунду рассказываете?»

Спросят так спросят, никого я не боюсь. Чего мне опасаться: я бабуся грамотная, вон свое пальтишко каждый сезон по моде переначиваю, а сказку любую запросто перекрою по наипоследнему фасону. Хочешь послушать — давай микрофон, подставлай магнитофон...

Первая сказка-фантазка. Репка

Посадил Дед репку. А репка, детки, — это такая овощь — вкусом, как хороший банан. Выросла, значит, репка большая-пребольшая, просто уму непостижимо. Позвал Дед фотокорреспондента. Засняли Дедку у репки, а она продолжает себе расти. Ходят Внучка и Жучка вокруг репки, не подпускают к ней тунеядцев и очковгирателей. Академики тут как тут: ищут, спорят, строят гипотезы.

Семечкин, доктор, объявляет, что все дело в гиперболинах. А Мамочкин, профессор, одно твердит: «Горох». Дескать репку посадил вовсе не Дедка, а царь Горох — и вот она проросла. И родом царь Горох из космоса — точнее, с Венеры. О, куда хва-

тил! Пока Семечкин и Мамочкин спорят, благодаря Мышке обнаруживается, что корень уже где-то в кипящей магме. Репка становится отчасти пареной, но от этого вопрос о ней не становится проще. И, как водится в подобных случаях, от страшно огромной репы Землю стало пошатывать. Забегали академики, затарахтели электронные машины, а толку чуть! Идей не хватает. Что с репкой делать?

Задумался и Трофим, жених Внучкин, колхозный животновод, первый на селе гармонист и затейник. Целую ночь до зари глядел он задумчиво на фото невесты — и вдруг его осенило: свинья!.. Много свиней! Привел он их к репке: навались, хрюшки, спасай Землю!.. Не успели расправиться с репкой, как из скважины брызнул нефтяной фонтан, и подался Трофим учиться на физика-механика, на химика-органика, специалиста широкого профиля. А попутно женился на Внучке, которая выросла у дедки большая-пребольшая...

Вторая сказка-фантазка. Нетрудные задачи

Существовал на белом свете невероятный волшебник. Вообще опасный тип. Законы, если не нарушал, то обходил, правда только научные. И, между прочим, была у него дочка-раскрасавица. Заприметил ее как-то один, которого все сызмальства величали Иван-дурак, постояли целый вечер

в очереди в кафе — влип парень... И Маше понравился: высокий, стройный, твист танцует. Волшебнику не по вкусу пришелся этот мезальянс. Вызвал он Ивана к себе в кабинет и предложил:

— Отдам дочку за тебя замуж, если ты выберешь ее из серии абсолютно тождественных кибернетических двойников.

Так и выразился, а уж, прости-те, из песни слова не выкинешь.

Зажурился Иван, напала на него бессонница, но во сне явилась к нему Маша и говорит:

— Папашины штучки — до лампочки. Старикан полагает, что мы все тридцать восемь будем одинаковыми положительными героинями. В основном — да, но кое-что не совсем. Понял? Не понял? А еще кандидат наук! Буду эрудицией блистать, хотя, впрочем, и они все тоже. И еще — есть у меня сзади родинка... Нет, не пойдет, у них тоже может быть. Но зато у меня — смотри, Иван, не проморгай! — на три процента больше гемоглобина.

Просиял Иван, и на смотре точно указал: вот моя, а все прочие — дубли. Взярился волшебник и придумал три новые задачи. Первая — насчет квадратуры круга. Иван запросто с помощью Маши и неформальной логики показал, что задача-то неразрешима. Вторая задача: доставить «Москвич» за одни сутки. Молодые и тут не растерялись — сразу выиграли по лотерее. Сильно уповал чародей на третью

трудную задачу: а ну, Иван, пойдди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Но красавица подсказала Ивану, что речь идет всего лишь о теме для кандидатской диссертации.

Так они вдвоем и провели старого чудака. И стали, конечно, на его иждивении жить-поживать и добра наживать.

Третья сказка-фантазка. Теремок

В туманность скрылась тихая планетка Теремок. Лежит она в стороне от больших космических дорог, в числе достопримечательных не значится. Шла как-то мимо пара спутников из созвездия Гончих Псов.

— Эй, кто на Теремке живет?

— Мы.

— Кто — мы?

— Нервные клетки. У нас тут повсюду исключительно нервная система. Только, пожалуйста, не садитесь на том участке — там слабонервные...

— Ладно, — протянули гончепсахы. — Нам, откровенно информируя, отдохнуть охота. Сорок световых лет отмахали (год за два засчитывается). Тяжело в пути — без магнитных полей, без сквозной плазмы, без любимых аннигиляторов... Эх-ма!..

Осторожно выгрузили ящики с надписью: «Не квантовать!» Расположились на какой-то зелени. В ушах у пришельцев слезы.

— Хорошая планета Теремок! И вообще жизнь прекрасна —

в любых формах и проявлениях. Откуда ваш шарик лучше сморщится?

— Наверно, оттуда, с вершины нашей мудрости...

Живут гончепсахи возле нервных, контактируют.

Вдруг стук-гром, кружится странная компания, требует внимания.

— Эй, кто на Теремке обитает?

— Мы — нервахы! И мы — гончепсахи! А вы кто?

— Те, что покрупнее, — с Малой Медведицы, те, что помельче, — с Большой Медведицы.

— Салют, медвежахы!

— Будьте здоровы! И живы, если вы живые. Атмосфера у вас, кажется, подходящая. И лишний глоток азота никогда не повредит...

...Шумел эфир, орбиты гнулись, а ночь темная была...

И никто друг другу не мешает — каждый занимается своей цивилизацией. И всем хватает пищи для размышлений, материи и антиматерии.

Внезапно — что за напасть! — задрожал Теремок, появились в небе чистом огромные штуковины — ни в сказке сказать, ни в фантазке описать, и говорят они страшным голосом: «Айда на Теремок!»

Испугались нервахы, гончепсахи и медвежахы. решили пустить в ход логику:

— А вы объемом эту планету намного превосходите, как же в нее влезете?

Захотели штукахи так, что соседняя галактика пошла раскручиваться (молодой астроном Тихон Брагин сам видел) и радиоизлучаться (это мой внук двоюродный сам слышал — от соседки):

— Чего вы разволновались, те-ремощники? Втиснемся мы как-нибудь в четвертое, а то и в пятое измерение. Не привыкать! В тесноте, да не в обиде!

Втиснулись. Вроде бы никаких эксцессов. Только замечают первые ахи — что-то не то.

— Простите, — обращаются нервные к гончепсовым, — сколько на ваших урановых?

— А нисколько.

— Как это?

— Так это. Кончилось время. Забрали эти последние, накрыли своими измерениями.

— Позвольте, — вмешались медвежахы, — на что это похоже? Как мы все развиваться будем?

— Эй, вы! — задергались нервные. — Физическим языком вам говорят: это форменное безобразие.

Ни ответа, ни привета...

И податься некуда, потому что без времени старта не назначишь. А когда кто-нибудь из посторонних появляется в небе и спрашивает: «Эй, кто в Теремке?» — никто не откликается. На всякий случай помалкивают все время, которого нет.

Четвертая сказка-фантазка. Киберок

Жили-были старик со старухой.

Ни родных у них, ни близких, кроме транзистора да балалайки. Старик ловил разные станции, а старуха стирала грани между физическим и умственным. Вот однажды она к муженьку своему и обращается. «Сделай, — говорит, — старый, что-нибудь такое экстравагантное!» Призадумался старик. Насобирав диодов-триодов, заказывал лазаров-мазаров, сообразил черепок, ростом с вершок, втиснул, что мог, и нарек — Киберок.

Радуются старик со старухой, пляшут вокруг него, а на сон грядущий читают ему курс высшей алгебры. Побыл Киберок в доме неделю, покрутился другую — заскучал. Однажды, когда старик со своей старухой шибко увлеклись очередным матчем на первенство страны по футболу, наш герой отворил потихоньку калитку — и был таков!

Очутился Киберок на улице и растерялся. Вместо того чтобы милиционера обо всем расспросить, пристал к незнакомой сударыне. «Извините, — говорит, — но как бы мне поближе кое с чем в мире познакомиться?..» Возмужно, она поняла его в другом аспекте, только ответила сударыня так: «Катись ты!..»

Он поблагодарил и покатился. Куда глаза глядят. Не артистом, не туристом, не известным футболистом, не за длинным рублем и не с короткой памятью. Наоборот, катился и все попутно усваивал. И архитектуру, и литературу, и

флору, и фауну, и мосты, и дороги, и что где как, и где что почему. Одним словом, сделался Киберок таким информированным, что просто жуть. Такое поглотить и усвоить — можно живо сделаться эрудитом, дипломатом и полиглотом.

И однажды встал на пути Киберка великовозрастный Адик.

— Эй, чувак! — окликнул он Киберка. — Вали сюда, ты мне как раз нужен.

— Зачем? — удивился Киберок.

— Видишь ли, какое дело. Физически я хорошо развит, морально — тоже, разве что вот тут, — Адик показал на голову, — малость не хватает. А чтоб этот пробел ликвидировать, я тебя, — внес предложение Адик, — съем!

Чует Киберок, деваться некуда.

— Ладно, Адечка, съешь меня, но разреши напоследок песенку...

— Какую песенку? Из тех, что под гитару? Из тех, что на бобину? Угадал? Погоди, сейчас запишемся. Валия!

«Песенка о самом себе», — иронически грустно объявил Киберок.

..Когда уходил я от бабушки,
когда удирал я от дедушки,
казалось, весь мир провожал меня
и говорил: «Вернись...»
Тот мир, где танцуют бабочки,
тот мир, где летают девочки,
тот мир, где однажды взойдя,
не замирает жизнь...
Скрываясь я полз по обочинам,
предвкушая беду,
но в сердце своем киберочинном
решил: от тебя уйду!

И — сиганул, только Адик его и видал...

Но тут же, как на грех, подвалился к Киберку некий субъект с усиками:

— Мистер, простите, гражданин Киберок! Ужасно хотелось бы с вами познакомиться. Разрешите представиться: по паспорту Парнемцов, но ты можешь звать меня просто — Ягуар. Мне нужен кой-какой сведенья... Миллион дубов. Тихо: на горизонте майор Шпанов...

«Боже! — пронеслось в искусственном мозгу Киберка. — Столько катиться, чтобы докатиться до этого!..»

— В случае несогласия, — прошипел Ягуар, — руки вверх! — Но вспомнив, что Киберок безрук, процедил: — Сами понимаете, голубчик...

— Понимаю, — всхлипнул Киберок, — но хоть песенку позволите?..

— Песенку?

— Ну да. Абстрактную, если угодно.

— Абстрактную? Это ол райт!

— О почтовом ящике...

— О почтовом ящике номер...

Ах, без номера, абстрактную... Ну, для начала — вернее, для конца... все равно. Итак...

В почтовом ящике, — прищелкнул Киберок, — в почтовом ящике, в почтовом ящике письмо лежит на дне — ко мне...

Но вот что странно: почтовый ящик там один среди океана, снегов и льдин.

Среди покоя молчит, судьбу мою храня. И жду его я, напрасно жду его я, как ты — меня!

Сшиб с Ягуара цилиндр и — поминай как звали!..

Долго ли, коротко мыкался Киберок подобным образом, только надоела ему такая жизнь. Задумал он куда-нибудь в хорошее место пристроиться. На ловца, говорят, и зверь бежит. Верный человек свел его с самим Рибозой Афанасием Силычем. Тот Киберка в свое учреждение взял. И поначалу все кругом были довольны и даже счастливы. Проявил Киберок на новом поприще немалое усердие и незаурядные свои способности, выручал, направлял и увязывал. И шел в гору. Достаточно сказать, что сам Рибоза говорил Киберку сперва «ты», как всем младшим сотрудникам, затем «вы», как некоторым старшим, и вернулся к «ты» уже на высшем этапе — «ты» своему новому помощнику и заместителю.

Тут-то, однако, и ждали Киберка крупнейшие неприятности. Уж больно здорово замещал он самого Рибозу. И когда тот вернулся, между ними состоялся откровенный обмен мнениями.

— Послушай, Киберочек, уж не полагаешь ли ты, что вообще справился бы с моими обязанностями?

Киберок, которого вранью не обучили ни дедушка, ни бабушка, напрямик бухнул:

— Отчего ж нет? Запросто...

Рибоза потемнел.

— Ты забыл, кто ты такой? Равняться со мной? Я — человек, могу подтвердить документально!

А ты, если хочешь знать, — ишак, так себе, лицо несущественное.

— Но я мыслю — следовательно, существую, — пытался парировать Киберок.

Но Рибоза от этих слов отмахнулся и усталился на Киберка. Тот и без эмоций понял, бедный, что Адик, Ягуар и другие бледнеют перед начальником, которому кажется, что его подсиживают.

— Я тебя съем, — объявил Рибоза каким-то кибернетическим голосом.

— За что?.. Караул!.. И зачем я от бабушки и дедушки...

Путались мысли в триодах и проводках. Наконец, подросло спасительное:

— Афанасий Силыч, а я вам песенку...

— Цыц! Твоя песенка, Киберок, спета. Ибо человека нельзя заменить. Такого, как я!

И съел Рибоза Киберка.

И попробуй докажи, в чем он не прав...

Пятая сказка-фантазка. Иванушка-дурачок, Жар-птица и др.

Было у царя трое сыновей. Первые двое отлично запрограммированы, а третий, Иван, совсем не за... Понятно? Вот однажды призвал царь сынов и говорит им:

— Ребятки! В мой исследовательский сад повадилась какая-то ужасная личность. Хватает на лету мои результаты, выдает за свои. Я догадываюсь, что это за птичка, но только нужно поймать ее на горячем. Ухватить хотя бы перо...

Первым пошел на дежурство старший по должности сын, Мафусаил. Сидит в саду, размышляет: что лучше — «Кристалл» или «Горилка с перцем»? В полночь сад словно осветился лампами дневного света. Влетает неизвестная в чем-то очень ярком.

Мафик сразу пенсне на нос:

— Простите, вам кого? То есть, вам чего? И, кстати, не желаете ли по рюмочке?

— Молчи, дурак.

— Извините, вы, кажется, спутили: я — старший...

— Молчи! Я твои мысли телепатически воспринимаю. Хочешь знать относительно того — что лучше?..

— Всю жизнь...

— Дело в перцепиентах.

— Ась?..

— В воспринимающих. Понял? А в телекинез веришь?

— Не знаю, — слегка опешил Мафик.

— Аллей-гоп! — сосредоточила прищелица весь свой волюнтаризм, сдвинула брови и перебросила на расстоянии Мафусаила через забор сада в канаву. А сама стала собирать царские цветочки.

Папаша просто рвал и метал.

— Аркадий, твоя очередь. Будь хоть ты на высоте.

— Папа, можешь не волноваться...

В полночь снова переполох — и то же явление.

— А я вас жду, — улыбнулся Аркадий.

— Верю, — отозвалась Жар-птица.

— У меня к вам деловое предложение. Давайте договоримся, папашу по боку, вы мне поможете стать царем, а я вас сделаю царицей, официально. Идея, а?

— Нельзя сказать, чтоб очень оригинальная. Вы не советовались с электронными?

— Зачем? Я до всего дохожу своим, человеческим разумом. И сердцем...

— Оно и чувствуется, — отвечала Жар-птица и со всей силой съездила Аркадия по роже («по лицу», как он жаловался обожаемому папаше).

Пришлось назначать на третью ночь Ивана.

Прилетела.

Изумился Иван:

— Красавица, к чему тебе этот сад с жалкими плодами наук? Неужто отсюда стоит что-то брать?

— Чудаки! — повела она крыльями. — И твой отец и твои братья... Слышишь, я бываю повсюду, где пахнет сказкой, где дышит фантазия... Понял, Иван? Возьми-ка на память мое чудесное перо...

И упорхнула.

А Иван все ходит-бродит по свету: в горы, в океан, в глубь Земли, в космос — ищет всюду, куда может залететь фантастическая Жар-птица...

Шестая сказка-фантазка. Спящая красавица

Эту сказку детям до шестна-

дцати лет слушать не рекомендуется.

У короля с королевой одновременно родилась дочь. По этому случаю устроили пир, пригласили родных, знакомых и добрых фей с подарками. Первая фея преподнесла новорожденной вечные чулки-паутинки. Вторая — гарантированный иммунитет от всех болезней, кроме гриппа. Третья — журналы мод на сто лет вперед. Четвертая — кибера, умеющего читать, писать стихи и заявления, молчать и ловить рыбку в мутной воде. Пятая — шапку-невидимку, при которой всегда видна прическа. Шестая — очаровательную способность врать не краснея. Седьмая... С ней получился казус. По одной летописи не смогли, по другой не хотели дозвониться. А она все же пришла из вежливости, а больше — из лакости. И, разумеется, обратилась к малютке с балетными жестами. Дескать, обеспечили тебе хорошую жизнь, но лишь до тех пор, пока тебя не устроят на работу. А уж там ты заснешь всерьез и надолго...

Шум, переполох. милиция, но сказано — железно. И прошло лет двадцать пять — тридцать (до этого не работало дитя царское), и устроил ее папаша в «Нииверетено» что-то крутить, чтоб зарплату получать. Взяла она как-то подшивать протокол заседания ученого совета — скучный и длинный — открыла на 820-й странице и заснула. А за ней все

«Нивверетено»: и старшие, и младшие научные сотрудники, и директор. Только кассир ходит получать на всех зарплату. Рыцарь-ревизор, конечно, мог бы развеять чары, но он, видно, где-то далеко, в созвездии Весов, инспекцию проводит...

Седьмая сказка-фантазка. Ключи бессмертия

Иван Иванович Царев свой отпуск проводил туристом-одиночкой. Был он человек молодой, не обремененный семьей, долгами и разумными советами. В один прекрасный день (первый день отпуска) сидел он с удочкой на берегу реки. «Хорошо! — подумал он. — Соседи не галдят, по телефону не тараторят, начальство не выговаривает, милые не капризничают, друзья не открывают...» Подумал и оптимистически улыбнулся. И вытащил из реки во-от какую Щуку, которая уже в воздухе по-человечески выражаться стала крепенько. Иван обомлел... Природный такт не позволил ему тут же ответить нахалке тем же и забросить ее в реку. Кисло выслушал он ее биографию и заключительную просьбу о помиловании. «Рука руку моет, — незидательно твердила зубастая хищница, — ты — мне, я — тебе; гора с горой не сходятся, а я тебе пригожусь...»

Короче, блаженное чувство одиночества было нарушено, и Ваня-интеллигент сдался — отпустил хулиганку в реку. Пошел со стыда

и на ближайшей поляне наткнулся на лежащую в гамаке красавицу, поневоле начал знакомиться с последней.

— А правда, по мне не скажешь, что я замужняя? — говорит та. — А угадайте, сколько моему супругу лет, а? На прошлой неделе стукнуло ровно шестьсот семьдесят восемь. Шестьсот семьдесят восемь. Не думайте чего-то там — он еще хорошо сохранился. Сто раз был женат — и все не надоедает.

— Любопытный тип. И как генотип и как фенотип. — В Иване Цареве проснулся охотник, биолог, а также физик и лирик. — Познакомьте меня с ним. Успокойте его, намекнув, что я турист и культурист. Как вы думаете, отчего он такой долгожитель?

— Господи, да я же замужем за Кошеем Бессмертным...

...Он сидел посреди колоссальной личной библиотеки, собранной им за последние полтыщи лет, полки ломились от подписных изданий. Он что-то пил из бутылки с пятью звездочками и посредством биотоков играл ушами в пинг-понг.

— Кошееву привет! Как жизнь молодая?

Бессмертный быстро глянул на жену, на гостя и, судя по всему, кое-что заподозрил.

Иван спросил в упор:

— Как делался Бессмертным?

Кощей метнул взгляд на потолок.

— Через эту самую дезоксирибонуклеиновую кислоту. У вас всех, — он злобно захихикал, — она скисает, а у меня постоянно свеженькая.

— Где хранится растворчик? Ну? В Тихом океане...

— На острове Буяне... — прохрипел Кощей.

Царев мгновенно свистнул Щуке-хулиганке и запустил ее в океан. Через час была получена информация: весь запас кислоты мистер Хибиш на каком-то Буянатолле пустил на ядерный самогон и теперь им торгует.

— Что делать? — думал Царев, не спуская глаз с энциклопедии.

Наконец встал в позу оратора-демагога и уверенно изрек:

— Да знаете ли вы, тов. Кощеев, что быть Бессмертным уже не модно и не мудро, что гораздо приятнее просто взять и помереть, когда захочется? И вообще природа — это тебе не кот на плакал...

Кощей морально был разбит и, распропагандированный Иваном, стал конструировать вечный двигатель.

VI

10
ПЕРВЫЕ
ЛЕТ

В дни торжественных юбилеев люди и страны не только

празднуют, но и вспоминают. Советской научной фантастике столько же лет, сколько Советской власти. Мощный толчок, данный революцией, развил и эту область литературы. Издательство «Молодая гвардия» решило в честь великого юбилея опубликовать в своих альманахах «биографию» советской фантастики. Здесь перед вами первая ее часть, посвященная 1917—1927 годам.

Чтобы составить библиографию, А. Евдокимов просмотрел более 50 томов справочной литературы, больше 4000 номеров журналов 120 названий. И все же за ее абсолютную полноту ручаться нельзя, в частности потому, что в ней не учтены газетные публикации.

Нам хотелось, чтобы этот длинный список был интересен не только специалистам-литературоведам, но и рядовым любителям фантастики. Потому библиография максимально упрощена и сокращена. Не сообщаются, например, биографические данные об авторах, за несколькими исключениями не раскрываются псевдонимы, опущена библиография критики, читатель узнает только о двух публикациях каждого произведения: а) самой первой и б) наиболее доступной для него сегодня. Зато было решено ввести в наш перечень первые советские издания научно-фантастических книг А. А. Богданова и В. Г. Тана-Богораза, которые были написаны еще до революции, но по своему характеру отчетливо примыкают именно к советской фантастике. Без этих романов, важную роль которых для себя отмечали многие революционеры, ученые, политические деятели, картина состояния фантастики тех лет была бы неполной. Недаром же эти книги переиздавались тогда чуть ли не ежегодно.

Из произведений такого своеобразного писателя, как А. С. Грин, к фантастике в современном понимании этого слова относится немного. В список вошли в основном те его произведения, которые содержат явно фантастическую идею. (Ведь нельзя же считать произведение фантастическим, а не романтико-приключенческим лишь потому, что действие его происходит в стране, которой нет на глобусе.)

Сухой список фамилий и названий открывает взгляду основание той грандиозной пирамиды советской фантастики, которая выросла за пятьдесят великих лет. Среди мастеров, закладывавших эту пирамиду, Алексей Толстой и Лев Никулин, Мариэтта Шагинян и Александр Беляев, Валерий Брюсов и Константин Циолковский...

Итак, вот какие фантастические рассказы, повести, романы, пьесы, стихотворения и поэмы были опубликованы, вот какие фантастические фильмы были показаны в первые годы Советской власти.

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА

(опыт библиографии)

1917—1927 ГОДОВ

1917

Холодный город (роман).

1. Типогр. 1-й Моск. труд. артели. М., 1917, 132 стр.
2. Изд-во автора. М., 1927 (3-е изд.), 163 стр. С предисловием проф. А. В. Рязанцева.

КОМАРОВ Н. С.

РАМЗАЙ А.

Формула (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1917, № 6.

АНОНИМ

1918

История Александра Марвина (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», 1917, № 15.

БОГДАНОВ АЛЕКСАНДР

Красная звезда (роман).

1. Изд-во Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Пг., 1918, 144 стр. Без рис. +
 2. Изд-во «Красная газета», Л., 1929, 192 стр. Без рис.
- Инженер Мэнии** (роман).
1. Изд-во «Волна». М., 1918, 144 стр. +
 2. Изд-во «Красная газета». Л., 1929, 141 стр. Без рис.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Miscellanea (эссе) (См. XXIII, XXIV и XXXIV)

1. Альманах «Эпоха», 1918, кн. 1—2.
2. Избр. соч. в 2 т. М., 1955, т. 2.

Примечание: Под № 1 показана первая публикация. Под № 2 показана публикация, наиболее доступная для читателя сегодня. Отсутствие № 2 означает, что повторной публикации нет. Знаком + отмечены произведения, публиковавшиеся до 1917 года. В этом случае указана первая публикация после 1917 года.

Гибель Петербурга (роман).

1. Журн. «Комедия жизни». Пг., 1918, № 1—2. (Публикация прервана в связи с прекращением журнала.)

ЦИОЛКОВСКИЙ, КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ

Вне Земли (повесть).

1. Журн. «Природа и люди», 1918, № 2—14.
2. Изд-во АН СССР. М., 1958, 144 стр. с илл. Вступительная статья Б. Н. Воробьева.

ЧУДНОВСКИЙ ФЕЛИКС

Обмененные души (рассказ).

1. Журн. «Аргус», 1918, № 1.

ЗОЗУЛЯ ЕФИМ ДАВИДОВИЧ

Граммофон веков (рассказ).

1. Журн. «Солнце труда». Харьков, 1919, № 1.
2. «Я дома». М., 1962.

НОВОРУССКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Приключения мальчика меньше пальчика (повесть).

1. Пг., 1920, 68 стр.

БОБРОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ

Восстание мизантропов (повесть).

1. Изд-во «Центрифуга». М., 1922, 164 стр.
2. ГИЗ, М. — Л., 1925, 188 стр.

ИТИН ВИВИАН АЗАРЬЕВИЧ

Страна Гонгури (повесть).

1. Канск, 1922, Сиб. обл. ГИЗ, 86 стр.
2. См. «Открытие Риэля» в 1927 г.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Хроника города Лейпцига за 18... год (рассказ).

1. «Серапионовы братья». Альманах 1-й. Изд-во «Алконост». Пб, 1922.
2. «Рассказы» Изд-во «Круг». М., 1925.

ТАСИН Н.

«Катастрофа» (роман).

1. Русское универсальное изд-во. Берлин, 1922, 293 стр.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Аэлита (Закат Марса). (В дальнейшем подзаголовок «Закат Марса» снят автором.)

1. Журн. «Красная новь», 1922, № 6 (10), 1923, № 1—2 (11—12).
2. Многократно переиздавался.

ЯСИНСКИЙ ИЕРОНИМ ИЕРОНИМОВИЧ**Браслет последнего преступника** (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1922, № 1.

АРОСЕВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ**Фантазия** (рассказ).

1. Журн. «Огонек», 1923, № 7.

БОБРОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ**Изобретатели идитола** (роман).

1. Журн. «Красная нива», 1923, № 35—44.
2. Изд-во «Геликон», Берлин, 1923, 198 стр.
(Под назв. «Спецификация идитола».)

ГОНЧАРОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ**Жизнь невидимая** (рассказ).

1. Журн. «Красные восходы». Тифлис, 1923, № 1 (4).

ГРИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ**Блестящий мир** (роман).

1. Журн. «Красная нива», 1923, № 20—30.
2. Собр. соч. в 6 т. М., 1965, т. 3.

ЖУКОВ ИННОКЕНТИЙ**Путешествие Красной Звезды в Страну Чудес** (повесть).

1. Журн. «Барабан», 1923, № 3—4; 1924, № 1 (6) и 3 (8).
2. Под назв. «Путешествие звена Красной Звезды». Харьков, 1924.

ЗУБОВ С.**Сыворотка бессмертия** (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1923, № 4.

ИРКУТОВ АНДРЕЙ**Коммунизатор мистера Хэдда** (рассказ).

1. Журн. «Борьба миров», 1923, № 1.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ**Инженер Шварц** (рассказ).

1. «Мастера и подмастерья», изд-во «Круг». М. — Пб., 1923.
 2. «Рассказы», изд-во «Круг». М., 1925.
- Манекен Футерфаса** (рассказ).
1. Журн. «Петроград», 1923, № 15.
- Пятый странник** (рассказ).
1. Альманах «Круг», № 1, М. — Пб., 1923.
 2. Собр. соч. в 6 т., т. 1. М., 1963.

Столяры (рассказ).

1. «Мастера и подмастерья». Изд-во «Круг». М. — Пб. 1923.

2. «Рассказы». Изд-во «Круг», М., 1925.

Щиты (рассказ).

1. «Мастера и подмастерья». Изд-во «Круг», М.-Пб., 1923.

2. «Рассказы». Изд-во «Круг», М., 1925.

(В дальнейшем под назв. «Щиты и свечи».)

КЕДРОВСКИЙ ИВАН

Оживленный металл (рассказ).

1. Журн. «Красные восходы». Вологда, 1923, № 2-3 (4-5).

КРИНИЦКИЙ МАРК

Эликсир бессмертия (рассказ)

1. Журн. «Огонек», 1923, № 10.

НИКУЛИН ЛЕВ ВЕНИАМИНОВИЧ

Патент 78925 (рассказ).

1. Журн. «Красная нива», 1923, № 25.

ОКУНЕВ ЯКОВ МАРКОВИЧ

Грядущий мир (роман).

1. Изд-во «Прибой», 1923, 70 стр.

ЧАРИН СЕРГЕЙ

Отасу — королева солнечной страны (пьеса-сказка).

1. Изд-во «Прибой», 1923, 67 стр.

ЭРЕНБУРГ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ

Гибель Европы (рассказ).

1. Журн. «Огонек», 1923, № 16.

Трест Д. Е. История гибели Европы (роман).

1. Изд-во «Геликон». Берлин, 202 стр.

2. Собр. соч. в 9 т., т. 1. М., 1962.

АЛЕКСЕЕВ

Ракета Петушкова (рассказ).

1. Журн. «Смена», 1924, № 5.

АРАБЕСКОВ ЛЕВ

Конкурс мистера Гопкинса (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1924, № 1.

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Американская первомайская ночь (рассказ).

1. Журн. «Смена», 1924, № 7.

БУЛГАКОВ МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ

**Дьяволиада. Повесть о том, как близнецы погубили
делопроизводителя.**

1. Альманах «Недра», 1924, № 4.
2. «Дьяволиада». Изд-во «Недра», М., 1925.

ГИРЕЛИ МИХАИЛ ОСИПОВИЧ

Трагедия конца (роман).

1. Изд-во «Время». Л., 1924, 218 стр.+6 стр. объявл.

ГОНЧАРОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Приключения доктора Скальпеля и фабзавука Николки в мире малых величин (повесть).

1. Изд-во «Молодая гвардия», М. — Л., 1924, 153 стр.
 2. Изд-во ЗИФ, М. — Л., 1927, 126 (2) стр.
- Межпланетный путешественник (роман).**

1. Изд-во «Молодая гвардия», М. — Л., 1924, 144 стр.
- Психомашин (роман).**

1. Изд-во «Молодая гвардия», М. — Л., 1924, 109 стр.
- Комбинации вселенной (роман).**

1. Публикация не установлена. Возможно, что это другое название «Межпланетного путешественника».

Ком-са (повесть).

1. Журн. «Красные всходы». Тифлис, 1924, № 2—7.

ГРИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Крысолов (рассказ).

1. Журн. «Новая Россия», 1924, № 3 (12).
2. Собр. соч. в 6 т. М., 1965, т. 4.

**ДОЛЛАР ДЖИМ
(ШАГИНЯН МАРИЭТТА СЕРГЕЕВНА)**

Месс-Менд, или янки в Петрограде (роман).

1. ГИЗ, М., 1924 (10 выпусков).
2. Детгиз, М., 1956 и 1957, 350 стр.

ИРКУТОВ АНДРЕЙ

Бессмертие (рассказ).

1. Журн. «Борьба миров», 1924, № 3.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Бочка (рассказ).

1. Журн. «Русский современник», 1924, № 2.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 1. М., 1963.

КАТАЕВ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ

Как имя Батиста Линоля вошло в историю (отрывок из романа «Остров Эрендорф»).

1. Журн. «Огонек», 1924, № 21.

Остров Эрендорф (роман).

1. Газ. «Рабочий путь». Омск. Июль — август 1924 го-

да и одновременно газ. «Уральский рабочий», июль — сентябрь 1924 года.

2. ГИЗ, М., 1925, 124 стр.

Повелитель железа (роман).

1. Журн. «Пламя». Харьков, 1924, № 1.

2. Изд. «Современная мысль». Вел. Устюг, 1925, 101 стр.

ЛЕВАШОВ ВАСИЛИЙ

Отраженный свет (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1924/25, № 1.

МУХАНОВ Н. И.

Война Земли с Марсом в 2423 году.

1. Журн. «Мир приключений», 1924, № 1.

Пленники Марса.

1. Журн. «Мир приключений», 1924, № 2.

Тот, в чьих руках судьбы миров.

1. Журн. «Мир приключений», 1924, № 3. Все три части вышли как роман «Пылающие бездны».

Изд. П. П. Сойкин. Л., 1924, 144 стр.

НЕМО

Небывалый опыт (рассказ).

1. Журн. «В мастерской природы», 1924, № 3—4.

НИКОЛЬСЕН БОРГУС

Глориана (роман).

Изд-во «Прибой». Л., 1924, 134 стр.

ОБРУЧЕВ ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

Плутония (роман).

1. Изд-во «Путь к знанию». Л., 1924, 364 стр.

2. Многократно переиздавался.

СИЗОВ ВАСИЛИЙ

(ГОРЬКИЙ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ)

Рассказ о романе.

1. Журн. «Беседа», 1924, № 4 (март).

В дальнейшем под названием: «Рассказ об одном романе».

2. Горький М., Собр. соч. в 30 т., т. 16, М., 1952.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Бунт машин (фантастические сцены).

1. Журн. «Звезда», 1924, № 2.

2. Собр. соч. в 15 т., т. 11, М., 1949.

ЯЗВИЦКИЙ ВАЛЕРИЙ ИОИЛЬЕВИЧ**Побежденные боги** (роман).

1. Изд. Л. Д. Френкель. М. — Л., 1924, 108 стр.
2. Изд-во «Книга». Л. — М., 1927, 128 стр. Под названием: «Гора лунного духа (Побежденные боги)».

КЕЛЛЕР И., ГИРШГОРН В.**Универсальные лучи** (повесть).

1. ГИЗ, Л., 1924, 83 стр.

АЛАНДСКИЙ П.**Кровавый коралл профессора Ольдена** (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 3.

АРЕЛЬСКИЙ ГРААЛЬ**Повести о Марсе.**

Содержание: Обсерватория профессора Дагина. — Два мира. — К новому Солнцу.

1. ГИЗ, Л., 1925, 96 стр.

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ**Расстрелянная Земля.**

Содержание: Расстрелянная Земля. — Завтра. — Война с крысами. — Только деталь.

1. М., 1925 (Биб-чка «Огонек» № 87) 44 стр. + 4 стр. и 2—3 стр. обл. объявлений.
2. Собр. соч. в 5 т., т. 5, М., 1964.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ**Голова профессора Доуэля** (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925, № 3—4.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 1, М., 1963. (В переработанном виде, как роман.)

Последний человек из Атлантиды (повесть).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925, № 5—8.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 2, М., 1963.

БУЛГАКОВ МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ**Роковые яйца** (повесть).

1. Альманах «Недра», 1925, № 6.
 2. «Дьяволиада». Изд-во «Недра», М., 1925.
- № 13. Дом Эльпит Рабкоммуна. — Китайская история. — Похождения Чичикова.** (Рассказы).

1. «Дьяволиада». Изд-во «Недра». М., 1925, 160 стр.

ГОНЧАРОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ**Век гигантов.** История про то, как фабзавук Николка из-за фокусов ученого медика Скальпеля попал в гости к первобытному человеку (роман).

1. ЗИФ. М. — Л., 1925, 363 стр. + 2 стр. объявлений.
Долина смерти. Искатели дютрюита (роман).

1. Изд-во «Прибой». Л., 1925, 196 стр.

ГРИГОРЬЕВ СЕРГЕЙ

Тройка Ор-Дим-Стах (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925, № 1.

2. Гос. мастерские педагогич. театра Главсоцвоса.
М., 1925, 24 стр.

ГРИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Золотая цепь (роман).

1. Журн. «Новый мир», 1925, № 8—11.

2. Собр. соч. в 6 т., т. 4, М., 1965.

ДОЛЛАР ДЖИМ (ШАГИНЯН МАРИЭТТА СЕРГЕЕВНА)

Лори Лэн — металлист (роман).

1. ГИЗ, М., 1925, 9 выпусков, 283 стр.

2. Изд-во «Прибой», Л., 1927, 226 стр.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Большая игра (рассказ).

1. Альманах «Литературная мысль», кн. 3-я, 1925.

2. Собр. соч. в 6 т., т. 1, М., 1963.

КАРПОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Лучи смерти (роман).

1. ЗИФ, М. — Л., 1925, 166 стр.

КВИНТОВ Н.

Голубые лучи (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 4.

ЛАВРЕНЕВ БОРИС АНДРЕЕВИЧ

Крушение республики Итль (роман).

1. Журн. «Звезда», 1925, № 3—6.

2. Собр. соч. в 6 т., т. 4, М., 1964.

НИКОЛЬСКИЙ В. Д.

Чертова долина (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 5.

НИКОНОВ Б. П.

Патюрэн и Коллинэ (Эксплоататор Солнца) (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 4.

НИКУЛИН ЛЕВ ВЕНИАМИНОВИЧ

Тайна сейфа (роман).

1. Изд-во «Пучина», Л., 1925, 261 стр.

ОКУНЕВ ЯКОВ МАРКОВИЧ

Золотая петля (рассказ).

1. Екатеринослав, 1925, 15 стр.

2. Под названием «Петля». Изд-во «Рабочая Москва», М., 1926, 46 стр.

ОРЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР

Машина Ужаса (роман).

1. Изд-во «Прибой», Л., 1925, 191 стр.
2. Изд-во «Прибой», Л., 1927, 162 стр.

РОСС ЛЕОНИД (Возможно РОССИХИН Л. М.)

Открытие профессора Баррингтона (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 6.

РЫМКЕВИЧ ПАВЕЛ АДАМОВИЧ

Так погибла культура (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 2.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Гиперболоид инженера Гарина (роман).

1. Журн. «Красная новь», 1925, кн. 7; 1926, кн. 4—9.
2. Многократно переиздавался.

Семь дней, в которые был ограблен мир (рассказ).

1. Альманах «Ковш», Л., 1925.
2. Далее под названием «Союз пяти». Собр. соч. в 15 т., т. 5, М., 1948.

ФРОЛОВ А.

Похождения Прокошки и Игнашки (повесть).

1. Журн. «Октябрьские всходы», 1925, № 1—17 и 19—20.

ШПАНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Таинственный взрыв (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925, № 8.
2. В переработанном виде под названием «Записка Анке» и псевдонимом КРАСПИНК, журн. «Вокруг света», Л., 1927, № 9.

ИВАНОВ ВСЕВОЛОД ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,

ШКЛОВСКИЙ ВИКТОР БОРИСОВИЧ

Иприт (роман).

1. Отрывок в журн. «ЛЕФ», 1925, № 3.
2. ГИЗ, М., 1925, 9 выпусков, 301 стр.

МОСКВИН Н., ФЕФЕР В.

Перчатки Уильяма Фиркинса (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 6.

АРЕЛЬСКИЙ ГРААЛЬ

Подарок селенитов (повесть).

1. Журн. «Мир приключений», 1926, № 5.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Белый дикарь (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 7.

2. Собр. соч. в 8 томах, т. 8, М., 1964.

Гость из книжного шкафа (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 9 (сокр.).

«Голова профессора Доуэля», ЗИФ, М.—Л., 1926
(полн.).

2. Собр. соч. в 8 т., т. 8, М., 1964.

Идеофон (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 6.

(Под псевдонимом А. РОМ.)

Ни жизнь, ни смерть (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 5—6.

2. Собр. соч. в 8 т., т. 8, М., 1964.

Остров Погибших Кораблей (рассказ, повесть).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 3—4; 1927,
№ 5—6.

2. Собр. соч. в 8 т., т. 1, М., 1963.

Человек, который не спит (рассказ).

1. «Голова профессора Доуэля». ЗИФ. М.—Л., 1926.

2. Собр. соч. в 8 т., т. 8, М., 1964.

БЕЛЯЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Радиомозг (роман).

1. «Рабочая газета» за 1926 год.

2. Изд. «Молодая гвардия», М.—Л., 1928, 182 стр.

ГИРЕЛИ МИХАИЛ ОСИПОВИЧ

Преступление профессора Звездочетова (роман).

1. Изд-во «Пучина», Л., 1926, 179 стр.

ГРАВЕ СЕРГЕЙ ЛЮДВИГОВИЧ

Путешествие на Луну (повесть).

1. Изд-во «Прибой», Л., 1926, 82 стр.

ГРИГОРЬЕВ СЕРГЕЙ

Московские факиры (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925/26, № 1 (10).

Новая Страна (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 2.

Гибель Британии (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 3.

Все вместе вышло как повесть под названием: «Гибель Британии». ЗИФ, М.—Л., 1926. 118 стр.

**ЗУЕВ МИХАИЛ (ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ —
МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ)**

Властелин звуков (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 11.
2. «Капитан звездолета». Калининград, 1962.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Ревизор (рассказ).

1. Журн. «Звезда», 1926, № 2.
2. Собр. соч. в 3 т., т. 1, Л., 1930.

ОБРУЧЕВ ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

Земля Санникова, или последние онкилоны (роман).

1. Изд-во «Пучина», Л., 1926, 325 стр.
2. Многократно переиздавался.

ОКСТОН И.

Междупланетные Колумбы (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 9.

Муравьиный гнев (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 10

ПЛАТОНОВ АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ

Лунная бомба (рассказ).

- Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 12.

РЮМИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Преступление доктора Пирса (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1926, № 9.

Шесть месяцев (повесть).

1. Журн. «В мастерской природы», 1926, № 2—5.
(Под псевдонимом МЮР Н. И.)

ШИШКО АНАТОЛИЙ ВАЛЕРИАНОВИЧ

Господин Антихрист (роман).

1. ЗИФ, М.—Л., 1926, 128 стр.

ЯРОСЛАВСКИЙ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ

Аргонавты Вселенной (роман).

1. Изд-во «Биокосмисты», М.—Л., 1926, 173 стр.

АРЕЛЬСКИЙ ГРААЛЬ

Человек, побывавший на Марсе (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 7.

АРМСТРОНГ АНТ.

Закупоренный в бутылку дух (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», Л., 1927, № 13.

Эликсир жизни (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 6.

АРМФЕЛЬТ Б. К.

Прыжок в пустоту (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 2.

АФАНАСЬЕВ ВАСИЛИЙ

Страна великанов (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 10.

БАКЛАНОВ С.

Воздушная сотня (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 1.

БЕЛОУСОВ В. В.

Тайна горы Кагель (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 10.

Опубликован под девизом «Летучая мышь».

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Над бездной (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», М., 1927, № 8.

2. Собр. соч. в 8 т., т. 8, М., 1964.

БОБРИЦЕВ-ПУШКИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Залетный гость (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 1.

ГОЛУБЬ СЕРГЕЙ

Тайна микрокосма (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», М., 1927, № 9.

ГУМИЛЕВСКИЙ ЛЕВ ИВАНОВИЧ

Остров гипербореев (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 4.

ДОЛИН Н.

Кровь мира (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 6.

ЖУРАКОВСКИЙ Н.

Тайна полярного моря (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 7.

ИТИН ВИБИАН АЗАРЬЕВИЧ

Открытие Риэля (повесть).

1. Журн. «Сибирские огни», 1927, кн. 1.

2. «Высокий путь», авторский сборник, М.—Л., 1927.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Воробыиная ночь (рассказ).

1. Журн. «Молодая гвардия», 1927, № 8.

2. Собр. соч. в 3 т., т. 1, Л., 1930.

Голубое солнце (рассказ).

1. Одновременно журн. «Огонек», 1927, № 18 и журн. «Литературные среды», 1927, № 6.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 1, М., 1963.

Друг микадо (рассказ).

1. Журн. «Звезда», 1927, № 2.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 1, М., 1963.

Сегодня утром (рассказ).

1. «Ленинградская правда» от 27/3 1927 года.
2. Собр. соч. в 3 т., т. 1, Л., 1930.

ЛАНЦЕВ В.

Путешествие внутри атома (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», М., 1927, № 6.

ЛЕВАШОВ В.

КВ-1 (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», Л., 1927, № 24.

ЛУНАЧАРСКАЯ АННА АЛЕКСАНДРОВНА

Город пробуждается (роман).

1. Изд-во «Никитинские субботники», М., 1927, 362 стр.

МИНДЛИН ЭМИЛИЙ ЛЬВОВИЧ

Днепровская Атлантида (повесть).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 11—12.

МУХАНОВ Н. И.

Атавистические уклоны Бусса (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 5.

НИКОЛЬСЕН БОРГУС

Массена (роман).

1. ЗИФ, М.—Л., 1927, 176 стр.

НИКОЛЬСКИЙ В. Д.

Антибеллум (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 2.

Лучи жизни (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 10. (Опубликован под девизом «Юниор».)

Через тысячу лет (роман).

1. Изд. П. П. Сойкин, Л., 1927, 112 стр.

НОРОВ ПАВЕЛ

Сокровище Черного Принца (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 9.

Пигментин доктора Роф (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 6.

ОКУНЕВ ЯКОВ МАРКОВИЧ

Катастрофа (повесть).

1. Изд-во «Молодая гвардия», М.—Л., 1927, 103 стр.

ОРЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР

Бунт атомов (рассказ).

1. «Мир приключений», 1927, № 3.
2. Переработан в роман. Изд-во «Прибой», Л., 1928, 238 стр.

Из другого мира (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 9.
- Опубликован под девизом: «DUM IGNORAMUS».

ПАЛЕЙ АБРАМ РУВИМОВИЧ

Гольфштрот (повесть).

1. Журн. «Смена», 1927, № 13—17.
 2. М., 1928 («Биб-чка «Огонек», № 404), 52 стр.
- Опубликована под названием «Гольфштрет».

ПАНКОВ Д.

Ассепсанитас (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 11—12.

ПРУССАК М.

Гости Земли (повесть).

1. ГИЗ, М. — Л., 1927, 96 стр.

РОССИХИН Л. М.

Неронит (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», М., 1927, № 8.

РЮМИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Голубая гора (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 2.

Пандинамий (рассказ).

1. Журн. «В мастерской природы», 1927, № 1.
(Опубликован под псевдонимом МЮР Н. И.)

Секрет инженера Кнакса (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 12.

СЕМЕНОВ С. А.

Подземные часы (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 8.

Тайна ископаемого черепа (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 7.

ТАН (БОГОРАЗ) ВЛАДИМИР ГЕРМАНОВИЧ
Жертвы дракона (роман).

1. Изд. П. П. Сойкин, Л., 1927, 160 стр. +

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
Гарин-диктатор (Вариант заключительной части романа.)

1. Журн. «Красная новь», 1927, № 2.

ШИШКО АНАТОЛИЙ ВАЛЕРИАНОВИЧ
Аппетит микробов (роман).

1. Изд-во «Молодая гвардия», М.—Л., 1927, 213 стр.
Конец здравого смысла (повесть).

1. Журн. «30 дней», 1927, № 4—5.

2. ЗИФ, М.—Л., 1927, 143 стр.

ЯЗВИЦКИЙ ВАЛЕРИЙ ИОИЛЬЕВИЧ
Остров Тасмир (повесть).

1. ГИЗ, М.—Л., 1927, 229 стр. + 4 стр. объявлений.

КАДУ РЕНЭ
(Общий псевдоним В. Пиотровского и О. Савича).
Атлантида под водой (роман).

1. Изд-во. «Круг», М. 1927, 312 стр.

В журнале «30 дней» в № 11 за 1927 год были опубликованы ответы писателей на вопрос журнала о том, как они представляют себе будущее:

АСЕЕВ Н., Что будет? **БЕРЕЗОВСКИЙ Ф.**, Будет вот что... **ГЛАДКОВ Ф.**, Через сто лет. **ЖАРОВ А.**, Будет все, не будет только нас. **ЗАВАДОВСКИЙ Л.**, Провинция через сто лет. **КАСАТКИН И.** (без названия), **ЛАРИН Ю.**, Будущее. **НИЗОВОЙ П.**, Сон будет правдой. **НИКИФОРОВ Г.**, Борьба за будущее. **НИКУЛИН Л.**, Так будет. **РОМАНОВ П.**, Гражданин будущего. **ТРЕНЕВ К.**, Будущее Крыма. **ЯКОВЛЕВ А.**, Главное, чтобы люди были счастливы. **ЯСИНСКИЙ И.**, Не сказка.

1924

Атавизм.

1. МЕА. Собр. стихов 1922—24 гг. М., 1924.
2. Избр. стихи. Изд-во «Akademia», 1933.

Как листья в осень.

1. МЕА. Собрание стихов 1922—1924 гг. ГИЗ, М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Машины.

1. МЕА. Собр. стихов 1922—1924 гг., М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

1923

Грядущее.

1. «Красная Нива», 1923, № 2.

Тоска по будущему.

1. Журн. «Зори» (Н. Новг.), 1923, № 4.

Первая мастерская.

1. Журн. «Зори» (Л.), 1923, № 1 (44).

1922

Атом.

1. «Московский понедельник» № 14 от 18 сентября.
2. См. «Мир электрона» в 1924 г.

Грядущий гимн.

1. Миг. Стихи 1920—1921 гг. Изд. З. И. Гржебина, Пб.— Берлин, 1922.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

1920 1918

Голос иных миров.

1. Опыты. Кн-во «Геликон», М., 1918.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Ладомир (поэма).

1. Харьков, 1920 (13 августа). Литографированный оттиск с рукописи.
ЛЕФ, 1923, № 2 (другой вариант).
2. Стихотворения и поэмы (малая серия библиотеки поэта, 3-е изд.), Л., 1960.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

ИЛЬИНА ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА

Шоколад (утопич. повесть в стихах).

1. Изд-во «Книгопечатник», М., 1922.
2. Изд-во «Красная новь», М., 1924.

АШУКИН НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ

КАТАЕВ ИВАН

ЧЕТВЕРИКОВ ДМИТРИЙ

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

1925

Мир электрона.

1. МЕА. Собр. стихов 1922—1924 гг., М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
(Другие названия: 1. Атом, см. 1922 г.
2. Мир электронов. См. Избранные произведения в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 3.)

Мир N измерений.

1. МЕА. Собр. стихов 1922—1924 гг., М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Невозвратность

1. МЕА. Собр. стихов 1922—1924 гг., М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Когда стоишь ты в звездном свете.

1. «Красная газета» № 246 от 9/10 1925 года.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Летающий пролетарий (поэма).

1. Журн. «Красная нива», 1925, № 17.
(Отрывок под названием «Даешь небо!»)
2. Собр. соч. в 13 т., т. 6, М., 1957.

1926

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

В дни запустений.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 1+.
2. Стихотв. и поэмы. (Большая серия «Биб-ки поэта», 2-е изд.)

В неоконченном здании.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 1+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Детские упования.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 3+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Земля молодая.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 3+.
2. Избр. стихи. Изд-во «Akademia», 1933.

К счастливым.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 2+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Предвещание.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 3+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

При электричестве.

1. Журн. «Новый мир», 1926, № 12.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

С кометы.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 1+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Сын Земли.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 3+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Хвала Человеку.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 2+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Я провижу гордые тени.

1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 3+.
2. Стихотв. и поэмы. (Большая серия «Биб-ки поэта», 2-е изд.) Л., 1961.

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ**Что будет!**

1. Журн. «30 дней», 1927, № 11.

ЖАРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ**Будет все, не будет только нас...**

1. Журн. «30 дней», 1927, № 11.

1925

Производство «Севзапкино» (Ленинград). 7 частей, 2574 м. Автор сценария и режиссер С. Тимошенко. Оператор С. Беляев. Художник Е. Еней. Пом. режиссера Г. Ряпопорт.

В ролях: Е. Боронихин (Ганнимер, инженер-химик), И. Таланов (военный министр), Р. Рубинштейн (Джим Дуган, король анилины), О. Спирова (Ирма Грант, летчица), Н. Фридлянд (Беатриса Грант), П. Подваль-

1924

Производство «Межрабпом-Русь». 8 частей, 2841 м. Авторы сценария: Ф. Оцеп, А. Толстой, А. Файко. Режиссер Я. Протазанов. Операторы: Ю. Желябужский, Э. Шюнеман. Костюмы А. Экстер. Художник-декоратор С. Козловский. (Эскизы В. Симова и И. Рабиновича). Грим Н. Сорокин. В ролях: И. Ильинский (Кравцов, сыщик), Ю. Солнцева (Аэлита), Н. Церетели (Лось, вторая роль — Спиридонов), Н. Баталов (Гусев), В. Орлова (Маша, жена Гусева), В. Куинджи (Наташа, жена Лося), П. Поль (Эрлих, спекулянт), Н. Третьякова (жена Эрлиха), К. Эггерт (Тускуб), Ю. Завадский (Гор), А. Перегонец (Ихошка, рабыня Аэлиты), И. Толчанов (астроном), С. Левитина (преддомкома), Г. Волконская (дама на балу), В. Массалитинова, Г. Кравченко, Т. Адельгейм, М. Жаров, Н. Рогожин, Н. Вишняк.

3. МЕЖПЛАНЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Производство ГТК. 1 часть — 350 м. Мультфильм. Режиссеры и художники: З. Комиссаренко, Ю. Меркулов, Н. Ходатаев. Оператор В. Алексеев. (Пародия на кинофильм «Аэлита».)

4. НАПОЛЕОН — ГАЗ.

1919

1. ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА.

Производство Госкиношколы и ВФКО. Метраж неизв. Экранизация отрывков из романа Д. Лондона. Авторы сценария: В. Гардин и А. Луначарский. Режиссеры: В. Гардин, Л. Леонидов, Т. Глебова, Е. Иванов-Барков, О. Преображенская, А. Горчилин и др. Операторы: А. Левицкий, Г. Гибер. Худ. Т. Глебова. В ролях: А. Горчилин (Джексон, рабочий), О. Преображенская (Эвиз), Н. Знаменский (Эвергард), Л. Леонидов (Уиксон), А. Шахалов (профессор), И. Худолеев, О. Бонус и др. Фильм не сохранился.

2. АЭЛИТА.

ный (гл. инженер), Е. Чайка (Наталья Ивановна, инструктор), С. Галич (Герберт Бэлл, рабочий), В. Ланде (Элли Форстетт, работница), П. Кузнецов (архиепископ), П. Шидловский (военком обороны Ленинграда), К. Гибшман. (Тема: Героиня видит сон. Война, химическое нападение на Ленинград, захват пригородов врагом.)

5. ГЕНЕРАЛ С ТОГО СВЕТА.

Производство ВУФКУ (Одесса). 2 части, 763 м. Авторы сценария: Н. Борисов, В. Владимиров. Режиссер П. Чардынин. Оператор Б. Завелев. Художник И. Суворов.

В ролях: М. Ляров (Скулодробов, генерал), А. Мальский (поп), А. Симонов (дьякон), М. Чардынина-Барская (мальчик-чистильщик), Г. Спранце (Бино, директор), Д. Эрдман (прохожий).

(Тема: Похождения царского генерала, пробудившегося от летаргии в 1927 году.)

6. КОММУНИТ (РУССКИЙ ГАЗ).

Производство ЮВкино-комсомол, Ростов н/Д, 6 частей, 1700 м.

Автор сценария А. Попов. Режиссер Я. Морин. Оператор Ф. Назаров. Художник П. Бетаки.

В ролях: Лянце (Анна Крукс), Бановский (Брянцев), В. Шеховский (Дубравин), Арнольдов (Раевский), С. Брюмер (работник ГПУ).

(Сюжет построен на изобретении парализующего газа.) Фильм не сохранился.

7. ЛУЧ СМЕРТИ.

Производство 1-й ф-ки Госкино. 8 частей, 2898 м.

Автор сценария В. Пудовкин. Режиссер Л. Кулешов. Оператор А. Левицкий. Художники В. Пудовкин, В. Рахальс. Ассист. режиссера А. Хохлова, В. Пудовкин, С. Комаров, Л. Оболенский.

В ролях: П. Подобед (Подобед, инженер-изобретатель), В. Пудовкин (Патер Рево, фашист), С. Комаров (Томас Ланн, рабочий, руководитель восстания), В. Фогель (Фог, фашист), А. Хохлова (женщина-стрелок. Вторая роль — сестра Эдит), Н. Стравинская (дочь кочегара), А. Горчилин (Рапп, электротехник), А. Чекулаева (жена Раппа), Л. Страбинская (Шура, ассистентка Подобеда), П. Галладжев (Руллер, дирек-

тор завода. Вторая роль — директор цирка), В. Пильщиков (племянник Руллера, управляющий заводом), Д. Оболенский (майор Хард, глава фашистов), Ф. Иванов, А. Громов, М. Доллер, С. Слетов, А. Константинов, Л. Кулешов.

Фильм сохранился без 4-й части.

8. МИСС МЕНД (Приключения трех репортеров).

Производство «Межрабпом-Русь». 1-я серия — Письмо мертвеца, 7 частей, 1700 м. В 1957 году озвучено 7 частей, 2034 м. 2-я серия — Преступление двойника, 7 частей, 1700 м. В 1957 году озвучено 7 частей, 1959 м. 3-я серия — Смерть по радио, 7 частей, 1700 м. В 1957 году озвучено 6 частей, 1668 м. Авторы сценария: В. Сахновский, Ф. Оцеп, Б. Барнет. Режиссер Ф. Оцеп. Сорежиссер Б. Барнет. Оператор Е. Алексеев. Художник В. Егоров. Пом. режиссера Л. Туманов.

В ролях: Н. Глан (мисс Вивиан Менд, машинистка), И. Ильинский (Том Гопкинс, клерк), В. Фогель (фотограф-моменталист), Б. Барнет (репортер), С. Комаров (Чиче), И. Коваль-Самборский (Артур Сторн), М. Розен-Санин (Гордон Сторн, отец Артура), Н. Розенель (Элизабет Сторн), С. Гец (племянник мисс Вивиан), Таня Мухина (Колька-беспризорник), П. Полторацкий (редактор газеты), П. Репнин (бандит), В. Уральский (полисмен), М. Жаров (половой).

(Сюжет построен с использованием двух романов М. Шагинян: 1. «Месс Менд, или янки в Петрограде», 2. «Лори Лэн — металлист»).

Фантаст читает письма...

В 1-м и во 2-м выпусках сборника «Фантастика, 1966» (издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия») была помещена анкета для любителей научной фантастики. Мы публикуем обзор ответов на нее, подготовленный писателем Владимиром Савченко.

* * *

96 писем — среди них два групповых — всего 112 заполненных анкет. Стало быть, 112 человек откликнулись на анкету. Если учесть незначительный тираж сборника, — отзыв солидный.

Начнем с конца. Вопрос 8. «Укажите Ваш возраст, пол, образование, профессию». Что они за люди, читатели фантастики? А то ведь, действительно, пишешь — как в прорубь...

Итак, возрастная статистика:

От 13 до 20 лет	39 человек
» 20 » 30 »	33 человека
» 30 » 40 »	20 человек
» 40 » 50 »	6 »
» 50 » 60 »	6 »
» 60 » 70 »	3 человека
Свыше 70 »	1 человек
Не указали возраст	4 человека

Минимальный возраст — 13 лет, максимальный — 72 года; дифференциальный максимум приходится на диапазон 15—25 лет (52 человека). Поскольку общее число корреспондентов близко к 100, проценты можно не вычислять.

Образование:

Неполное среднее	21 человек
Среднее	37 »
Незаконч. высшее	12 »
Высшее	38 »
Не указали	4 человека

Профессии и социальные состояния... ну, здесь кого только нет! Рабочие: токари, слесари, монтажники, электрики, наладчики; причем большинство из них где-то учатся; школяры, студенты вузов и техникумов, преподаватели вузов и техникумов, учителя, военнослужащие, инженеры, врачи, библиотекари, физики, биологи, экономист, журналисты, чабан, матлингвист — и даже один пожарник. Ноев ковчег! Впрочем, с двумя характерными особенностями: преобладают городские занятия (это, пожалуй, можно объяснить тем, что до села фантастика ныне почти не доходит), и почему-то среди любителей фантастики лидируют мужчины (мужчин — 87, женщин — 22, не указали пол — 3). Думаю, что такое соотношение должно глубоко огорчить всех фантастов-мужчин...

Итак, можно представить лицо аудитории. По возрастному составу она несколько более молодежная, чем у «классических» жанров, но именно несколько более, а не на 100 процентов молодежная. Точнее всего сказать, аудиторию составляют люди активного (в смысле познания и деятельности) возраста. Образовательный уровень довольно высок — пожалуй, выше, чем у иных жанров. И наконец, явное (четыре к одной) преобладание лиц «мужеска пола» — это, кстати, соответствует и моим личным наблюдениям.

Большая часть ответов написана читателями, достаточно осведомленными в нашей и зарубежной фантастике — им, собственно, анкета и адресовалась. Сами ответы невозможно уложить в прокрустово ложе статистических таблиц: большая часть их не сводится к «да» или «нет» — собственно, вопросы анкеты и не строились в расчете на «да—нет». Люди высказывают развернутые суждения (иной раз даже слишком развернутые), советуют, затрагивают новые темы — словом, чувствуют себя не потребителями фантастики, а лицами, **сопричастными** к ее становлению и развитию.

* * *

Итак, вопрос 1-й. **«Что более всего интересует Вас в фантастическом произведении: сюжет, образы или научные идеи и проблемы? Философские идеи и проблемы? Социальные идеи и проблемы?»**

Интересует все — да плюс к тому еще и лирика, и юмор, и сатирические применения фантастики (именно сатирические, а не пародийные). Однако такая дифференциация вопроса оказалась далеко не излишней, она позволила выделить то, чем фантастика, собственно, и отличается от иных жанров и что интересует **более всего**: идеи и проблемы. «...идеи, выдвинутые не только для сюжета», — уточняет инженер-строитель В. Бурлак из украинского города Сумы. «Человек

и все проблемы, связанные с ним», — дополняет студентка пединститута из Орехово-Зуева. «...в фантастических произведениях я считаю главным философско-социальное направление», — врач-рентгенолог 36 лет.

А вот более глубокий и общий ответ, чем его предполагали куцые, рассчитанные на средний уровень анкетные вопросы: «Увидеть мир глазами другого человека, который увидел мир с другой точки зрения, увидел и удивился и это удивление сумел передать людям» (А. Нарбуева, чабан, 20 лет, из Читинской области).

Вопрос 2-й. «Считаете ли Вы художественные достоинства главным в фантастике? Если нет, то что, по Вашему мнению, является в ней главным (идеи, занимательность сюжета и т. д.)?»

И снова в статистике ответов можно выделить примат идеи — большой гуманистической идеи, как уточняют некоторые читатели. «Пусть произведение написано чистым художественным языком, будут оригинально подобраны сюжеты и даны интересные образы, но если не будет идеи, можно считать, что фантастика не удалась» (та же девушка-чабан из Читинской области).

Однако нет оснований подгонять разнообразие ответов на этот вопрос под одну тенденцию. Вот набор наиболее четко выраженных мнений:

Главное — идеи, «которые предсказывают заранее появление в обществе тех или иных социальных явлений, событий, технических изобретений и философских воззрений» (электрик, 29 лет, из Джанкоя).

«Главным в фантастике я считаю проблемы мира», — пишет ученица Ирина Янунцева из Новостроевска.

«Главное достоинство в фантастике, по-моему, в идее. Любая самая блестящая упаковка не в силах заменить содержание» (геолог О., 31 год).

«Никакой занимательный сюжет или идея не могут компенсировать недостаток художественных достоинств в фантастическом произведении» (В. Волков, 28 лет, из Александровска Владимирской области).

«По правде говоря, для меня художественные достоинства не самое главное в фантастическом произведении...» (Сергей Почекунин, 16 лет).

«...обычно читатель интересуется фантастикой с занимательным сюжетом, и чтобы все кончалось хорошо» (П. Енько, 22 лет).

ЗаклЮчить стоит ответом, данным в иной плоскости: «...главное в фантастике — ее правдивость, основанная на изучении жизни, ее законов, — пишет Ю. Фартушинский, студент, 21 год. — ...Это не

означает отход с позиций фантастики, но будет меньше работ с абсолютно безжизненными, надуманными ситуациями (как в сборниках «З далеких планет», «Хто ти?» и других работах Бердника, «Гриаде» Колпакова и др.)».

Этот товарищ, по-моему, ухватил самую суть.

**Вопрос 3-й. «Помогают ли Вам фантастические произведения разоб-
раться в современной действительности, в проблемах мира и нашего
общества, в тенденциях научного прогресса? Если да, то какие имен-
но и в чем?»**

Явно преобладают положительные развернутые ответы. Ответы про-
тивоположного толка: фантастика как средство отдыха или «не помо-
гают, скорее наоборот: окончательно сбивают с толку» (студентки из
Орехово-Зуева) — единичны.

«...Помогают в морально-этическом плане. Вера в научный прогресс
укрепляется. Человек никогда не будет животным — в этом убежда-
ют Ефремов, Стругацкие, Лем, Брэдбери, Шекли. Ни при каких ус-
ловиях разумная жизнь, раз возникнув, не исчезнет» (журналист
К. Богданович из Красноярска).

«...Фантастика делает человека наблюдательным, интересующимся,
ищущим. Лично мне она помогает в работе» (техник-электрик Иржик
Мамедов, 30 лет).

«...Научная фантастика заставляет задуматься о проблемах миро-
вого масштаба, оторваться от повседневной работы и взглянуть на
себя и на все окружающее как бы со стороны — например, из буду-
щего или, наоборот, из прошлого — и оценить как-то по-новому свою
деятельность» (учительница математики, 27 лет).

«...Фантастику я любил и люблю за то, что она заставляет думать.
Прочитав талантливое фантастическое произведение, я часто обра-
щаюсь к соответствующей научной литературе, чтобы лучше разо-
браться в идеях и проблемах, поднятых в прочитанном произведении»
(инженер-энергетик, 62 лет).

«...Вот перечень наук, с которыми я соприкоснулся косвенным об-
разом благодаря фантастике: звездоплавание, астрономия, космиче-
ская медицина, космобиология, биология вообще, археология, геология,
кибернетика и хороший контакт с социальными проблемами, фи-
лософией. Я вынес какие-то знания, понятия о каждой науке» (военно-
служащий-радист, 20 лет).

«...Совершенно определенно могу сказать, что понять и почувство-
вать такое явление в истории, как фашизм, мне помогла повесть
Стругацких «Трудно быть богом» (геолог-разведчик из Минусинска).

«...Как прочтешь хорошую фантастическую вещь, начинаешь и на

современную жизнь смотреть иначе, как человек другого времени. И плохое в нашей жизни сильнее бьет тебя по нервам и хорошее сильнее радует. И хочется бороться, чтобы скорее пришла такая жизнь, о которой только что прочел!» (рабочий Трехгорки, 21 год).

Вопрос 4-й. «Помогает ли Вам фантастика понимать, осмысливать новое в нашей жизни? Стимулирует ли фантастика Ваше личное творчество в области науки, изобретательства, литературы, искусства?»

На первую часть вопроса в ответах следует почти единодушное «да, помогает». Что же касается личного творчества, то далеко не все читатели с этой штукой на «ты», многие уклоняются от ответа. Но... впрочем, лучше снова прибегнуть к цитированию.

«...Именно фантастика в значительной степени развила мою любознательность, толкнула меня на более широкое узнавание проблем времени и пространства, теории относительности, квантовой теории, новейших гипотез и достижений в микромире, астрономии и т. д.

...Весьма возможно, что и в других условиях меня эти вопросы и не занимали бы... Привить любовь к Н. Ф. — это первый шаг в любви к науке, стремлении к познанию мира». (Я. С. Добрин-Туловский из Череповца, инженер-механик, 57 лет).

«...Фантастика помогает мне верить в силу человеческого разума, ну, а как стимула я ее влияния не ощущал» (техник-конструктор Н., 22 лет).

«...Фантастика в моем возрасте является как интерес к чему-то новому, чего не дают в школе» (школьница, 16 лет).

«...Единственно чем помогает, так тем, что помогает смотреть на все недостатки как на временное явление: жизнь свое возьмет» (электромонтер О. Э. Шрейпуль, 30 лет).

«...Широкое знакомство со всеми видами фантастической литературы учит трезво смотреть на все явления жизни, находить интересное во всем окружающем. Фантастика воспитывает оптимизм и веру в безграничные возможности разума, излечивает от косности и шаблона в мышлении» (офицер Щербавский, 36 лет).

«...Фантастика помогает снять путы обыденного, сковывающие наш мозг. И уже одним этим стимулирует творчество» (выпускник ЛГУ, 30 лет).

«...Особенно здорово помогает в области науки и техники. Я читаю очень много технической литературы, интересуюсь всеми новейшими достижениями» (студент Н. Догунков, 18 лет).

«...Личного творчества у меня пока нет, но есть мечта, и фантастика постоянно требует: стремись, стремись всем разумом к ее осуществлению!» (П. Енько).

«...Знаете, после хорошей фантастики всегда охота совершить что-нибудь хорошее, изобрести что-нибудь полезное для своей страны, для всего мира наконец» (Виталий Мирошниченков из Армавира, 17 лет).

Нет, стоит писать фантастику! Это не забегаловка-развлекаловка, не воскресное чтение... Ради одних таких ответов — стоит. Ведь что может быть важнее, чем заставить современного человека самостоятельно мыслить — и в соответствии с этим умно поступать? Не забивать ему голову прописями, а, наоборот, толкнуть к **своим** мыслям — разок, другой, третий, — а там он почувствует вкус в этом занятии, уверует в свои возможности — и дело пойдет!

И фантастика, выходит, важный инструмент интеллектуального формирования человека. Впрочем, приглушим фанфары. Не все еще хорошо и далеко не на полную мощность работает в этом направлении фантастика. «Фантастика... редко освещает нашу действительность, и поэтому с ее помощью осмысливать новое в нашей жизни трудно» (преподавательница вуза, 40 лет).

Избегают братья-фантасты злых земных проблем, что и говоритесь! Так что упрек вполне справедливый...

Вопрос 5-й. «Какие проблемы занимают Вас? Какие из них советская фантастика отражает, по Вашему мнению, недостаточно?»

Ей-богу, надо было бы спрашивать, какие проблемы не занимают — тогда обрабатывать результаты опроса было бы гораздо проще. Потому что все проблемы занимают: почти в каждом письме их целый перечень. И отражением многих из них в нашей фантастике читатель далеко не удовлетворен.

Пути развития человечества.

Проблемы будущего (да, именно проблемы, которые ожидают нас в будущем, а не просто показ сусально-прекрасных вариантов этого будущего).

«...Проблема ответственности перед людьми за свои поступки... В полную силу ее никто не отражал, даже в научной фантастике» (журналист Богданович).

Проблемы возможности термоядерной войны и мирного сосуществования. Проблема полного познания Человека и жизни.

«В массе произведений советских фантастов Человек существует постольку, поскольку он обязан присутствовать. Он бездушен. Стандартен. Обидно...» (военнослужащий Фидянин, 21 год).

«...Психология и взаимоотношения людей в будущем обществе. Эти проблемы коммунистического общества наша фантастика показывает робко и часто примитивно» (инженер-конструктор, 44 лет).

«...Проблемы воспитания. (Самой жгучей проблемой, на мой взгляд, по моей профессии является вопрос о половом воспитании школьников, учащихся техникумов и вообще молодежи 14—18 лет», — пишет преподаватель техникума из Луганска.

Что и говорить, на сей счет наша фантастика — да и не только фантастика — может предложить лишь поношенный фиговый листок...)

Проблема развития искусств.

Само собой, перечисляется масса научных проблем: пространство — время, элементарные частицы и строение материи, тяготение, бессмертие, телепатия, создание искусственного разума, возможность эволюции животных до разумных существ, эволюция растений, люди и роботы, искусственные биопроцессы, математическое и кибернетическое отражение реальности... Словом, все проблемы всех наук.

«...Мне хочется что-нибудь вроде деформации пространства — времени в складках дезплузионных слоев при наложении параллельных пространств», — излагает читатель В. Рыбак, 13 лет (пол: мальчишка). Помяните меня, из этого парня будет толк!

Но более всего читатель (видимо, понимая, что сами по себе научные проблемы решают не так уж и много) напирает на дела человеческие, общественные, социальные. Недостаточно, по мнению лаборанта В. Беловодского из Донецка, отражает наша фантастика проблемы уничтожения фашизма и насилия человека над человеком и проблему «возвращения человеку духовных забот».

Вот мнение инженера-электромеханика, возраст 51 год: «Материально-технический фундамент коммунизма мы создаем. Знаем, как это сделать, и создадим его. Но, когда строят фундамент, должен быть проект всего здания. ...Фантасты должны... изобразить вероятные этапы формирования нашего общества в ближайшее после окончания закладки фундамента время.

Так думают и многие другие почитатели фантастики.

Вопрос 6-й. Какие произведения современных советских писателей фантастов Вам нравятся?»

На первых местах, разумеется, сочинения И. Ефремова и А. и Б. Стругацких. У Ивана Антоновича наиболее выделяют «Туманность Андромеды», «Сердце Змеи» и «Лезвие бритвы», у братьев — «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Далекая Радуга», «Улитка на склоне», «Понедельник начинается в субботу».

Хорошо отзываються читатели и о работах А. Днепрова, Е. Парнова и М. Емцева, И. Варшавского. В положительном смысле высказываются о сочинениях С. Гансовского, О. Ларионовой («Леопард с вер-

шины Килиманджаро»), С. Снегова («Люди как боги»; кстати, у Г. Уэллса тоже было «Люди как боги»), Г. Гуревича («Мы — из солнечной системы»), Г. Альтова.

И, наконец, самый легкий вопрос 7. **Какие произведения данного сборника Вам более всего понравились?**

В первом выпуске «Фантастики, 1966» читателям более других понравились рассказы «Седьмой этаж» Аркадия Лыкова, «Обсидиановый нож» А. Мирера, «И увидел остальное» Е. Войсунского и И. Лукодянова, новеллы В. Григорьева, Д. Биленкина, пьеса «Новое оружие».

Отзывы о повести Николая Амосова «Записки из будущего» противоречивы: многие читатели просто не относят ее к жанру фантастики.

Из сочинений второго выпуска читатели наиболее выделяют «Глубокий минус» В. Михайлова, «Сумерки на планете Бюр» Войсунского же и Лукодянова, «Возвратите любовь» Е. Парнова и М. Емцева.

Надо заметить, что для части читателей этот вопрос оказался не таким уж и легким. «К сожалению, еще не читал, — отвечает, к примеру, на него инженер Коваленко. — Тираж сборника, как и фантастики вообще, очень мал и достать его крайне трудно». Из сотни с лишком корреспондентов только один высказывает свое мнение о содержании и первого и второго выпусков сборника; остальные читали либо первый, либо второй выпуск, либо вообще не читали, а просто из вторых рук получили анкету.

Не удивительно, что в очень многих письмах читатели сверх анкетной программы поднимают вопрос о тиражах фантастики.

Можно говорить о незрелости и неразборчивости вкусов довольно значительной части читателей, благодаря чему из-за какой-либо вздорной «изюминки» или «малинки» становятся популярными произведения беспомощные, бездарные, спекулятивные. Такие случаи (а они нередки и в применении к фантастике) настораживают и критиков, и авторов, и издателей, а иной раз приводят и к тому, что читательское мнение (основное по принципиальному значению) не принимается всерьез в расчет.

Можно говорить и о том, что веяния хозяйственной реформы до книгоиздательского дела еще не дошли: за издание плохих книг никто материальной ответственности не несет (и за написание таких книг тоже), за издание талантливых книг никто не поощряется. В какой-то степени здесь еще господствует вал: издано столько-то тысяч повестей, романов, сборников... «поднято ярости масс — три», как писали И. Ильф и Е. Петров.

О многом можно говорить. Но есть и конкретное предложение:

почаще высказывайте свое мнение о конкретных произведениях, читатели. Не ждите анкет, не жалейте четырех копеек на конверт с маркой и двух-трех часов на продуманное письмо — это в конечном счете окупится. Нельзя обещать, что каждое читательское мнение будет учтено, но если оно не будет высказано, оно уж точно не будет учтено. Пишите в газеты, в издательства. Поймите: вас много, и вы — сила.

И надо сказать, разумная сила. Опыт этой анкеты показывает, что большинство суждений читателей зрелы, компетентны, ответственные и — что выгодно отличает их от некоторых критических статей — недемагогичны. На мнение читателей фантастики можно и должно ориентироваться.

Хочется закончить обзор цитатой из письма преподавательницы математики 27 лет: «Я впервые пишу в редакцию и впервые отвечаю на анкету о книгах. Делаю это только потому, что очень люблю фантастику и переживаю за нее».

Вот ведь как...

От Москвы до Витима...

В январе — марте 1967 года Клуб любителей фантастики МГУ проводил анкетный опрос читателей. В нем приняли участие 304 студента (группа «С») — МГУ, ЛГУ и Владимирского педагогического института (естественные факультеты); 215 представителей московской и ленинградской научной интеллигенции (группа «И»), а также 185 школьников (группа «Ш») — 100 человек из двух школ Москвы (№ 342 и № 444), 30 из Ленинграда, 30 человек из села Селижарово Калининской области и 25 — из поселка Вигим Якутской АССР.

Средний возраст группы «Ш» — 15 лет; «С» — 20 лет; «И» — 32 года.

Анкеты заполнили также 36 писателей-фантастов из Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Калининграда и Свердловска («Литераторы» — группа «Л») и 33 московских и ленинградских критика, журналиста и редактора, занимающихся фантастикой, — «Журналисты» — группа «Ж».

Чтобы определить, насколько можно полагаться на память читателей, в список книг была включена (под № 41) несуществующая книга «Долгие сумерки Марса» несуществующего автора Н. Яковлева. Кстати, коэффициент читательского восприятия (что такое КЧВ — см. дальше) этой «книги» оказался гораздо выше, чем у некоторых реально существующих произведений.

Интересно отметить очень хорошее совпадение оценок по группам «С», «И», «Л». В первой пятерке любимых авторов по всем трем группам названы одни и те же писатели: Лем, Стругацкие, Брэдбери, Азимов, Ефремов (разница лишь в порядке).

По всем группам рекордно высокий коэффициент читательского восприятия у романа Стругацких «Трудно быть богом». Книги Лема, Стругацких, Брэдбери, Шекли устойчиво лидируют по всем группам. Надо отметить, что по группе «Ш» нижняя грань КЧВ выше, чем по прочим группам, ибо, как выяснилось, школьники менее строги в своих оценках.

Примерно такой же анкетный опрос был проведен в Баку секцией фантастики Союза писателей республики. Данные обоих опросов практически совпадают.

Анкета показала, что сейчас существует обширный контингент читателей, активно интересующихся научной фантастикой и следящих за ее новинками. К нему нужно отнести не менее трети от каждой группы опрошенных. Подавляющее большинство читателей одобряет идею создания специального журнала научной фантастики. Читатели указывают, что во главе журнала должны стоять люди с безупречным литературным вкусом, образованные в научном и философском отношении.

Большинство читателей в группах «С» и «И» считают, что нашей фантастике недостает смелости в постановке общественных проблем, предвидения социальных последствий развития науки. Общее требование читателей, высказанное во многих анкетах: наша фантастика должна стать социально значимой, от нее нужно требовать столь же высоких художественных достоинств, как и от всей литературы.

Эти комментарии к анкетному опросу, конечно, весьма неполны. Многое еще предстоит выяснить и обобщить, но основной вывод ясен: читатели признают и приветствуют умную, современную, остро-социальную фантастику и решительно отвергают ремесленнические подделки под нее, которые, к сожалению, еще встречаются в нашей литературе.

* * *

Перейдем к отдельным, частным вопросам наших анкет.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: «Как Вы относитесь к современной фантастической литературе?»

Предпочитают ее другим жанрам:

группа «С» — 17% (напомним, что в опросе принимали участие 304 студента); 14% — группа «И» (из 215 научных работников), группа «Ш» — 17% (из 185 школьников); группа «Л» — 16% (из 36 литераторов); группа «Ж» — 9% (из 33 журналистов).

Читают наравне с другими жанрами:

«Ш» — 72%, «С» — 69%, «И» — 70%, «Л» — 75%, «Ж» — 82%.

Предпочитают другие жанры:

«Ш» — 11%, «С» — 14%, «И» — 16%, «Л» — 11%, «Ж» — 9%.

ВОПРОС ВТОРОЙ: «Следите ли Вы за новинками современной фантастики?»

Да: «Ш» — 31%, «С» — 37%, «И» — 37%, «Л» — 64%, «Ж» — 61%.

Нет: «Ш» — 14%, «С» — 10%, «И» — 14%, «Л» — 3%, «Ж» — 0%.

От случая к случаю: «Ш» — 55%, «С» — 53%, «И» — 49%, «Л» — 33%, «Ж» — 39%.

ВОПРОС ТРЕТИЙ: «Читаете ли Вы статьи, посвященные научной фантастике?»

Регулярно: «Ш» — 8%, «С» — 13%, «И» — 13%.

Иногда: «Ш» — 57%, «С» — 66%, «И» — 69%.

Не читают: «Ш» — 35%, «С» — 19%, «И» — 20%.

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ: «Что Вы прежде всего ищете в фантастике?»

1. Острый сюжет: «Ш» — 38%, «С» — 30%, «И» — 33%, «Л» — 16%, «Ж» — 30%.

2. Логику раскрытия тайны: «Ш» — 50%, «С» — 25%, «И» — 26%, «Л» — 6%, «Ж» — 18%.

3. Парадоксальность, неожиданный взгляд на привычные вещи: «Ш» — 28%, «С» — 70%, «И» — 62%, «Л» — 67%, «Ж» — 64%.

4. Новые технические идеи: «Ш» — 28%, «С» — 19%, «И» — 19%, «Л» — 12%, «Ж» — 6%.

5. Рассказ о будущем звездоплавания, кибернетики, биологии и прочих наук: «Ш» — 34%, «С» — 14%, «И» — 14%, «Л» — 3%, «Ж» — 6%.

6. Размышления о социальных последствиях развития науки: «Ш» — 16%, «С» — 56%, «И» — 60%, «Л» — 70%, «Ж» — 64%.

7. Рассказ о поведении человека в необычайных, фантастических обстоятельствах: «Ш» — 46%, «С» — 41%, «И» — 32%, «Л» — 25%, «Ж» — 58%.

8. Описание повседневной жизни людей в будущем: «Ш» — 30%, «С» — 14%, «И» — 15%, «Л» — 25%, «Ж» — 15%.

9. Изображение будущего, его структуры, социальных проблем будущего: «Ш» — 30%, «С» — 38%, «И» — 41%, «Л» — 53%, «Ж» — 54%.

ВОПРОС ПЯТЫЙ: «Чего, по Вашему мнению, недостает современной фантастике?»

1. Принципиально новых фантастических идей: «Ш» — 35%, «С» — 48%, «И» — 38%, «Л» — 39%, «Ж» — 30%.

2. Предвидения будущих научных проблем: «Ш» — 15%, «С» — 23%, «И» — 27%, «Л» — 16%, «Ж» — 15%.

3. Предвидения социальных последствий развития науки: «Ш» — 9%, «С» — 30%, «И» — 40%, «Л» — 36%, «Ж» — 42%.

4. Художественной убедительности в изображении мира науки: «Ш» — 19%, «С» — 44%, «И» — 41%, «Л» — 19%, «Ж» — 27%.

5. Просто приключений: «Ш» — 26%, «С» — 11%, «И» — 10%, «Л» — 19%, «Ж» — 27%.

6. Ярких характеров: «Ш» — 23%, «С» — 43%, «И» — 34%, «Л» — 56%, «Ж» — 58%.

7. Смелости в постановке общественных проблем: «Ш» — 14%, «С» — 42%, «И» — 58%, «Л» — 72%, «Ж» — 70%.

8. Социальной сатиры: «Ш» — 23%, «С» — 31%, «И» — 37%, «Л» — 25%, «Ж» — 36%.

9. Умения показать будущего человека, его новые качества: «Ш» — 20%, «С» — 29%, «И» — 24%, «Л» — 42%, «Ж» — 36%.

ВОПРОС ШЕСТОЙ: «Одобряете ли Вы идею создания ежемесячного журнала научной фантастики?»

Да: «Ш» — 85%, «С» — 84%, «И» — 80%, «Л» — 81%, «Ж» — 85%.

Нет: «Ш» — 0%, «С» — 4%, «И» — 5%, «Л» — 6%, «Ж» — 6%.

Безразлично: «Ш» — 15%, «С» — 12%, «И» — 15%, «Л» — 13%, «Ж» — 9%.

ВОПРОС СЕДЬМОЙ: «Кто Ваши любимые писатели-фантасты?»
(Для каждой группы называются авторы, набравшие наибольшее число голосов, дается процент читателей, высказавшихся в их пользу.)

Группа «Ш»:	Группа «И»	Группа «С»
Лем 32	Лем 66	Лем 65
Беляев . . . 29	Стругацкие . 50	Стругацкие . 62
Ефремов . . . 27	Брэдбери . . 45	Брэдбери . . 52
Стругацкие . 25	Ефремов . . . 31	Азимов 25
Мартынов . . 13	Азимов 30	Ефремов . . . 22
Уэллс 13	Шекли 12	Шекли 20
Казанцев . . 12	Кларк 9	Варшавский . 9
Азимов 11	Варшавский . 6	Кларк 9
Шекли 10	Уэллс 5	Саймак 6
Кларк 7	Жюль Верн . 5	Беляев 5

Группа «Л»		Группа «Ж»	
Брэдбери . . .	47	Брэдбери . . .	72
Стругацкие . .	45	Стругацкие . .	55
Лем	44	Лем	48
Уэллс	33	Азимов	38
Азимов	28	Ефремов	33
Ефремов	28	Шекли	27
Шекли	28	Уэллс	15

* * *

Итак, Коэффициент Читательского Восприятия (КЧВ)...

Составители анкеты использовали такую формулу для вычисления коэффициента читательского восприятия:

$$\text{КЧВ} = 100 \frac{a + b - c}{2a};$$

a — число всех читавших книгу,

b — число тех, кому она особенно понравилась,

c — число тех, кому она особенно не понравилась.

Дробь умножена на 100, в знаменателе число всех читавших удвоено, чтобы получить результат в целых положительных числах, меньших ста. (Если КЧВ больше 50 — это значит, что положительных отзывов больше, чем отрицательных.)

Перед Вами сводная таблица КЧВ, вычисленных по всем анкетам бакинского и московского опросов (в отдельности), а также средние цифры по обоим опросам.

Сводная таблица КЧВ

АВТОР И КНИГА	Баку (700 анк.)	Москва (700 анк.)	Средние (1400 анк.)
1. А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом	78	85	81
2. А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу	74	85	80
3. Р. Брэдбери, Марсианские хроники	74	81	78
4. С. Лем, Солярис	74	80	78
5. С. Лем, Непобедимый	—	78	78
6. А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга	—	76	76
7. Р. Шекли, Рассказы	75	75	75
8. А. Азимов, Я, робот	75	74	74
9. С. Лем, Возвращение со звезд	71	77	74
10. А. и Б. Стругацкие, Хищные вещи века	69	77	73

АВТОР И КНИГА	Баку (790 анк.)	Москва (700 анк.)	Средние (1400 анк.)
11. И. Ефремов, Туманность Андромеды	74	64	69
12. И. Ефремов, Лезвие бритвы	70	58	64
13. Ф. Хойл, Черное облако	66	58	62
14. И. Варшавский, Рассказы	60	62	61
15. А. Кларк, Лунная пыль	62	56	59
16. Абэ Кобо, 4-й ледниковый период	56	55	56
17. О. Ларионова, Леопард с вершины Килиманджаро	55	55	55
18. А. Кларк, Бездна	—	55	55
19. Ч. Оливер, Ветер времени	—	53	53
20. Ю. Шпаков, Один процент риска	56	46	50
21. А. Днепров, Рассказы	51	49	50
22. Пол и Корнблат, Операция «Венера»	—	50	50
23. С. Гансовский, Шесть гениев	51	48	49
24. Ф. Карсан, Робинзоны космоса	51	44	48
25. П. Амадуни, Парадокс Глебоба	50	43	48
26. А. Шалимов, Когда молчат экраны	50	40	46
27. А. Громова, В круге света	44	46	45
28. Н. Яковлев, Долгие сумерки Марса	44	46	45
29. Г. Мартынов, Гианэя	43	46	44
30. А. Казанцев, Пылающий остров	46	38	42
31. М. Емцев, Е. Парнов, Душа мира	40	43	42
32. Л. Обухова, Лилит	40	40	40
33. М. Емцев, Е. Парнов, Зеленая креветка	36	41	38
34. Г. Гуревич, Мы — из солнечной системы	40	34	37
35. Г. Гор, Докучливый собеседник	34	39	36
36. К. Занднер, Сигнал из космоса	38	34	36
37. А. Казанцев, Льды возвращаются	38	31	35
38. Ф. Кашшан, Телечеловек	38	26	33
39. Н. Томан, Неизвестная земля	27	35	20
40. В. Немцов, Альтаир	26	24	25
41. В. Немцов, Последний полустанок	24	23	24

Содержание

I. Пусть случится!

Генрих Альтов	
Создан для бури	11
Владимир Фирсов	
Только один час	43
Сергей Жемайтис	
Рассказ для детей	55
Михаил Немченко, Лариса Немченко	
Двери	62
Лилиана Розанова	
Две истории из жизни изобретателя Евгения Баранцева	70
Кирилл Булычев	
Как начинаются наводнения	100
Григорий Филановский	
Чистильщик	108
Евгений Войскунский, Исая Лукодянов	
Плеск звездных морей	113

II. Именем будущего обвиняем!..

Ромэн Яров	
Вторая стадия	141
Север Гансовский	
Демон истории	159
Борис Зубнов, Евгений Муслин	
Плоды	179
Александр Горбовский	
Находка	190

III. Там чудеса?..

Андрей Балабуха	
Аппендикс	199
Кира Сошинская	
Федор Трофимович и мировая наука	211
Владимир Михановский	
Мир, замкнутый в себе	224
Михаил Пухов	
Охотничья экспедиция	230
Владимир Щербаков	
Жук	236
Кирилл Булычев	
Хоккеисты	238

IV. Прошлое, которое с нами

Андрей Платонов	
Эфирный тракт	247

V. Смех сквозь звезды

Леонид Сапожников	
У нас в Кибертонии...	307
Борис Зубнов, Евгений Муслин	
Корифей, или умение дискутировать	343
Михаил Клименко	
Судная ночь	352
Александр Горбовский	
Амплитуда радости	356
Андрей Снайлис	
Путч памятников, перевод с латышского Р. Трофимова	360
Григорий Филановский	
Фантазки	367

VI. Первые десять лет

Александр Евдокимов	
Советская фантастика 1917—1927 годов (опыт библиографии)	379
Фантастика (проза) 1917—1927 годов	379
Фантастические стихотворения и поэмы 1917—1927 годов	394
Советские научно-фантастические фильмы 1917—1927 годов	397
Владимир Савченко	
Фантаст читает письма	400
Клуб любителей фантастики МГУ	
От Москвы до Витима	409

ФАНТАСТИКА, 1967. Вып. 1-й. М., «Молодая гвардия», 1968. 416 стр. (Фантастика, Приключения, Путешествия) Р2

Редактор Г. Еремин

Художник А. Гангалюка

Художественный редактор А. Степанова

Технический редактор И. Егорова

Сдано в набор 26/IX 1967 г. Подписано к печати. 6/III 1968 г. А04147. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага типографская № 2. Печ. л. 26 (усл. 24,18). Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 100 000 экз.

Цена 85 коп., Т. П. 1967г., № 235. Зак. 1749.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушеская, 21.

85 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ